НАБРОСКИ ФИЛОСОФІИ

Сводъ мыслей изъ дневныхъ замѣтокъ, веденныхъ въ Россіи въ послѣднюю четверть XIX-го вѣка.

1903

2 ШК
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
209
53

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Нѣсколько словъ о происхожденіи этой книги.

Заведеніе, въ которомъ учился я, до поступленія 20-ти лѣтъ отъ роду на государственную службу Россіи, дало мнѣ неимовѣрно мало познаній, какъ общихъ или научныхъ, такъ и практическихъ, спеціальныхъ. Исключеніе составлялъ лишь одинъ предметъ — чистая математика — которымъ занимался я охотно и довольно толково. Подъ вліяніемъ этого и нѣкоторыхъ другихъ, благопріятно сложавшихся обстоятельствъ, я съ очень ранняго возраста сталъ разсуждать. Сформировалась привычка доискиваться причинной связи между явленіями, какъ внѣшняго міра, такъ и моего собственнаго мышленія ; а отсюда, какъ естественный результатъ, — стремленіе дойти до начальной причины всего совершающагося, до выясненія сущности или основного смысла жизни.

Передо мною, такимъ образомъ, во всей полнотѣ своей возстали великіе вопросы, на безусловную необходимость рѣшенія которыхъ, около того же времени, указывалъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ русскихъ мыслителей (статья Н. И. Пирогова „вопросы жизни“, напечатанная въ журналѣ „Морской Сборникъ“ 1856-го г.). У насъ образовываютъ администраторовъ, судей, дипломатовъ, разнаго рода техниковъ, говорилъ онъ, но ни мало не помышляютъ о томъ, что любой изъ этихъ спеціалистовъ прежде всего долженъ быть человѣкомъ, и что къ образованію такового, предпочительно передъ всѣми другими цѣлями, должны быть направлены пріемы воспитанія. Дѣйствительно, что можетъ быть важнѣе, нужнѣе для человѣка, какъ не познаніе что такое онъ самъ, въ

чемъ его начало и конецъ, какое отношеніе, какая существенная связь между имъ и всѣмъ окружающимъ? Я интересуюсь тѣмъ что совершается на поверхности и въ нѣдрахъ земли, равно какъ въ звѣздномъ мірѣ, собственно, можно сказать, исключительно потому, что на земной планетѣ проходитъ жизнь *моей* личности, моего *я*, и что вмѣстѣ съ земною планетою именно это *я* носится въ звѣздномъ пространствѣ, охватывая его взоромъ до отдаленнѣйшихъ свѣтилъ. Человѣкомъ, въ строгомъ смыслѣ, можетъ быть названъ только тотъ, кто могъ проникнуть въ сущность упомянутыхъ вопросовъ, уразумѣть свое значеніе во вселенной; по крайей мѣрѣ кто стремился пріобрѣсти такое познаніе, и въ стремленіи этомъ успѣлъ установить болѣе или менѣе прочно свое міровоззрѣніе. Такого познанія не дали мнѣ ни домашнее воспитаніе, ни школа. Потому къ пополненію недостающаго, путемъ чтенія и размышленія разъ уяснивъ существующую важность пробѣла, всею душою рванулся я, какъ только успѣлъ окончить обязательный курсъ ученія.

Вскорѣ однако нужда въ матеріяльныхъ средствахъ, прямо можно сказать — въ хлѣбѣ насущномъ — заставила искать этихъ средствъ въ практической дѣятельности, въ службѣ по администраціи, съ усиленнымъ писаніемъ докладовъ, отчетовъ и разнаго рода бумагъ, поглотившимъ всецѣло мой умственный трудъ. Для серьезнаго чтенія не оставалось почти минуты свободной.

При всемъ томъ теоретическая подготовка, хотя и весьма несовершенная, не осталась безъ результата. Благодаря ей, служба пошла не дурно; такъ что черезъ не много лѣтъ мнѣ представился случай личныхъ сношеній съ нѣкоторыми изъ высокопоставленныхъ въ то время людей, и возможность ознакомиться въ извѣстный степени, какъ съ дѣятельностью высшихъ государственныхъ учрежденій, такъ и съ

положеніемъ дѣлъ въ нѣсколькихъ отдаленныхъ частяхъ имперіи.

Но изъ за всего этого продолжали выглядывать все тѣ же преобладающей важности вопросы. Сама жизнь и служебныя требованія, чѣмъ болѣе серьезными дѣлались послѣднія, ставили передъ этими вопросами лицомъ къ лицу, не разъ напоминая, что идти далѣе, не раздрѣшивъ ихъ, значитъ положительно блуждать во тьмѣ; безъ компаса и руля пролагать путь среди подводныхъ камней моря житейскаго. Оттого и не могъ я вполнѣ отдаться служебной дѣятельности, что она являлась для меня дѣломъ второстепеннымъ: пріобрѣтеніе какихъ бы ни было практическихъ знаній и примѣненіе ихъ было не болѣе какъ обязанностью подневольною; на первомъ планѣ, въ качествѣ главной, завѣтной и далеко не исполненной задачи, продолжали стоять основные вопросы жизни.

Съ нѣкотораго времени, даже въ періодъ усиленныхъ служебныхъ занятій, пробовалъ я писать замѣтки по разнымъ серьезнымъ предметамъ своей внутренней, личной, какъ и общественной, государственной жизни, большею частью развивая и дополняя своими собственними соображеніями то, что случайно удавалось прочесть. Когда же условія обстановки въ значительной мѣрѣ освободили отъ подневольнаго труда, я сталъ болѣе устойчиво вносить на страницы замѣтокъ впечатлѣнія прочитаннаго или продуманнаго, какъ въ области отвлеченнаго мышленія, такъ и по поводу выдающихся текущихъ событій. А за симъ малу по малу созрѣла идея — изложить, на сколько станетъ силъ, въ системѣ то, что было записано урывками, дополнивъ въ чемъ окажется нужнымъ весьма многое — недостающее. Работа эта продолжалась нѣсколько лѣтъ, такъ какъ для болѣе полнаго выясненія нѣкоторыхъ предметовъ разумѣется пришлось опять много перечитать и передумать. Въ результатѣ появилась

нынѣ печатаемая книжка, оцѣнку которой мною самимъ призналъ я наиболѣе умѣстнымъ выразить въ названіи „наброски философіи“. Именно такими представляются, сколько понимаю, хотя и въ извѣстной системѣ изложенныя, мои личныя замѣтки.

Весьма многое, можно сказать почти все, нашедшее мѣсто въ этой книжкѣ, безъ сомнѣнія, было раньше не разъ обсужено и болѣе обстоятельно изложено серьезными мыслителями. Въ особенности это относится къ вошедшему въ первую теоретическую часть труда моего. Тѣмъ не менѣе я счелъ полезнымъ, не слѣдуя слѣпо ни за кѣмъ, обработать самостоятельно вопросы искони занимавшіе человѣка. Сдѣлалъ я это прежде всего потому, что сколько понимаю, всякое философское или научное положеніе, какъ бы ни было оно хорошо формулировано другими, вполнѣ усвоивается нами, становится неотъемлемымъ нашимъ достояніемъ только тогда, когда оно съ основанія всецѣло переработано въ горнилѣ нашего мышленія; когда такъ или иначе въ него внесено нѣчто наше собственное, разумѣется сопоставленное съ прежде высказанными по тому же предмету авторитетными мнѣніями. За симъ, долженъ сознаться, относя это къ плохой, можетъ быть, моей научной подготовкѣ, что сочиненія, трактаты, вообще серьезныя статьи, которыя случались читать по занимавшимъ меня вопросамъ, находилъ я, лишь за весьма немногими исключеніями, изложенными не достаточно просто и вразумительно. Нѣсколько подробное выясненіе этой послѣдней мысли считаю существенно необходимымъ.

Всякое сужденіе несомнѣнно представляетъ собою ничто иное, какъ возстановленіе въ памяти какихъ либо образовъ, сопоставленіе ихъ между собою, отсюда выводъ мысли выражающейся въ новомъ образѣ, сопоставленіе съ этимъ послѣднимъ другихъ вызванныхъ памятью, отсюда опять выводъ мысли, воплощенный въ образѣ и т. д. Если въ разговорѣ и

письмѣ по предметамъ выходящимъ изъ круга обыденной практики, мы замѣняемъ образы отвлеченіями, то является это только дѣломъ навыка — быстро совмѣщать въ немногихъ словахъ, часто въ одномъ, то общее, что усматриваемъ въ нѣсколькихъ образахъ, и на оборотъ — немногими словами возбуждать рядъ конкретныхъ представленій. Повторяю опять — можетъ быть это результатъ недостаточной научной подготовки, или отъ природы малой способности къ отвлеченіямъ, — но для меня по крайней мѣрѣ были убѣдительны, ясны и легко поддавались воспріятію только сужденія по преимуществу образныя. Не малымъ поэтому затрудненіемъ было для меня то, что въ сочиненіяхъ по части философіи, психологіи, этики и по другимъ соприкасающимся предметамъ обыкновенно этого избѣгаютъ, или не считаютъ это нужнымъ, наполняя цѣлыя страницы, безъ обращенія къ конкретностямъ, исключительно отвлеченіями, терминами условно-принятными и, хотя можетъ быть получившими право гражданства въ наукѣ, но для меня нерѣдко темными; да которые, сколько могъ я замѣтить, и другими понимались весьма различно, не разъ давая этимъ поводъ къ возбужденію горячихъ споровъ только изъ за словъ — „querelles entamées par l'abus des mots“ какъ говорили еще философы XVIII столѣтія (Гельвецій). — Припоминая серьезныхъ авторовъ, прочитанныхъ мною отъ самой ранней молодости и до сихъ поръ, не могу, какъ на исключеніе, не указать въ особенности на одного, который, при всемъ разнообразіи предметовъ, послужившихъ темами для многолѣтнихъ литературныхъ работъ его, неуклонно держался разъ усвоеннаго метода — образности сужденій; т. е. подкрѣпленія и выясненія всякаго обобщенія или вывода рядомъ иллюстрацій, конкретныхъ примѣровъ и сопоставленій. Таковъ былъ методъ автора извѣстной „Исторіи Англіи“ — Маколея, въ лицѣ котора-

го нашелъ я лучшаго и самаго вліятельнаго учителя. Въ настоящее время многіе его очень обезцѣниваютъ, находятъ отсталымъ, воззрѣнія его односторонними или пристрастными. Въ этомъ отношеніи сужденія могутъ быть различны, и возбуждать о нихъ пререканія было бы неумѣстно именно здѣсь, на этихъ немногихъ страницахъ. Но я говорю не о воззрѣніяхъ, а воздаю должное методу, изложенію всегда полному жизни, наглядности, богатству образовъ, въ чемъ Маколей безспорно достигъ самой высокой степени.

Поставивъ себѣ задачею самостоятельно выработать собственное, возможно-цѣльное міровоззрѣніе, отъ самыхъ его основаній, отъ исходной точки безусловнаго сомнѣнія (по Декарту), я вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ необходимымъ принять къ руководству именно упомянутый методъ предпочтительно образныхъ сужденій. А это естественно отразилось на самомъ характерѣ изслѣдованія, намѣтившаго цѣлью своею вопросы не столько о томъ, въ какой степени извѣстныя положенія должны быть признаны за истинныя, сколько о томъ какимъ путемъ они могли проникнуть въ наше сознаніе и утвердиться въ немъ.

Ни мало не заблуждался я относительно трудноисполнимости поставленной задачи; на полный успѣхъ въ разрѣшеніи ея и не думалъ разсчитывать. Но я сдѣлалъ что могъ и, особенно въ томъ что касается метода, старался въ мѣрѣ силъ и способности приблизиться къ своему идеалу; т. е. каждое сужденіе подкрѣплять, иллюстрировать, выяснять наглядными фактическими данными, мыслить по возможности только конкретными образами, избѣгать отвлеченій выражаемыхъ условными терминами, а въ особенности не допускать въ своихъ выводахъ чисто діалектическихъ пріемовъ, чрезъ излюбленное примѣненіе которыхъ даже и могучіе умы, какъ Гегель, вдавались, по моему мнѣнію, въ безъисходную пута-

ницу трудно объяснимыхъ, слѣдовательно лишенныхъ значенія словоизверженій. Не обладая самоувѣренностью, я старался сужденія свои въ наибольшей мѣрѣ подкрѣплять ссылками на авторитетныхъ мыслителей, и даже, гдѣ было умѣстно, говорить ихъ словами.

Таковы были побужденія, давшія начало труду моему, таковы руководящіе взгляды, при посильномъ примѣненіи которыхъ выработалась первая (теоретическая) часть его и начало второй. О происхожденіи и значеніи дальнѣйшихъ отдѣловъ этой послѣдней будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. На сколько удалось мнѣ достигнуть цѣли — пусть судятъ тѣ, кто дастъ себѣ трудъ прочесть эту книгу и отнестись къ ней съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Считаю необходимымъ напомнить, что работалъ я надъ нею не столько для поученія другихъ, — на что, какъ и на авторитетное рѣшеніе вопросовъ, особенно по отдѣлу основныхъ положеній и данныхъ историческихъ, затрудняюсь признать за собою право, — сколько въ видахъ уясненія себѣ самому того, что представлялось мнѣ темнымъ, непонятнымъ, или недосказаннымъ. Такимъ образомъ книга эта является по преимуществу исторіей человѣческой души усиленно искавшей истины; въ этомъ качествѣ можетъ быть окажется она не безъинтересною и для тѣхъ, кто болѣе меня думалъ и учился.

Какъ бы то ни было, по глубокому моему убѣжденію, разъ что человѣкъ дѣятельностью мысли успѣлъ выработать то, въ чемъ видитъ истину, — онъ не вправѣ таить ее въ себѣ, онъ настоятельно обязанъ плодъ умственнаго труда своего сдѣлать по возможности общимъ достояніемъ.

Обязанъ отнюдь не въ кичливомъ самомнѣніи, признающемъ выдающіяся будто-бы достоинства въ исполненной работѣ; а только потому, что совмѣстный всего человѣчества трудъ есть одинъ? изъ святыхъ

завѣтовъ преподанныхъ намъ свыше; потому что и ничтожнѣйшее, хотя бы микроскопическое проявленіе умственной работы отдѣльной личности, безспорно, составляетъ одно изъ волоконъ непрерывно сплетаемой ткани познаній, восходящее до горнихъ селеній въ безконечность; обязанъ наконецъ потому, что всякое въ печати оглашеніе мысли, преслѣдуемой грубою силою, будетъ несомнѣнно новымъ свидѣтельствомъ тщеты стремленій деспотизма къ наложенію цѣпей на неодолимую дѣятельность всегда живого, всегда бодрствующаго духа.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Философскія или метафизическія размышленія составляютъ одну изъ натуральныхъ потребностей человѣка.

Что я такое? Откуда взялся? Гдѣ и въ чемъ мой конецъ? Прекратится ли для меня все съ разрушеніемъ тѣла, или за симъ наступитъ иная жизнь, въ новыхъ условіяхъ, новомъ мірѣ? И что такое не только этотъ новый міръ, но и тотъ въ которомъ живу я? — вотъ вопросы искони занимавшіе всякаго, не лишеннаго мыслительной способности человѣка, какъ только начиналъ онъ разсуждать. Возможность разрѣшенія этихъ вопросовъ, слѣдовательно и цѣлесообразность самой постановки ихъ, не разъ подвергались сомнѣнію; въ зависимости отъ чего вся отрасль знаній, въ составъ которой входятъ сказанные вопросы, такъ называемая метафизика — признавалась безплоднымъ словопреніемъ, отрицалась и даже осмѣивалась. Дѣйствительно, способы или пріемы, въ теченіе вѣковъ прилагавшіеся къ разрѣшенію упомянутыхъ вопросовъ, многократно давали поводъ и уважительное основаніе къ отрицанію или насмѣшкѣ. Тѣмъ не менѣе разсужденія, споры, пререканія на означенную тему продолжаются, въ чемъ самомъ и обнаруживается правильность или законность усилій человѣческаго ума къ установленію на этотъ предметъ болѣе или менѣе твердыхъ воззрѣній.

Законность такихъ стремленій признаютъ всѣ серьезныя мыслители; въ числѣ ихъ даже наименѣе склонные къ построенію философскихъ системъ на почвѣ

діалектическихъ умозаключеній. Такъ, выдающійся представитель философіи пессимизма и отрицанія — Шопенгауэръ между прочимъ говоритъ, что метафизика далеко не составляетъ, какъ выражались многіе, пустое времяпрепровожденіе праздныхъ умовъ; что напротивъ въ ней заключается одна изъ дѣйствительныхъ потребностей человѣка.

Религія есть метафизика народа; философія — религія избранныхъ.

Въ сущности всякая религія есть метафизика; а такъ какъ религія во всѣ времена имѣла рѣшительное вліяніе на образъ дѣйствія исповѣдывавшихъ ее, то нельзя не признать, что метафизическія теоріи, такъ или иначе, представляютъ для изученія первостепенный интересъ.

„Человѣкъ, продолжаетъ Шопенгауэръ, есть единственное созданіе, остановившееся, такъ сказать, въ изумленіи передъ вопросомъ о собственномъ существованіи. Творчество природы, пройдя черезъ образованіе двухъ царствъ безсознательнаго — минераловъ и растеній, затѣмъ черезъ длинный рядъ ступеней царства животнаго, достигаетъ наконецъ сознанія и мысли въ созданіи человѣка, и здѣсь, недоумѣвая передъ чудомъ своего дѣянія, ставитъ вопросъ — что же такое это самое дѣяніе? Въ этомъ изумлѣніи, преимущественно передъ явленіемъ смерти, передъ исчезновеніемъ и разрушеніемъ всего живущаго, именно и кроется источникъ нашихъ метафизическихъ стремленій. Если бы жизнь наша продолжалась безъ конца и страданій, можетъ быть никто и не подумалъ бы спросить себя — зачѣмъ весь этотъ міръ, въ чемъ его сущность? все это казалось бы само собою понятнымъ. Но смерть и разрушеніе не перестаютъ о себѣ напоминать, и всѣ философскія или религіозныя системы, какъ видимъ, имѣютъ прямою цѣлью отвѣтить на вопросъ — что будетъ послѣ смерти? Хотя главный предметъ ре-

лигіозныхъ ученій составляетъ божество, его существованіе, но догматъ этотъ въ дѣйствительности привлекаетъ человѣка лишь на столько, на сколько таковой связанъ съ ученіемъ о его собственномъ безсмертіи. Этимъ объясняется почему системы чистаго матеріализма или скептицизма никогда не имѣли общаго и продолжительнаго вліянія."

Религія въ строгомъ смыслѣ есть метафизика народа, т. е. людей малоспособныхъ къ самостоятельному изслѣдованію и размышленію. „Въ религіи заключается единственное средство къ раскрытію высшаго смысла жизни передъ малоподвижнымъ разумомъ и грубымъ чувствомъ толпы, поглощенной низменнымъ матерьяльнымъ трудомъ. Человѣкъ, взятый въ общемъ, находится подъ господствомъ первоначально лишь одного побужденія — какъ бы удовлетворить свои физическія потребности и вожделѣнія. Появленіе основателей религій и философовъ пробуждаетъ міръ отъ его оцѣпененія. Фялософъ воздѣйствуетъ на небольшое число избранныхъ, одаренныхъ; основатель религіи — на массы. Толпа, какъ сказалъ еще Платонъ, не можетъ стать философомъ. Но подобно тому какъ есть народная поэзія, народная мудрость выражаемая въ притчахъ и пословицахъ, должна быть и народная метафизика, необходимая потому что человѣкъ никакъ не можетъ обойтись безъ истолкованія смысла жизни, и это истолкованіе должно соотвѣтствовать силѣ его пониманія. Отсюда аллегорическіе покровы, которые передъ толпою набрасываетъ на себя истина. Различныя религіозныя ученія даютъ множество внѣшнихъ формъ; подъ завѣсою ихъ народъ пытается уловить истину, которую не можетъ охватить въ цѣломъ, до яснаго о ней представленія."

Полныя мистерій, или догматовъ, никогда отчетливо не выражаемыхъ и раціонально недоказываемыхъ, ученія эти вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не признаютъ

свою вымышленность, и требуютъ чтобы ихъ аллегоріи пронимались въ прямомъ смыслѣ за истинныя. „Такимъ образомъ религіозныя вѣрованія составляютъ насущную потребность народа и неоцѣнное для него благо. Даже когда они являются препятствіемъ на пути человѣчества къ пріобрѣтенію знаній, даже и въ этомъ случаѣ они отнюдь не должны быть устраняемы иначе, какъ съ соблюденіемъ величайшей осторожности. Но при всемъ томъ требовать чтобы великій умъ, какъ Гёте или Шекспиръ, принялъ bona fide et sensio proprio религіозные догматы — значило бы добиваться того чтобы исполинъ застегивалъ обувь карлику". Умы возвышенные религію свою находятъ въ философіи.

Предметъ и предѣлы философіи.

Весьма основательно выяснивъ, въ приведенныхъ выше или близкихъ къ нимъ выраженіяхъ, законность и необходимость метафизическихъ или философскихъ размышленій не только для избранныхъ, но и для народныхъ массъ, Шопенгауэръ такимъ образомъ опредѣляетъ предметъ и границы философіи:

„Здравая философія, говоритъ онъ, та которая раскрываетъ передъ нами смыслъ мірозданія и такимъ образомъ возвышаетъ насъ надъ уровнемъ феноменовъ, ставитъ вопросъ не о томъ — *откуда появилась вселенная, не о томъ какой ея конецъ, гачьмъ она существуетъ;* а просто лишь о томъ, *что она такое.* Всѣ другіе вопросы входятъ въ область трансцендентнаго: формы и функціи нашего пониманія не могутъ служить для ихъ разрѣшенія; разумъ въ отношеніи ихъ оказывается на столько же безсильнымъ, на сколько безсильна способность воспріятія впечатлѣній по отношенію къ тѣмъ свойствамъ предметовъ, которыя не воздѣйствуютъ на органы чувствъ".

Вполнѣ присоединяясь къ этимъ взглядамъ нѣмецкаго философа, находя ихъ весьма правильными, особенно въ томъ, что касается праздности вопросовъ

о началѣ и концѣ вселенной, о цѣли ея существованія, мы въ этомъ отношеніи идемъ еще далѣе: не находимъ возможнымъ и нужнымъ задаваться вопросами также о томъ — что такое вселенная, что такое матерія, что такое духъ и проч. Мы можемъ разсуждать о впѣчатлѣніяхъ производимыхъ на насъ окружающимъ и о послѣдствіяхъ этихъ впечатлѣній. Но что такое это окружающее, часть вселенной, въ томъ числѣ и наша собственная личность — по самой ихъ сущности — этого мы знать не можемъ; потому всякія усилія или попытки проникнуть за эту завѣсу, подвинуться къ разрѣшенію означеннаго вопроса считаемъ дѣломъ совершенно праздным, и, какъ тотчасъ будетъ объяснено, замѣняемъ этотъ вопросъ другимъ.

Безплодность общепринятыхъ опредѣленій. Замѣна ихъ соображеніями о послѣдовательной выработкѣ понятій.

Слѣдуя за тѣмъ же философомъ, приходившимъ, какъ извѣстно, въ ужасъ отъ безсодержательныхъ, туманныхъ терминовъ, въ родѣ — безусловное, безконечное, сверхчувственное и т. п., — къ которымъ примѣнялъ онъ изрѣченіе императора Юліана, что „это термины только отрицательные, сопровождаемые весьма неяснымъ пониманіемъ“, — мы къ этой категоріи туманныхъ выраженій относимъ всякія опрѣдѣленія сущности вещей, въ виду чего разсужденія о томъ что такое — вещь (часть вселенной) сама въ себѣ совершенно устраняемъ.

Взвѣшивая и оцѣнивая опредѣленія, которыя обыкновенно даютъ отвлеченнымъ терминамъ, мы, подобно многимъ мыслителямъ, не могли не придти къ заключенію, что въ этихъ случаяхъ объясненія большею частью составляются изъ ряда словъ, которыя можетъ быть лишь болѣе намъ привычны, но вразумительны отнюдь не болѣе чѣмъ самый опредѣляемый терминъ. Если въ языкѣ народа сформирова-

лось или выработалось какое либо слово, то образованію его неизбѣжно должно было предшествовать существованіе, въ умѣ говорящихъ на этомъ языкѣ, извѣстныхъ представленій или понятій, которыя они привыкли этимъ словомъ выражать. Иначе откуда бы оно и появилось? Значитъ разумный съ моей стороны вопросъ можетъ быть не о томъ, что такое понятіе этимъ словомъ выражаемое и несомнѣнно, въ той или иной степени слагавшееся прежде появленія слова, а о томъ лишь откуда это понятіе взялось, какимъ порядкомъ возникло и укрѣпилось въ умѣ означающихъ его такимъ словомъ.

Любой отвлеченный терминъ появляется въ рѣчи человѣческой не вдругъ: ему необходимо предшествуетъ восхожденіе отъ словъ обозначающихъ самыя простыя, конкретныя представленія, — восхожденіе такъ сказать по ступенямъ къ словамъ, которыми привыкли выражать все большую и большую мѣру отвлеченія. Значитъ и ставя въ послѣдствіи вопросъ объ опредѣленіи или объясненіи такого-то термина, казалось бы, самымъ раціональнымъ для этого путемъ представляется движеніе мысли въ обратномъ направленіи, или обращеніе къ источнику и возобновленіе въ памяти тѣхъ ступеней, по которымъ послѣдовательно дошли мы до конечнаго пункта отвлеченій, до того именно термина, который желаемъ объяснить. Всякій иной способъ опредѣленія, повторяемъ, на самомъ дѣлѣ будетъ только замѣною однихъ словъ другими, обыкновенно не болѣе понятными, а иногда и отвлекающими насъ еще далѣе отъ простыхъ формъ мышленія, отъ конкретнаго, образнаго.

Если въ составѣ рѣчи нашей выработался отвлеченный терминъ, получившій, такъ сказать, права гражданства для возбужденія въ умѣ извѣстныхъ представленій, то есть ли достаточно уважительное основаніе предполагать, чтобы подставивъ въ объяс-

неніи, какъ обыкновенно дѣлается, вмѣсто этого отвлеченнаго термина такой-же, или рядъ ему подобныхъ, мы этимъ вѣрнѣе достигли бы цѣли — болѣе конкретнаго вызова въ умѣ тѣхъ образовъ, для обобщенія которыхъ, послѣ долгой практики и серьезныхъ усилій мысли, признано наиболѣе соотвѣтствующимъ именно то слово, которое теперь пытаемся объяснить рядомъ другихъ.

Сообразно съ этимъ — планъ предположеннаго изслѣдованія.

Отправляясь отъ этихъ соображеній, я, въ предположенномъ посильномъ опытѣ философскаго изслѣдованія, принялъ за правило сколь возможно болѣе избѣгать отвлеченій, какъ выше упомянуто, предпочтительно говорить образами. Но такъ какъ существуютъ отвлеченныя понятія, составляющія предметъ обычныхъ философскихъ размышленій, отъ объясненія которыхъ, слѣдовательно, уклониться невозможно, то при выполненіи этой задачи, не вдавался въ разсужденія о томъ, что-такое наприм. пространство, время, вещество, причинность, сила, воля, и взамѣнъ ставилъ вопросъ лишь о томъ какъ возникли, какъ развивались и устанавливались въ головѣ человѣка понятія, которыя этими словами принято выражать. Такимъ путемъ, т. е. добросовѣстно выработаннымъ отвѣтомъ на этотъ послѣдній вопросъ, полагаю, можно и наиболѣе удачно выяснить смыслъ и значеніе только что приведенныхъ и подобныхъ имъ терминовъ.

Согласно вышеизложенному, выразивъ прежде всего мнѣніе о предѣлахъ знанія намъ доступнаго, я вслѣдъ за тѣмъ обращусь къ соображеніямъ о развитіи чувствованій, желаній и знаній человѣка отъ колыбели до періода полной зрѣлости.

НАБРОСКИ ФИЛОСОФІИ.

ЧАСТЬ I.

Общія и основныя начала.

ГЛАВА I.

Что мы знаемъ? — Предѣлы знанія намъ доступнаго.

Формула Декарта — мыслю слѣдовательно есмь.

„Cogito — ergo sum“, сказалъ Декартъ, выразивъ этою формулою что человѣкъ можетъ сомнѣваться во всемъ, кромѣ существованія его собственной мысли, т. е. ряда представленій о томъ что мы называемъ видимымъ міромъ, возведенія этихъ представленій въ понятія и перехода отъ однихъ понятій къ другимъ. Дѣйствительно, доводя скептицизмъ до крайнихъ предѣловъ, можно пожалуй предположить, что видимыхъ, вкушаемыхъ, осязаемыхъ нами предметовъ внѣ насъ вовсе не существуетъ, что они, подобно снамъ или галлюцинаціямъ, составляютъ лишь продуктъ нашего воображенія. Но если бы и такъ, если бы на самомъ дѣлѣ они вовсе не имѣли реальнаго, конкретнаго бытія, — пришлось бы по крайней мѣрѣ допустить существованіе иллюзій о внѣшнемъ мірѣ, созданныхъ нашимъ воображеніемъ, т. е. уже внѣ всякихъ сомнѣній признать, что въ насъ самихъ возникаютъ многосложныя и весьма разнообразныя представленія, изъ которыхъ, дѣйствіемъ того что мы называемъ нашею мыслью формируются понятія и совершаются переходы отъ однихъ понятій къ другимъ.

Если же рядомъ съ этимъ поставить вопросъ :имѣетъ ли то что мы привыкли называть внѣшнимъ міромъ реальное, конкретное, независимое отъ моего *я* существованіе; или представленія мною будто-бы извнѣ полученныя составляютъ лишь продуктъ чего-то во мнѣ самомъ заключающагося? — то отвѣтомъ можетъ быть только одно — что этого мы никогда не узнаемъ. Какъ ни странно второе предположеніе, но сколько нибудь приблизиться къ нему можно отъ того факта, что двѣ личности поставленныя въ совершенно тождественныя внѣшнія условія получаютъ иногда не одинаковыя представленія о самыхъ начальныхъ окружающихъ явленіяхъ (цвѣтъ луны серебряный или золотой?) и даже *я* самъ, получивъ извѣстное представленіе объ окружающей обстановкѣ и поставивъ себя черезъ нѣсколько времени по возможности въ тѣ же самыя тождественныя условія, могу иногда получить объ окружающемъ далеко не сходное съ первымъ представленіе.

Фактъ этотъ хорошо извѣстенъ. А разъ установивъ, что представленія о такъ называемомъ внѣшнемъ мірѣ истекаютъ въ извѣстной степени отъ чего-то въ насъ самихъ заключающагося, вполнѣ возможно идти по этому путн и далѣе, т. е. допустить что представленія будто-бы воспринимаемыя извнѣ моимъ *я* уже не отчасти, а преимущественно и наконецъ всецѣло формируются силою чего-то, во мнѣ самомъ пребывающаго (какъ сны или грезы наяву, мало зависящія отъ внѣшнихъ условій).

Вышесказанный вопросъ, въ сущности сводящійся къ тому — что такое внѣшній міръ? — надо замѣтить и не имѣетъ значенія, представляется праздным. Рѣшеніе его, какъ уже было упомянуто, для насъ недоступно. Да и не все ли равно — возбуждаются ли въ моемъ *я* представленія чѣмъ нибудь реально существующимъ внѣ этого *я*, или въ немъ

самомъ заключающимся. Достаточно вполнѣ установленнаго положенія, что представленія во мнѣ внѣ всякихъ сомнѣній возникаютъ, производятъ на меня впечатлѣнія весьма разнообразныя, по этимъ впечатлѣніямъ классифицируются, обобщаются, словомъ — составляютъ предметъ моего мышленія. — Это, можно сказать, я знаю достовѣрно.

Формула — чувствую слѣдовательно есмь должна идти впереди Декартовой.

Но несомнѣннымъ существованіемъ представленій и мысли, предметомъ которой они служатъ, не ограничивается область достовѣрныхъ моихъ знаній. Представленія, какъ уже замѣчено, классифицируются, обобщаются, сопоставляются по впечатлѣніямъ, которыя они на меня производятъ, которыя потому въ ряду знаній достовѣрныхъ, можно сказать, даже идутъ впереди представленій. А воспринимать впечатлѣнія — значитъ чувствовать. Такимъ образомъ, къ формулѣ Декарта „Cogito ergo sum“ (мыслю — слѣдовательно есмь) нужно присоединить и даже предпослать ей другую — „sentio — ergo sum“ (чувствую — слѣдовательно есмь). Первое неразрывно связано со вторымъ, и даже скорѣе можно уразумѣть чувствованіе или ощущеніе безъ мысли, чѣмъ мысль безъ чувствованія.

Представленія возникаютъ изъ чувствованій.

Когда струя холоднаго, или сильно нагрѣтаго воздуха ворвется въ мое помѣщеніе, я чувствую холодъ или тепло раньше какого либо представленія о томъ — что и почему произошло; но для того чтобы возбудилось во мнѣ представленіе о холодѣ или теплѣ безусловно необходимо было предварительно почувствовать, ощутить то или другое. Такъ и во всемъ. Для того чтобы возбудилось представленіе, какое бы ни было, необходимо одно изъ моихъ чувствъ (зрѣніе, осязаніе и проч.) должно испытать впечатлѣніе. Всѣ безъ исключенія представленія, начиная отъ са-

мыхъ первыхъ, простѣйшихъ, въ сущности составляютъ ни что иное, какъ отраженіе въ мысли впечатлѣнія испытаннаго тѣмъ или другимъ моимъ чувствомъ, — однимъ или нѣсколькими одновременно. Представленіе о свѣтѣ или темнотѣ есть отраженіе въ мысли впечатлѣнія воспринятаго чувствомъ зрѣнія отъ разноформенныхъ и разноцвѣтныхъ предметовъ составляющихъ окружающую насъ среду, или отъ полнаго отсутствія такого впечатлѣнія, какъ бы отъ отсутсвія самого органа зрѣнія. Представленіе о твердомъ, мягкомъ или жидкомъ веществѣ — отраженіе въ мысли чувства осязанія, встрѣчающаго болѣе или менѣе сильное противодѣйствіе надавливанію. Представленіе о пищѣ — сладкой, горькой, соленой, кислой — отраженіе чувства, для меня пріятнаго или непріятнаго — въ полости рта, отъ соприкосновенія съ языкомъ того или другого предмета. Этихъ примѣровъ кажется достаточно для выясненія того, что если нѣтъ чувствованія или ощущенія, то нѣтъ и представленія или мысли, что первое очевидно должно предшествовать второму, что сознаніе своего бытія получаю я прежде всего изъ того что „чувствую“, а уже за симъ и изъ того что „мыслю“.

Фикція мышленія безъ чувствованія представляется только механизмомъ.

Попытаемся еще болѣе развить это положеніе короткимъ анализомъ сознаваемыхъ нами процессовъ чувствованія и мышленія.

Предположимъ ли что предметы такъ называемаго внѣшняго міра имѣютъ конкретное независимое отъ моего *я* существованіе и что, оказывая воздѣйствіе на мое *я*, они отражаются въ клѣточкахъ мозга молекулярными движеніями или перемѣнами, которыя и становятся конечною причиною возбуждающихся во мнѣ представленій; — или допустимъ, что предметы внѣшняго міра конкретнаго бытія не имѣютъ, а молекулярныя движенія или перемѣны въ клѣточ-

кахъ мозга порождаются какимъ-то невѣдомымъ мотивомъ во мнѣ самомъ заключающимся; — въ сущности то и другое безразлично, потому что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ предположеніи результатъ одинъ и тотъ-же: въ клѣточкахъ моего мозга, — или пожалуй идя еще далѣе по пути скептицизма до послѣднихъ его предѣловъ, — въ чемъ то неизвѣстномъ, но несомнѣнно существующемъ и неразрывно связанномъ съ моимъ *я*, — происходятъ движенія т. е. перемѣны, вслѣдствіе которыхъ возбуждаются въ моемъ *я* представленія. Представленія эти накопляются, обобщаются, комбинируются между собою, разрѣшаются выводами новыхъ представленій и являются такимъ образомъ какъ бы рядомъ проходящихъ предо мною картинъ, составляющихъ предметъ моего мышленія. Все это представляется механизмомъ очень сложнымъ, весьма стройно дѣйствующимъ, можно сказать хитро построеннымъ, но до сихъ поръ, т. е. пока не введенъ въ эту систему элементъ чувствованія, — только механизмомъ, чѣмъ то мертвымъ и неимѣющемъ для насъ ни малѣйшаго значенія. Дѣйствительно, допустивъ даже (какъ ни мало доступно это для нашего пониманія) возможность выработки въ клѣточкахъ мозга ряда представленій, обобщеній и выводовъ, безъ участія чувствованія или ощущенія; принявъ за несомнѣнное что эти представленія въ мозгу мыслящихъ существъ возникаютъ и формируются отъ воздѣйствія конкретно существующей обстановки, — допустивъ и принявъ это, — все же трудно себѣ вообразить что такое была бы вся эта громадная, сложная, стройно дѣйствующая машина, разъ что никто не чувствуетъ, не ощущаетъ развиваемой ею энергіи. Было бы нѣчто въ родѣ великолѣпнѣйшаго часового механизма, точнѣйшимъ образомъ показывающаго годы, мѣсяцы, дни недѣли, часы, минуты и т. д. механизма совершеннѣйшаго, но ровно ни на что не нужнаго,

разъ что никто никогда его не оцѣнитъ, никто никогда имъ не воспользуется. Многосложная машина внѣшняго міра, представленій и мыслей получаетъ жизнь только оттого что ее чувствуютъ, значеніе ея для меня истекаетъ исключительно изъ того, что вмѣстѣ съ представленіями и мыслями ею возбуждается въ моемъ *я* рядъ чувствованій или ощущеній.

Въ дѣйствительности, мышленія нѣтъ безъ ощущенія или чувствованія.

Припомнимъ наконецъ, что самая возможность образованія въ клѣточкахъ мозга всей этой системы представленій и мыслей, безъ участія чувствованій, есть только фикція, допущенная какъ попытка нагляднѣйшаго выясненія предмета; въ дѣйствительности ничто подобное не можетъ появиться даже въ самомъ зародышѣ. Представленіе, отъ самаго простѣйшаго, начальнаго, какъ было замѣчено, въ сущности есть ничто иное какъ выраженіе впечатлѣнія, производимаго на одно изъ нашихъ чувствъ предметомъ внѣшняго міра или перемѣною въ самомъ субъектѣ, въ моемъ собственномъ *я*. Всякое представленіе заключается несомнѣнно въ томъ, что я что нибудь вижу, слышу, вкушаю, обоняю, осязаю, ощущаю. Въ зависимости отъ силы, свойства, характера впечатлѣній получаемыхъ этими чувствами и отъ комбинаціи между собою этихъ впечатлѣній, разнообразныхъ до безконечности, при воспріятіи ихъ обыкновенно не однимъ, а нѣсколькими чувствами вдругъ, совершающіяся перемѣны причиняютъ мнѣ удовольствіе или непріятность; сообразно съ этимъ влекутъ меня къ себѣ, или отталкиваютъ, вселяютъ апетитъ и желаніе, или отвращеніе и страхъ.

Въ чувствованіи собственно и заключается воля, душа, жизнь вселенной.

Тончайшіе, дифференціальные оттѣнки этихъ чувствованій: удовольствія, влеченій, желаній, или боли, боязни, отвращеній, въ разнообразнѣйшемъ сочетаніи

ихъ между собою, именно и составляютъ предметъ нашихъ представленій, мыслей, сужденій, предметъ единственный, исключительный; внѣ котораго слѣдовательно не можетъ быть ни представленій, ни мышленія.

Такимъ образомъ, въ томъ что я чувствую и что я мыслю равномѣрно не могу я сомнѣваться. То и другое принадлежитъ къ области знаній вполнѣ достовѣрныхъ и для меня доступныхъ; при чемъ первое т. е. чувствованіе очевидно идетъ впереди второго — мышленія. Первое даетъ начало и жизнь всему существующему. Чувствованіе и неразрывно съ нимъ связанное желаніе — воля именно и заключаютъ въ себѣ сущность, душу вселенной.

ГЛАВА II.

Какимъ путемъ и въ какомъ порядкѣ формируются понятія, обобщенія, сужденія.

Представленія начальныя — только отраженія впечатлѣній.

Представленія, какъ уже было упомянуто, составляютъ отраженія въ клѣточкахъ мозга, или въ моемъ *я*, впечатлѣній испытываемыхъ чувствами. Къ этому добавить нечего пока дѣло касается представленій простѣйшихъ, начальныхъ, какъ напр. о теплѣ и холодѣ, голодѣ, жаждѣ, свѣтѣ и темнотѣ.

Сложныя образуются путемъ наведенія.

Но образованіе въ насъ представленій болѣе сложныхъ, а затѣмъ понятій, совершается чрезъ сопоставленіе между собою представленій простѣйшихъ, чрезъ выводы или заключенія по аналогіи, путемъ наведенія или индукціи. Это, можно сказать, исключительный образъ дѣйствія того, что называемъ нашею мыслью, единственный путь развитія въ ней познаній.

Впечатлѣнія новорожденнаго.

Ребенокъ, извлеченный изъ утробы матери, обмытый, обсушенный, запеленатый, — словомъ устраненный отъ всего, что могло бы извнѣ причинить ему страданіе или безпокойство, — лежитъ тихо, неподвижно, съ раскрытыми, ничего не выражающими, мутными глазами. Видитъ ли онъ что нибудь въ это время — трудно сказать. Вѣроятно, подъ вліяніемъ рѣзкаго перехода къ свѣту отъ полной темноты, множества и разнообразія предметовъ внезапно начавшихъ дѣйствовать на органъ зрѣнія, окружающее представляется ему хаосомъ, въ которомъ онъ ровно ничего не различаетъ, и закрываетъ глаза, чтобы въ привычной тьмѣ отдохнуть отъ болѣзненно рѣжущихъ свѣтовыхъ лучей. Этимъ однако не на долго возстановляется его спокойствіе. Подъ вліяніемъ чувства голода, которое у новорожденнаго нераздѣльно связывается съ жаждою, онъ начинаетъ пищать; также какъ отъ дѣйствія мокроты и холода. До сихъ поръ — это даже не представленія, а только ощущенія, но отъ нихъ постепенно подвигается дитя къ дальнѣйшимъ, болѣе сложнымъ представленіямъ.

Первыя представленія ребенка о свѣтѣ, теплѣ и голодѣ, съ зачатками понятій о пространствѣ, времени, причинности.

Все это въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, можетъ быть первыхъ мѣсяцевъ жизни новорожденнаго, проявляется въ немъ весьма смутно; но несомнѣнно, что представленія о свѣтѣ и темнотѣ, голодѣ и жаждѣ, холодѣ и теплѣ, уже не одни ощущенія того, другого или третьяго въ немъ начинаютъ формироваться, и что рядомъ съ ними возникаютъ первые зачатки понятій о пространствѣ, времени и причинности.

Такъ, начинаетъ вскорѣ замѣчать ребенокъ, что слабо очерченные контуры окружающаго (его колыбели и проч. въ полусвѣтѣ спальни) внезапно появ-

ляются въ яркихъ цвѣтахъ и хорошо обозначенныхъ формахъ (съ открытіемъ ставней); затѣмъ, наоборотъ, что эти формы и цвѣта опять смѣняются слабыми, едва замѣтными очертаніями, иногда и совсѣмъ теряются (въ полной темнотѣ); или что послѣ нѣсколькихъ прикосновеній къ нему и какихъ-то перемѣнъ въ положеніи, слабыя очертанія колыбели и проч. исчезаютъ, а вмѣсто нихъ появляются другіе, также знакомые предметы въ ясно обозначенныхъ цвѣтахъ и формахъ (переходъ изъ темной спальни въ другую освѣщенную комнату). Формируются, слѣдовательно, послѣ много разъ повторенныхъ такихъ перемѣнъ, не только зародыши болѣе опредѣленныхъ представленій и свѣтѣ и темнотѣ, но также о *прежде и теперь*, о *здѣсь* и *тамъ*. Точно также многократные переходы отъ холода къ теплу и обратно создаютъ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о различіи этихъ состояній, параллельно съ представленіемъ о *до* и *послѣ*, въ колыбели или внѣ ея. Наконецъ, много разъ повторенныя кормленія грудью устраняющія болѣзненное чувство голода, не только устанавливаютъ въ понятіяхъ ребенка различіе иежду этимъ болѣзненнымъ чувствомъ и его отсутствіемъ, но болѣе чѣмъ что лнбо другое зарождаютъ въ немъ представленіе о причинности. Испытывая удовлетвореніе болѣзненнаго желанія вслѣдствіе кормленія грудью, ребенокъ тянется къ ней и крикомъ зоветъ кормилицу; значитъ уже сознаетъ въ кормленіи причину возвращеннаго покоя, какъ со временемъ — въ появленіи лампы — причину обозначающихся цвѣтовъ и формъ, въ прикрытіи одѣяломъ — причину устраненія холода.

Громадность пріобрѣтаемаго въ первые годы жизни.

Такъ постепенно накопляются и крѣпнутъ познанія ребенка, и можно сказать что ни одинъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества, въ періодъ наибольшаго развитія своихъ умственныхъ силъ, за 3-4 го-

да усиленной работы, не пріобрѣталъ такой массы новыхъ знаній, какую пріобрѣтаетъ дитя въ первые 3-4 года своего существованія.

Постепенность развитія ребенка.

Не будемъ однако дѣлать скачковъ; постараемся прослѣдить шагъ за шагомъ постепенное развитіе ребенка отъ рожденія. Тогда, можетъ быть, только что высказанное положеніе, которое съ перваго раза пожалуй представляется какъ бы парадоксальнымъ, будетъ признано за простую и несомнѣнную истину.

Движеніе и покой. День и ночь.

Преимущественно тѣ же вліяніе свѣта и темноты, холода и тепла, потребности питанія продолжаютъ въ этотъ начальный періодъ и дальнѣйшее развитіе ребенка, формируя въ немъ рядъ новыхъ, уже болѣе отчетливыхъ представленій. Цвѣтамъ — бѣлому — покрововъ своей колибели, красному, синему и т. д. — предметовъ наполняющихъ комноту, предметовъ остающихся въ короткіе промежутки неподвижными, онъ противуполагаетъ то что видитъ когда его подносятъ къ окну: преобладающій всюду одинъ зеленый цвѣтъ и непрерывное, ни секунды не знающее покоя движеніе листвы съ переливами въ ней свѣта и тѣни. Это движеніе, эта игра свѣто-тѣни видимо занимаетъ ребенка, манитъ его; къ ней онъ постоянно тянется, установливая такимъ образомъ различіе между ею и помѣщеніемъ закрытыхъ покоевъ, очевидно въ пользу первой. Паралельно съ этимъ и во внутреннихъ покояхъ замѣчаетъ ребенокъ перемѣщенія предметовъ, хотя не безпрерывныя, но отъ времени до времени происходящія; замѣчаетъ притомъ, что перемѣщенія эти болѣе часты при яркомъ свѣтѣ внутри и внѣ комнаты, чѣмъ когда въ послѣдней горитъ лампа или свѣча, а окна обозначаются тольно черными пятнами. Такъ начинаетъ ребенокъ ус-

танавливать разницу между движеніемъ и покоемъ, между днемъ и ночью.

Симпатіи къ людямъ близкимъ.

Среди движеній замѣчаетъ онъ особенно приближеніе къ нему тѣхъ, черезъ которыхъ полутаетъ питаніе, устраненіе холода или неловкаго положенія; замѣчаетъ что за крикомъ его обыкновенно слѣдуетъ ихъ появленіе и устанавливаетъ между тѣмъ и другимъ причинную связь. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ лицамъ являющимся по его крику дитя начинаютъ привыкать, желаетъ ихъ появленія, и дѣлаетъ разницу между ими и приближающимися менѣе часто, отъ которыхъ напротивъ желалъ бы удалиться.

Вкусовыя впечатлѣнія.

Испытывая удовлетвореніе отъ много разъ повтореннаго сосанія груди, дитя переноситъ представленіе объ этомъ и на другіе предметы, т. е. ожиданіе такого удовлетворенія связываетъ съ сосаніемъ всего что ему попадается подъ руку; тѣмъ болѣе когда сосаніе бублика, леденца, яблока оправдываетъ ожиданіе. Потому дитя прежде всего тянетъ къ рту всякій сдѣлавшійся доступнымъ ему предметъ; но мало по малу устанавливаетъ разницу во вкусѣ того, другого, третьяго и т. д.

Начальныя понятія о видѣ и назначеніи предметовъ.

За симъ, какъ позволительно заключить по нѣкоторымъ проявленіямъ, начинаетъ слагаться въ понятіяхъ ребенка представленіе о связи между видомъ предметовъ и ихъ назначеніемъ; напримѣръ что въ колыбели онъ спитъ, у стола играетъ, одѣяломъ покрывается, съ ложки, съ тарелки ѣстъ и т. д.

Наведеніе въ всемъ.

Во всемъ этомъ послѣдовательномъ развитіи мысли, представленія формируются исключительно по аналогіи или наведенію, т. е. повтореніе много разъ того или другого явленія въ одинаковомъ видѣ служитъ основаніемъ къ выводу, что оно и всегда бу-

детъ повторяться въ томъ же видѣ; много разъ замѣченное слѣдованіе одного извѣстнаго явленія за другимъ даетъ поводъ заключить, что и всегда за первымъ послѣдуетъ второе, что второе не можетъ состояться иначе какъ послѣ перваго.

Особенно когда ребенокъ учится ходить и говорить.

Въ особенности проявляется развитіе мысли путемъ наведенія или индукціи когда ребенокъ начинаетъ ходить и говорить.

Огромнымъ числомъ наблюденій надъ движеніями другихъ, приспособленій и опытовъ надъ собственными конечностями, доходитъ ребенокъ до способности передвигаться на ногахъ. Еще болѣе наблюденій, еще болѣе приспособленій, попытокъ нужно ему для того, чтобы произнести первыя слова: „мама, няня, папа, дай“. Начинается съ наблюденія говора другихъ: дитя слышитъ звуки сопровождаемые движеніями губъ; замѣчаетъ, что за подобными звуками нерѣдко слѣдуютъ перемѣны: появленіе извѣстныхъ лицъ и предметовъ или удаленіе ихъ; замѣчаетъ наконецъ, что нѣкоторые звуки повторяются чаще другихъ въ его присутствіи и обыкновенно сопровождаются наличностью или появленіемъ тѣхъ, отъ кого получается имъ пища и помощь вообще. (Кстати замѣтимъ что, занимаясь ребенкомъ, мать и няня рѣдко называютъ себя мѣстоимѣніями: вмѣсто „я дамъ, я приду, она возьметъ“, говорятъ обыкновенно „мама дастъ, мама придетъ, няня возьметъ“ и т. д.). Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаетъ ребенокъ, что доходящему до его слуха звуку *ма* сопутствуетъ всегда въ извѣстной формѣ сжиманіе губъ говорящаго; долго присматривается онъ въ это движеніе губъ, пытается много разъ сначала тихо воспроизвести тоже самое, одолѣваетъ наконецъ и громко произноситъ *ма*, повторяя этотъ звукъ много разъ. За первымъ опытомъ слѣдуютъ другіе, и, хотя опять послѣ многихъ приспособленій, но уже легче преодолѣваются трудности

произношенія сначала губныхъ, потомъ зубныхъ, язычныхъ и проч. звуковъ.

Такимъ образомъ, черезъ наблюденіе окружающаго, въ особенности черезъ подражаніе людямъ наиболѣе къ нему близкимъ, восходя со ступени на ступень, продолжается дальнѣйшее развитіе будущаго человѣка, и черезъ нѣсколько времени, вмѣсто маленькаго, слабаго, безпомощнаго существа, едва способнаго къ безцѣльнымъ, безсвязнымъ движеніямъ и къ жалобному писку, — какимъ былъ ребенокъ по выходѣ изъ утробы матери, — примѣрно года черезъ три-четыре появляется уже то, что можетъ быть названо личностью, живущею въ извѣстной мѣрѣ самостоятельною осмысленною жизнью.

3-хъ—4-хъ лѣтній возрастъ. Классификація впечатлѣній.

Въ этомъ возрастѣ, уже выдѣляя свою личность отъ окружающаго, вообще отъ всего производящаго на эту личность впечатлѣнія, ребенокъ дѣлаетъ между впечатлѣніями различіе въ зависимости отъ того, вызываютъ ли они въ немъ чувство удовольствія, благосостоянія, удовлетворенія, или наоборотъ — отвращенія, боли, неудовлетворенности. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе замѣчаетъ дитя послѣдовательность явленій и начинаетъ вдумываться въ причинность ихъ.

Прогресъ несомнѣнно изумительный, и чѣмъ пристальнѣй прослѣдимъ постепенный ходъ его, тѣмъ выше должны будемъ оцѣнить громадность совершившейся въ короткое время перемѣны. Повторяемъ — наведеніе или индукція и заключеніе по аналогіи составляютъ источникъ всего.

Выдѣленіе себя—подобныхъ. Подражаніе. Сужденіе только по аналогіи о томъ, что они испытываютъ.

Мы видѣли уже, какъ наблюдая окружающихъ — близкихъ, помощь и ласки которыхъ ребенокъ на себѣ испытываетъ, — какъ отъ нихъ научается онъ

говорить и ходить. Та и другая способность, замѣтили мы, пріобрѣтаются не вдругъ. Имъ въ дѣлѣ развитія юнаго существа предшествуетъ многое. Прежде всего, всматриваясь въ окружающихъ, особенно если между ними есть дѣти, ребенокъ заключаетъ, что у нихъ такія же, какъ у него наружныя формы — руки, ноги, которыми они дѣлаютъ такія же какъ онъ движенія; что они такъ же какъ онъ принимаютъ пищу, такъ же вздрагиваютъ, пожимаются отъ холода, такъ же раскрываются, когда жарко, такъ же какъ онъ ложатся въ постель при наступленіи темноты, встаютъ съ появленіемъ свѣта и т. д. Отсюда, послѣ долгихъ наблюденій, формируется у ребенка понятіе, что это — существа ему подобныя и, незамѣтно для него самого, появляется представленіе о возможности подражанія имъ, а за симъ и сильнѣйшее къ этому стремленіе. По мѣрѣ того что пріобрѣтаетъ дитя особенно содѣйствующую его развитію способность словами выражать свои ощущенія, чувствованія, понятія, и воспринимать впечатлѣнія отъ словъ другихъ, этотъ взглядъ на окружающихъ, какъ себѣ подобныхъ, все болѣе и болѣе въ немъ укрѣпляется, распространяясь въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи уже не только на близкихъ, но вообще на человѣческія существа, которыхъ случается ему встрѣчать. Самый процесъ пріобрѣтенія способности говорить уже заключаетъ въ себѣ признаніе этого подобія. Ребенокъ произноситъ слова „мама“, „няня“, соединяя съ ними представленія : съ первымъ — о существѣ, которое его больше всѣхъ ласкаетъ, которое онъ очень часто видитъ, со вторымъ — о той которыя его вынимаетъ изъ постели, купаетъ, кормитъ, перемѣняетъ на немъ бѣлье, — и замѣчая также, что къ этимъ двумъ съ тѣми же словами обращаются при немъ другіе окружающіе, да и онѣ сами другъ къ другу. Дитя выговорываетъ „дай“, когда подобно окружа-

ющимъ желаетъ что нибудь получить, взять въ руки. Когда въ присутствіи его слышатся слова : „холодно, тепло, свѣтло, темно, больно, вкусно, противно“, ребенокъ замѣчаетъ что произносящіе ихъ находятся именно въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ не разъ былъ онъ самъ, когда испытывалъ впечатлѣнія, мало по малу соединявшіяся въ его понятіяхъ съ этими самыми словами. Когда случается нянѣ въ его присутствіи прищемить или уколоть палецъ, онъ видитъ, при возгласѣ „больно“, на ея лицѣ ту же гримасу, то же встряхиванье рукою, какія дѣлалъ онъ самъ, когда испытывалъ ту-же непріятность. Мать ласкаетъ, цѣлуетъ его, прижиметъ къ груди, — и онъ чувствуетъ влеченіе такъ же прижаться къ ней, расцѣловать ее. Такимъ образомъ, чрезъ длиннѣйшій рядъ подобныхъ впечатлѣній и наблюденій проходитъ ребенокъ, прежде чѣмъ (заключая все по аналогіи) привыкнетъ на встрѣчаемыя имъ человѣческія существа смотрѣть какъ на индивидовъ не только имѣющихъ одинаковыя съ нимъ наружныя формы, но одаренныхъ такими же способностями, потребностями, желаніями, обладающихъ такими же какъ онъ способами ихъ выраженія. При этомъ, путемъ опыта и многочисленныхъ фактическихъ данныхъ, убѣждается онъ, что другой человѣкъ говоритъ и дѣйствуетъ сходно съ нимъ, когда находится въ тождественныхъ условіяхъ ; но что этотъ другой то же самое какъ онъ ощущаетъ — объ этомъ заключенія дѣлаются лишь по наведенію, не только ребенкомъ, но и взрослымъ, дошедшимъ до крайняго предѣла опытныхъ и спекулативныхъ изслѣдованій. Достодостовѣрно знать что именно испытываютъ органы чувствъ и нервы другого мы не можемъ, также какъ постигнуть сущность вещей, реальное или фиктивное бытіе ихъ.

Отчетливое выдѣленіе своего я.

Опредѣляя отношенія свои къ окружающимъ и

вообще къ внѣшнему міру, ребенокъ изъ среды ихъ все болѣе и болѣе выдѣляетъ свою личность, свое *я*. Онъ знаетъ, что именно *его* глаза должны быть раскрыты для того чтобы отличить темноту отъ свѣта, также какъ при свѣтѣ формы и цвѣта предметовъ; что именно до *его* языка должно коснуться то или другое вещество для того, чтобы опредѣлилось какой оно имѣетъ вкусъ; что представленіе или ощущеніе, какое бы ни было, возникаетъ лишь тогда, когда испытаетъ впечатлѣніе тотъ или другой изъ органовъ, та или другая изъ частей именно *его* тѣла, *его* особи; что въ головѣ, въ мысляхъ именно *этой* особи происходитъ и дальнѣйшее развитіе представленій или понятій. Эту-то особь, ограниченную предѣлами своего тѣла, ощущающую, чувствующую, познающую, разсуждающую, — съ самыхъ юныхъ лѣтъ привыкаемъ мы отличать отъ всего прочаго, ее называемъ мы нашимъ *я*.

Подраздѣленіе предметовъ на категоріи по общимъ ихъ свойствамъ внѣшнимъ и внутреннимъ.

Подраздѣленіе на категоріи предметовъ, такъ или иначе воздѣйствующихъ на чувства или ощущенія юннаго развивающагося существа, составляетъ также результатъ продолжительной, непрерывной работы, длиннаго ряда наблюденій и заключеній, по наведенію или аналогіи. Прежде всего, получивъ много разъ одно и тоже впечатлѣніе, замѣчаетъ дитя существованіе въ нѣсколькихъ, иногда во многихъ предметахъ, одинаковыхъ, общихъ имъ внѣшнихъ признаковъ или свойствъ, и по этимъ признакамъ соединяетъ такіе предметы въ одно общее понятіе (напр. дерево съ его внѣшними признаками: развѣтвленіе, гибкость, листва, зеленый цвѣтъ). Далѣе, знакомясь ближе съ доступными ему предметами отмѣченными такимъ понятіемъ, дитя усматриваетъ что они, кромѣ выдающихся внѣшнихъ признаковъ, обладаютъ еще не сразу замѣтными или внутренни-

ми, но также общими всѣмъ имъ свойствами (способность дерева терять и вновь пріобрѣтать листву, приносить плоды и проч.). Отсюда формируется въ умѣ ребенка уже болѣе обширное понятіе о предметѣ, какъ соединяющемъ въ себѣ съ такими-то внѣшними такія-то внутреннія свойства, и по наведенію или аналогіи дѣлается заключеніе, что всѣ предметы, надѣленные такими-то (усмотрѣнными въ нѣсколькихъ) внѣшними признаками должны обладать и такими же (какъ на нѣсколькихъ замѣчено) или подобными имъ внутренними свойствами.

Болѣе отчетливыя представленія ребенка.

Равнымъ образомъ, черезъ длинный рядъ наблюденій и заключеній по наведенію устанавливаются болѣе ясныя и отчетливыя понятія о пространствѣ, времени, числѣ, послѣдовательности явленій и причинности ихъ.

О пространствѣ.

Ребенокъ безъ всякаго усилія беретъ лежащій передъ нимъ кусокъ хлѣба; но ему надо вытянуть руку во всю ея длину или даже нагнуться впередъ всѣмъ корпусомъ, для того чтобы взять кусокъ лежащій на другомъ концѣ стола. Но и этого мало для того, чтобы достать крендель или яблоко съ другого стола: нужно предварительно сдѣлать четырепять шаговъ, чтобы приблизиться къ нему. Вдвое болѣе шаговъ надо сдѣлать до двери въ сосѣднюю комнату, и еще во много разъ болѣе, чтобы черезъ рядъ отворенныхъ дверей дойти до конца дома, до послѣдней стѣны, за которою садъ. Въ домѣ много комнатъ: за столовою сейчасъ зала, а его дѣтская гораздо дальше; зала — большая, въ ней могли бы помѣститься двѣ такихъ комнаты, какъ столовая, а въ столовой двѣ такихъ, какъ дѣтская.

О числѣ.

По дорожкѣ отъ дома къ конюшнѣ можно бы выстроить еще два или три такихъ же дома; а отъ

выѣздныхъ со двора воротъ по большой дорогѣ до перваго верстового столба помѣстилось бы десять, если не болѣе такихъ же домовъ и конюшень. За первымъ верстовымъ столбомъ будетъ другой такой же, за нимъ третій и т. д. и до первой деревни надо миновать пять, а до города 25 такихъ столбовъ. Такимъ образомъ постепенно, мало по малу формируется въ дѣтскомъ умѣ понятіе о дальше и ближе, длиннѣе — короче, шире — уже, дорога до одного, до двухъ, до трехъ столбовъ и т. д., т. е. понятіе о пространствѣ и о мѣрѣ его.

О времени.

Подобно этому и отчасти неотдѣлимо отъ понятія о пространствѣ составляется понятіе о времени. При многократномъ повтореніи всегда одинаковаго дневного порядка, ребенокъ мало по малу привыкаетъ къ тому, что вслѣдъ за утреннимъ туалетомъ ему очень скоро даютъ завтракъ или чай, что между завтракомъ и обѣдомъ промежутокъ значительно болѣе, такъ что въ теченіе его можно нѣсколько разъ обойти всѣ комнаты, весь садъ, дворъ, хорошо осмотрѣть конюшню и вдоволь наиграться со сверстниками; а что въ длинный промежутокъ между обѣдомъ и ужиномъ можно не только обойти всю усадьбу съ ближнею деревнею, но и съѣздить въ лѣсъ, миновавъ по дорогѣ туда и обратно, въ каждый конецъ пять-шесть верстовыхъ столбовъ. Такимъ образомъ вырабатываются понятія о скоро и продолжительно, въ соединеніи съ представленіями о далеко и близко, одинъ разъ или многократно, т. е. понятіе о времени въ соединеніи съ понятіями о пространствѣ и числѣ.

Въ этомъ отношеніи нельзя не привести еще одну иллюстрацію. Въ столовой есть большіе стѣнные часы. Всматриваясь въ нихъ, ребенокъ сперва замѣчаетъ только мѣрные размахи и удары маятника, стрѣлки большая и малая какъ будто-бы неподвижны.

Но ему говорятъ, что часы идутъ, что стрѣлки перемѣщаются. И дѣйствительно: большая стрѣлка, которая еще недавно какъ бы висѣла изъ центра прямо внизъ, теперь изъ того же центра воздвигается прямо кверху, а малая, стоявшая почти перпендикулярно къ большой, подвинулась, хотя и немного, ближе къ верхнему срединному знаку и часы прозвонили что-то много ударовъ. Дитя отвлекается отъ часовъ своими играми, но черезъ короткое время, появляясь вновь въ столовой, замѣчаетъ, что большая стрѣлка опять какъ-бы виситъ изъ центра внизъ и часы при этомъ звонятъ одинъ ударъ; черезъ нѣкоторое время приходитъ опять и видитъ что та же стрѣлка поднята изъ центра кверху и часы звонятъ много ударовъ. Такой звонъ часовъ между завтракомъ и обѣдомъ повторяется нѣсколько разъ и еще больше между обѣдомъ и ужиномъ; что же касается размаховъ маятника, то они такъ часты, что число ихъ между двумя боями часовъ сосчитать невозможно. Является, слѣдовательно, въ умѣ ребенка понятіе о мѣрѣ времени: бой часовъ долженъ повториться столько-то разъ между завтракомъ и обѣдомъ, столько-то между обѣдомъ и ужиномъ. Подобнымъ образомъ привыкаетъ ребенокъ къ тому, что за днемъ и ночью слѣдуютъ такіе-же день и ночь, далѣе — еще и еще такіе-же, такъ что отъ Воскресенья, когда всѣ идутъ въ церковь и на него надѣваютъ нарядную блузу, до другого Воскресенья проходитъ шесть такихъ дней и ночей; что съ тѣхъ поръ, какъ сошелъ снѣгъ миновало много такихъ Воскресеній или недѣль, и еще много минуетъ до той поры, пока вновь покроется снѣгомъ земля.

О послѣдовательности.

Съ этими послѣдними представленіями, какъ видно, уже соединяется понятіе о послѣдовательности явленій, т. е. что за днемъ слѣдуетъ ночь, что въ теченіе дня солнце отъ горизонта высоко поднимается

надъ головою и потомъ опять спускается до уровня земли, что за зимою слѣдуетъ лѣто, за нимъ опять зима; что на оголенныхъ зимою растеніяхъ сначала показывается едва замѣтная зелень, что она мало по малу становится гуще, что появляются цвѣты, которые потомъ опадаютъ, затѣмъ плоды и т. д.

О причинности.

Нѣсколько позже чѣмъ о послѣдовательности начинаетъ ребенокъ размышлять о причинности явленій. Давно уже замѣчалъ онъ, что предметы становятся хорошо видимыми, въ своихъ разнообразныхъ формахъ и цвѣтахъ, ясно обозначаясь даже вдали, когда солнце стоитъ надъ горизонтомъ, а какъ скоро оно скроется — наступаетъ сумракъ, затѣмъ темнота; что на солнцѣ ощущается теплота, даже жаръ и что это ощущеніе замѣняется прохладою, коль скоро зайдешь въ тѣнь; значитъ отъ солнца исходитъ свѣтъ и тепло, другими словами — солнце есть причина свѣта и теплоты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ ребенокъ, что оно составляетъ не единственную, не исключительную причину того и другого: въ темной комнатѣ становится свѣтло, когда вносятъ зажженную свѣчу или лампу, свѣтъ и тепло исходятъ также отъ затопленнаго камина, а отъ приближенія руки на малое разстояніе къ свѣчѣ, лампѣ или горящимъ дровамъ появляется въ ней даже болѣзненно-рѣзкое ощущеніе сильнаго жара. Значитъ причина свѣта и теплоты заключается вообще въ огнѣ, которымъ блеститъ и солнце. Игрушечное колесо, будучи установлено на подпоркахъ въ прикосновеніи крыльевъ его со струею воды, — начинаетъ вращаться; точно также вращается оно на вѣтру; значитъ вѣтеръ и льющаяся вода составляютъ причину вращенія колеса. Катая по полу шаръ или мячикъ, дитя замѣчаетъ что онъ приходитъ въ движеніе отъ толчка или удара; напротивъ, останавливается, когда встрѣчаетъ преграду; значитъ

въ толчкѣ или ударѣ — причина движенія шара, во встрѣчѣ съ другимъ предметомъ — причина его остановки. Мало по малу привыкаетъ ребенокъ — во всякомъ явленіи, во всякой совершающейся передъ нимъ перемѣнѣ доискиваться причины, и такъ или иначе находить, указывать ее: фосфорная спичка загорается отъ тренія, вода въ самоварѣ кипитъ отъ положеннаго въ трубу угольнаго жара; въ ногѣ его, въ рукѣ и проч. ощущается боль отъ удара, порѣза или ожога; наконецъ всякое животное и онъ самъ исполняютъ то или другое дѣйствіе отъ того, что желаютъ его исполнять. Онъ идетъ къ дереву потому что желаетъ сорвать висящій на вѣткѣ плодъ, садится за столъ, потому что желаетъ ѣсть, ложится въ постель, потому что хочетъ спать и т. д.

Общее объясненіе невѣдомыхъ причинъ — желаніемъ.

Это объясненіе причины явленій желаніемъ или аппетитомъ, можно сказать, особенно удобно; отчего мысль, работая все въ томъ же направленіи, скоро привыкаетъ объяснять хотѣніемъ или нежеланіемъ всякое явленіе, причину котораго она не усматриваетъ или затрудняется указать. Такъ, камень падаетъ внизъ, потому что хочетъ этого, пухъ летаетъ, потому что желаетъ летать, кусокъ дерева не тонетъ въ водѣ, потому что не хочетъ тонуть; толстая палка не хочетъ гнуться, масло не хочетъ смѣшаться съ водою и т. д. — Какъ со временемъ придется замѣтить, въ этомъ простомъ объясненіи начальной причины явленій внѣшняго міра желаніемъ или аппетитомъ ребенокъ, пожалуй, и ближе къ истинѣ, чѣмъ многіе глубокіе мыслители въ ихъ хитросплетенныхъ теоріяхъ.

Покой и движеніе или дѣйствіе.

Бросивъ ретроспективный взглядъ на только что высказанныя соображенія о развитіи въ умѣ ребенка представленій о пространствѣ, времени, послѣдовательности явленій и причинности ихъ, нельзя не

замѣтить, что съ этими представленіями неизбѣжно должно соединяться понятіе о покоѣ и движеніи или дѣйствіи. Чтобы достать кусокъ хлѣба съ середины стола надо сдѣлать движеніе рукою, чтобы достигнуть конца комнаты надо пройти нѣсколько шаговъ (движеніе и дѣйствіе); всѣ суточныя перемѣны въ освѣщеніи, температурѣ, времени и послѣдовательности денныхъ занятій опредѣляются видимымъ движеніемъ великаго свѣтила отъ Востока къ Западу; перемѣщеніе по полу и подпрыгиваніе мячика отчетливо противуполагаются его покою, вполнѣ наглядно соединяясь съ дѣйствіемъ или неподвижностью (покоемъ) самого играющаго мячомъ и т. д. Какъ видно, въ значительной мѣрѣ послѣдовательность наиболѣе замѣтныхъ явленій во времени и пространствѣ, какими бы причинами они ни вызывались, представляется переходомъ отъ покоя къ движенію и обратно, или отъ одного рода движенія къ другому.

Общее міровоззрѣніе въ 4-хъ и 5-тилѣтнемъ возрастѣ.

Таковъ приблизительно умственный кругозоръ четырехъ или пятилѣтняго ребенка. На основаніи внимательныхъ наблюденій надъ дѣтьми и сопоставленія всѣхъ собранныхъ при этомъ фактическихъ данныхъ, трудно представить себѣ какой либо иной ходъ развитія ребенка, накопленія въ мозгу его познаній, иной порядокъ умозаключеній отъ одного ряда понятій къ другому. Разумѣется очень многаго, не выражаетъ и не объясняетъ ребенокъ тѣми словами, къ которымъ по необходимости пришлось здѣсь прибѣгнуть; но въ сущности такъ должно было формироваться его міровоззрѣніе, такъ или приблизительно такъ, а не иначе долженъ онъ понимать себя и окружающее, имѣя 4-5 лѣтъ отъ роду.

Начало самонаблюденія.

Съ этого возраста обыкновенно начинаетъ чело-

вѣкъ себя помнить; такъ что для изображенія дальнѣйшаго развитія мысли уже въ самонаблюденіи можетъ быть почерпнутъ главнѣйшій матерьялъ, — очевидно матерьялъ болѣе обильный и достовѣрный.

Самосознаніе и воля.

Та же способность воспріятія впечатлѣній чувствами, обобщенія ихъ и вывода или заключенія по наведенію составляетъ основаніе духовнаго развитія человѣка и въ послѣдующіе годы его жизни. Но къ этой способности присоединяется, съ тѣхъ поръ что начинаемъ мы себя помнить, еще весьма существенный элементъ, вліяніе котораго въ первые младенческіе годы было мало замѣтно — элементъ самосознанія и воли.

Хотя не безъ участія воли получаются нами впечатлѣнія и формируются понятія въ ранніе годы дѣтства: мы можемъ по желанію смотрѣть или закрывать глаза, дотрогиваться или нѣтъ, перемѣщаться или пребывать въ покоѣ; но по сравненію съ такимъ слабымъ, можно сказать, лишь зачаточнымъ вліяніемъ элемента воли въ годы ранняго дѣтства, нѣчто совершенно иное представляетъ собою проявленіе ея въ послѣдующій періодъ. Съ тѣхъ поръ, что начинаемъ мы себя помнить, себя сознавать, въ образованіи нашихъ понятій, а затѣмъ и сужденій участіе воли становится болѣе дѣятельнымъ, именно вслѣдствіе появленія элемента самосознанія.

Дитя, до 4-хъ — 5-ти лѣтняго возраста, испытываетъ впечатлѣнія и даже обобщаетъ ихъ, вырабатывая изъ нихъ понятія, иногда даже совсѣмъ независимо отъ того, что принято называть волею; если же и съ участіемъ послѣдней, то подъ вліяніемъ внезапно возникающаго побужденія — желанія или апетита — скоропреходящаго и забываемаго коль скоро цѣль достигнута, побужденіе или желаніе удовлетворено; волна впечатлѣній и формирующихся изъ нихъ понятій надвигается, такъ сказать, сама собою,

и когда отхлынетъ, то сохраняется слѣдъ ея, конечный результатъ; но то чѣмъ была она вызвана, принесена остается неизвѣстнымъ или незамѣченнымъ.

Ребенокъ тянетъ ко рту кусокъ хлѣба, пряникъ или яблоко подъ вліяніемъ апетита или желанія отвѣдать предполагаемой сладости. Повторивъ это много разъ, онъ пріобрѣтаетъ отчетливое представленіе о пріятномъ для него вкусѣ названныхъ предметовъ. Но что именно влекло его къ нимъ, что направляло такимъ образомъ его волю — объ этомъ онъ не сохранилъ воспоминанія, потому что никогда объ этомъ и не думалъ, а всякій разъ испытывалъ дѣйствіе непосредственнаго импульса, неизвѣстно отчего нахлынувшей волны желанія. Точно также, играя упругимъ мячикомъ, дитя скоро убѣждается, что отъ пола мячикъ отскакиваетъ, а встрѣтивъ ударъ или преграду руки, опять летитъ внизъ; но какимъ путемъ выработалось это понятіе, какое представленіе о движеніи или упругости мячика ему предшествовало — объ этомъ ребенокъ также никогда не размышлялъ; онъ просто игралъ мячикомъ потому что это его забавляло; подъ импульсомъ влеченія къ забавѣ, много разъ производилъ одно и то же дѣйствіе, и какъ слѣдствіе повтореннаго опыта сформировалось представленіе.

Въ томъ и другомъ изъ приведенныхъ примѣровъ участіе воли, какъ видно, отрицать нельзя; но воля проявляется здѣсь лишь какъ бы въ качествѣ стихійной силы; импульсы ея не сознаны, необдуманы, а возникаютъ изъ начальныхъ потребностей, природою вложенныхъ въ организмъ. Такимъ же образомъ и вообще совершается формированіе понятій въ періодъ ранняго дѣтства, не говоря уже о представленіяхъ, возникающихъ подъ вліяніемъ впечатлѣній свѣта, шума, тепла или холода, — впечатлѣній совершенно независящихъ отъ нашего желанія. Повторяемъ — ребенокъ, достигшій 4-хъ — 5-ти лѣтъ отъ

роду уже имѣетъ довольно обширный кругъ понятій, изъ которыхъ слагается его міровоззрѣніе. Но какъ постепенно сформировалось оно, каковы были его понятія о томъ или другомъ предметѣ прежде чѣмъ дошелъ онъ до настоящаго о нихъ представленія, т. е. въ сущности чѣмъ былъ онъ самъ въ моменты предшествовавшіе настоящему — эти вопросы въ періодъ ранняго дѣтства разрѣшенія не получаютъ и даже, можно сказать, совсѣмъ отсутствуютъ. Появленіе ихъ именно и составляетъ сущность самосознанія, т. е. наступленіе той поры жизни, съ которой, какъ по просту говорятъ, мы начинаемъ себя помнить.

Сущность самосознанія.

Помнить себя собственно и значитъ сознавать единство самой съ собою нашей личности, при послѣдовательныхъ во времени измѣненіяхъ ея міровоззрѣній. Достигши уже зрѣлаго возраста, я болѣе или менѣе ясно припоминаю чѣмъ былъ, т. е. какъ понималъ себя самого и окружающее, когда сталъ выходить изъ младенчества (4—5 лѣтъ (тъ роду), затѣмъ въ различные періоды дѣтства, юности и т. д. — При этомъ, несмотря на громадную разницу познаній, взглядовъ, вкусовъ моихъ въ пяти — и въ двадцатипяти лѣтнемъ возрастѣ, я тѣмъ не менѣе вполнѣ сознаю, что мысли, желанія, чувства, ощущенія, совокупность которыхъ образуетъ мою личность, мое *я* въ настоящій моментъ, постепенно и послѣдовательно развились изъ тѣхъ, которые совмѣщались въ томъ же самомъ моемъ *я* за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ.

Основной источникъ самосознанія — въ послѣдовательности развитія.

Я совершенно твердо въ этомъ убѣжденъ именно вслѣдствіе строгой и непрерывной послѣдовательности развитія познаній, свойствъ и особенностей моему я принадлежащихъ.

Очевидно не легко для насъ было бы представить

себѣ, чтобы напр. старикъ Гете, успѣвшій уже, по выраженію поэта, совершить „въ предѣлѣ земномъ все земное“ былъ тѣмъ же самымъ мальчикомъ Вольфгангомъ 5-ти — 6-ти лѣтъ отъ роду, который едва лишь успѣлъ научиться читать, — не легко было бы если бы свѣдѣнія о немъ мы имѣли только за эти два момента его жизни, безъ всякихъ между ними промежутковъ. Но мы ни мало не колеблясь принимаемъ какъ несомнѣнное, что мрачный монологъ взывающаго къ духамъ Фауста и послѣдующій разговоръ его съ Вагнеромъ принадлежатъ перу одной и той же личности; что хотя бы въ промежутокъ между написаніемъ того и другого личность автора и успѣла кое въ чемъ измѣниться, но что въ основныхъ чертахъ своихъ она осталась сама собою, что по существу это — одна и таже личность.

Такимъ образомъ, отъ признанія вполнѣ достовѣрнымъ единства моей личности въ настоящій моментъ и въ предшествовавшій, равно какъ въ этотъ послѣдній и тотъ, за которымъ онъ наступилъ непосредственно и т. д. — я, восходя постепенно отъ одного момента къ другому, дѣлаю заключеніе о единствѣ моего *я* въ младенческомъ и зрѣломъ или старческомъ возрастѣ. Отправляясь отъ того, что рядъ послѣдовательныхъ, дифференціальныхъ измѣненій въ моей личности совершается безъ нарушенія ея единства самой съ собою, я останавливаюсь на неподлежащемъ сомнѣнію выводѣ, что измѣненія эти, интегрируясь даже за 50—60-ти лѣтній періодъ, не уничтожаютъ мою личность, и хотя вносятъ въ нее массу новыхъ элементовъ, но это не лишаетъ меня возможности, въ любой изъ моментовъ прожитого полувѣка, узнать въ ней самого себя, то самое *я*, которое въ настоящій моментъ составляетъ мою сущность.

Дѣятельное участіе воли въ нашемъ развитіи, какъ результатъ самосознанія.

Въ этомъ именно и заключается самосознаніе, — состояніе, наступающее обыкновенно въ возрастѣ отъ 4-хъ до 5-ти лѣтъ отъ роду, и съ появленіемъ котораго, какъ выше сказано, участіе элемента воли, въ образованіи нашихъ понятій, сужденій, или вообще познаній, становится болѣе дѣятельнымъ. Въ эту пору жизни, какъ было сказано, въ насъ существуетъ уже болѣе или менѣе опредѣлившееся міровоззрѣніе. Когда же къ міровоззрѣнію настоящаго присоединяется, черезъ нѣсколько времени, представленіе о прошедшемъ, о томъ, что мы и окружающее насъ были въ моменты предшествовавшіе, то отсюда весьма естественно возникаетъ вопросъ о будущемъ, т. е. желаніе узнать или опредѣлить какія, черезъ извѣстные промежутки времени, должны послѣдовать измѣненія во мнѣ самомъ и въ моихъ представленіяхъ объ окружающемъ, въ моихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру. За воспоминаніями о томъ, какими путями видоизмѣнялось все это до сихъ поръ, натурально являются размышленія о вѣроятной послѣдовательности и мотивахъ имѣющихъ совершиться перемѣнъ. При этомъ, къ познаніямъ сформировавшимся изъ воспринятыхъ и переработанныхъ самимъ мною впечатлѣній, присоединяются свѣдѣнія, полученныя отъ людей ко мнѣ близкихъ.

Въ постоянномъ влеченіи къ неизвѣданному, въ неизсякающей любознательности, заключается главный мотивъ, сильнѣйшій двигатель развитія человѣка со времени появленія въ немъ самосознанія. По прежнему продолжаемъ мы испытывать независящія отъ насъ внѣшнія впечатлѣнія, по прежнему отъ времени до времени нахлынетъ не руководимая мыслью волна желанія или апетита; но надъ всѣмъ этимъ, въ дѣлѣ дальнѣйшаго пріобрѣтенія познаній, установленія послѣдовательныхъ ступеней нашего міровоззрѣнія, явно преобладающее значеніе получаетъ элементъ соединенной съ мышленіемъ воли.

Иллюстраціи къ упомянутымъ положеніямъ и заключеніе.

Въ видѣ иллюстраціи прежде всего позволю себѣ привести простѣйшій примѣръ изъ начальныхъ шаговъ въ сознательной жизни ребенка. Къ столу подаются вкусные, сочные яблоки. Находясь за симъ въ саду, я, при видѣ такихъ же плодовъ на деревьяхъ, испытываю сильнѣйшее влеченіе ихъ попробовать (съ малымъ участіемъ сознанія нахлынувшая волна желанія, апетита). Срываю одинъ и нахожу, что онъ какъ будто еще вкуснѣе подававшихся къ столу. Но рядомъ стоящее дерево покрыто еще болѣе красивыми, румянными плодами; срываю оттуда, откусываю (уже болѣе опредѣлившееся побужденіе воли); но яблоко оказывается очень жесткимъ, страшно кислымъ и горьковатымъ. Садовникъ говоритъ, что эти еще не дозрѣли, что разные сорта яблокъ и грушъ дозрѣваютъ въ разное время; но что есть тутъ и дикія яблоки, плоды которыхъ можно улучшить только черезъ прививки. Всѣмъ этимъ я очень заинтересованъ; мнѣ бы хотѣлось узнать когда на какихъ деревьяхъ бываютъ зрѣлыя яблоки и груши, какъ отличить ихъ по виду, что такое — прививка, какъ она дѣлается и т. д. Разспрашиваю и жадно воспринимаю объясненія (сопоставленіе прежнихъ понятій о плодахъ со свѣдѣніями вновь полученными и вытекающее отсюда желаніе, вполнѣ осмысленный актъ воли, энергично направленный къ пріобрѣтенію дальнѣйшихъ познаній).

При вступленіи въ періодъ самосознанія, наши свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ ограничиваются тѣснымъ кругомъ почти что одного лишь того, что не выходитъ изъ района доступности для чувствъ нашихъ — зрѣнія, слуха и проч. Я знаю домъ, въ которомъ живу, съ принадлежащими къ нему службами, садомъ, огородомъ, полями, видными отъ дома селеніями и перелѣсками; знаю при томъ лишь съ внѣш-

ней стороны, т. е. въ настоящемъ положеніи всего упомянутаго, безъ представленія о томъ какими путями и вслѣдствіе чего дошло оно до этого положенія. Но мало по малу, именно въ виду перемѣнъ на моей памяти происходящихъ въ окружающемъ и свѣдѣній пріобрѣтаемыхъ о находящемся въ ближайшихъ окрестностяхъ : о селеніяхъ, хозяйственныхъ устройствахъ, городахъ и проч. я начинаю размышлять о вѣроятномъ ходѣ развитія уже извѣстнаго мнѣ, равно и о томъ, что находится за предѣлами этого извѣстнаго ; начинаю знакомиться съ картою, опредѣляя по ней положеніе сначала ближайшихъ мѣстностей, за тѣмъ и странъ болѣе отдаленныхъ, съ полною любознательностью относясь ко всему, что можетъ дать понятіе о характерѣ и условіяхъ жизни ихъ.

Еще далѣе ведутъ меня размышленія о ходѣ развитія людей окружающихъ и моей собственной личности. Не малую трудность встрѣчаю въ представленіи, что люди пожилые, тѣмъ болѣе старые, въ свое время были дѣтьми и что я самъ долженъ достигнуть такой же старости. Но подъ вліяніемъ общенія съ болѣе близкимъ мнѣ, хотя и старшимъ, юношествомъ, и яснаго сознанія перемѣнъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ совершившихся во мнѣ самомъ, мало по малу свыкаюсь съ мыслью о неизбѣжной послѣдовательности возрастовъ, черезъ которые — отрочество, юность, возмужалость — естественно всѣ должны дойти до старости.

Такой же пріемъ обращенія къ прошлому, и соображеній о вліяніи его на то, что существуетъ теперь, примѣняю я и въ болѣе широкомъ кругу размышленій о развитіи жизни семейной и общественной. Вспоминая чѣмъ еще недавно была наша или другая хорошо знакомая мнѣ семья, какія перемѣны успѣли съ тѣхъ поръ въ ней произойти, я отсюда стараюсь предугадать что можетъ ожидать

ее въ будущемъ. Знакомясь съ условіями современной жизни народовъ и государствъ, со связью между настоящимъ и тѣмъ, что прожито ими отъ временъ отдаленныхъ, я нахожу въ этомъ дѣятельный мотивъ къ изученію прошлаго, и въ историческихъ сказаніяхъ обрѣтаю не только объясненіе настоящаго, но и представленія, очевидно, болѣе или менѣе гадательныя, о томъ, что должно совершиться далѣе.

Такимъ же образомъ, отъ безотчетнаго первоначально созерцанія свѣтилъ небесныхъ, постепенно перехожу къ наблюденію ихъ движеній и далѣе къ помышленіямъ о строеніи звѣзднаго міра; отъ слѣпого пользованія энергіею свѣта, тепла, электричества, химическаго сродства — къ болѣе или менѣе сознательному ихъ примѣненію, а за симъ и къ изученію законовъ дѣйствія этихъ силъ.

Такова, въ общихъ чертахъ набросанная, картина начальнаго развитія молодого существа при участіи самосознанія. Повторяемъ: первымъ источникомъ знаній являются независящія отъ воли впечатлѣнія, затѣмъ, такъ сказать, безотчетныя желанія или апетиты; пріобрѣтенныя подъ ихъ вліяніемъ свѣдѣнія въ свою очередь становятся мотивами уже осмысленныхъ, болѣе энергичныхъ актовъ воли, результаты которыхъ выражаются въ чтеніяхъ, разспросахъ, бесѣдахъ съ другими, наблюденіяхъ, опытахъ, сужденіяхъ и обобщеніяхъ. Всѣми этими путями или способами накопляются въ насъ болѣе обширныя, болѣе твердыя, основанныя на фактахъ, познанія, въ зависимости отъ которыхъ возникаютъ опять новыя желанія, формируются вкусы, наклонности, влеченія, —все то, чѣмъ опредѣляется человѣческая личность, безостановочно и непрерывно продолжающая свое развитіе и въ періодъ зрѣлости.

ГЛАВА III

А. Нормальное міровоззрѣніе человѣка, достигшаго зрѣлости. Способы или методы пріобрѣтенія знаній. Намѣченный кругъ изслѣдованій.

Самонаблюденіе—первенствующій источникъ установленія взгляда на излагаемый здѣсь предметъ.

Для опредѣленія нормальнаго міровоззрѣнія человѣка въ періодѣ зрѣлости несомнѣнно главнымъ источникомъ служитъ самонаблюденіе. Хотя взгляды наши на этотъ предметъ провѣряются черезъ общеніе съ другими людьми и чрезъ наблюденіе ихъ; хотя подъ вліяніемъ этого общенія вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывно видоизмѣняются элементы нашего міровоззрѣнія; но наблюдаемое въ другихъ или ими сообщаемое, очевидно не можетъ идти въ параллель съ тѣмъ, что составляетъ продуктъ нашей собственной внутренней работы, что мы сознаемъ, чувствуемъ или ощущаемъ въ самихъ себѣ. Не говоря уже о естественной склонности каждаго видѣть нормально развитого человѣка именно въ самомъ себѣ, нельзя также не признать, что уловить въ другомъ всѣ тонкости, всѣ изгибы мысли, всѣ оттѣнки чувствованій, въ которыхъ выражаются отношенія его къ окружающему, внѣ всякаго сравненія труднѣе, чѣмъ припомнить, обсудить и опредѣлить, какъ понимали окружающее мы сами, какія впечатлѣнія, влеченія, акты воли вызывало оно въ насъ. И такъ, говоря о нормальномъ міровоззрѣніи человѣка вообще, я очевидно въ самомъ себѣ по преимуществу склоненъ черпать для этого матерьялы, т. е. въ сущности буду излагать свое личное міровоззрѣніе. При этомъ, говоря о настоящемъ, по необходимости придется опять отъ времени до времени обращаться къ прошедшему, т. е. излагая воззрѣнія и желанія нынѣ существующія, для наибольшаго выясненія дѣла, припоминать

и обсуживать изъ чего, какимъ путемъ должны были или могли они образоваться.

Формированіе понятій совершается путемъ индукціи.

Пріобрѣтеніе, формированіе знаній вообще, какъ понимаю я и какъ имѣлъ уже случай не разъ упомянуть, совершается не иначе какъ путемъ наведенія или индукціи. Другого способа познать внѣшній міръ и себя самого въ средѣ окружающаго — нѣтъ и быть не можетъ, замѣтилъ я, говоря о первыхъ представленіяхъ ребенка. То же самое еще съ большею настойчивостью и увѣренностью можетъ быть высказано въ примѣненіи къ духовному развитію человѣка, достигающаго зрѣлости.

Умственное развитіе наше, выражающееся въ процессѣ мышленія, есть ничто иное, какъ совокупность представленій или понятій о явленіяхъ, совершающихся вокругъ насъ и въ насъ самихъ, — о томъ какъ эти явленія происходятъ, т. е. какія на насъ производятъ впечатлѣнія, какъ эти впечатлѣнія комбинируются, какія возбуждаютъ въ насъ желанія, какова послѣдовательность тѣхъ и другихъ и причинная между ними связь. Все это мы познаемъ чрезъ повтореніе шагъ за шагомъ неизмѣнно одного и того же пріема. Испытывая много разъ одинаковое впечатлѣніе, мы начинаемъ останавливать на немъ свое вниманіе и мало по малу выдѣлять его изъ среды другихъ, т. е. замѣчать въ какой связи состоитъ оно съ этими другими, какія ему предшествуютъ, какія слѣдуютъ за нимъ; такимъ образомъ много разъ испытанное впечатлѣніе возводимъ въ представленіе или понятіе о явленіи совершающемся при такой-то обстановкѣ, значитъ по наведенію заключаемъ, что впечатлѣніе при извѣстныхъ условіяхъ нами нѣсколько разъ воспринятое должно всякій разъ возникнуть въ насъ вновь, какъ только повторится комбинація тѣхъ же условій. Этому пріему формированія начальныхъ понятій слѣдуемъ мы и

при дальнѣйшемъ развитіи мысли. Но по мѣрѣ расширенія умственнаго кругозора, мы не только замѣчаемъ и выдѣляемъ явленія, случайно внѣ нашей воли на насъ воздѣйствовавшія; мы наблюдаемъ ихъ т. е. стараемся уловить отличительные признаки или свойства, усмотрѣнные раньше въ другихъ явленіяхъ и, не ограничиваясь этимъ, подъискиваемъ, желаемъ обнаружить, открыть явленія, которыя, по ожидаемымъ ихъ особенностямъ, могли бы быть группированы въ одну категорію съ другими, прежде нами познанными и опредѣленными.

Во всемъ этомъ одинъ и тотъ-же путь наведенія: (1) наблюдаемъ, стараемся уловить такіе-то признаки, потому что уже предполагаемъ ихъ существованіе на основаніи прежде замѣченнаго и обобщеннаго изъ сходственныхъ фактовъ; стремимся открыть новыя явленія подходящія къ такой-то категоріи, потому что эту категорію уже успѣли до нѣкоторой степени познать и опредѣлить; въ обоихъ случаяхъ, какъ постоянно и во всемъ процессѣ мышленія, расширяемъ обобщеніе, сводимъ въ одно представленіе факты, повтореніе которыхъ намъ удалось подмѣтить или наблюсти; послѣдовательно со ступени на ступень переходимъ отъ частнаго къ общему, пока не достигнемъ наиболѣе широкихъ отвлеченій, предѣла знаній для насъ доступныхъ. (2)

Этимъ способомъ дѣйствуетъ наша мысль отъ колыбели до старости; этимъ путемъ развивалась и общеміровая мысль отъ появленія духовной жизни на землѣ. Такъ опредѣлилъ научные пріемы индук-

(1) индукціи или синтеза (Спасовичъ. Уч. Угол. права, со ссылкою на Стюарта Миля).

(2) По объясненію Юма, наведеніе (или индукція) заключающееся въ ожиданіи, что за извѣстнымъ явленіемъ непремѣнно должно послѣдовать всегда одно и то же прежде подмѣченное нами явленіе—есть ничто иное, какъ привычка, порождаемая многократнымъ повтореніемъ.

ціи и знаменитый Бэконъ. Тѣ, которые называютъ Бэкона творцомъ индуктивнаго метода мышленія, очевидно, впадаютъ въ ошибку, также какъ и тѣ, которые устанавливаютъ прямую противуположность между индуктивнымъ и дедуктивнымъ методами, между наведеніемъ и выводомъ.

Индуктивный и дедуктивный методъ мышленія.

Дедуктивный методъ (1) мышленія, говорятъ намъ, заключается въ томъ, что вмѣсто восхожденія отъ осязаемыхъ, единичныхъ фактовъ къ познанію законовъ (какъ при индукціи), мы, пренебрегая непосредственными, практическими указаніями чувствъ, гипотетически принимаемъ извѣстные законы и уже отъ нихъ логически нисходимъ къ фактамъ. (Гутчисонъ), или что мы сразу становимся на самой общей мысли, на такомъ отвлеченномъ положеніи, которое намъ кажется очевиднымъ, нетребующимъ доказательствъ, и изъ этого общаго положенія выводимъ содержащіяся въ немъ частности посредствомъ непрерывной цѣпи силогизмовъ. (Спасовичъ. Уч. Угол. Права). Но гипотеза, какая бы ни была, можетъ возродиться, не иначе, какъ изъ познанія или предварительнаго усвоенія фактовъ, хотя бы очень немногихъ, но все же единичныхъ. конкретныхъ явленій воспринятыхъ чувствами. Умъ глубокій, возвышенный иногда на основаніи самаго небольшого числа фактическихъ данныхъ проникаетъ въ тайны природы, заранѣе угадываетъ или прозрѣваетъ законъ, который потомъ оправдывается наблюденіями самыми точными и многочисленными, вполнѣ подтверждающими сдѣланные изъ гипотетическаго предположенія выводы. Умъ посредственный, ограниченный точно также изъ немногихъ фактовъ вырабатываетъ общія положенія; но послѣднія большею частью оказываются эфемерными, какъ находящіяся въ прямомъ

(1) Выводный или аналитическій (Спасовичъ. Учебн. Угол. Права).

противорѣчіи съ результатами болѣе основательныхъ и обширныхъ наблюденій.

Метафизики. Заслуга Бэкона.

Такова между прочимъ философія метафизиковъ (вѣрнѣе — схоластиковъ): два — три удачно выхваченные изъ дѣйствительности факта, и отъ нихъ, путемъ не всегда правильныхъ, но большею частью красивыхъ, силогизмовъ — готовый переходъ къ общему положенію. Заслуга же Бэкона въ особенности заключается въ томъ, что онъ указалъ безплодность и вредъ подобныхъ шаткихъ умствованій, — заслуга тѣмъ большая, что онъ выяснилъ это путемъ безусловно практическимъ: въ то время, какъ весь ученый міръ утопалъ въ отвлеченіяхъ, въ вопросахъ о сущности вещей, въ исканіи недоступной намъ абсолютной истины, — Бэконъ за основаніе философіи своей принялъ, что вся цѣль науки заключается въ обогащеніи человѣческой жизни новыми полезными силами, т. е. исключительно такими знаніями, которыя бы содѣйствовали расширенію и упроченію благосостоянія живущихъ. Установленіе такого принципа само собою предрѣшило преобладаніе индуктивнаго метода изслѣдованій: недостаточно обоснованныя на фактахъ общія положенія, которыми вполнѣ возможно было довольствоваться для логическаго построенія дальнѣйшихъ отвлеченій, не требующихъ и не встречающихъ въ жизни полезнаго примѣненія, становятся явно несостоятельными и праздными, коль скоро дѣло переносится на почву осязательно-практическихъ результатовъ; только выведенный изъ многочисленныхъ наблюденій и тщательно провѣренный опытами законъ можетъ быть принятъ за исходную точку разсужденій, когда логическія его примѣненія приходится на каждомъ шагу подвергать такой же практической опытной провѣркѣ.

Дедукція какъ дополненіе наведенія.

Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы де-

дуктивный (выводной) методъ совсѣмъ не находилъ примѣненія въ дѣлѣ развитія нашихъ знаній. Умъ возвышенный, сказали мы, на основаніи немногихъ данныхъ предугадываетъ тайны природы. Чего одинъ достигаетъ послѣ многочисленныхъ наблюденій, путемъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ обобщеній, то другой схватываетъ сразу; не нуждаясь въ обобщеніяхъ промежуточныхъ, онъ такъ сказать дѣлаетъ скачекъ, и отъ весьма немногихъ единичныхъ фактовъ переходитъ прямо къ окончательному заключенію; путемъ смѣлаго синтеза иногда открываетъ законъ самый общій и весьма сложный, который — т. е. сдѣланные изъ него выводы — повѣряетъ дальнѣйшими наблюденіями и опытами. Высшая степень этой способности составляетъ достояніе генія, Но что совершаетъ геній въ сферѣ раскрытія основныхъ міровыхъ законовъ, то въ скромномъ масштабѣ исполняетъ и самый обыкновенный человѣкъ, при всякомъ сколько нибудь серьезномъ изслѣдованіи. Далеко не вся масса данныхъ, на которыхъ основывается законъ, предшествуетъ въ умѣ нашемъ усвоенію общаго положенія. Напротивъ, обыкновенно, можно даже сказать всегда, удачно подмѣтивъ нѣсколько фактовъ, мы на основаніи ихъ дѣлаемъ предположеніе, что такое-то явленіе должно совершиться, вслѣдствіе чего изыскиваемъ случаи наблюсти, или способы воспроизвести, это явленіе. Искусственное воспроизведеніе явленія собственно и составляетъ суть опыта. Чтобы произвести какой бы ни было опытъ необходимо заранѣе предположить — предпослать гипотезу — что при группированіи извѣстныхъ условій ожидаемое явленіе должно совершиться. Въ случаѣ отсутствія такихъ гипотезъ (и дедукціи изъ нихъ) люди цѣлыя столѣтія блуждали бы во тьмѣ, собирая массы фактовъ, безъ извлеченія изъ нихъ какого либо знанія, говоритъ Бокль. Какъ извѣстно, дедуктивный методъ (не смотря на прежде-

временность его появленія) все же привелъ къ важнымъ открытіямъ, чего не сдѣлалъ Бэконъ со всею своею осмотрительностью (Льюисъ — „Исторія философіи“). Наведеніе и дедукція не составляютъ, слѣдовательно, противуположныхъ или взаимно-исключающихъ способовъ пріобрѣтенія знаній, и хотя первому принадлежитъ въ этомъ отношеніи безспорно господствующая роль, — второй составляетъ постоянное и необходимое къ нему дополненіе. (1)

Наблюденіе, гипотеза и опытъ — три стадіи пріобрѣтенія знаній.

Всѣ знанія въ области естественныхъ наукъ, объясняетъ проф. Хвольсонъ (Основныя Гипотезы Физики) пріобрѣтаются неизмѣнно такимъ путемъ : наблюденіе т. е. собраніе и классифированіе фактовъ, затѣмъ предположеніе — синтезъ или гипотеза — и провѣрка — опытъ, т. е. сличеніе искусственно воспроизведеннаго или подмѣченнаго естественнаго явленія съ продуктомъ дедукціи, т. е. съ логическимъ выводомъ изъ сдѣланнаго основного предположенія.

Въ чемъ должно бы было заключаться изложеніе полной системы міровоззрѣнія.

До сихъ поръ опредѣлили мы только методъ или способъ пріобрѣтенія знаній. Далѣе надлежало бы въ логической послѣдовательности изложить совокупность знаній этимъ путемъ выработанныхъ и составляющихъ всю систему нашего міровоззрѣнія; объяснить какъ одно за другимъ возникали въ насъ представленія, какъ одно изъ другого развивались и формировались понятія, сужденія, заключенія; какіе и какъ ими опредѣлялись акты воли. Но исполнить

(1) Безъ фантазіи, говоритъ Пироговъ (т. е. безъ смѣлаго синтеза и потомъ дедукціи) даже умъ Коперника или Ньютона не далъ бы міровоззрѣнія, ставшаго достояніемъ образованнаго міра. Ничто великое въ мірѣ не обходилось безъ фантазіи. (Соч. Пирогова Т. I. Дневникъ).

это въ цѣломъ — значило бы изложить во всемъ ихъ объемѣ сумму свѣдѣній, составляющихъ содержаніе всѣхъ безъ исключенія наукъ, начиная съ математическихъ, естественныхъ, затѣмъ историческихъ, филологическихъ и проч.

Неисполнимость этого въ цѣломъ.

Ограниченіе задачи только общими вопросами развитія мысли.

Трудъ этотъ очевидно былъ бы не по силамъ одному человѣку, да и самая цѣль или польза его представляется весьма сомнительною. Конечные выводы наукъ находятся въ прямой зависимости отъ обширности и основательности свѣдѣній пріобрѣтенныхъ по каждой изъ нихъ; а это въ свою очередь зависитъ отъ спеціализаціи научныхъ занятій. Сообщить свѣдѣнія достигающія наиполнѣйшаго объема, наибольшей достовѣрности и высказать возможно-правильные взгляды въ сферѣ той или другой науки способенъ только тотъ, кто избралъ ее предметомъ спеціальнаго изученія. Для человѣка обыкновеннаго общаго образованія это представляется дѣломъ совершенно недоступнымъ. Всякій шагъ въ такомъ направленіи былъ бы лишь праздною и безплодною попыткою. Потому, ни мало не останавливаясь ни на одной изъ особыхъ наукъ, входящихъ въ область названныхъ выше категорій, ограничиваю задачу свою изслѣдованіемъ только общихъ вопросовъ, касающихся развитія человѣческой мысли, желаній, ожиданій или вѣрованій, — вопросовъ неотступно преслѣдующихъ всякаго мало-мальски серьезнаго человѣка, неизбѣжно возникающихъ въ умѣ людей даже самыхъ обыкновенныхъ.

Все это, какъ было выше замѣчено, естественно привлекаетъ усиленное вниманіе наше потому, что съ рѣшеніемъ сомнѣній о значеніи нашемъ въ средѣ вселенной, о началѣ и концѣ нашего существованія неразрывно связано все наше міровоззрѣніе.

Міръ съ его вѣчнымъ движеніемъ, безконечными перемѣнами, красотами, тайнами, существуетъ для насъ только потому, что въ средоточіи его находится наше *я*, воспринимающее впечатлѣнія совершающагося. Не было бы впечатлѣній, сознаваемыхъ, желаемыхъ, ожидаемыхъ — не было бы для насъ и того, что называемъ вселенною, не было бы и самой жизни.

Опредѣленіе методовъ мышленія — первый шагъ къ этому изслѣдованію.

На обслѣдованія способовъ пріобрѣтенія знаній остановились мы особенно потому, что уже самъ по себѣ вопросъ этотъ составляетъ часть нашего міровоззрѣнія, нашихъ понятій объ отношеніяхъ человѣка къ внѣшнему міру и къ совершающемуся въ немъ самомъ, въ его собственномъ внутреннемъ *я*. Продолжая работу въ томъ же направленіи постараемся теперь сколь возможно полнѣе уяснить, какое общее понятіе о вселенной и о себѣ самомъ въ средѣ ея успѣваетъ сложиться въ умѣ человѣка достигшаго зрѣлости.

B. Внѣшній міръ. Основныя идеи — предѣлъ обобщеній.

Реальность или конкретное бытіе внѣшняго міра.

Прежде всего поставленный уже въ самомъ началѣ (Главѣ I) вопросъ о сущности видимаго міра, о томъ имѣетъ ли онъ реальное бытіе внѣ моего *я?*— вопросъ, на который мы должны были отозваться полнымъ незнаніемъ. Достовѣрнымъ признали мы только то, что я, какъ было тогда же объяснено, нѣчто ощущаю и чувствую, что единичныя ощущенія и чувствованія мысль моя обобщаетъ, возводитъ въ представленія, въ понятія, что плодомъ дальнѣйшей дѣятельности мысли, болѣе широкихъ обобщеній и наведенія, являются сужденія о совершающемся внѣ насъ или въ насъ самихъ. Впечатлѣнія, испы-

тываемыя чувствами, вообще нашимъ организмомъ, составляютъ такимъ образомъ единственный источникъ знаній. Знаемъ, слѣдовательно, только явленія — такъ называемъ мы видоизмѣненія испытываемыхъ впечатлѣній. Далѣе этого въ предѣлахъ достовѣрности намъ путь закрытъ : что въ свою очередь составляетъ источникъ этихъ явленій, или испытываемыхъ впечатлѣній, — иначе говоря — въ чемъ сущность ихъ — объ этомъ мы можемъ разсуждать лишь гадательно.

Въ сферѣ этихъ гаданій, одно изъ двухъ предположеній, какъ видѣли, заключается въ томъ, что все, будто бы существующее внѣ насъ и возбуждающее въ насъ ощущенія или чувствованія, въ дѣйствительности составляетъ лишь результатъ чего-то во мнѣ самомъ происходящаго ; слѣдовательно, реальнаго, конкретнаго бытія не имѣетъ и, подобно сновидѣніямъ или грезамъ, пропадаетъ, обращается въ ничто, коль скоро нѣтъ субъекта испытывающаго впечатлѣнія т. е. моего *я*. Предположеніе это однако насъ не удовлетворяетъ : существованіе вселенной какъ грезы или миража представляется маловѣроятнымъ. Подъ именемъ грезы, миража или призрака привыкли мы понимать нѣчто не имѣющее ни устойчивости во времени, ни преемственности отъ одного лица къ другому. Греза или призракъ, какъ продуктъ воображенія, возникаетъ въ немъ при извѣстныхъ условіяхъ, воздѣйствуетъ такъ или иначе на мои чувства, но исключительно на мои, не сообщаясь другимъ, и съ пробужденіемъ, или вообще съ измѣненіемъ условій, разъ исчезнувъ, уже не возобновляется въ прежнемъ видѣ, обыкновенно даже не удерживается въ памяти. Миражъ, хотя можетъ восприниматься зрѣніемъ не одной, а одновременно нѣсколькихъ личностей, но чувство осязанія не подтверждаютъ, того что обѣщаетъ зрѣніе ; притомъ, разъ исчезнувъ, онъ навсегда и безъ малѣйшихъ

слѣдовъ пропадаетъ. То, что называемъ вселенною, внѣшнимъ міромъ, имѣетъ совершенно иной характеръ: то, что вижу, слышу, осязаю, ощущаю *я*, тѣ впечатлѣнія которыя при этомъ испытываю, — обыкновенно, можно сказать почти всегда (лишь за весьма рѣдкими и малозначущими исключеніями) испытываютъ, сколько могу судить, и другіе, когда находятся въ тѣхъ же условіяхъ; то, что вижу, слышу, осязаю сегодня — увижу, услышу, могу осязать не только завтра, но черезъ мѣсяцы и годы, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, находящими объясненіе уже въ извѣстной мнѣ или наблюдаемой мною послѣдовательности явленій. То, что называемъ внѣшнимъ міромъ, вселенною, какъ видно, не подходитъ къ понятію грезы, миража или призрака. Гораздо болѣе удовлетворяетъ насъ предположеніе, что предметы и явленія на насъ воздѣйствующіе будутъ въ томъ же видѣ существовать, будутъ продолжать то же самое реальное бытіе свое и при отсутствіи воспринимающихъ чувствъ и мысли. Повторяемъ — утверждать это мы не можемъ, но вѣроятность этого гораздо болѣе подходитъ къ достовѣрности, чѣмъ вышесказанная идея вселенной, какъ грезы или миража.

Окончательно принявъ, такимъ образомъ, независящее отъ нашего *я*, конкретное бытіе внѣшняго міра, какъ представленіе наиболѣе доступное нашей способности пониманія, мы могли бы, пожалуй, поставить еще вопросъ — таковы ли въ дѣйствительности предметы и явленія, какими они намъ кажутся, такова ли сущность ихъ? Но разсужденія объ этомъ были бы дѣломъ лишь праздной и безплодной метафизической тонкости. Для провѣрки или контроля впечатлѣній воспринимаемыхъ нашими ощущеніями и чувствами мы не имѣемъ никакого иного критеріума. Можно, пожалуй, предположить, что при иныхъ способностяхъ, иныхъ свойствахъ чувствую-

щаго и мыслящаго организма, иначе отразились бы въ немъ и воспринимаемыя впечатлѣнія; но такъ какъ подобныхъ, иначе устроенныхъ, иначе одаренныхъ организмовъ нѣтъ и, сколько извѣстно намъ, до сихъ поръ не было, то безцѣльны бы были и всякія измышленія о томъ, въ какомъ иномъ видѣ могъ бы представиться внѣшній міръ. Что же касается вопроса о сущности вещей, въ томъ смыслѣ какъ возбуждала его прежняя метафизика, то самую постановку его разъ навсегда надо признать не только праздною и безплодною, но прямо граничащею съ разстройствомъ функцій здраво развитого ума.

Отношенія наши къ внѣшнему міру, выражающіяся въ общихъ о немъ представленіяхъ.

Установивъ до сихъ поръ понятія о внѣшнемъ мірѣ какъ реальности и о способахъ или пріемахъ познаванія его, предметомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій естественно должны мы поставить опредѣленіе отношеній нашихъ къ этому міру, выражающихся, какъ выше было замѣчено, не въ частностяхъ, а въ общихъ о немъ представленіяхъ; т. е. выясненіе основныхъ взглядовъ или идей, которые возникаютъ и формируются въ насъ отъ воспріятія впечатлѣній извнѣ и непрерывнаго восхожденія отъ нихъ по ступенямъ послѣдовательныхъ обобщеній.

Въ главныхъ чертахъ уже были высказаны соображенія о томъ, какъ въ періодъ ранняго дѣтства возникаютъ и формируются въ насъ понятія о пространствѣ, времени, числѣ, движеніи и покоѣ, послѣдовательности и причинности явленій. Присоединивъ теперь къ этому еще представленія о силѣ и веществѣ или матеріи, попробуемъ прослѣдить развитіе всѣхъ означенныхъ понятій въ годы возмужалости до крайняго доступнаго для насъ предѣла.

Окончательное установленіе основныхъ понятій: о пространствѣ и времени, о мѣрѣ и числѣ.

Приходится опять начать съ понятій о *пространствѣ* и *времени*.

То что высказываютъ по этому предмету философы мало удовлетворяетъ насъ: одни считаютъ означенныя понятія объективными — независимыми отъ насъ, другіе субъективными т. е. внутренними, принадлежащими нашему собственному сознанію; но въ концѣ концовъ надо признать ихъ непостижимыми, говоритъ Гербертъ Спенсеръ. Или: (приводимъ въ видѣ примѣра) пространство и время составляютъ формы неотдѣлимыя отъ всякаго ощущенія вызываемаго внѣшними предметами; идеи пространства и времени не даны внѣшнимъ матеріаломъ, не могутъ быть выведены изъ опыта, ergo онѣ апріорны, онѣ суть чистыя интуиціи и объективной реальности не имѣютъ (Кантъ). Все это не особенно способствуетъ уясненію, усвоенію нами того и другого понятія, и опять, можно замѣтить, болѣе всего потому, что въ приведенныхъ цитатахъ заключается стремленіе приблизиться къ познанію существа вещей, сути того, что обозначаемъ мы наименованіемъ пространства и времени. Здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, мы станемъ на болѣе твердую почву, какъ скоро, отказавшись отъ попытокъ опредѣленія или логическаго вывода, обратимся къ наблюденію, т. е. поставимъ вопросъ — не *что такое* пространство и время, а *какъ* въ насъ возникаетъ, развивается и устанавливается понятіе о томъ и другомъ. Въ этомъ именно направленіи и пробовалъ я разрѣшить вопросъ, когда говорилъ о первыхъ шагахъ ребенка въ дѣлѣ умственнаго развитія.

Уже изъ того что тогда было сказано можно было усмотрѣть, что всякое совершаемое нами обобщеніе, начиная съ самыхъ первыхъ, т. сказ. зачаточныхъ неизбѣжно совмѣщается съ понятіемъ о времени и пространствѣ. Обобщеніе вѣдь есть ни что иное, какъ сравненіе или сопоставленіе между собою впечатлѣній воспринятыхъ *теперь* и *прежде*, *здѣсь* и *тамъ*. Я

воспринимаю впечатлѣніе тепла и въ своемъ сознаніи выдѣляю это впечатлѣніе, потому что уже не разъ испытывалъ его *прежде*, также какъ противуположное ему впечатлѣніе холода, котораго *теперь* не ощущаю. Выйдя утромъ изъ спальни, гдѣ спущены занавѣси, въ другую комнату съ открытыми уже окнами, я воспринимаю впечатлѣніе свѣта, и выдѣляю, сознаю его потому, что уже не разъ, именно *здѣсь* его испытывалъ, также какъ *тамъ* въ спальнѣ — противоположное впечатлѣніе темноты. Начальныя понятія о теплѣ и свѣтѣ являются результатомъ обобщенія, нѣсколько разъ испытанныхъ, какъ этихъ впечатлѣній, такъ и противоположныхъ имъ — холода и темноты. Но рядомъ съ этими, какъ видимъ, одновременно формируются понятія о здѣсь и тамъ, теперь и прежде, формируются неразрывно съ ними и неизбѣжно, потому что если не было бы представленія о прежде и тамъ (испытанномъ) то не могло бы выдѣлиться, обобщиться понятіе объ ощущаемомъ здѣсь и теперь, — не могло бы за отсутствіемъ данныхъ или матеріала для сопоставленія и обобщенія. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ, въ томъ же направленіи, развитіи обобщеній, понятія *здѣсь* и *тамъ*, *прежде* и *послѣ* мало по малу весьма естественно переходятъ въ понятія *близко* и *далеко*, или *коротко* и *длинно*, *скоро* и *продолжительно*, — въ сознаніи вырабатываются представленія не только о пространствѣ и времени, но также о мѣрѣ того и другого. Понятіе же о мѣрѣ неразрывно связано съ понятіемъ о числѣ, что было раньше довольно подробно объяснено.

Понятіе о матеріи или веществѣ.

Разсужденія философовъ о *веществѣ* или *матеріи* такъ-же мало для насъ удовлетворительны, какъ приведенныя выше заключенія ихъ о пространствѣ и времени. Наше понятіе о *матеріи*, сведенное къ своей простѣйшей формѣ, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, есть понятіе *сосуществующихъ положеній обнаружива-*

ющихъ сопротивленіе ; этимъ послѣднимъ оно отличается отъ понятія *пространства*, въ которомъ *сосуществующія положенія не обнаруживаютъ сопротивленія.* Матерія или дѣлима до безконечности или нѣтъ; никакое третье предположеніе невозможно; но и первыя два не вмѣщаются въ нашей мысли, слѣдовательно матерія такъ-же абсолютно непостижима какъ пространство и время (онъ же — Спенсеръ). Здѣсь опять попытка приблизиться къ познанію сущности вещей, и опять столь-же безплодная какъ другія, въ томъ же направленіи сдѣланныя. Сказанное передъ этимъ относительно сущности внѣшняго міра, полагаемъ, заключаетъ въ себѣ и все то, что можно бы сказать о сущности матеріи или вещества. Признавъ (какъ вѣроятность наиболѣе насъ удовлетворяющую) реальное существованіе внѣшняго міра, т. е. происхожденіе явленій, воздѣйствующихъ на наши чувства, отъ чего-то реально, внѣ насъ существующаго, мы этимъ самымъ признали и конкретное бытіе матеріи; такъ какъ то, что разумѣемъ подъ этимъ послѣднимъ названіемъ, всецѣло входитъ въ составъ внѣшняго міра и познается только какъ часть явленій воздѣйствующихъ на наши чувства: *положенія обнаруживающія сопротивленіе* (примѣнительно къ приведенному выше опредѣленію) составляютъ именно тотъ разрядъ явленій, изъ которыхъ возникаетъ понятіе о матеріи или веществѣ. Если же за симъ обратимся къ вопросу какъ появляется и развивается въ насъ означенное понятіе, то въ этомъ отношеніи придется повторить лишь то самое, что было выражено о пространствѣ и времени. Съ полнымъ основаніемъ мы можемъ вышесказаннымъ тремъ понятіямъ дать названіе *первичныхъ*, такъ какъ, подобно понятіямъ о *пространствѣ* и *времени*, и понятіе о *веществѣ* или *матеріи* начинаетъ формироваться одновременно и неразрывно съ появленіемъ у насъ даже самыхъ простѣйшихъ, элементарныхъ, можно ска-

зать зачаточныхъ обобщеній. Какъ эти послѣднія неотдѣлимы отъ представленій о *здѣсь* и *тамъ*, *теперь* и *прежде*, точно также тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ ними представленіе о *сопротивленіи* (вещества), противуполагаемое представленію объ *отсутствіи сопротивленія* т. е. пустотѣ.

Дальнѣйшее развитіе вышеуказанныхъ первичныхъ понятій до конечной ихъ формы.

Когда только что появляются въ насъ понятія о пространствѣ, времени и веществѣ, мы далеки еще отъ того, чтобы искать ихъ опредѣленія; мы даже вовсе объ этомъ не думаемъ, не знаемъ или не произносимъ тѣхъ словъ, которыми въ послѣдствіи привыкаемъ обозначать эти понятія. Слова пространство и время появляются лишь тогда, когда уже начинаемъ измѣрять то и другое. Вѣдь и всякое иное обобщеніе, только-что зарождающееся въ нашей мысли обозначается первоначально весьма смутно, туманно, выдѣляясь изъ окружающаго лишь очень немногими, неясными признаками, и только въ послѣдствіи, по мѣрѣ того, что признаки эти накопляются и пополняются, обобщеніе все болѣе и болѣе опредѣляется, доходя наконецъ до степени вполнѣ установившагося понятія. Такъ точно начальныя малоосмысленныя представленія о здѣсь и тамъ, теперь и прежде или послѣ, только тогда становятся болѣе ясными, отчетливыми понятіями пространства и времени, когда въ опредѣленіи мѣрою и числомъ привыкаемъ мы усматривать существенные неотемлемые признаки того и другого. И чѣмъ обычнѣе, чѣмъ шире примѣняемъ къ предметамъ и явленіямъ процессъ измѣренія, тѣмъ болѣе опредѣляются, уясняются для насъ эти понятія. Такъ для ребенка или дикаря, незнающаго счета далѣе десяти и ничего не видавшаго кромѣ своего жилья, слова пространство и время являются совершенно чуждыми, мало-выражающими; для человѣка же переплывавшаго моря, привыкшаго считать до

милліоновъ, слова эти до такой степени полны смысла и значенія, что всякая попытка опредѣлить или объяснить ихъ оказалась бы несостоятельною, за невозможностію пріискать другія слова, которыя были бы болѣе доступны и присущи пониманію. Кто привыкъ измѣрять время часами, минутами, секундами, и въ другую сторону — днями, годами, тысячелѣтіями, а въ измѣреніи пространства восходить отъ долей миллиметра до солнечнаго діаметра, — тотъ не нуждается въ опредѣленіи что такое пространство и время. Тѣмъ менѣе нуждается въ этомъ мыслитель, дошедшій до абстракціи безконечно-большихъ и безконечно-малыхъ величинъ въ измѣреніи того и другого.

Приблизительно тоже самое можно сказать въ отношеніи понятія о веществѣ, или матеріи. И здѣсь никакія попытки въ пріисканіи словъ для опредѣленія не достигли бы цѣли. Когда же начинаемъ мы знакомиться съ многоразличными признаками или свойствами тѣлъ, предметовъ имѣющихъ конкретное бытіе, когда въ средѣ ихъ привыкаемъ отличать твердыя отъ жидкихъ и газообразныхъ, тяжеловѣсныя отъ почти-невѣсомыхъ, пропускающія свѣтъ отъ непрозрачныхъ, упругія отъ неупругихъ, когда въ абстракціи доходимъ до представленія о безконечно разрѣженной газообразной жидкости и т. д. — тогда слово вещество или матерія, какъ обозначеніе того родового, общаго, что находимъ во всемъ этомъ разнообразіи свойствъ, становится для насъ совершенно понятнымъ и не требующимъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій.

Развитіе понятій о послѣдовательности явленій, движеніи и покоѣ.

Въ общихъ чертахъ уже было указано какимъ образомъ появляются у насъ первыя представленія о послѣдовательности явленій, о движеніи и покоѣ. Переходъ отъ движенія къ покою, или обратно отъ

второго къ первому, и составляетъ именно то, что мы раньше всего усматриваемъ и выдѣляемъ въ послѣдовательности явленій, не выходя разумѣется на первыхъ порахъ изъ круга явленій наиболѣе замѣтныхъ, доступныхъ для мысли даже не привыкшей къ изслѣдованіямъ. Но по мѣрѣ того что развивается мысль, все болѣе зрѣетъ и крѣпнетъ въ ней сознаніе, что всѣ обобщенія, которыя удалось ей сдѣлать, отъ самыхъ начальныхъ до наиболѣе сложныхъ, имѣли основнымъ источникомъ ничто иное какъ послѣдовательность явленій т. е. неизсякающія и непрерывающіяся перемѣны слѣдующихъ одно за другимъ впечатлѣній.

Дѣйствительно, только много разъ повторяющіеся переходы отъ свѣта къ отсутствію его, или отъ полнаго мрака къ различнымъ степенямъ освѣщенія даютъ намъ возможность составить понятіе о свѣтѣ и темнотѣ; только благодаря послѣдовательнымъ ощущеніямъ различныхъ степеней температуры формируется въ насъ понятіе о теплѣ и холодѣ. Очевидно тому и другому понятію неоткуда было бы взяться, если бы въ этомъ отношеніи не было послѣдовательности явленій, т. е. измѣненія испытываемыхъ впечатлѣній, если бы разъ установившіеся освѣщеніе и температура оставались бы на одной степени безъ всякихъ, хотя бы самомалѣйшихъ колебаній. То же самое можно сказать о всѣхъ предметахъ и явленіяхъ, начиная съ самыхъ ближайшихъ къ намъ, самыхъ обычныхъ. Мы отыскиваемъ, затѣмъ обобщаемъ признаки дня и совмѣщаемъ ихъ въ одно понятіе этимъ словомъ выражаемое, потому что день смѣняется ночью и потому что въ теченіе полусутокъ свѣта испытываемъ рядъ извѣстныхъ, слѣдующихъ одно за другимъ впечатлѣній; вырабатываемъ понятіе о вкусѣ предметовъ — сладкомъ, кисломъ и проч. потому что отвлекаемъ, сопоставляемъ, обобщаемъ рядъ послѣдовательныхъ впечатлѣній испытываемыхъ

вкусовыми органами. — Рядъ воздѣйствующихъ на чувства непрерывныхъ измѣненій, совершающихся въ древесной растительности, въ отношеніи ея вышины, формъ, очертаній, цвѣта, запаха, даетъ намъ матерьялъ для сформированія понятія о деревѣ или кустарникѣ и т. д. Явленіе какое бы ни было, впечатлѣніе вызываемое воздѣйствіемъ какого бы ни было предмета совершается или испытывается не иначе какъ въ пространствѣ и времени; но совершаться во времени значитъ совершаться въ послѣдовательности, такъ какъ явно-немыслимо совмѣщеніе въ одномъ моментѣ происходящаго теперь и прежде или послѣ.

Какъ представленія о пространствѣ, времени и веществѣ, въ началѣ лишь слабо намѣченныя, болѣе опредѣляются и наконецъ пріобрѣтаютъ характеръ твердо установившихся понятій, по мѣрѣ того что въ умѣ нашемъ накопляются и пополняются отличительные признаки того, другого и третьяго, — точно такъ же значеніе терминовъ движеніе и покой вполнѣ усваивается мыслью только тогда, когда чрезъ измѣренія и сопоставленія, много разъ повторенныя, пріобрѣтаетъ и группируетъ она свѣдѣнія о многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ движенія, о разнообразныхъ результатахъ перехода отъ движенія къ покою.

Прежде всего начинаемъ мы отмѣчать видоизмѣненія движеній по степени ихъ скорости — быстрыя и медленныя; далѣе замѣчаемъ движенія равномѣрныя и ускоренныя или замедленныя; прямолинейныя и направляющіяся по изогнутой или кривой линіи; переходы къ покою постепенные или внезапные. Измѣряя быстроту движеній, усматриваемъ, что скорость одного можетъ въ два, три, въ десять, въ тысячу и болѣе разъ превосходить скорость другого. Путемъ наблюденій и анализа послѣдовательно доходимъ до абстракціи безконечно-большихъ и безконечно-малыхъ скоростей, а также до понятія о покоѣ абсолютномъ и относительномъ, убѣждаясь вмѣстѣ съ тѣмъ что

абсолютный покой есть только фикція, что въ дѣйствительности, въ мірѣ реальности мы встрѣчаемъ лишь покой относительный. Усовершенствованные пріемы наблюденій, болѣе тонкій научный анализъ наконецъ приводятъ насъ къ заключенію, что видимые или кажущіеся намъ переходы отъ движенія къ покою (разумѣется относительному) оказываются въ дѣйствительности не прекращеніемъ движенія, а только замѣною одного рода движенія другимъ (какъ движенія массы — движеніемъ мельчайшихъ частицъ ея), и что такая именно замѣна составляетъ источникъ цѣлаго ряда явленій въ ихъ послѣдовательности, явленій самыхъ разнообразныхъ по производимымъ на насъ впечатлѣніямъ. (Паденіе водъ Ніагары переходитъ въ электрическій токъ, которымъ освѣщается многолюдный городъ и совершается работа цѣлаго ряда дѣйствующихъ въ немъ механизмовъ).

Прослѣдивъ такимъ образомъ постепенное развитіе и окончательное сформированіе въ умѣ нашемъ понятій о пространствѣ, времени, веществѣ или матеріи, о покоѣ, движеніи и послѣдовательности явленій, постараемся исполнить тоже самое въ отношеніи понятія о причинности явленій и вытекающаго изъ него, какъ будетъ видно, представленія о силѣ.

Развитіе понятія о причинности явленій.

Сказанное выше о томъ какъ возникаетъ въ умѣ ребенка идея о причинности явленій, какъ она развивается и укрѣпляется, собственно можетъ быть обобщено къ томъ конечномъ выводѣ, что идея причинности, какъ и всякое другое знаніе, составляетъ результатъ наблюденія фактовъ и индукціи. Подходящій къ этому взглядъ выражаетъ между прочимъ Юмъ. — Все наше опытное знаніе о причинахъ, говоритъ онъ, есть только знаніе о постоянной преемственности. Мы знаемъ изъ опыта лишь то, что такой-то фактъ постоянно слѣдуетъ за такимъ-то другимъ, и приписываемъ предшествующему способ-

ность производить послѣдующее только въ силу привычки усматривать неизмѣнное слѣдованіе второго за первымъ.

Согласно этому идея причинности явленій есть только фикція, выражающая собою ни что иное какъ вполнѣ сознанную, твердо установленную послѣдовательность ихъ. Объясненіе весьма простое, но, какъ оказывается, не совсѣмъ удовлетворительное. Въ приведенныхъ выше примѣрахъ изъ міровоззрѣній ребенка, какъ и во многихъ другихъ, которые можно было бы привести изъ круга простыхъ явленій, идеи причинности явленій и неизмѣнной, неизбѣжной послѣдовательности ихъ представляются можно сказать вполнѣ тождественными; причинность оказывается только словомъ, придуманнымъ, какъ и многія другія слова, для выраженія въ небольшомъ числѣ звуковъ того, что иначе пришлось бы выражать нѣсколькими словами. За поднесеніемъ листа бумаги къ огню неизбѣжно слѣдуетъ его воспламененіе, за ударомъ кія по билліардному шару неизмѣнно слѣдуетъ его движеніе, — и мы въ обоихъ случаяхъ говоримъ, что первое составляетъ причину второго.

Но съ такою же неизмѣнностью ночь постоянно слѣдуетъ за днемъ, лѣто всегда смѣняется зимою; однако мы отнюдь не думаемъ и не скажемъ, чтобы день составлялъ причину ночи, чтобы лѣто было причиною зимы. Какъ видно, въ приведенномъ выше объясненіи (по Юму) оказывается необходимымъ ввести нѣкоторую поправку: прежде всего замѣчаемъ мы, что примѣнимость его ограничивается лишь явленіями простыми, заключающими въ себѣ, такъ сказать, единичный фактъ. Что же касается явленій сложныхъ, то о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ, съ точки зрѣнія послѣдовательности и причинности, можно было бы съ нятяжкою сказать развѣ то, что совокупность или комбинація единичныхъ фактовъ, совмѣщающихся въ предшедствующемъ сложномъ

явленіи, составляетъ причину совокупности или комбинаціи единичныхъ фактовъ, изъ которыхъ слагается явленіе послѣдующее. Но такимъ опредѣленіемъ отношеній огульно одной комбинаціи фактовъ съ другой умъ привыкшій къ анализу очевидно удовлетвориться не можетъ. Для уразумѣнія смысла или значенія сложнаго явленія онъ напротивъ стремится сколь возможно болѣе выдѣлить, уединить совмѣстившіеся въ немъ элементы, и уже эти, такъ сказать, изолированные элементы изслѣдуетъ, т. е. опредѣляетъ ихъ отношенія къ другимъ подобнымъ же элементамъ, въ число которыхъ (отношеній) входитъ и взаимная ихъ преемственность или причинность.

Но это только первая поправка. Вторая еще болѣе существенная заключается въ томъ, что и въ отношеніи простыхъ, единичныхъ фактовъ, на которые разбиваемъ сложныя явленія, мы, при болѣе глубокомъ ихъ изслѣдованіи, не вполнѣ отожествляемъ причинность явленій съ конкретною, неизмѣнною ихъ послѣдовательностью.

Приближеніе листа бумаги къ огню всегда влечетъ за собою его воспламененіе. Неизбѣжно и неизмѣнно второе дѣйствіе (уничтоженіе бумаги огнемъ) слѣдуетъ за первымъ (поднесеніемъ къ нему листа); потому мы обычно называемъ первое дѣйствіе причиною второго. Но анализирующій умъ не удовлетворяется указаніемъ такой чисто-внѣшней причины — случайнаго приближенія листа бумаги къ огню. Изыскивая глубже другую, существенную, не случайную причину, онъ усматриваетъ ее въ свойствѣ огня — быстро сообщаться дереву, бумагѣ, хлопку, вообще всякой неплотной животной или растительной ткани и въ свойствѣ всякой такой ткани легко воспринимать дѣйствіе огня. Существованіе этихъ свойствъ въ томъ и другомъ предметѣ именно и составляетъ внутреннюю причину явленія, — внутреннюю, говоримъ мы, потому, что означенныя

свойства постоянно существуютъ въ томъ и другомъ, независимо отъ случайнаго ихъ сближенія, и лишь обнаруживаются во внѣшности, — въ дѣйствіи огня на ткань, — когда предварительно совершится другое внѣшнее дѣйствіе — случайное приближеніе ткани къ огню.

Всѣ предметы необходимо состоятъ во взаимныхъ отношеніяхъ одинъ къ другому. Отношенія эти, находясь въ видѣ сосуществованія, не производятъ на насъ впечатлѣнія, остаются незамѣченными, и возбуждаютъ вниманіе наше лишь тогда, когда изъ отношеній сосуществованія переходятъ въ отношенія послѣдованія; тогда называемъ мы ихъ причинами и слѣдствіями или дѣйствіями (Льюисъ по поводу теоріи причинности Юма). — Такъ въ приведенномъ выше примѣрѣ — дѣйствіе заключается въ воспламененіи листа бумаги поднесенной къ огню, причина — въ свойствахъ огня и бумаги: перваго быстро сообщаться неплотной ткани, второй легко воспринимать дѣйствіе огня, — свойствахъ внутреннихъ, при сосуществованіи нами не замѣчаемыхъ, но тѣмъ не менѣе постоянно въ обоихъ означенныхъ предметахъ пребывающихъ и обнаруживающихся немедленно, какъ только сосуществованіе ихъ (неподвижность того и другого на извѣстномъ разстояніи) замѣняется послѣдованіемъ, т. е. перемѣною положенія (приближеніемъ одного къ другому). Точно такъ, желѣзо остающееся долго на воздухѣ покрывается ржавчиной. Это есть дѣйствіе одного предмета на другой; причина — свойство желѣза подвергаться окисленію кислородомъ воздуха, при непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ, — т. е. нѣкая внутренняя между желѣзомъ и кислородомъ связь, отношеніе неизмѣнно между ними существующее и, хотя незамѣчаемое изъ момента въ моментъ, но которое, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго сосуществованія, обнаруживается дѣйствіемъ — послѣдованіемъ ржавчи-

ны. Въ кускѣ мрамора мы не замѣчаемъ соотношенія между составными его частями — известью и углекислотой, точно такъ же какъ при сосуществованіи того и другого вещества на нѣкоторомъ между ними разстояніи; но приведите ихъ въ соприкосновеніе — незамедлитъ обнаружиться послѣдованіе или дѣйствіе въ соединеніи ихъ, образующемъ мраморъ. Причина внѣшняя — соприкосновеніе одного вещества къ другому; внутренняя — неизмѣнно присущее означеннымъ веществамъ свойство при соприкосновеніи соединяться и образовать мраморъ. Первая есть ничто иное какъ преемственность явленій, неизмѣнное слѣдованіе одного за другимъ (здѣсь полное тождество между послѣдовательностью и причинностью), вторая — незамѣтная при сосуществованіи специфическая связь между предметами или явленіями, нѣчто такое, что въ послѣдовательности обнаруживается неизмѣнно, или по крайней мѣрѣ предпочтительно такими-то именно, а не какими либо иными дѣйствіями.

Пытливый, анализирующій умъ именно и стремится къ обнаруженію этой скрытой связи, этой внутренней причинности послѣдовательно раскрывающихся передъ нимъ явленій, и въ изысканіяхъ своихъ постепенно шагъ за шагомъ восходитъ отъ причинъ ближайшихъ, видимыхъ или внѣшнихъ къ болѣе отдаленнымъ, такъ сказать, начальнымъ и основнымъ.

При изслѣдованіи явленій сложныхъ болѣе всего выясняется это постепенное восхожденіе отъ причины къ причинѣ. Возьмемъ, напримѣръ, паровозъ. Прежде всего мы замѣчаемъ вращеніе колесъ, какъ ближайшую причину его поступательнаго движенія. Но что заставляетъ вращаться колеса? То что по оси большого циллиндра двигается взадъ и впередъ рычагъ, одинъ конецъ котораго съ рукояткою прикрѣпленъ къ колесу. Далѣе — что сообщаетъ дви-

женіе рычагу по оси циллиндра? Причина этого заключается въ давленіи пара поперемѣнно то на одну, то на другую сторону поршня къ которому прикрѣпленъ другой конецъ рычага внутри циллиндра. За симъ, откуда берется паръ, впускаемый въ циллиндръ поперемѣнно то съ одной, то съ другой стороны поршня? — Причина образованія его есть нагрѣваніе въ котлѣ воды, обладающей свойствомъ переходить изъ жидкаго въ парообразное состояніе при извѣстномъ возвышеніи температуры. Но въ чемъ же заключается причина такого свойства воды? — Всѣ тѣла жидкія, также какъ газообразныя и часть твердыхъ, отъ нагрѣванія расширяются, причемъ твердыя и жидкія сначала только увеличиваются въ объемѣ, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ возвышеніи температуры, расширяясь еще болѣе, переходятъ первыя — въ жидкое, вторыя — въ газообразное или парообразное состояніе; значитъ обращеніе воды въ паръ является слѣдствіемъ общаго свойства тѣлъ увеличиваться въ объемѣ отъ нагрѣванія. Если же наконецъ поставимъ вопросъ — въ чемъ кроется причина такого общаго всѣмъ тѣламъ свойства, то должны будемъ отвѣтить, что здѣсь раскрытіе причины уже намъ недоступно; но что въ существованіи факта, т. е. особаго, специфическаго свойства тѣлъ мы несомнѣнно убѣждаемся путемъ многочисленныхъ, всесторонніхъ наблюденій и опытовъ.

До сихъ поръ мы изслѣдовали только одну сторону дѣйствія паровоза какъ механизма. Обратимся теперь къ другой. Прежде всего указали мы, что поступательное движеніе системы является слѣдствіемъ вращенія колесъ. Но почему вращеніе колесъ становится способнымъ сообщать поступательное движеніе паровозу и ряду прикрѣпленныхъ къ нему вагоновъ? — Причина заключается въ томъ, что вращеніе каждаго изъ колесъ паровоза встрѣчаетъ сопротивленіе въ треніи его обода о желѣзные

рельсы, и что сопротивленіе это, при огромномъ давленіи паровоза на рельсы, преодолѣть труднѣе, чѣмъ двинуть впередъ всю систему поѣзда*). За симъ слѣдуетъ вопросъ : почему паровозъ, опирающійся на свои колеса производитъ столь сильное давленіе на рельсы ? — По причинѣ большой тяжести системы, т. е. общаго всѣмъ тѣламъ свойства стремиться къ центру земли съ напряженіемъ пропорціональнымъ ихъ массѣ. Наконецъ опять неразрѣшимый вопросъ о причинѣ такого свойства матеріи,— свойства познаваемаго и удостовѣряемаго только опытомъ.

Такимъ образомъ, разсматривая въ двухъ направленіяхъ дѣйствіе паровоза, мы въ обѣихъ частяхъ этого изслѣдованія должны были совершить одинаковый путь восхожденія, постепенно черезъ нѣсколько стадій, отъ ближайшей, прежде всего усматриваемой причины явленія до болѣе отдаленной — начальной или основной, и въ обоихъ случаяхъ таковую должны были признать въ какомъ-то специфическомъ свойствѣ тѣлъ, несомнѣнно, какъ показываетъ опытъ, и постоянно въ нихъ существующемъ, хотя не всегда обнаруживаемомъ. Здѣсь предѣлъ нашего анализа. Указаніе или раскрытіе — въ чемъ въ свою очередь заключается причина такого свойства тѣлъ — намъ недоступно. Такъ и при изслѣдованіи всякаго другого явленія.

Происхожденіе идеи о силѣ.

Между тѣмъ и достигнувъ такого предѣла не можетъ или не желаетъ на немъ остановиться умъ, въ которомъ, еще прежде чѣмъ дошелъ онъ до вопроса объ основныхъ или начальныхъ причинахъ, уже ус-

*) Здѣсь можно бы было еще поставить вопросъ — почему дѣйствіе машины направляется на преодолѣніе сравнительно слабѣйшаго сопротивленія? но это слишкомъ далеко отвлекло бы насъ отъ намѣченной цѣли.

пѣла выработаться и окрѣпнуть привычка восходить отъ причины къ причинѣ и непремѣнно указывать источникъ всего передъ нимъ совершающагося. Дошедши до объясненія такихъ-то явленій свойствомъ тяжести тѣлъ, или взаимнымъ притяженіемъ ихъ мельчайшихъ частицъ, такихъ-то другихъ — способностью тѣлъ увеличиваться въ объемѣ при возвышеніи температуры, и убѣдившись изъ множества фактовъ, что эти свойства матеріи несомнѣнно ей присущи, — мы опять таки желаемъ объяснить происхожденіе этихъ свойствъ. Причина ихъ очевидно можетъ заключаться или въ самомъ предметѣ, т. е. въ еще какомъ либо свойствѣ матеріи, или внѣ ея. Но объяснять начальныя, такъ сказать первичныя свойства матеріи какими либо другими въ ней же самой заключающимися — значило бы не болѣе какъ играть словами : какими напр. болѣе доступными пониманію терминами можно было бы назвать свойства тѣлъ, отъ которыхъ происходитъ ихъ тяготѣніе къ центру земли, способность взаимнаго притяженія матерьяльныхъ частицъ и т. п.? Притомъ отъ младенчества, какъ только начинаетъ работать умъ, онъ съ самаго начала привыкаетъ совершающіяся въ наблюдаемомъ предметѣ перемѣны усматривать большею частью въ чемъ-то внѣ его находящемся: листъ бумаги воспламеняется отъ поднесенія къ нему огня, билліардный шаръ приходитъ въ движеніе отъ удара по нему кія, желѣзо окисляется отъ прикосновенія къ нему воздуха, известь обращается въ мраморъ отъ воздѣйствія на нее углекислоты и т. д. Отсюда натурально является въ насъ наклонность — проявленіе первичныхъ свойствъ тѣлъ приписать также чему-то внѣ ихъ существующему. Это-то нѣчто, составляющее самую начальную причину всего въ конкретномъ мірѣ совершающагося, нѣчто будто-бы пребывающее внѣ предметовъ конкретнаго міра, но заставляющее проявляться основныя, первичныя свой-

ства матеріи или вещества, свойства ничѣмъ не объяснимыя и лишь фактически познаваемыя съ несомнѣнною достовѣрностью, — это нѣчто приняли и привыкли мы называть *силою*. Такимъ образомъ говоримъ мы, что всѣ тѣла на земной поверхности стремятся къ центру земли подъ вліяніемъ силы тяжести, что они образуютъ болѣе или менѣе крупныя массы подъ вліяніемъ силы взаимнаго притяженія частицъ, увеличиваются въ объемѣ дѣйствіемъ силы теплорода, что тѣ или другія вещества соединяются между собою, или разлагаются на составныя части подъ вліяніемъ силы электричества, или силы свѣтовыхъ лучей, что сила химическаго сродства вызываетъ соединеніе кислоты со щелочью и т. д.

Нельзя не признать разумность этого пріема, дающаго возможность цѣлый разрядъ понятій выразить нѣсколькими словами, а тѣмъ болѣе алгебраическою формулою, надъ которою удобно производить дѣйствія математическаго анализа. Но очевидно — это только пріемъ мышленія, т. е. не болѣе какъ замѣна однихъ словъ другими. Въ самомъ дѣлѣ — не все ли равно сказать что калій соединяется съ кислородомъ вслѣдствіе присущаго обоимъ свойства стремиться къ соединенію, для образованія третьяго вещества — ѣдкаго кали, или что калій соединяется съ кислородомъ и образуетъ ѣдкое кали подъ вліяніемъ силы химическаго сродства. Второе отнюдь не болѣе чѣмъ первое выясняетъ намъ сущность явленія. Важенъ для насъ конкретный фактъ, а не то какими словами онъ выраженъ: намъ нужно увидѣть горѣніе калія на водѣ, удостовѣриться какъ онъ уничтожается и какъ вмѣсто чистой воды получается иная жидкость — растворъ ѣдкаго кали; когда все это исполнится передъ нами, тогда только явленіе станетъ для насъ понятно и вразумительно, независимо отъ того скажутъ ли намъ, что причина его заключается въ такихъ-то присущихъ обоимъ

веществамъ свойствахъ, непремѣнно кроющихся въ нихъ самихъ, или что оно совершилось дѣйствіемъ внѣ ихъ пребывающей силы химическаго сродства. — Есть ли, слѣдовательно, какая нибудь разница въ выраженіяхъ: присущія матеріи, кроющіяся въ ней самой такія-то свойства, или существующія внѣ матеріи силы, вызывающія проявленіе въ ней такихъ-то свойствъ? — Перейдя отъ перваго выраженія ко второму, мысль наша очевидно ни на шагъ не подвинулась впередъ. Да и что въ сущности значитъ — пребывающая внѣ матеріи сила? Если бы не было первой, то очевидно ни въ чемъ, положительно ни въ чемъ, не могла бы проявиться вторая, т. е. все равно, что ея и не было бы. Точно также какъ невозможно представить себѣ существованіе матеріи при отсутствіи силы; т. е. безъ внутреннихъ присущихъ матеріи свойствъ, постоянно въ ней пребывающихъ, нельзя уразумѣть проявленіе въ послѣдовательности — познаваемыхъ нами тѣхъ или иныхъ фактическихъ перемѣнъ.

Сила и воля — какъ начальная причина явленій.

Пытаясь объяснить появленіе въ умѣ нашемъ представленія о силѣ, мы сказали, что оно возникаетъ между прочимъ подъ вліяніемъ съ дѣтства-пріобрѣтаемой привычки усматривать причину испытываемой любымъ изъ видимыхъ предметовъ перемѣны въ воздѣйствіи на него какого либо другого предмета. Но это только одинъ изъ источниковъ появленія сказаннаго представленія. Другой, и надо полагать болѣе дѣйствительный, заключается въ самонаблюденіи, въ обобщеніи и перенесеніи на предметы и явленія внѣшняго міра того, что усматриваемъ и сознаемъ въ насъ самихъ. Какъ уже было упомянуто выше, я протягиваю руку къ такому-то предмету потому что хочу его взять, открываю глаза потому что желаю видѣть происходящее впереди, подношу цвѣтокъ къ носу, плодъ ко рту, потому что хочу узнать запахъ

перваго, вкусъ второго и т. д. Это-то понятіе о волевыхъ побужденіяхъ, какъ источникахъ конкретной дѣятельности моего собственнаго организма, я переношу на предметы внѣшняго міра. Камень падаетъ на землю потому что хочетъ упасть, кусокъ дерева не тонетъ въ водѣ потому что не хочетъ тонуть, говоритъ ребенокъ, какъ уже случилось намъ замѣтить. Въ сущности тоже самое выражаемъ мы, когда говоримъ, напримѣръ, что кислородъ соединяется съ каліемъ, углекислота съ известью подъ вліяніемъ силы химическаго сродства. Что такое — эта сила какъ не пребывающее искони въ обоихъ веществахъ, неизсякающее стремленіе (или желаніе) соединиться, которое при извѣстныхъ условіяхъ немедленно и осуществляется въ дѣйствіи. На нѣсколькихъ другихъ примѣрахъ мысль наша выяснится съ еще большею убѣдительностью.

Ртуть брошенная на горизонтальную полированную плоскость распадается мелкими каплями; сблизьте двѣ изъ нихъ на извѣстное, очень небольшое разстояніе — онѣ немедленно соединятся въ одну, болѣе крупную каплю. Совершилось это, говоримъ мы, подъ вліяніемъ силы взаимнаго притяженія матерьяльныхъ частицъ; или, могли бы сказать, по причинѣ присущаго частицамъ матеріи свойства стремиться другъ къ другу, постоянно искать (желать) взаимнаго между собою сближенія. Первое объясненіе, не болѣе чѣмъ второе, раскрываетъ передъ нами сущность явленія, не болѣе подвигаетъ насъ къ уразумѣнію совершившагося.

Изъ насыщеннаго солью раствора, по мѣрѣ испаренія воды, осаждаются кристалы извѣстной красивой, весьма причудливой формы. — Почему? — По причинѣ закона, объясняемъ мы, или силы, заставляющей эту соль образовывать кристалы именно такой-то формы. — Потому что частицы соли желаютъ въ такой формѣ кристализоваться, говоритъ непри-

выкшій къ хитрой терминологіи субъектъ, и нельзя не признать, что его простое объясненіе ничуть не менѣе удовлетворительно чѣмъ предыдущее.

Цвѣтокъ поворачивается головкою къ свѣту, —къ свѣту же тянутся стебли растенія, корни его къ водѣ т. е. влагѣ. Причину этого, говоримъ мы, составляетъ присущая растенію жизненная сила, дѣйствіемъ которой органы его направляются именно къ тому, что по преимуществу даетъ жизнь имъ и черезъ нихъ всему растенію: стебли, цвѣтъ и листья — къ свѣту, корни — къ влагѣ. Цвѣтокъ, говоритъ ребенокъ, поворачивается къ свѣту, стебли тянутся къ нему потому что желаютъ этого, и какъ уже случилось намъ замѣтить, объясненіе его не далѣе отъ истины, чѣмъ болѣе многословное, приведенное передъ симъ.

Такимъ образомъ подходимъ мы къ идеѣ установленія тождественности между понятіями о силѣ и о желаніи или волѣ, какъ всеобщей начальной причинѣ явленій, о чемъ придется еще говорить въ послѣдствіи.

Объясненіе причинности по Канту и заключеніе.

Въ заключеніе, и въ виду различія въ объясненіяхъ причинности явленій школою Юма (приведенныхъ выше) и ей противоположною, — считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о взглядахъ на этотъ предметъ, выраженныхъ Кантомъ.

Опытомъ познается фактъ предшествія и послѣдованія, говоритъ Кантъ; даже болѣе того — подмѣчается законъ, по которому одно слѣдуетъ за другимъ; но въ законѣ подмѣченномъ только опытомъ не будетъ элемента необходимости или всеобщности; этотъ послѣдній элементъ присоединяется къ чувственному опыту умомъ, т. е. неодолимою вѣрою въ причинность, существующею въ самомъ наблюдателѣ и приводящею насъ не только къ заключенію, что одно есть причина другого, но и къ болѣе ши-

рокому общему положенію, что каждое явленіе или дѣйствіе должно имѣть причину.

Совершенно вѣрно, что опытъ не даетъ намъ убѣжденія въ причинности одного явленія относительно другого, т. е. неопровержимо этого не доказываетъ, тѣмъ болѣе не убѣждаетъ насъ въ томъ, что каждое явленіе или дѣйствіе должно имѣть причину. Опытъ лишь собираетъ и накопляетъ факты, вполнѣ устанавливающіе, что явленія слѣдуютъ одно за другимъ въ такомъ-то, а не въ иномъ какомъ либо порядкѣ. А что они необходимо должны совершаться именно въ этомъ порядкѣ и что каждое явленіе, т. е. каждое измѣненіе во взаимномъ положеніи или отношеніи между предметами, могло возникнуть и произойти не иначе какъ вслѣдъ за другимъ такимъ-то явленіемъ, за которымъ оно по наблюденію нашему до сихъ поръ всегда слѣдовало, — это дѣйлтвительно есть только вѣрованіе, — „сужденіе апріорное независимое отъ опыта, говоритъ Кантъ; но кажется правильнѣе и понятнѣе будетъ сказать: основанное опять таки ни на чемъ иномъ какъ на индукціи заключеніе къ цѣлому и ко всеобщему отъ единичныхъ, отдѣльныхъ, хотя бы въ огромномъ числѣ собранныхъ фактовъ.

Можемъ вновь повторить, что фактъ, конкретное явленіе составляетъ для насъ все. Какъ въ отношеніи понятій о пространствѣ, времени, веществѣ, движеніи, покоѣ, такъ точно о причинности и силѣ, надо сказать, что значеніе этихъ терминовъ познается и усваивается нами не черезъ опредѣленіе и объясненіе ихъ болѣе или менѣе удачными словами, а черезъ наблюденіе явленій, чрезъ накопленіе фактовъ, сопоставленій, измѣреній, исчисленій, изъ которыхъ эти понятія возникли, съ которыми постоянно они въ нашемъ умѣ связываются.

Понятіе о законахъ явленій. Законы вѣчные и неизмѣнные.

По мѣрѣ того, что расширяется кругъ нашихъ познаній о явленіяхъ въ ихъ послѣдовательности, мы все болѣе и болѣе свыкаемся съ мыслью о томъ, что каждое явленіе необходимо должно имѣть свою причину и что тождественность причинъ неизбѣжно влечетъ за собою тождественность послѣдствій.*)

Мало по малу распространяя этотъ взглядъ на все совершающееся вокругъ насъ и въ насъ самихъ, мы доходимъ до понятія о законахъ явленій, разумѣя подъ этимъ наименованіемъ точно опредѣленныя, неизмѣнныя, ничѣмъ ненарушимыя отношенія между причинами и слѣдствіями.

Такимъ образомъ, наблюдая движеніе къ земной поверхности свободно-падающихъ тѣлъ, мы, на осно-

*) Мысль эта съ наибольшей убѣдительностью выражается въ первой и основной теоремѣ механики, заключающейся въ томъ, что матерьяльная точка, по свойству своей инерціи, находясь въ покоѣ, не можетъ придти въ движеніе точно также какъ двигающаяся съ извѣстной скоростью и въ извѣстномъ направленіи не можетъ измѣнить ни направленія, ни скорости, иначе какъ отъ воздѣйствія на нее чего либо находящагося внѣ ея. Положеніе это доказывается такъ: предположивъ, что точка, находившаяся въ покоѣ самопроизвольно пришла въ движеніе, или что двигавшаяся измѣнила самопроизвольно направленіе или скорость движенія, — совершенно необъяснимо было бы — почему она приняла именно такое-то направленіе изъ безчисленнаго множества равно для нея открытыхъ, почему получила именно такую-то скорость, а не другую какую либо изъ числа измѣняющихся, отъ минимальныхъ до самыхъ большихъ. Понятнымъ это становится только тогда, когда допустимъ, что въ томъ направленіи, которое получила матерьяльная точка, находится нѣчто другое, воздѣйствіемъ своимъ ее къ себѣ привлекающее; притомъ съ напряженіемъ, опредѣлившимъ скорость движенія въ зависимости отъ свойствъ привлекающаго и привлекаемаго. Внѣ такого предположенія, повторяемъ, нарушеніе инерціи представляется случайностью или абсурдомъ.

Теорема эта кажется очень проста, также какъ и доказательство. Но, очевидно, было бы безплодно внушать и доказывать ее человѣку неподготовленному къ отвлеченіямъ, къ пріемамъ математическаго, или по крайней мѣрѣ логическаго анализа.

ваніи много разъ повторенныхъ опытовъ, дѣлаемъ выводъ, что это ускоренное по вертикальной линіи движеніе совершается въ силу закона, который выражается формулою $V = \frac{g\,t^2}{2}$, — закона отъ вѣка предуставленнаго, т. е. не имѣющаго ни начала ни конца, всеобщаго и неизмѣннаго. Точно также, послѣ продолжительныхъ, самыхъ тщательныхъ наблюденій, выражаемъ мы, болѣе или менѣе сложными, но столь же твердо установленными формулами, законы небесной механики, по которымъ исчисляемъ пути и скорости движенія небесныхъ тѣлъ, опредѣляющіе во всякій данный моментъ взаимное ихъ положеніе въ небесномъ пространствѣ. Подвергая опытамъ вліяніе однихъ на другія разныхъ простыхъ и сложныхъ тѣлъ, при ближайшемъ между ними соприкосновеніи, при воздѣйствіи на нихъ тепла, свѣта или электричества, — мы усматриваемъ, что щелочь неизмѣнно соединяется съ кислотою, и тѣмъ большую обнаруживаютъ онѣ при этомъ энергію, чѣмъ сильнѣе та и другая; что входящая въ составъ сложнаго тѣла болѣе слабая кислота или щелочь непремѣнно вытѣсняется сильнѣйшею; что соединеніе между собою простыхъ тѣлъ можетъ совершаться отнюдь не иначе какъ въ извѣстныхъ доляхъ или паяхъ, съ оставленіемъ свободнымъ, внѣ соединенія, всего того что превышаетъ нужную для него извѣстную, точно опредѣленную долю (пай) и т. д. При всѣхъ этихъ процессахъ, послѣдовательность, порядокъ, энергія, пропорція входящихъ въ соединеніе долей, — все это, какъ убѣждаетъ насъ опытъ, повторяется постоянно, всякій разъ безъ отступленій, почему и выражается извѣстными химическими формулами, въ которыхъ признаемъ мы твердый, неизмѣнный законъ химическаго сродства, химическихъ соединеній и разложеній.

Какимъ порядкомъ вырабатывается познаваніе законовъ.

Такъ, мало по малу, вырабатываемъ, провѣряемъ, установливаемъ мы законы и другихъ воздѣйствующихъ на насъ явленій. Какъ уже случилось выше упомянуть, всегда, послѣ нѣсколькихъ наблюденій, путемъ болѣе или менѣе смѣлаго синтеза, предварительно слагается гипотеза; въ нее затѣмъ, послѣ повторенныхъ наблюденій или опытовъ, вводятся одна за другою поправки, пока окончательно не выработается алгебраическая или философская формула, которая, по всѣмъ имѣющимся до настоящаго момента фактамъ, можетъ быть принята за выраженіе закона. По причинѣ труднодоступности для насъ нѣкоторыхъ наблюденій и относительной ограниченности нашего мыслящаго апарата, мы лишь шагъ за шагомъ подвигаемся на этомъ пути. Далеко не во всѣ тайны природы успѣли мы проникнуть, тѣмъ болѣе законы весьма многихъ явленій не удалось намъ еще выразить болѣе или менѣе точными формулами. Но все же, можно сказать, непрерывно идемъ впередъ, и не только открываемъ одинъ за другимъ законы совершающагося вокругъ насъ и въ насъ самихъ, но все болѣе и болѣе ихъ обобщаемъ, сводя постепенно къ одному закону, къ одному разряду явленій то, въ чемъ первоначально усматривали вліяніе нѣсколькихъ, даже многихъ причинъ, воздѣйствующихъ на элементы весьма разнообразные.

Иллюстраціи выраженнаго положенія.

Не болѣе какъ за 60 лѣтъ передъ симъ, въ общепринятыхъ учебникахъ физики находился особый отдѣлъ о магнетизмѣ, какъ одномъ изъ четырехъ „невѣсомыхъ“. Теперь явленія магнетизма изучаются паралельно съ явленіями электричества: до такой степени они тѣсно между собою связаны и объясняются примѣненіемъ одинаковыхъ законовъ. Въ об-

ласти геологіи пришли къ заключенію, что многое прежде объяснявшееся рѣзкими потрясеніями или катаклизмами въ дѣйствительности могло и по всѣмъ вѣроятіямъ должно было произойти путемъ весьма медленныхъ, постепенныхъ вывѣтриваній, измельченій, растворенія, отложеній и наслоеній, т. е. и здѣсь признали ничто иное, какъ примѣненіе общаго закона тяжести къ воздѣйствію на твердыя, матерьяльныя частицы въ воздушной и водяной средѣ. Въ животномъ и растительномъ царствахъ для большинства явленій прежде не находили мы другихъ объясненій, кромѣ дѣйствія таинственной или невѣдомой жизненной силы; теперь, во многихъ изъ этихъ явленій, видимъ ничто иное какъ хорошо извѣстные намъ физическіе и химическіе процессы, совершающіеся по тѣмъ же законамъ, которые вполнѣ обслѣдованы въ примѣненіи къ явленіямъ міра неорганическаго. Въ отношеніи познаванія этихъ самыхъ законовъ мы все болѣе и болѣе подвигаемся по пути обобщеній. Движенія тѣлъ небесныхъ, во всемъ ихъ разнообразіи, исчисляются помощію весьма сложныхъ математическихъ пріемовъ; но исходную точку всего, какъ общее всѣмъ этимъ выводамъ основаніе, должны мы были усмотрѣть въ начальномъ законѣ, по которому притяженіе увеличивается пропорціонально массамъ, уменьшается пропорціонально квадратамъ разстояній. Съ этимъ закономъ соединяемъ наконецъ въ одно, въ качествѣ родового понятія, и законъ всеобщаго взаимнаго притяженія матерьяльныхъ частицъ. Достигнувъ понятія о неуничтожаемости движенія, о томъ что прекращеніе движенія массы есть ничто иное какъ превращеніе его въ движеніе атомовъ, которое въ свою очередь становится источникомъ явленій тепла, свѣта и электричества, мы устанавливаемъ связь между законами всѣхъ этихъ явленій, объединяемъ изученіе, познаваніе ихъ.

Таковъ постепенный прогресъ обобщеній по всѣмъ отраслямъ нашего мышленія; но нагляднѣе всего сказывается онъ въ познаваніи химическихъ свойствъ матеріи. По курсамъ химіи, въ половинѣ XIX-го столѣтія, насчитывалось около шестидесяти простыхъ тѣлъ. Съ тѣхъ поръ открыто нѣсколько новыхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя изъ считавшихся простыми удалось разложить на составныя части, значитъ перевести въ категорію сложныхъ. Хотя разложенія совершались лишь при исключительныхъ условіяхъ, которыя воспроизвести было не легко; но именно благодаря этимъ трудностямъ выяснились данныя, изъ которыхъ съ достаточнымъ вѣроятіемъ можно было заключить, что, при еще болѣе усовершенствованныхъ пріемахъ и способахъ анализа, многія другія тѣла, нынѣ принимаемыя за простыя, также когда нибудь подвергнутся разложенію; а затѣмъ дальнѣйшимъ шагомъ на пути синтеза, — шагомъ, хотя и смѣлымъ, но далеко не лишеннымъ основанія, является предположеніе, что во вселенной существуетъ лишь очень небольшое число простыхъ тѣлъ и что только изъ крайняго разнообразія въ условіяхъ комбинаціи этихъ элементовъ образовалось въ конкретномъ мірѣ огромное количество разнородныхъ тѣлъ или веществъ, познаваемыхъ нами въ далеко не сходныхъ между собою проявленіяхъ ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ.

Неуничтожаемость существующаго.

Подобно тому какъ понятіе о неуничтожаемости движенія, и еще предшествуя ему, устанавливается въ умѣ нашемъ, на основаніи многочисленныхъ, разнообразныхъ опытовъ, положеніе о неуничтожаемости матеріи, а затѣмъ, въ качествѣ гипотезы или вѣрованія, — общій законъ, по которому ничто изъ существующаго во вселенной пропасть, безслѣдно исчезнуть не можетъ, и что первоначально принимавшееся нами за уничтоженіе видимаго, осязаемаго, конкрет-

наго, есть только переходъ или превращеніе его въ нѣчто тончайшее, менѣе уловимое, менѣе доступное познаванію чувствами.

Конечные выводы.

Обращаясь къ конечному выводу, интегрируя, такъ сказать, предшествующую работу ума, мы можемъ всѣ основныя познанія наши о вселенной, доведенныя до наибольшей, доступной для насъ степени обобщенія, выразить въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ:

1) Матерія уничтоженію не подвергается, точно также какъ не подвергается ему движеніе, какъ и все вообще въ мірѣ существующее, все воздѣйствующее на наши чувства.

2) То что принималось за уничтоженіе матеріи, движенія или силы есть въ дѣйствительности только переходъ отъ конкретнаго къ тончайшему, менѣе уловимому.

3) Простыхъ тѣлъ въ природѣ очень не много; все же разнообразіе вещества, матеріи, вообще предметовъ внѣшняго міра, производящихъ на насъ впечатлѣнія, составляетъ результатъ лишь безконечно-различныхъ формъ и условій, въ которыхъ совершаются взаимнодѣйствіе и комбинаціи этихъ немногихъ простыхъ элементовъ.

4) Всѣ эти комбинаціи простыхъ и сложныхъ тѣлъ, съ многообразными ихъ результатами, всѣ воздѣйствія однихъ на другіе предметовъ, тѣлъ, частицъ вещества или матеріи, составляютъ слѣдствія присущихъ имъ внутреннихъ (первичныхъ) свойствъ, или находящихся внѣ ихъ силъ. Познать причину или источникъ этихъ свойствъ или силъ мы не можемъ, но въ реальномъ, несомнѣнномъ ихъ существованіи убѣждаемся фактами.

5) Всѣ явленія конкретнаго міра, — все равно признаемъ-ли источникомъ ихъ присущія матеріи внутреннія (первичныя) свойства, или воздѣйствія на

нее внѣшнихъ силъ, — совершаются по нѣкоторымъ законамъ. Раскрытіе причины или происхожденія этихъ законовъ для насъ опять таки недоступно; но точно также изъ фактовъ, много разъ повторенныхъ, ихъ наблюденія и анализа, убѣждаемся мы, что несомнѣнно существуютъ эти законы, т. е. вѣчныя, точно опредѣленныя, ничѣмъ не нарушимыя отношенія между причинами и слѣдствіями, подъ вліяніемъ которыхъ стройно развивается цѣпь явленій въ неизбѣжной ихъ послѣдовательности и, такъ сказать, предуставленной формѣ.

6) Наблюдаемую нами неизмѣнную зависимость между причинами и слѣдствіями первоначально объясняемъ мы вліяніемъ законовъ по существу своему многоразличныхъ; но путемъ наблюденій, гипотезъ или наведеній и опытовъ, обобщаемъ, объединяемъ эти законы, и мало по малу сводимъ ихъ къ выраженію относительно — немногими упрощенными формулами, математическими или философскими.

Вотъ короткій перечень выводовъ, къ которымъ должны мы были придти. Во многомъ изъ этого надо признать далеко не достовѣрности, не положенія неопровержимо доказанныя. Какъ уже случилось замѣтить говоря о причинахъ и слѣдствіяхъ, здѣсь также можемъ повторить, что приведенные выводы представляютъ собою какъ бы вѣрованія, гипотезы болѣе или менѣе смѣлыя, отчасти провѣренныя, отчасти продолжающія еще провѣряться наблюденіями и опытами. На вопросъ — достигнемъ ли въ этомъ отношеніи когда либо полной достовѣрности — очевидно должны отвѣчать отрицательно. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ обобщеніяхъ, достовѣрность составляетъ предѣлъ, къ которому можемъ только приблизиться : съ полною увѣренностью можемъ утверждать, что фактъ совершился, что онъ десять, сто, тысячу разъ повторялся въ томъ же видѣ, въ той же обстановкѣ; но что въ такомъ самомъ видѣ со-

вершится онъ всегда — это въ области нашихъ знаній искони было и до конца останется лишь гипотезою, дѣломъ синтеза.

На этомъ однако синтезъ не останавливается. Дѣлая въ томъ же направленіи еще одинъ широкій и наиболѣе смѣлый шагъ, онъ доходитъ наконецъ до представленія (разумѣется лишь въ качествѣ вѣрованія) о постигаемыхъ только умомъ всеобъемлющимъ — единой вѣчной матеріи и столь же вѣчномъ, единомъ, непреложномъ законѣ, какъ источникахъ системы мірозданія, изъ которыхъ, съ предуставленною этимъ самымъ закономъ ненарушимою послѣдовательностью, развилась она и непрерывно продолжаетъ развиваться во всей ея безпредѣльности и безконечности.

С. Значеніе человѣка въ системѣ мірозданія.

1. Неизмѣнный законъ. Воля. Нравственное начало. Внутренніе и внѣшніе мотивы.

Неизмѣнность законовъ по отношенію къ нашему внутреннему міру.

Изъ всего передъ этимъ сказаннаго явствуетъ, что вселенная, внѣшній міръ представляется намъ механизмомъ весьма сложнымъ, разнообразнымъ, но, въ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ своихъ и въ послѣдовательномъ развитіи, подчиняющимся законамъ, хотя еще не вполнѣ нами извѣданнымъ, но несомнѣнно существующимъ — строго опредѣленнымъ и неизмѣннымъ. Далѣе, — внимательно наблюдая феномены собственнаго духа, то что происходитъ въ насъ самихъ, убѣждаемся, что и явленія міра духовнаго совершаются по законамъ столь-же точнымъ и неизмѣннымъ. Дѣйствительно, всматриваясь въ себя, не можемъ не замѣтить, что каждое наше дѣйствіе

есть послѣдствіе или извѣстной мысли въ насъ развившейся, или какого либо явленія внѣшняго міра на насъ повліявшаго ; что каждая наша мысль, въ свою очередь есть послѣдствіе или другой мысли непосредственно ей предшествовавшей, или опять таки какого либо внѣшняго на насъ впечатлѣнія. Замѣчаемъ мы и въ себѣ, и въ другихъ людяхъ не только это, но также и то, что извѣстныя мысли или явленія влекутъ за собою извѣстныя же, всегда болѣе или менѣе одинаковыя мысли или дѣйствія ; значитъ что первыя составляютъ, какъ привыкли мы называть, причины вторыхъ, а вторыя послѣдствія первыхъ, и что между тѣми и другими существуетъ нѣкоторая непремѣнная зависимость. Такимъ образомъ въ мірѣ духовномъ, какъ и физическомъ все совершающееся въ настоящій моментъ могло, въ силу закона, произойти только какъ неизбѣжное послѣдствіе изъ всего совершившагося въ моментъ непосредственно предшествовавшій ; а все имѣющее произойти въ моментъ непосредственно слѣдующій за настоящимъ, точно также по опредѣленнымъ законамъ, разовьется изъ явленій момента настоящаго, и такъ до безконечности.

Мысль эта, по отношенію къ міру физическому, удачно иллюстрируется весьма наглядным объясненіемъ, приведеннымъ однимъ изъ авторитетовъ науки, при изложеніи законовъ метеорологическихъ явленій (Профес. Ленцъ въ 40—50 гг. XIX вѣка). Еслибы, говоритъ онъ, мы были въ состояніи, положимъ хоть 1-го января 1850-го года въ 8 часовъ утра, наблюсти совокупность метеорологическихъ явленій на всемъ пространствѣ земного шара, т. е. въ каждой его точкѣ — температуру, степень влажности, направленіе, силу вѣтра, состояніе облаковъ и т. д. Потомъ, въ продолженіе 50-ти, 100, 200 или болѣе лѣтъ, наблюдали бы явленія, которыя за означеннымъ моментомъ послѣдовали, и наконецъ, поло-

жимъ хоть 1-го января 2050-го года въ 8 же ч. утра, повторились бы на всемъ земномъ шарѣ въ точности тѣ самыя явленія, которыя замѣчены были за 200 лѣтъ передъ тѣмъ, т. е. 1-го января 1850 г., — то мы могли бы быть вполнѣ увѣрены, что въ слѣдующіе 200 лѣтъ, т. е. съ 1-го января 2050-го по 1-ое января 2250-го года совершится на нашей планетѣ кругъ буквально тѣхъ самыхъ и въ томъ самомъ порядкѣ явленій, какъ и въ предыдущій двухсотлѣтній періодъ. Это иначе не можетъ быть, потому что метеорологическіе законы отъ вѣка неизмѣнны, и если 1-го января 2050-го года въ 8 час. утра законы эти прилагаются къ тому самому матеріалу, т. е. буквально къ той самой средѣ, какъ въ 8 ч. утра 1-го января 1850 го года, то нѣтъ положительно никакой причины, почему бы въ теченіе слѣдующихъ 24-хъ часовъ, т. е. до 8-ми часовъ утра 2-го января 2050-го года, не произошло въ точности то же, что совершалось за 200 лѣтъ, съ 1-ое по 2-ое января 1850-го года. Потомъ одинаковыя, какъ и за 200 лѣтъ, явленія повторятся со 2-го по 3-ье января и т. д. до конца двухсотлѣтняго періода.

Объясненіе это вполнѣ приложимо и къ происходящему въ мірѣ духовномъ. Если бы были вполнѣ извѣстны намъ законы, которымъ подчиняются мысль и дѣйствія человѣка, если бы знали мы во всѣхъ подробностяхъ среду его окружающую, если бы умѣли съ точностью опредѣлить его собственныя внутреннія качества, и настроеніе въ которомъ онъ въ данный моментъ находится, — то могли бы съ достовѣрностью сказать, что именно сдѣлаетъ онъ въ моментъ непосредственно слѣдующій, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ впечатлѣній; — отъ этого точно также могли бы перейти къ моменту имѣющему наступить далѣе, и такъ до конца его жизни. Рядъ такихъ же, отъ момента къ моменту, заключеній

могли бы мы сдѣлать въ отношеніи извѣстнаго общества или даже цѣлаго человѣчества, если бы когда либо были въ состояніи съ точностью опредѣлить совокупность всѣхъ условій въ которыхъ оно находится, совокупность всѣхъ безъ исключенія внутреннихъ и внѣшнихъ на него вліяній, равно и законовъ имъ управляющихъ.

Недоступность познаванія законовъ міра духовнаго въ ихъ цѣломъ.

Очевидно что подобное исчисленіе дѣйствій человѣческихъ съ математическою точностію для насъ недоступно. Но здѣсь невозможность никакъ не въ томъ, чтобы явленія міра духовнаго были болѣе подвержены случайностямъ и менѣе подчинялись бы неизмѣннымъ законамъ, чѣмъ явленія міра физическаго; тѣ и другіе законы одинаково точны и неизмѣнны; разница только въ томъ, что законы физическіе болѣе просты, болѣе уловимы, ихъ легче уединить одинъ отъ другого и изслѣдовать въ отдѣльности; тогда какъ въ мірѣ духовномъ они такъ сложны, разнообразны, такъ тѣсно между собою переплетены, что ни уединить ихъ вполнѣ, ни охватить во всей совокупности человѣкъ рѣшительно не въ состояніи; точно также какъ опредѣлить во всѣхъ подробностяхъ положеніе и настроеніе, въ извѣстное время, духовной среды, къ которой эти законы прилагаются. Здѣсь, какъ убѣждаемся изъ наблюденій для насъ доступныхъ, самый мелкій, едва замѣтный фактъ иногда влечетъ за собою послѣдствія первостепенной важности.

Неудачныя попытки опредѣленія означенныхъ законовъ чрезъ устраненіе подробностей.

Провозвѣстники приложенія математическаго анализа къ изслѣдованію исторической жизни народовъ (въ числѣ ихъ наиболѣе выдающійся Бокль) пытались разрѣшить задачу путемъ устраненія подробностей, мелкихъ фактовъ, теряющихъ будто бы значе-

ніе при суммированіи совершившагося въ періоды многовѣковые и въ обширныхъ раіонахъ. Въ доказательство того какимъ образомъ законы развитія человѣчества могутъ быть опредѣлены безъ изслѣдованія частностей, чрезъ одно сопоставленіе статистическихъ данныхъ, собранныхъ въ большихъ раіонахъ и за продолжительные періоды, Бокль наприм. объясняетъ какъ, чрезъ собраніе подобныхъ данныхъ опредѣляется, пропорція рождаемости мальчиковъ и дѣвочекъ. Вопросъ этотъ, говоритъ онъ, надъ которымъ долго трудились метафизики и физіологи, и трудились совершенно безплодно, статистика самымъ положительнымъ образомъ рѣшила тѣмъ, что на 21-го мальчика родится 20 дѣвочекъ. — Но развѣ этимъ рѣшается вопросъ интересовавшій метафизиковъ и физіологовъ? Принявъ, и совершенно вѣрно, за несомнѣнное данное, что полъ ребенка опредѣляется индивидуальными качествами родителей, они пытались открыть отъ какихъ именно качествъ и какого сочетанія таковыхъ онъ находится въ зависимости. Въ рѣшеніи этого вопроса не успѣли они, но какъ видно не успѣла и статистика. Болѣе пояснить это можно помощію слѣдующаго уподобленія. Поставьте напримѣръ дикаря въ такія условія чтобы онъ могъ наблюдать часы, не имѣя однако возможности къ нимъ приблизиться. Черезъ нѣсколько времени онъ привыкнетъ къ тому, что бой часовъ совершается черезъ извѣстные, одинаковые промежутки, что часы бьютъ въ срединѣ дня и срединѣ ночи 12, что они бьютъ 6 когда солнце склоняется къ горизонту или подымается надъ нимъ; но узнаетъ ли онъ черезъ это сущность устройства часовъ? Нѣтъ, пока не разсмотритъ часовой механизмъ и не уразумѣетъ его дѣйствіе. Точно также въ приведенномъ выше примѣрѣ: статистическія данныя убѣждаютъ насъ въ существованіи закона, по которому, въ общемъ, въ массѣ, на 21-го мальчика родится 20 дѣвочекъ; но

почему эта пропорція, отъ чего зависитъ рожденіе первыхъ или вторыхъ къ рѣшенію этого вопроса можетъ подвинуть насъ только длинный рядъ болѣе частныхъ, самыхъ подробныхъ и самыхъ трудныхъ наблюденій надъ личными качествами родителей, условіями ихъ жизни и сожительства въ тѣхъ случаяхъ когда рождались мальчики и въ тѣхъ когда появлялись дѣвочки. Трудно расчитывать, чтобы подобныя данныя удалось собрать даже по такому относительно-простому вопросу; тѣмъ болѣе представляется это сомнительнымъ въ отношеніи сложнѣйшихъ законовъ духовной жизни. Но что явленія міра духовнаго, въ той же мѣрѣ какъ и физическаго, подчиняются вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ — это несомнѣнно можно отнести къ числу основныхъ, незыблемыхъ убѣжденій здравомыслящаго человѣка.

Несовмѣстимость неизмѣннаго закона и элемента свободной воли.

Между тѣмъ, признавъ неопровержимость этого положенія, мы естественнымъ образомъ приходимъ къ отрицанію элемента свободной воли въ дѣйствіяхъ человѣка. Съ перваго раза къ мысли этой трудно привыкнуть, странно допустить отсутствіе въ насъ того элемента, вліянію коего мы привыкли приписывать всѣ наши дѣйствія, движенія, мысли. Я дѣлаю это потому что хочу, не иду туда потому что не хочу и т. д. разсуждаемъ мы обыкновенно. Какъ же отрицать существованіе въ человѣкѣ свободной воли? Внимательное обсужденіе покажетъ однако, что такъ называемая „свободная воля“ есть не болѣе какъ условный терминъ, — терминъ не совсѣмъ правильный, — выражающій только присутствіе въ насъ ощущенія, или чувствованія, которымъ существа мыслящія и желающія отличаются отъ тѣхъ которыхъ относимъ къ категоріи немыслящихъ и не желающихъ; что присутствіе въ насъ этого ощущенія вполнѣ совмѣстимо съ подчиненіемъ нашихъ дѣйствій

и мыслей опредѣленнымъ, неизмѣннымъ законамъ, такъ что одно ни мало не исключаетъ другого.

Дѣйствительно, вся жизнь наша состоитъ въ общеніи съ существами намъ подобными, съ людьми; общеніе же съ людьми, какъ извѣстно, заключается въ стремленіи изучить ихъ, познать и такъ или иначе вліять на нихъ. Но что же значитъ знать людей и вліять на нихъ? Значитъ ничто иное какъ пріобрѣсть о ихъ качествахъ и законахъ ими управляющихъ свѣдѣнія столь точныя и вѣрныя, чтобы быть въ состояніи заранѣе предсказать, что такой-то человѣкъ или общество, находящіеся въ такой-то жизненной обстановкѣ, совершатъ, подъ вліяніемъ такихъ-то впечатлѣній, именно такое-то, а не иное какое либо дѣйствіе, придутъ къ такой-то именно, а не къ другой какой либо мысли, — и, будучи въ состояніи это предвидѣть, окружить человѣка, или общество, такими впечатлѣніями, чтобы они сдѣлали то что мы желаемъ.

Подтвержденіе этому мы видимъ на каждомъ шагу. Отецъ семейства старается направить дѣйствія своихъ домочадцевъ согласно своему желанію и, если онъ человѣкъ разумный, то дѣлаетъ это не путемъ принужденія, а чрезъ поставленіе членовъ своей семьи въ такія условія, чтобы они не могли дѣйствовать иначе. Дѣти стараются изучить качества тѣхъ отъ кого они зависятъ, дабы наиудобнѣйшимъ путемъ получить отъ послѣднихъ желаемое; свѣтскій человѣкъ изучаетъ общество дабы имѣть въ немъ успѣхъ, т. е. заранѣе знать какими дѣйствіями или словами можно подвинуть общество къ желаемымъ сужденіямъ или дѣйствіямъ; кокетка изучаетъ мужчинъ для того, чтобы быть увѣренною что такія-то ея уловки заставятъ поклонниковъ сдѣлать желаемыя ею глупости; государственный человѣкъ изучаетъ народъ, дабы рядомъ тѣхъ или другихъ мѣропріятій подвинуть его къ совершенію такихъ-то подвиговъ,

къ принятію такого-то общественнаго строя. Какъ видно всегда одно и тоже замѣчаемъ мы въ отношеніяхъ человѣка къ себѣ подобнымъ. Убѣжденіе наше въ полной зависимости дѣйствій человѣка отъ окружающей среды и предшествовавшихъ впечатлѣній положительно доказывается тѣмъ, что согласно съ этимъ убѣжденіемъ мы направляемъ всѣ наши шаги, что мы постоянно стремимся предугадать что сдѣлаетъ человѣкъ или общество подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній и, предугадавъ, поставить ихъ въ такія условія, чтобы они не могли дѣйствовать и мыслить иначе, какъ согласно нашимъ ожиданіямъ. И такъ тверда увѣренность наша въ полной зависимости дѣйствій человѣка отъ окружающихъ и предшествовавшихъ впечатлѣній, что если бы человѣкъ поставленный въ извѣстныя условія сдѣлалъ не то что мы при этихъ условіяхъ ожидали, то мы говоримъ лишь, что мы ошиблись въ этомъ человѣкѣ, невѣрно поняли и оцѣнили его качества, или недостаточно уяснили себѣ какимъ именно образомъ долженъ поступить человѣкъ поставленный въ подобныя условія; но никогда и никому не приходило въ голову подвергнуть сомнѣнію самую возможность предугадать дѣйствія хорошо извѣстнаго намъ человѣка, при столь же извѣстной обстановкѣ. Если же мы, даже при нашихъ ограниченныхъ познаніяхъ, можемъ заранѣе указать какъ будетъ дѣйствовать человѣкъ въ данной средѣ, подъ вліяніемъ данныхъ впечатлѣній, — то значитъ онъ дѣйствуетъ не произвольно, а въ полной зависимости отъ среды и впечатлѣній, по извѣстному закону. Гдѣ же тутъ свободная воля?

Еще болѣе убѣдиться въ ея отсутствіи мы можемъ обратившись къ процессу воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же заключается воспитаніе матерью своего ребенка отъ самой колыбели, какъ не въ томъ, что она постоянно старается заставить его

дѣлать то что желаетъ, предугадывая заранѣе какими именно своими дѣйствіями можетъ она этого достигнуть. Уча, напримѣръ, ребенка ходить, мать ставитъ его лицомъ къ себѣ у дивана или стула и, садясь въ нѣкоторомъ разстояніи, протягиваетъ къ нему руки. Дѣлаетъ она это затѣмъ, чтобы ребенокъ, стремясь схватить ея руки, сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ, и предугадываетъ заранѣе, что поставленный въ означенныя условія ребенокъ исполнитъ ея желаніе. Вы обѣщаете ребенку игрушку или угрожаете наказаніемъ, предвидя заранѣе, что это обѣщаніе или угроза подвинутъ его къ исполненію того, что вы хотите заставить его сдѣлать. Наконецъ, въ чемъ заключаются всѣ новѣйшіе, упрощенные методы обученія дѣтей наукамъ, искусствамъ, ремесламъ, какъ не въ употребленіи извѣстныхъ пріемовъ, помощью которыхъ заставляютъ дѣтей незамѣтнымъ для нихъ образомъ сдѣлать именно то, что отъ нихъ желаютъ; причемъ педагогами заранѣе съ точностью опредѣлено — что будетъ шагъ за шагомъ дѣлать ребенокъ, къ обученію котораго примѣнены эти пріемы. Но если есть возможность заранѣе, на годъ или болѣе впередъ, опредѣлить что именно будетъ дѣлать ребенокъ, то какой же смыслъ считать дѣйствія его послѣдствіями свободной воли? Очевидно правильнѣе будетъ сказать, что дѣйствія эти, по извѣстному, неизмѣнному закону, развиваются изъ его начальныхъ качествъ и тѣхъ впечатлѣній, вліяніе которыхъ ребенокъ на себѣ испытываетъ.

Происхожденіе понятія о „Свободной волѣ“.

Постараемся однако приблизиться къ уясненію того, какимъ образомъ могло сформироваться въ насъ представленіе о несуществующей въ дѣйствительности свободной волѣ. Свободная воля, по общепринятымъ понятіямъ, составляетъ то, въ чемъ заключается главное и основное отличіе существъ, называемыхъ одушевленными отъ предметовъ неоду-

шевленныхъ. Посмотримъ-же чѣмъ существенно различается развитіе тѣхъ и другихъ. Для примѣра возьмемъ человѣка и растеніе. Элементы, заключающіеся въ сѣмени, изъ которыхъ произошли какъ тотъ, такъ и другое, развиваются въ хорошо извѣстныя намъ формы подъ вліяніемъ элементовъ получаемыхъ извнѣ, по точнымъ неизмѣннымъ законамъ; такъ что состояніе перваго и второго въ каждый данный моментъ есть только прямое и неизбѣжное послѣдствіе того, чѣмъ они были, и тѣхъ внѣшнихъ элементовъ какими были окружены, въ моментъ непосредственно предшествовавшій. Вліянія, которыя испытываетъ на себѣ человѣкъ, многочисленнѣе и разнообразнѣе тѣхъ, которыя испытываетъ растеніе только потому, что гораздо обширнѣе среда въ которой развивается первый, также какъ и его воспріимчивость; но бороться съ этими вліяніями ни тотъ ни другое не въ состояніи: оба совершаютъ въ своемъ развитіи только то, что должны совершить, — подчиняясь дѣйствію приложеннаго къ нимъ всесильнаго мірового закона, — и относится это не только къ тѣлесному или внѣшнему, но также къ внутреннему развитію человѣка, къ строенію его мысли, т. е. къ накопленію и комбинированію представленій въ клѣточкахъ головного мозга. До сихъ поръ между животнымъ и растительнымъ царствами — сходство полное, или по крайней мѣрѣ — различіе количественное, отнюдь не качественное, по степени, а не по существу; совершающіяся въ области того и другого міра эволюціи представляются въ обоихъ одинаково не болѣе какъ движеніемъ механизма, — правда достигающаго весьма различной въ тѣхъ и другихъ предметахъ степени совершенства, но все же только механизма исключительно вещественнаго, — представляются до тѣхъ поръ, пока не коснемся мы элемента чувствованія, желанія или апетита. Это-то свойство живаго существа,—и преж-

де всего человѣка, — подчиняясь по непреложной силѣ закона, независящимъ отъ него вліяніямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ощущать получаемыя извнѣ впечатлѣнія, равно и то, что исключительно въ немъ самомъ происходитъ, испытывать отъ одного чувство благосостоянія (bien-être), удовольствія или наслажденія, отъ другого — недовольства (malaise) непріятности или страданія, сообразно съ симъ — желанія, апетита или влеченія къ одному, — отвращенія или страха передъ другимъ, — это именно свойство и составляетъ отличіе міра животнаго и въ извѣстной степени растительнаго отъ неорганическаго, то что привыкли мы называть „свободной волею“ живыхъ существъ, а въ обобщеніи распространенномъ на все живущее — волею вселенной (какъ говоритъ Шопенгауеръ), душу ея, т. е. проявленіе въ ней трудно-постижимаго для насъ въ существѣ своемъ, но несомнѣнно въ ней пребывающаго духовнаго элемента, безъ котораго существованіе всего остального, непрерывно движущагося механизма вещества и мысли, представлялось бы чѣмъ-то темнымъ, ненужнымъ и потому непонятымъ.

Объясненіе понятія о волѣ примыслительно ко взглядамъ Шопенгауэра.

Изъ выдающихся мыслителей послѣдняго времени вопросомъ о свободной волѣ человѣка въ особенности занимался Шопенгауэръ. Потому и приводимъ нѣкоторыя изъ его мыслей на этотъ предметъ, преимущественно изложенныхъ въ сочиненіи „Міръ какъ воля и какъ представленіе“*). На основаніи наблюденія феноменовъ собственнаго духа мы уже выразили заключеніе, что формулу Декарта „cogito ergo sum“ правильнѣе будетъ замѣнить другою — „sentio ergo sum“. Раціональность такой

*) Не владѣя нѣмецкимъ языкомъ, мы въ отношеніи взглядовъ Шопенгауэра принуждены были слѣдовать за его французскими коментаторами, какъ A. Fouillée, Ribot, а въ особенности Brunetière.

замѣны въ особенности отстаиваетъ Шопенгауэръ. До него въ этомъ смыслѣ ясно выразился можетъ быть только Паскаль сказавшій „que le coeur a ses raisons que la raison ne connaît pas“. Шопенгауэръ же въ волѣ видитъ все содержаніе и сущность человѣка. Желать — это жить и жить — это желать, говоритъ онъ; доказательство этого вписано въ глубинѣ нашего сознанія, или вѣрнѣе — въ насъ не существуетъ другого сознанія, кромѣ сознанія нашей воли. Легко доказать или допустить, что весь окружающій насъ внѣшній міръ, съ цвѣтами и формами разныхъ предметовъ, существуетъ не въ этихъ предметахъ, а только въ насъ; болѣе того — что наши познанія о сочетаніи причинъ и слѣдствій имѣютъ мѣсто только въ нашемъ пониманіи; но единственно что существуетъ дѣйствительно и несомнѣнно — это мы сами, мы въ нашемъ страхѣ или желаніи, въ нашей любви или ненависти, однимъ словомъ мы — въ нашей волѣ. Вотъ сущность человѣка и основаніе вселенной; скажемъ болѣе — вотъ самая вселенная и весь человѣкъ. Только наша воля составляетъ для насъ предметъ непосредственнаго познанія и абсолютной достовѣрности. Не измѣняющіяся наши представленія, ни противорѣчивыя мысли, ни отвлеченныя понятія; а наши привязанности, желанія, страсти образуютъ наше *я*. И на всѣхъ степеняхъ развитія природы находимъ мы — прежде всего — сознанную и почувствованную въ насъ самихъ волю, желаніе жизни, неотдѣлимыя отъ нея такъ же какъ тѣнь отъ тѣла, — волю вѣчную, вездѣсущую неизмѣняемую, неразрушимую.

Сочетаніе понятій о волѣ и неизмѣнномъ законѣ.

Изъ вышеизложеннаго видно, на сколько высокое значеніе придаетъ Шопенгауэръ элементу воли. Но при всемъ томъ онъ ни мало не отступаетъ отъ основного своего пониманія воли живущаго, — исключительно въ смыслѣ, вызываемаго чувствованіемъ,

апетита, желанія, склонности, влеченія,—или стремленій противоположныхъ,—отнюдь не дѣйствія или рѣшенія опредѣляемаго произволомъ.

Съ такимъ взглядомъ онъ находитъ вполнѣ возможнымъ соединить логическое объясненіе общепринятого подраздѣленія дѣйствій живыхъ существъ на произвольныя и непроизвольныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привычнаго для насъ термина „свобода воли“. Съ точки зрѣнія Шопенгауэра, даже самый суровый детерминизмъ*) допускаетъ для человѣка пользованіе нѣкоторою долею свободы, — долею, заключающеюся въ томъ, что чрезъ подчиненіе мыслей своихъ извѣстной дисциплинѣ, человѣкъ заранѣе очищаетъ въ нѣкоторомъ родѣ двигатели или мотивы своихъ будущихъ рѣшеній: мы не свободны въ данный, уже наступившій моментъ принять то или другое рѣшеніе; но отъ насъ зависѣло путемъ долгой привычки создать въ себѣ побужденія или мотивы, которые заставили бы насъ, въ этотъ настоящій моментъ склониться къ тому или къ другому рѣшенію; иначе—не отъ меня зависитъ, въ моментъ когда говорю, быть не тѣмъ, каковъ я теперь, но я могъ бы быть инымъ, если бы значительно раньше сталъ надъ этимъ работать.

Дисциплинированіе мысли. Внѣшніе и внутренніе мотивы.

Для наибольшаго выясненія этого прибавимъ, что и свободу подчиненія мысли дисциплинѣ разумѣется можно допустить не иначе какъ съ оговоркою, что въ опредѣленіи успѣха или степени этого подчиненія дѣйствуетъ, какъ всегда и вездѣ неизмѣнный законъ, нарушить который мы не свободны на столько же, какъ и въ случаѣ принятія внезапнаго рѣшенія, подъ вліяніемъ, непосредственно передъ рѣшеніемъ подъй-

*) Слово это понимаю въ смыслѣ строго опредѣленной, ненарушимой связи между причинами и послѣдствіями. То что одинаковыя условія всегда даютъ одинаковые результаты именно и назвалъ *детерминизмомъ* физіологъ *Клодъ-Бернаръ*.

ствовавшей причины. Отличіе только въ томъ, что въ этомъ послѣднемъ разѣ, причина, появляясь извнѣ, иногда совершенно внезапно, признается нами за безусловно случайную, тогда какъ въ первомъ, т. е. при конечномъ вліяніи дисциплинированной мысли, причина заключается въ насъ самихъ, въ извѣстной комбинаціи представленій, которыя уже ранѣе успѣли сформироваться изъ полученныхъ впечатлѣній въ клѣточкахъ нашего мозга, причемъ процессъ этого формированія, можетъ быть ужъ нѣсколько разъ прежде, былъ слѣдствіемъ проявленія въ насъ функцій воли, т. е. удовольствія или непріятности, влеченія или страха. Я закрываю глаза подъ вліяніемъ внезапно упавшаго на зрачекъ яркаго луча свѣта — это проявленіе воли, опредѣлившееся только внѣшней причиной, то что называютъ простымъ рефлективнымъ движеніемъ; подвергаю себя сильнѣйшему, но краткому мученію вырыванія зуба, для устраненія болѣе сноснаго, но продолжительнаго страданія отъ зубной боли, — это проявленіе воли, опредѣлившееся взаимно-дѣйствіемъ внѣшней и внутренней причины, съ иниціативою первой и преобладающею силой второй; прерываю сладкую нѣгу тѣла, при бездѣйствіи мысли, для усиленной умственной работы, потому что твердо увѣренъ въ невозможности болѣе или менѣе значительнаго продленія перваго, и напротивъ въ безконечномъ удовлетвореніи, приносимомъ успѣхами и результатами второй; здѣсь также взаимодѣйствіе внутреннихъ и внѣшнихъ мотивовъ проявленія воли, но съ иниціативою и явнымъ преобладаніемъ первыхъ. Почти во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, можно сказать во всѣхъ за исключеніемъ наиболѣе простыхъ рефлексовъ, замѣчаемъ мы это взаимодѣйствіе, эту борьбу внутреннихъ и внѣшнихъ мотивовъ воли, оканчивающуюся нерѣдко побѣдою первыхъ. Этой борьбѣ и такому исходу ея, по принятой терминологіи и даютъ преимущественно

наименованіе — „проявленія свободной воли“. Терминъ, какъ видно, неправильный. Отъ вѣка непреложный законъ, здѣсь какъ и всюду, неизмѣнно исполняется; случайностей, исходящихъ изъ произвола личности, здѣсь какъ и всюду, нѣтъ и быть не можетъ. Когда успѣваемъ мы дисциплинировать, извѣстнымъ образомъ направить свою мысль, то особенность лишь въ томъ, что здѣсь мотивы проявленія воли (т. е. желанія подъ вліяніемъ котораго принимаемъ рѣшеніе) заключаются въ нашемъ сознаніи, въ представленіяхъ нашего мозга, охватывающихъ болѣе или менѣе значительный, иногда весьма широкій раіонъ, въ который, наравнѣ съ познаніемъ о предметахъ міра внѣшняго и законахъ развитія мысли, входятъ также представленія о прежде извѣданныхъ мотивахъ проявленія воли. Проявленія воли и мотивы ихъ, какъ феномены, подобно другимъ таковымъ же, безспорно подлежатъ обсужденію и сведенію въ извѣстные законы, а законы эти, будучи разъ установлены въ нашемъ сознаніи, въ свою очередь становятся новыми мотивами, опредѣляющими дальнѣйшія проявленія воли. Эта послѣдовательность въ развитіи мотивовъ воли, равно взаимнодѣйствіе и тѣснѣйшая связь между волею и мышленіемъ, именно и составляетъ причину той путаницы, въ которой цѣлыми вѣками безысходно вращается человѣческая мысль, между принципами свободной воли съ одной стороны, неизмѣннаго закона, предопредѣленія, Божественнаго промысла — съ другой. Въ видѣ конечнаго вывода приведемъ еще сужденіе по этому предмету одного изъ серьезныхъ нашихъ мыслителей. Понятіе о свободной волѣ, говоритъ онъ „есть предразсудокъ и самообольщеніе сознанія происходящее отъ того, что наше самонаблюденіе не простирается на выработку въ безсознательномъ состояніи мотивовъ дѣйствія, существующихъ въ скрытомъ видѣ, а начинается съ момента, когда эти мо-

тивы вступаютъ между собою въ борьбу“;—„въ сущности же обманное чувство якобы свободы или произвола есть только сознаніе того, что, откликаясь на раздраженіе извнѣ, лицо становится хотя и невольною, но дѣйствительною причиною перемѣнъ, производимыхъ имъ въ мірѣ внѣшнемъ“. (В. Спасовичъ. „Новыя направленія въ наукѣ Уголовнаго Права“).

Воздѣйствіе сознанія на волю. Конечныя ея цѣли.

Продолжая изслѣдованіе на эту тему, усматриваемъ, что какъ элементомъ воли, т. е. чувствованія, желанія или апетита, отличаются существа живущія отъ предметовъ міра неорганическаго, такъ развитіемъ сознанія и, сообразно съ симъ, степенью вліянія его на проявленія воли устанавливается разница между человѣкомъ и другими менѣе совершенными живыми организмами, равнымъ образомъ опредѣляется между сими послѣдними постепенность ихъ совершенства.

Растеніе тянется къ свѣту, — въ этомъ нельзя не видѣть проявленія воли, т. е. желанія или влеченія, но подъ вліяніемъ только внѣшняго мотива (на свѣту ему лучше жить), безъ всякаго участія сознанія. Простѣйшія дѣйствія животныхъ, совершаемыя въ силу того, что обыкновенно называютъ инстинктомъ, опредѣляются также апетитомъ, влеченіемъ, желаніемъ жить, но уже съ участіемъ въ большей или меньшей степени опыта, т. е. обобщенія или наведенія, словомъ — сознанія или мышленія. Наконецъ, великіе историческіе дѣятели, для обработки или распространенія своихъ идей, претерпѣваютъ лишенія, страданія, казни; здѣсь побужденія воли возникаютъ и развиваются исключительно дѣйствіемъ внутреннихъ мотивовъ, самой высокой степени актовъ мышленія, провидящаго за сотни лѣтъ впередъ вліяніе означенныхъ идей на судьбы человѣчества.

Сознаніе или пониманіе, въ зависимости отъ большей или меньшей степени его развитія, — говоритъ

одинъ изъ популяризаторовъ Шопенгауэра (Брюнетьеръ), — возбуждаетъ болѣе или менѣе многочисленные мотивы воли, заставляющіе совершать или нѣтъ извѣстное дѣйствіе. Но какъ бы ни были многочисленны и разнообразны мотивы, если они и видоизмѣняютъ свойство, направленіе и характеръ дѣйствія, ни коимъ образомъ не могутъ они измѣнить сущность воли, которая оставаясь всегда идентичною самой себѣ, въ человѣкѣ, какъ и во всей природѣ, стремится, хотя бы и весьма различными путями, всегда къ одной цѣли - „къ защитѣ, сохраненію и продолженію жизни".

Для прикрѣпленнаго къ почвѣ растенія, — скажемъ въ видѣ иллюстраціи этого положенія, — единственныя допускающія выборъ условія жизни — свѣтъ и влага: къ нимъ и тянется оно — стеблемъ къ свѣту, корнемъ къ влагѣ. Для животнаго главнѣйшія условія жизни — пища, наиболѣе приспособленная къ принятію, перевариванію и уподобленію его органами, и соотвѣтствующая организму температура: къ добыванію или отысканію того и другого, и къ половому совокупленію, обусловливающему продолженіе рода, преимущественно и направлена воля животнаго. Для существъ болѣе развитыхъ сознаніе создаетъ еще иныя, несравненно болѣе сложныя потребности, безъ которыхъ жизнь ихъ не полна, и даже иногда становится невозможною. Какъ видно всюду одно и тоже : все совершается, развивается, двигается впередъ по закону отъ вѣка неизмѣнному; но въ средѣ живыхъ существъ это движеніе или развитіе сопровождается чувствованіемъ или удовольствія, или непріятности, сообразно съ симъ — желанія или отвращенія, влеченія или страха. Въ свою очередь мотивы желанія или противоположнаго чувства, разнообразные до безконечности, видоизмѣняются въ зависимости отъ степени развитія сознанія,

и отъ простѣйшихъ, чисто внѣшнихъ, возвышаются до самыхъ сложныхъ, внутреннихъ.

Неизмѣнный законъ и нравственное начало.

При такомъ пониманіи принципа свободной воли, съ перваго раза можетъ представиться, что уже и рѣчи быть не можетъ о долгѣ человѣка, объ обязанностяхъ внушаемыхъ совѣстью, объ отвѣтственности каждаго за свои дѣйствія, т. е. вообще о нравственномъ началѣ. Ближайшія соображенія приводятъ однако къ заключенію, что и отрицаніе свободной воли не исключаетъ примѣненія нравственнаго принципа къ дѣйствіямъ и мыслямъ человѣка. На этой точкѣ зрѣнія, какъ оказывается, стоитъ даже выдающійся представитель философіи пессимизма и отрицанія свободной воли — Шопенгауэръ. Исходя изъ основного положенія, что воля или желаніе чего либо — сущность и душа жизни — вызывается неимѣніемъ или недостаткомъ этого „чего либо“, и что такимъ образомъ вся жизнь есть ничто иное какъ цѣпь лишеній или страданій, Шопенгауэръ говоритъ: „но уменьшимъ, обрѣжемъ, уничтожимъ желаніе жизни, подавимъ страсти, умертвимъ похоти (т. е. очистимъ наши желанія, укажемъ для нихъ путемъ мышленія болѣе высокія цѣли) — и воля, освободившись отъ связывавшихъ ее цѣпей, возвратится къ своей сущности: справедливость, милость, духъ самопожертвованія берутъ верхъ надъ эгоизмомъ*). Такимъ образомъ пессимизмъ Шопенгауэра создаетъ

*) Подобный взглядъ находимъ и у графа Л. Н. Толстого, который говоритъ, что истинный смыслъ жизни заключается въ отреченіи отъ своей личности въ пользу человѣчества, въ полномъ сліяніи съ нимъ. Такъ смотрѣли на жизнь и другіе провозвѣстники пессимизма, начиная съ Будды и Христа, хотя въ ученіи каждаго свои особенности. Равнымъ образомъ во времена болѣе къ намъ близкія ту же сущность находимъ у всѣхъ послѣдователей означеннаго ученія, хотя пессимизмъ Сунфта не тотъ что Паскаля, Шопенгауэра не тотъ, что Леопарди, Тэна не тотъ что графа Толстого.

новую, возвышенную мораль на развалинахъ прежней, вульгарной морали, пропитанной утилитаризмомъ, все зданіе которой покоится на той иллюзіи, будто мы вызваны къ жизни для того, чтобы быть счастливыми, чего никогда никакая религія въ дѣйствительности не признавала. Оставаясь до конца вѣренъ объясненному пониманію жизни, Шопенгауэръ въ дальнѣйшемъ развитіи своего ученія между прочимъ высказываетъ: „красота, умъ, геній — все затмевается добротою сердца, которая принадлежитъ къ разряду началъ трансцендентальныхъ, простирающихся далеко за предѣлы этой жизни и несоизмѣримыхъ по отношенію къ какому бы то ни было другому совершенству."

Постараемся еще къ выраженному въ этихъ афоризмахъ приблизиться путемъ болѣе послѣдовательныхъ умозаключеній, и такимъ образомъ болѣе конкретно, логически выяснить полную возможность сочетанія проповѣдуемыхъ пессимистами началъ морали самой возвышенной съ усвоеннымъ и окончательно принятымъ нами принципомъ отсутствія произвола въ дѣйствіяхъ и мысляхъ человѣка.

Еще разъ приходится напомнить, что означенный принципъ, передъ симъ твердо установленный, заключается въ томъ, что все, положительно все во вселенной, не исключая развитія мысли, возникновенія чувствованій, а — какъ послѣдствіе ихъ — желаній и проявленія сихъ послѣднихъ въ дальнѣйшемъ мышленіи и дѣйствіяхъ, — все совершается по неизмѣнному вѣчному закону. Не имѣя ни средствъ, ни силъ извѣдать, обнять этотъ законъ въ его цѣломъ, мы однако, въ мѣрѣ возможности путемъ тысячилѣтнихъ наблюденій, стремимся приблизиться къ уразумѣнію его въ частностяхъ. Въ числѣ многихъ установленныхъ уже человѣчествомъ частныхъ формулъ этого закона, мы между прочимъ усвоили убѣжденіе, во-первыхъ, что упомянутый непрелож-

ный и вѣчный, хотя не познанный нами законъ несомнѣнно существуетъ; во вторыхъ, что душа всего живущаго — воля, т. е. чувствованія и желанія жизни — въ человѣкѣ, какъ и въ низшихъ организмахъ, первоначально возникаютъ и проявляются подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній и физическихъ потребностей (влеченіе къ теплу, пищѣ, тѣлесному покою, половому совокупленію); но по мѣрѣ того что становятся шире и глубже наши познанія о вселенной, о послѣдовательности и причинахъ явленій, въ возбужденіи чувствованій и направленіи желаній начинаютъ все болѣе и болѣе принимать участіе мотивы внутренніе, изъ нашей мысли исходящія — представленія, комбинированныя нашимъ мозгомъ изъ впечатлѣній имъ прежде полученныхъ и въ немъ сохранившихся. Далѣе устанавливаемъ, что эти внѣшніе и внутренніе мотивы воли или желаній обыкновенно ведутъ между собою непрерывную борьбу и что по мѣрѣ развитія нашихъ познаній побѣда все болѣе и болѣе склоняется на сторону послѣднихъ. Разгоряченные зноемъ мы жаждемъ выпить холодной воды, но останавливаемся представленіемъ о послѣдствіяхъ внезапнаго охлажденія желудка; воспаленные похотью, мы готовы броситься въ объятія куртизанки, но удерживаемся представленіемъ о ея продажности и развратѣ; администраторъ или судья готовъ покривить душею въ виду мзды за неправое рѣшеніе, но отклоняетъ ее подъ вліяніемъ болѣе глубокого предвидѣнія того, что никакія матерьяльныя блага мздою доставленныя не перевѣсятъ зла презрѣнія и упрековъ, хотя бы невысказанныхъ, которымъ подвергается мздоимецъ со стороны честныхъ людей. Такимъ образомъ, при наибольшемъ доступномъ для человѣка накопленіи и комбинированіи здравыхъ познаній, значеніе для насъ жизни внѣшней въ сильнѣйшей мѣрѣ стушевывается и заслоняется жизнью внутреннею.

Мудрый едва замѣчаетъ чувствованія и желанія возбуждаемыя предметами или случайностями внѣшняго міра, передъ тѣми, которые мотивируются представленіями мозга и постепеннымъ развитіемъ ихъ (такова жизнь ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, иногда государственныхъ людей). Наконецъ, апогей этого развитія, высшая точка знанія приноситъ намъ убѣжденіе, что наибольшее для человѣческой личности благо, какъ по степени его интенсивности такъ и неизмѣнности, независимости отъ случайностей, заключается во внутреннемъ довольствѣ; а что прочное внутреннее довольство, въ свою очередь, достигается наибольшимъ объединеніемъ себя съ людьми и природою, такъ чтобы благомъ себѣ подобныхъ возбуждались наши чувствованія и мотивировались желанія въ той же мѣрѣ, какъ нашимъ собственнымъ, чтобы такую же роль по отношенію къ нашимъ чувствованіямъ и желаніямъ играло изученіе вселенной, особенно всего въ ней живущаго съ цѣлью служенія ему. Къ осуществленію того, что, по указанію мышленія, можетъ доставить и обезпечить благо всего объединеннаго съ нимъ живущаго, направлена воля генія.

Всматриваясь въ процессъ послѣдовательнаго формированія и утвержденія въ насъ познаній о развитіи мыслей, возбужденіи чувствованій, направленіи желаній, о законѣ постояннаго взаимнодѣйствія между тѣми, другими и третьими, нельзя не замѣтить, что свѣдѣніе это, — познаніе о томъ, какъ развитіе мысли постепенно очищаетъ, возвышаетъ, облагораживаетъ чувство и желаніе, — весьма естественно, съ каждою проходимою имъ ступенью становится новымъ мотивомъ къ направленію желанія на дальнѣйшее развитіе мысли, а мысль, дѣлая вслѣдствіе этого новыя пріобрѣтенія, въ свою очередь опять еще болѣе возвышаетъ и очищаетъ желаніе. (1)

---

(1) Въ отношеніи очищенія или воспитанія желаній нельзя не

Такимъ путемъ совершается, хотя съ извѣстными перерывами, или колебаніями, предуставленный отъ вѣка прогрессъ человѣчества. Въ движеніи этомъ мы очевидно ни іоты измѣнить не можемъ; но учавствуя въ немъ какъ механизмомъ нашей мысли, такъ и душою нашей жизни — нашимъ чувствованіемъ и желаніемъ, мы постоянно находимся въ совершенно натуральной и, надо сказать, благодѣтельной иллюзіи, будто бы то, что произошло несомнѣнно вслѣдствіе нашего желанія, или какъ результатъ борьбы нашихъ желаній, могло бы совершиться иначе, если бы у насъ были не такія желанія; если бы мы измѣнили ихъ, такъ заканчиваютъ обыкновенно это сужденіе, легко представляя себѣ цѣлый рядъ многоразличныхъ желаній, которыми могли бы замѣнить-ся дѣйствительно испытанныя; но упуская изъ виду, что измѣнить-то ихъ не отъ насъ зависѣло, что извѣстное направленіе ихъ не было дѣломъ нашего произвола, не только въ моментъ ихъ проявленія, но что и въ подготовленіи или воспитаніи желаній могла участвовать наша мысль, равно наши чувствованія и желанія предшествовавшія, но отнюдь не нашъ произволъ. Иллюзія, какъ видно, въ томъ, что совершающееся въ собственномъ существѣ нашемъ мы принимаемъ за совершаемое нами по произволу; дѣйствительно и несомнѣнно существующую противуположность, между актами вызванными внѣшними и внутренними мотивами, замѣняемъ фикціею: противуставляемъ дѣйствія вынужденныя, не отъ насъ зависящія, или, какъ говорятъ, безсознательныя, автоматическія — и дѣйствія будто-бы произвольныя*).

припомнить мнѣніе Боссюэта, который говоритъ: если память наша обогащается только чистыми идеями, то откуда могло бы воображеніе почерпнуть идеи другого рода.

*) Существованіе этой иллюзіи признаетъ, между прочимъ, Пироговъ въ дневникѣ послѣднихъ годовъ своей жизни: въ каждую

2. Анализъ явленій вызываемыхъ внѣшними мотивами. Ученіе матерьялистовъ и противуположное ему признаніе духовнаго элемента источникомъ и сущностью жизни. Различныя категоріи духовной дѣятельности.

Нормальный ходъ нашего развитія. Воздѣйствія исключительно внѣшнихъ мотивовъ.

Въ видахъ полнѣйшаго выясненія состава и особенностей человѣческой природы, остановимся нѣсколько болѣе на изслѣдованіи противуположности между упомянутыми передъ симъ двоякаго рода дѣйствіями, которыя обыкновенно называютъ безсознательными и произвольными.

Прежде всего, какъ было указано, въ насъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ приспособленными къ тому органами, возникаютъ ощущенія. Ощущенія эти отъ означенныхъ воспринимающихъ органовъ, черезъ посредство приносящихъ нервовъ и промежуточныхъ нервныхъ центровъ, передаются головному мозгу; за симъ, классифицируясь, вырабатываются въ понятія и, такъ сказать, отпечатлѣваются въ клѣточкахъ мозга представленіями, которыя составляютъ ничто иное какъ обобщеніе впечатлѣній по ихъ одинаковымъ, сходственнымъ или различнымъ и противуположнымъ признакамъ или свойствамъ. Представленія или понятія, путемъ дальнѣйшихъ отвлеченій и обобщеній, пополняясь при этомъ новыми впечатлѣніями извнѣ, вырабатываются въ сужденія, которыя, равно какъ представленія и впечатлѣнія начальныя (хотя послѣднія въ менѣе опредѣ-

---

данную минуту, говоритъ онъ, я могу желать лишь того, что по неизмѣнному закону развитія долженъ желать.

Кстати можно отмѣтить, что кромѣ столь рѣшительнаго отрицанія свободы воли, Пироговъ, въ томъ же дневникѣ, выражаетъ мнѣнія совершенно сходныя съ приведенными выше, относительно индуктивнаго и дедуктивнаго способовъ мышленія, и замѣны Декартовой формулы „cogito ergo sum“ — принятою нами — „sentio ergo sum“.

ленной формѣ), возбуждаютъ въ насъ чувство удовольствія или непріятности, благосостоянія или недовольства, согласно съ симъ становятся мотивами желанія или влеченія, отвращенія или страха, словомъ того что мы называемъ проявленіями или возбужденіями воли. Эти же возбуж енія частію порождаютъ новые акты мышленія, частію отъ головного мозга, черезъ посредство промежуточныхъ нервныхъ узловъ и относящихъ нервовъ достигаютъ обратно воспринимающихъ органовъ и обнаруживаются тѣми или другими дѣйствіями, направленными къ новымъ воспріятіямъ, значитъ составляющими источникъ новыхъ впечатлѣній, представленій, сужденій, актовъ воли и т.д. безпрерывно повторяющійся тотъ же кругъ.

Таковъ обыкновенный, преобладающій порядокъ воспріятія впечатлѣній и послѣдующихъ за ними осмысленныхъ волевыхъ актовъ, — порядокъ хотя далеко не вполнѣ выясненный немногими приведенными выше словами, но какъ кажется достаточно намѣченный для сопоставленія съ нимъ того рода дѣйствій, въ которыхъ мышленіе и воля какъ будтобы участія не принимаютъ, — дѣйствій вызываемыхъ исключительно внѣшними мотивами и получившихъ названіе, какъ было упомянуто, — безсознательныхъ или автоматическихъ. Ближайшими примѣрами такихъ дѣйствій, какъ извѣстно, могутъ служить: отдергиваніе члена вслѣдствіе внезапнаго удара, ожога или укола; закрываніе вѣкъ въ виду быстраго, нежданнаго приближенія чего либо къ глазу; содраганіе всего тѣла отъ внезапно-сильнаго звука, или отъ появленія чего либо необычнаго; сюда же могутъ быть отнесены акты удаленія посредствомъ кашлянія чего либо посторонняго попавшаго въ дыхательное горло, возбужденія половыхъ органовъ отъ приближенія или прикосновенія при извѣстныхъ условіяхъ къ существу другого пола и т. д.

Ученіе матерьялистовъ или автоматистовъ. — Взглядъ ихъ на простой рефлексъ какъ исключительно механическое сокращеніе.

Преобладающее, ближайшее наблюденіе второго рода дѣйствій совершаемыхъ всѣми животными организмами, до самыхъ низшихъ, — актовъ наиболѣе поддающихся экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, очевидно и составляетъ источникъ ученія матерьялистовъ или автоматистовъ, доходящихъ въ концѣ концовъ до признанія во всей міровой жизни исключительно функцій чистѣйшаго механизма. Исходною точкою этого ученія служитъ объясненіе, однимъ лишь механическимъ рефлективнымъ сокращеніемъ мышцъ, простѣйшихъ, такъ сказать начальныхъ движеній, въ родѣ только что перечисленныхъ. При отдергиваніи члена напр. внезапно испытавшаго болѣзненное или непріятное впечатлѣніе, — впечатлѣніе это по приносящему (или восходящему) нерву мгновенно достигаетъ ближайшаго нервнаго узла, и отъ него столь же скоро по относящему (нисходящему) нерву передается мышцамъ. Не боле, слѣдовательно, какъ простой рефлексъ, говорятъ автоматисты, чисто механическая игра нервовъ. — (1)

Логическое распространеніе этого взгляда на болѣе сложныя дѣйствія организма.

Идя логически тѣмъ же путемъ, не трудно себѣ представить, что подобное впечатлѣніе на первомъ отъ воспринявшаго органа нервномъ узлѣ или центрѣ не остановится, но отъ него передастся къ слѣдую-

---

(1) Иногда, даже не достигая нервнаго узла, впечатлѣніе прямо передается относящему т. е. двигательному нерву, черезъ посредство мельчайшихъ развѣтвленій, во множествѣ отдѣляющихся отъ нервнаго ствола, какъ приносящаго, такъ и относящаго нервовъ на всемъ ихъ протяженіи; — при чемъ развѣтвленія приносящаго нерва не имѣютъ непосредственнаго соединенія съ ближайшими вѣтвями относящаго; но достигая величайшей степени сближенія между собою вліяютъ однѣ на другія такъ сказать путемъ индукціи.

щему узлу, отъ этого же отнесется не къ воспринявшему, а къ другому органу и уже въ этомъ только обнаружится сокращеніемъ мышцъ. Примѣромъ такого явленія можетъ служить хотя бы чесаніе рукою ноги подъ вліяніемъ зуда на извѣстной поверхности послѣдней: впечатлѣніе зуда ощущаемаго, положимъ, ниже колѣна сообщается ближайшему къ мѣсту такого ощущенія нервному центру, отъ него къ слѣдующему и, дойдя такимъ образомъ хотя бы до узловъ продолговатаго мозга, оттуда по относящимъ нервамъ обращается на мускулы руки, движеніями которой и устраняется впечатлѣніе зуда. Сознаніе, воля, согласно мнѣнію автоматистовъ, тутъ не могли принять участіе, такъ какъ описанный короткій процессъ происходитъ и оканчивается прежде чѣмъ въ большомъ головномъ мозгу успѣли бы сформироваться представленія объ ощущеніи зуда и о возможности устраненія его посредствомъ растиранія рукою части тѣла испытывающей такое впечатлѣніе; притомъ процессъ нерѣдко совершается когда головной мозгъ занятъ совсѣмъ другимъ, или находится въ относительномъ бездѣйствіи, какъ во время сна. Слѣдовательно опять — только механическая игра органовъ.

Далѣе, представимъ себѣ, что впечатлѣніе успѣвши достигнуть извѣстнаго нервнаго узла получается имъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда до него же, до того самаго нервнаго узла, дошло и другое впечатлѣніе, передавшееся также по восходящему нерву. Въ слѣдующемъ нервномъ узлѣ отразятся въ такомъ случаѣ уже не одно а два впечатлѣнія, и можетъ быть встрѣтятся въ немъ еще съ третьимъ, или даже съ нѣсколькими новыми, достигшими до него по иной системѣ восходящихъ нервовъ и т. д. Такимъ образомъ въ узлѣ хотя бы продолговатаго мозга можетъ получиться одновременно ощущеніе многихъ впечатлѣній, и отъ этого узла, по нисходящимъ нервамъ,

къ мышцамъ передается уже результатъ, или т. сказ. равнодѣйствующая цѣлой комбинаціи впечатлѣній, полученныхъ приблизительно въ одинъ и тотъ же моментъ нѣсколькими внѣшними органами живого существа. Простѣйшимъ примѣромъ такой осложненной (но все же, согласно взгляду автоматистовъ, — лишь механической) игры органовъ можетъ служить явленіе подобное указанному выше. Пусть, лежа на правомъ боку, почувствуемъ мы зудъ именно въ этомъ боку. Естественнѣе и ближе всего было бы устранить безпокоящее ощущеніе посредствомъ потиранія зудящаго мѣста движеніемъ праваго предплечья; но оно несвободно, находясь подъ давленіемъ нашего корпуса; потому мы чешемъ зудящую поверхность бока лѣвою рукою: здѣсь впечатлѣніе зуда достигло примѣрно нервнаго узла спинного мозга; но одновременно въ томъ же мозгу отражается давленіе связывающее движеніе всей правой руки, и далѣе къ нервному узлу продолговатаго мозга передается впечатлѣніе отъ комбинаціи обоихъ ощущеній; а отъ продолговатаго мозга направится, слѣдовательно, по относящему нерву къ мышцамъ результатъ такой комбинаціи, выражающійся въ движеніи лѣвой руки.

Точно также можемъ мы дойти до представленія о несравненно болѣе сложномъ дѣйствіи, какъ результатѣ комбинаціи весьма многихъ впечатлѣній, — воспринятыхъ одновременно нѣсколькими внѣшними органами, — встрѣтившихся и можетъ быть повліявшихъ одно на другое въ промежуточныхъ нервныхъ узлахъ, затѣмъ въ соединеніи, или хотя бы лишь одновременно, достигнувшихъ большаго головнаго мозга и оттуда по относящимъ нервамъ передавшихся мышцамъ.

Такимъ порядкомъ совершаются всѣ вызванныя внѣшними мотивами, но уже болѣе осложненныя дѣйствія живыхъ существъ, начиная съ того что назы-

ваемъ, по отношенію къ животнымъ, проявленіями инстинкта, а въ примѣненіи къ человѣческой особи — первыми шагами духовнаго развитія, — до самыхъ сложныхъ функцій нашего организма. Для болѣе подробнаго анализа возьмемъ напр. причисляемый къ инстинктамъ актъ ловли москитовъ вновь народившимися птенцами.

Очевидно здѣсь нѣсколько одновременно воспринятыхъ впечатлѣній: возбужденіе голода, раздражающее ощущеніе москитовъ въ полости зѣва и рта, можетъ быть воздѣйствіе ихъ на органъ зрѣнія; всѣ эти впечатлѣнія, комбинируясь въ посредствующихъ нервныхъ узлахъ, доходятъ отъ нихъ до болѣе отдаленныхъ нервныхъ центровъ, откуда равнодѣйствующая всей этой комбинаціи, вновь развѣтвляясь или дифференцируясь, нисходитъ къ нѣсколькимъ системамъ мышцъ — шеи, клюва, гортани — и отражается въ конечномъ результатѣ совокупностью дѣйствій, клонящихся къ преслѣдованію, поимкѣ и проглатыванію птенцомъ москитовъ.

Такое же, или подобное этому, круговое движеніе по замкнутой цѣпи нервовъ совершается напр. при плаваніи молодыхъ утятъ, сосаніи груди младенцемъ и т. п. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ достигаютъ ли во всѣхъ этихъ случаяхъ внѣшнія впечатлѣнія до центровъ большого головного мозга. Какъ бы то ни было, несомнѣнно однако, что напр. актъ сосанія груди отнюдь не представляетъ собою результатъ отчетливо выработанныхъ понятій о томъ, что грудь кормилицы содержитъ въ себѣ запасъ молока, что для извлеченія его нужно давленіе губъ на сосокъ, при дѣйствіи ртомъ и носомъ на подобіе насоса, что молоко составляетъ пріятную пищу наиболѣе приспособленную къ перевариванію и усвоенію, — словомъ результатъ всѣхъ тѣхъ понятій, которыя въ умѣ взрослаго человѣка соединяются съ представленіемъ о сосаніи груди. Тѣмъ болѣе невоз-

можно предположить, чтобы акту плаванія молодыхъ утятъ, или ловли москитовъ новорожденными птенцами, предшествовали отчетливыя у тѣхъ и другихъ представленія о свойствахъ воды, какъ арены для плаванія, о движеніяхъ животнаго приспособленныхъ къ акту плаванія или поимки москита, о пригодности послѣдняго въ качествѣ пищи и проч. Въ дѣйствіяхъ этихъ слѣдовательно, какъ и въ приведенныхъ выше примѣрахъ менѣе осложненныхъ движеній живого организма, тотъ же рефлексъ, только не единичный и не простой, а болѣе сложный рефлексъ, вызываемый комбинаціею многихъ впечатлѣній, и отражающійся отъ одного изъ центральныхъ нервныхъ узловъ цѣлою серіею сокращеній; но въ сущности таже механическая игра нервовъ и внѣшнихъ органовъ.

Конечные выводы ученія автоматистовъ. Вся міровая жизнь какъ механизмъ.

Если же, — слѣдуя за автоматистами, — въ плаваніи утятъ, ловлѣ москитовъ, сосаніи груди и проч. не находить ничего кромѣ чисто механической дѣятельности организма, то едва ли есть основаніе предположить и отыскивать что либо сверхъ этого въ другихъ волевыхъ актахъ даже до самыхъ сложныхъ. Между этими послѣдними и зачаточными проявленіями воли или инстинкта можетъ быть усмотрѣна только количественная, отнюдь не качественная разница, по степени, никакъ не по существу. Если одной механической передачи впечатлѣній по нервной цѣпи и однихъ механическихъ сокращеній достаточно для осуществленія всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыми обусловливается сосаніе груди, то отчего такой же чисто механической игры, хотя и болѣе сложной, было бы недостаточно для проявленія цѣлесообразныхъ дѣйствій того же ребенка въ дальнѣйшемъ періодѣ его развитія; а если такъ въ этомъ послѣднемъ періодѣ, то почему было бы иначе въ не-

посредственно слѣдующемъ за нимъ и т. д. до времени полной возмужалости. По мѣрѣ развитія человѣка впечатлѣнія имъ воспринимаемыя становятся многочисленнѣе и разнообразнѣе, комбинація ихъ при восхожденіи до центровъ головного мозга несравненно сложнѣе, какъ равно и послѣдующая дифференціація сокращеній; но сущность процесса положительно должна оставаться та же самая. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ, допустивъ что сложная дѣятельность созрѣвшаго организма составляетъ продуктъ чего либо другого, кромѣ механической игры органовъ, трудно было бы рѣшить, въ виду строго послѣдовательнаго и непрерывнаго шагъ за шагомъ развитія живого существа, въ какой именно моментъ его жизни это что-то другое является въ помощь или на смѣну механической игры органовъ.

Такимъ образомъ, согласно воззрѣніямъ автоматистовъ, логически выведеннымъ изъ основнаго ихъ положенія, весь міръ, не исключая проявленій ощущающей, сознающей умственной жизни, представлялся бы не болѣе какъ механизмомъ. Если связь движенія съ впечатлѣніемъ еще не полная, говорятъ автоматисты, и оставляетъ мѣсто сознанію, то она является источникомъ апетита или желанія. Апетитъ, желаніе, свободное сознательное дѣйствіе составятъ, слѣдовательно, по выраженію той же школы, ничто иное какъ извѣстную степень инстинкта, еще не совершенно организовавшагося, подобно какъ въ машинѣ — треніе еще недостаточно приспособившихся частей становится источникомъ свѣта.

Ошибочность ученія автоматистовъ — въ самомъ его основаніи.

Нельзя не замѣтить, что уподобленіе это, ровно ничего не объясняющее, есть не болѣе какъ фраза, слова безъ содержанія; все же ученіе автоматистовъ очевидно идетъ въ разрѣзъ съ самымъ начальнымъ положеніемъ нашимъ объ ощущеніи или чувствова-

ній, и вытекающемъ отсюда желаніи, какъ сущности жизни.

Трудно было бы отрицать логическую послѣдовательность ряда сдѣланныхъ передъ симъ выводовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не возбудить сомнѣнія въ вѣрности основнаго или исходнаго положенія, выражающагося, какъ видѣли, въ томъ, что вызываемыя внѣшними мотивами мгновенныя сокращенія, какъ совершающіяся безъ участія головного мозга, не сопровождаются актомъ сознанія, т. е. ни ощущеніемъ, ни желаніемъ или влеченіемъ, а представляютъ собою ничто иное какъ простой рефлексъ, подобный движенію рычага отъ надавливанія на рукоять или поршень. Это-то именно положеніе не только не подтверждается, а напротивъ опровергается рядомъ вполнѣ убѣдительныхъ фактическихъ данныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушится и вся теорія.

Зачатки сознанія усматриваются въ дѣятельности не исключительно головного мозга, а всѣхъ частицъ живого организма.

Въ очень недавнее еще время всѣ такъ называемые акты сознанія приписывали дѣятельности исключительно головного мозга. Новѣйшія изысканія, наоборотъ, приводятъ къ заключенію, что если подъ именемъ сознанія разумѣть не одни лишь вполнѣ опредѣлившіяся желанія, вызванныя рядомъ отчетливыхъ представленій и логическихъ выводовъ, но и самую слабую степень ощущенія или потребности, такъ сказать, одинъ лишь оттѣнокъ удовлетворенности или недовольства (bien-être ou malaize), — а иначе кажется слово сознаніе въ полномъ его объемѣ понимать нельзя, — то проявленія сознанія, хотя бы лишь самые зачатки или зародыши его, придется усмотрѣть въ дѣятельности всѣхъ безъ исключенія частей нашего организма, представляющихъ какъ бы группку самостоятельныхъ индивидуальностей, или особей, сплоченныхъ или комбинирован-

ныхъ въ одномъ цѣломъ, которое мы привыкли называть нашимъ *я*. —

Иначе говоря, — нужно будетъ признать, что психическая человѣческая личность есть ничто иное какъ агрегатъ или координація входящихъ въ составъ ея мелкихъ — психическихъ элементовъ. Безусловно механическое окажется, такимъ образомъ, совсѣмъ устраненнымъ изъ области человѣческой жизни.

Таковы взгляды новѣйшей психологіи. Не только зачатки сознанія, но даже въ извѣстной степени систематизированное сознаніе видитъ она въ томъ, въ чемъ недавно еще находили одно лишь дѣйствіе грубаго механизма; всякое живое существо разсматриваетъ какъ сообщество тѣсно сплоченныхъ между собою живыхъ существъ, слѣдовательно — каждую клѣточку, какъ минимальную живую особь. Дальнѣйшіе успѣхи науки, нѣтъ сомнѣнія, поведутъ къ признанію жизни повсюду; по крайней мѣрѣ къ признанію во всемъ органическомъ мірѣ — живого духовнаго элемента, т. е. чувствованія и апетита или желанія. Но пока будемъ разсуждать лишь о томъ, что извѣдано, испытано при настоящемъ состояніи положительныхъ знаній.

Несомнѣнные знаки ощущенія въ каждой отдѣльной частицѣ низшихъ организмовъ.

Низшіе животные организмы, какъ напр. полипъ, медуза, или морская звѣзда несомнѣнно обладаютъ ощущеніемъ и влеченіемъ къ удовлетворенію какой то, хотя бы смутной потребности. Если же подобное животное въ его цѣломъ обладаетъ этою способностью, то существованіе ея очевидно нельзя не признать въ каждой отдѣльной части цѣлаго, при хорошо установленной однородности строенія всѣхъ частей его между собою, — въ такой степени, что каждая изъ нихъ представляетъ совершенное подобіе цѣлаго, до малѣйшихъ признаковъ его дѣятельности,

и можетъ при извѣстныхъ условіяхъ образовать новую самостоятельную особь того же вида. Въ организмѣ успѣвшемъ получить нѣсколько большее развитіе, какъ напр. земляной червь, уже обозначается голова, но она такъ мало выдѣляется отъ всего прочаго, такъ мало отличается строеніемъ своимъ отъ другихъ частей, что ощущенія, апетиты или влеченія, существующіе въ цѣломъ, ни коимъ образомъ не могутъ вмѣщаться въ головѣ предпочтительно передъ прочими частями организма. Почти что полная тождественность строенія даетъ уважительное основаніе предположить такую же степень тождественности въ отправленіяхъ.

Распространеніе этого взгляда на болѣе развитые организмы.

Переходя за симъ къ организмамъ еще болѣе развитымъ, у которыхъ каждая часть цѣлаго выполняетъ свое спеціальное назначеніе, мы не находимъ основанія предположить, чтобы эти отдѣльные части лишены были тѣхъ свойствъ, т. е. способностей ощущенія и апетита или влеченія, которыя признали мы существующими въ каждой изъ частей наименѣе совершенныхъ, такъ сказать, начальныхъ животныхъ организмовъ: если ощущаетъ, испытываетъ влеченіе середина или хвостъ червяка, то почему бы того же самаго не испытывать лапкѣ лягушки, тѣмъ болѣе рукѣ или ногѣ человѣка. Напротивъ, большее совершенство строенія, большее развитіе нервной системы въ частяхъ этихъ послѣднихъ организмовъ, даетъ поводъ допустить, что въ отношеніи обладанія означенными способностями, земноводныя, тѣмъ болѣе млекопитающія скорѣй должны бы превосходить начальные животные организмы, чѣмъ уступать имъ.

Подтвержденіе такого заключенія фактическими данными.

Это раціонально выведенное заключеніе подтверждается и тѣми фактическими данными, которыя до

сихъ поръ могли быть извлечены изъ опыта. Такъ, обезглавленный человѣкъ, которому вслѣдъ за тѣмъ наносятъ рану въ грудь, можетъ въ извѣстныхъ условіяхъ сдѣлать движеніе рукою къ пораненному мѣсту груди, какъ бы въ защиту его, или для отклоненія удара. А такъ какъ изъ наблюденія самихъ себя мы убѣждаемся, что возникающее въ насъ чувствованіе и желаніе выражается въ движеніи (какомъ бы ни было, хотя бы самомъ минимальномъ, или едва уловимомъ, внутреннемъ) и что съ другой стороны движеніе вызывается предварительно появившимся чувствованіемъ и желаніемъ, то отсюда прямой выводъ, что рука обезглавленнаго трупа направляется къ пораненному мѣсту груди потому, что трупъ хотя бы смутно чувствуетъ боль отъ пораненія груди и стремится устранить болѣзненное ощущеніе. Простое механическое дѣйствіе, говоритъ Модслей, подобное движенію рычага въ паровой машинѣ. Мы, напротивъ, усматриваемъ здѣсь не только актъ сознанія, въ смыслѣ, какъ сказано выше, хотя бы смутнаго чувствованія и влеченія, но даже въ извѣстной степени систематизированнаго сознанія: передача ощущенія боли, отъ пораненной поверхности груди, по системѣ восходящихъ нервовъ, къ спинному мозгу, и оттуда — стремленіе устранить боль, по системѣ относящихъ нервовъ къ мышцамъ руки, которые и обнаруживаютъ сокращеніе.

Точно также чисто механическимъ сокращеніемъ школа Модслея объясняетъ напр. движеніе къ правому колѣну правой же ноги обезглавленной лягушки, (1) у которой въ колѣнѣ этомъ вызвано раздраженіе посредствомъ смазыванія его какою нибудь кислотою. — Хорошо. — Но въ такомъ случаѣ можно ли ожидать какого нибудь дѣйствія отъ того же меха-

(1) Т. е. лишенной мозговыхъ полушарій: обезглавленной говоримъ только для сокращенія.

низма (обезглавленной лягушки), если вы точно также раздражите ей правое колѣно, предварительно отрѣзавъ правую ногу? Самое большее что можно было бы предвидѣть — это нѣсколько конвульсивныхъ сокращеній въ уцѣлѣвшей части правой голени. На дѣлѣ же оказывается что обезглавленная лягушка, будучи лишена возможности удалить раздраженіе, черезъ привычное вытираніе праваго колѣна правою ногою, пытается обтереть его сохранившеюся лѣвою. Въ этомъ процессѣ, для простого механизма невѣроятно осмысленномъ, нельзя напротивъ не видѣть проявленіе уже въ значительной степени систематизированнаго сознанія, т. е. чувствованія достигающаго спинного мозга или продолговатаго и оттуда нисходящаго, рядомъ соотвѣтствующихъ сокращеній, до крайнихъ оконечностей не раздражаемой а другой ноги. —

Не менѣе трудную задачу сознанія поставимъ мы организму обезглавленной лягушки, если положимъ ее на спину и при этомъ привяжемъ къ чему либо одну изъ ея лапокъ. Усиливаясь принять естественное положеніе — на животѣ — она не можетъ достигнуть этого рядомъ привычныхъ, слѣдовательно, какъ позволительно было бы предположить, — машинальныхъ движеній: имѣя одну ногу, значитъ и весь корпусъ, несвободными, она должна испытать и примѣнить совершенно новыя, необычныя сокращенія мышцъ, и въ концѣ концовъ достигаетъ этого; значитъ спинной мозгъ обезглавленнаго животнаго не только ощущаетъ, но также соображаетъ и пытается отыскать систему дѣйствій соотвѣтствующихъ потребности. —

Къ такому же заключенію приводятъ насъ и другіе въ подобномъ родѣ опыты. Лягушка, лишенная мозговыхъ полушарій, будучи заключена въ сосудѣ съ водою, поверхность которой сплошь покрыта стекломъ, и чувствуя потребность воздуха для дыханія,

не будетъ для этого безплодно биться носомъ о верхнее стекло, какъ было бы свойственно только ощущающему, но ничего не соображающему организму; она постарается найти по угламъ сосуда скважины, пропускающія воздухъ и въ концѣ концовъ прильнетъ къ нимъ, совершенно также какъ здоровое, обладающее всѣми органами животное того же вида. У пораненныхъ или ампутированныхъ животныхъ вообще въ непродолжительномъ времени возстановляются извѣстныя функціи сознанія. Лягушки, лишенныя упомянутыхъ полушарій мозга, вскорѣ начинаютъ двигаться самостоятельно, проглатываютъ мошекъ, прячутся въ газонѣ; карпы, послѣ операціи вынутія мозга, не болѣе какъ черезъ три дня бросаются на пищу, замѣчаютъ кинутые имъ куски бѣлка, слѣдятъ за ними, пока не схватятъ. У голубей, лишенныхъ мозговыхъ полушарій, черезъ три-четыре дня возстановляется зрѣніе: летая или вообще двигаясь, они удачно избѣгаютъ препятствій, умѣютъ выбрать наиболѣе удачный путь и проч. Значитъ эти лягушки, голуби, карпы не только ощущаютъ и чувствуютъ смутное влеченіе, но также опредѣляютъ, соображаютъ, и удаленіе головного мозга вовсе не отнимаетъ у нихъ этой способности. Правда, животныя утратившія столь важный апаратъ не сохраняютъ всѣхъ качествъ здоровыхъ или цѣльныхъ особей; такъ, голуби лишенные мозговыхъ полушарій не обнаруживаютъ ровно никакихъ отношеній къ себѣ подобнымъ, можно сказать совсѣмъ игнорируютъ ихъ; но извѣстную степень сообразительности, пониманія, расчета, тѣмъ болѣе чувствованія и апетита или влеченія названныя животныя безспорно проявляютъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ. (1)

---

(1) Изслѣдованія Пфлюгера, Гольца, Шрадера и другихъ, приведенныя Альфредомъ Фулье, во второй октябрской книжкѣ журнала „Revue des deux mondes“ 1891 г.

Одинаковость строенія мозгового вещества. Тѣло всякаго развитого организма есть агрегатъ безконечно малыхъ живыхъ особей.

Такимъ образомъ не исключительно головной мозгъ составляетъ вмѣстилище сознанія, не ему одному принадлежитъ привилегія этой способности. Функціи сознанія, въ объясненныхъ выше нѣсколько сжатыхъ предѣлахъ, безспорно проявляетъ также спинной мозгъ, и одинаковость или однородность функцій, констатируемая наблюденіями и опытами, какъ видно, совпадаетъ здѣсь съ одинаковостью строенія, съ одной стороны полушарій головного мозга, съ другой — спинного, продолговатаго мозга и мозжечка. Иначе и быть не могло: что сходственность строенія всегда влечетъ за собою сходственность основныхъ свойствъ — это составляетъ одно изъ признанныхъ общихъ положеній физіологіи; слѣдовательно, если бы чувствительность и влеченіе не существовали въ позвонкахъ, то неоткудова было бы имъ появиться и въ головномъ мозгу, который въ сущности есть только расширенный позвонокъ.

Съ другой стороны неустойчивое вещество ближайшихъ къ конечностямъ нервныхъ элементовъ, начиная съ периферическихъ нервныхъ расширеній, представляется по строенію тождественнымъ съ содержимымъ позвонковъ; потому естественно должны проявляться признаки сознанія и въ упомянутыхъ элементахъ, хотя въ этихъ послѣднихъ, вслѣдствіе меньшаго развитія системы, разумѣется могутъ быть усмотрѣны только слѣды или зародыши чувствительности и влеченія, вызывающіе цѣлесообразныя сокращенія. Такія именно функціи, общія человѣческой особи съ самыми низшими или начальными, простѣйшими животными организмами, надо полагать, составляютъ принадлежность или свойство всѣхъ частей нашего тѣла, до каждой клѣтки входящей въ составъ его. Это и даетъ основаніе каждую такую клѣточку

принимать за безконечно малый индивидъ, за живущую самостоятельною жизнью особь, а въ тѣлѣ человѣка, или вообще животнаго съ болѣе или менѣе развитымъ организмомъ, видѣть ничто иное какъ совокупность или ассоціацію такихъ особей.

Опредѣлившіеся чувствованіе, идея, желаніе или воля развитого организма — интегралъ зародышей духовнаго элемента существующаго въ молекулахъ.

Разумѣется было бы странно каждую клѣточку живого организма разсматривать какъ нѣчто чувствующее, соображающее и желающее, подобно цѣльному животному индивиду. Но тѣмъ не менѣе она живетъ. Если въ продолжающихъ двигаться частицахъ искрошеннаго землянаго червяка мы признаемъ жизнь, то почему бы не признать хотя еще слабѣйшую степень такой же въ каждой клѣточкѣ или ткани любого живого тѣла? Напротивъ, изъ всего сказаннаго выше надо заключить, что эти микроскопическія частицы, хотя и въ самой слабой, неопредѣленной формѣ, способны ощущать состояніе удовлетворенности или недовольства (bien-etre ou malaise), и что такія, безконечно малыя дозы ощущеній достаточны для возбужденія, въ столь-же минимальныхъ дозахъ, энергіи т. е. апетитовъ или влеченій, которыя, накопляясь и интегрируясь, слагаются уже въ видимое проявленіе желанія или воли, какъ опредѣлившейся функціи живого организма. (1)

Такимъ образомъ, въ противность представленію автоматистовъ о всемъ живущемъ какъ механизмѣ, полагаемъ правильнѣе будетъ принять, какъ было уже высказано, что самая сущность, источникъ или

(1) Новѣйшіе опыты профессора Мечникова убѣдительно доказываютъ, что въ бѣлыхъ кровяныхъ шарикахъ человѣческаго организма несомнѣнно существуютъ зачатки влеченія или апетита, проявляющіеся въ самостоятельномъ выборѣ ими предмета питанія наиболѣе подходящаго къ ихъ потребности, изъ числа нѣсколькихъ поставленныхъ въ условія одинаковой для нихъ доступности.

начало жизни заключается въ элементѣ духовномъ, т. е. въ чувствованіи и вытекающемъ изъ него желаніи или волѣ. Въ живомъ тѣлѣ, какъ видѣли, живетъ все. Въ насъ самихъ, какъ вообще въ животномъ, всякая клѣточка заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, слѣды или сѣмена духовнаго, на столько же какъ физическаго элементовъ; во всѣхъ безъ исключенія частяхъ тѣлъ организованныхъ существуютъ зачатки или зародыши чувствованій и влеченій т. е. элементы сознанія, такъ сказать, въ состояніи еще несложившихся туманныхъ началъ. Существенные, важнѣйшіе органы нервной системы представляютъ собою концентраціи или агрегаты этихъ зародышей чувствованія и влеченія; головной мозгъ есть ничто иное какъ концентрація еще болѣе мощная, въ которой чувствованіе, обобщаясь, складывается въ идею, безотчетное влеченіе — въ опредѣлившееся желаніе или волю, гдѣ жизнь наконецъ вступаетъ въ фазисъ самосознанія (Alfred Fouillée. „Revue des deux mondes“ 15 Oct. 1891).

Слабое внѣшнее проявленіе духовнаго элемэнта въ обособленныхъ частяхъ тѣла совершенныхъ организмовъ.

Не прерывая изслѣдованіе на этомъ выводѣ, попытаемся, путемъ дальнѣйшаго анализа начальныхъ проявленій органической жизни или энергіи, еще болѣе подвинуться къ уразумѣнію природы всего живущаго и въ особенности природы человѣка.

Одно изъ заключеній нашихъ, какъ видѣли, выразилось въ томъ, что каждая частица или клѣточка нашего тѣла должна обладать по крайней мѣрѣ зачатками сознанія т. е. чувствительности и влеченія. Но если такъ, то почему же внѣшніе симптомы этой дифференцированной энергіи нашего организма такъ слабо проявляются въ частяхъ человѣческаго тѣла, не только отдѣленныхъ отъ цѣлаго (въ которыхъ очень скоро по отдѣленіи исчезаютъ всякіе призна-

ки жизни), но и остающихся въ связи съ нимъ. Отрѣзанная часть одного изъ наименѣе совершенныхъ животныхъ организмовъ, какъ напр. земляного червяка, отъ прикосновенія къ ней сокращается, значитъ явно обнаруживаетъ признаки чувствительности и энергіи, да и безъ всякаго прикосновенія дѣлаетъ движенія самостоятельно. Между тѣмъ обладающая цѣлою системою нервовъ и мышцъ человѣческая нога или рука, будучи поражена параличемъ, остается совершенно нечувствительною даже къ весьма глубокому уколу. Параличъ члена, какъ извѣстно, составляетъ результатъ кровоизліянія въ мозгъ, т. е. ненормальнаго, омертвляюще дѣйствующаго давленія на частицу мозга, служащую узломъ соединенія приносящихъ и относящихъ нервовъ, направляющихся къ этому именно парализированному члену. Какъ видно, лишенная — въ означенной частичкѣ мозга — воспринимателя впечатлѣній и иниціатора движеній, рука или нога человѣка ни чувствительности, ни результатовъ ея уже болѣе не проявляетъ; оказывается слѣдовательно, не только относительно но и безусловно, менѣе одаренною этими элементами жизни, чѣмъ всякая частица самыхъ низшихъ животныхъ особей. Что же касается организмовъ промежуточныхъ, составляющихъ ступени лѣстницы отъ наиболѣе къ наименѣе совершеннымъ, то въ частяхъ ихъ элементъ сознанія или чувствительности, говоря вообще, представляется тѣмъ менѣе развитымъ, чѣмъ ближе подходитъ видъ животнаго къ типу совершеннѣйшему (человѣку): сдѣлавъ перерывъ въ нервной цѣпи, соединяющей съ головнымъ мозгомъ лапку лягушки мы замѣчаемъ въ этой лапкѣ несравненно большую степень чувствительности и энергіи чѣмъ въ парализованной рукѣ или ногѣ человѣка; до какихъ явныхъ проявленій сравнительно-высокаго сознанія доходятъ лишенныя головного мозга тѣ же

лягушки, голуби и нѣкоторые сорты рыбъ — были уже приведены примѣры.

Объясненіе этой кажущейся аномаліи общими физическими законами.

Эта кажущаяся аномалія, по ближайшемъ соображеніи, представляется однако вполнѣ натуральнымъ и прямымъ результатомъ приложенія къ животному царству общихъ физическихъ законовъ. Какъ было уже высказано, при изслѣдованіи понятій о матеріи и движеніи, — ничто въ мірѣ не теряется, не исчезаетъ безслѣдно, равно какъ ничто не можетъ возникнуть, появиться вновь безъ соотвѣтствующаго или равномѣрнаго позаимствованія отъ прежде-существовавшаго. — Жизнь міра животнаго, какъ и неорганическаго, представляется слѣдовательно только непрерывнымъ рядомъ метаморфозъ: утрачиваемое однимъ непремѣнно возрождается въ другомъ, хотя бы и въ совершенно иной формѣ.

Помощеніе чувствительности и энергіи молекулъ спеціализированными органами и особенно головнымъ мозгомъ.

Первичными на землѣ организмами, прародителями всѣхъ послѣдующихъ были (по Дарвину) простыя, мягкія бѣлковыя тѣла (монеры), не имѣвшія ни опредѣленныхъ очертаній, ни твердыхъ и оформленныхъ частей. Типъ этотъ до извѣстной степени сохранился въ существующихъ по сіе время простѣйшихъ животныхъ особяхъ, какъ напр. морская звѣзда. Въ ней каждая изъ составныхъ частицъ обладаетъ не малой дозой чувствительности и энергіи, совершенно въ той же мѣрѣ какъ цѣлое. Въ послѣдующихъ эволюціяхъ животные виды пріобрѣтаютъ органы спеціальные, постепенно все болѣе и болѣе приспособленные къ извѣстнымъ, вполнѣ опредѣленнымъ назначеніямъ. Въ исполненіи такихъ назначеній спеціализированные органы проявляютъ уже значительно-большую чувствительность и энергію воли или влеченія, по сравненію съ организмами простѣй-

шими, состоящими изъ вполнѣ однородныхъ элементовъ; но пріобрѣтеніе это совершается на счетъ молекулярныхъ частицъ, входящихъ въ составъ того же цѣлаго. Такой точно характеръ представляютъ собою дальнѣйшія эволюціи: какъ въ мірѣ неорганическомъ прекращающееся движеніе массы замѣняется движеніями мельчайшихъ частицъ ея, обнаруживаясь явленіями тепла, свѣта или электричества; такъ наиболѣе развитые, сложные организмы, заимствуя отъ составныхъ частей своихъ и основныхъ клѣточекъ часть присущихъ послѣднимъ зачатковъ чувствительности и энергіи, преобразуютъ эти зачаточные элементы въ самыя разнообразныя, замысловатыя, опредѣлившіяся формы сознанія. Головной мозгъ (говоритъ Альфредъ Фулье) пріобрѣтаетъ господствующее значеніе; онъ принимаетъ на себя функціи предвидѣнія, памяти, выводовъ и заключеній въ отношеніи предметовъ отсутствующихъ, оставляя за низшими органами, тѣмъ болѣе за молекулярными частицами, только способность воспринимать впечатлѣнія момента настоящаго и реагировать подъ вліяніемъ непосредственнаго ихъ воздѣйствія; напряженностью своей работы онъ, такъ сказать, налагаетъ арестъ на другіе нервные центры, препятствуетъ проявленію той дѣятельности къ которой они еще были бы способны. У животныхъ совершеннѣйшаго типа головной мозгъ, становясь деспотомъ, поглощаетъ, какъ бы втягиваетъ въ себя самодѣятельность другихъ нервныхъ центровъ, которые, какъ и всегда, на основаніи общаго закона природы, отъ бездѣйствія все болѣе и болѣе атрофируются. На низшихъ ступеняхъ органической жизни, начальные живые элементы, — всѣ одинаково, — несомнѣнно проявляли зачатки сознанія; такъ и теперь, въ головѣ земляного червяка мы не усматриваемъ особой геніальности по сравненію съ другими его частями. У человѣка голова есть полновластный господинъ, пре-

клоняющій все прочее подъ свое иго; масса входящихъ въ составъ нашего тѣла мельчайшихъ животныхъ организмовъ, можно сказать, отупѣваетъ подъ давленіемъ этого неумолимаго деспота; оттого въ нихъ все меньше и меньше замѣчается проявленіе чувствительности и самодѣятельности или энергіи. (R. des 2 M. 1891).

Для констатированія особенныхъ оттѣнковъ сознанія въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла нужны извѣстныя условія.

Тѣмъ не менѣе и у совершеннѣйшихъ животныхъ организмовъ зачатки сознанія въ молекулярныхъ частицахъ, какъ пытались мы установить, продолжаютъ существовать. Если они рельефно не проявляютъ себя, или собственно мы не замѣчаемъ ихъ проявленія, то это объясняется вопервыхъ тѣмъ, что крайне ослабленные оттѣнки сознанія не всегда выражаются конкретными знаками *); а въ особенности тѣмъ, что происходящее, какъ внѣ насъ такъ и въ насъ самихъ, замѣчается нами только при извѣстныхъ условіяхъ, при отсутствіи которыхъ явленія даже весьма конкретныя вполнѣ способныя дѣйствовать на наши чувства, проходятъ какъ бы совсѣмъ безслѣдно, т. е. оставаясь въ настоящій моментъ безъ замѣтныхъ на насъ вліяній, повидимому не сохраняются въ мозгу представленіями, которыя и въ послѣдствіи могли бы возникнуть или быть вызваны въ соединеніи съ другими.

Условія эти заключаются въ извѣстной степени силы и продолжительности впечатлѣнія.

Все это совсѣмъ въ порядкѣ вещей и вполнѣ согласуется съ общими законами воспріятія впечатлѣній и формированія изъ нихъ представленій, — законами установленными путемъ многочисленныхъ точ-

*) Головной мозгъ, говоритъ Льюисъ, въ способности слова и чертахъ лица почерпаетъ средства для сообщенія другимъ происходящаго въ немъ. Позвоночникъ, какъ и вообще подчиненные нервные центры, подобными органами не располагаютъ.

ныхъ наблюденій и опытовъ. Опытъ между прочимъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что для воспріятія впечатлѣнія необходима извѣстная сила или напряженность явленія, также какъ нѣкоторая его продолжительность. Такъ, мы получаемъ впечатлѣніе цвѣтовъ солнечнаго спектра только въ томъ случаѣ, если можемъ всмотрѣться въ каждый изъ нихъ; иначе, какъ напр. при быстромъ вращеніи круга состоящаго изъ секторовъ окрашенныхъ въ семь цвѣтовъ спектра, всѣ они сливаются для насъ въ одинъ сѣрый цвѣтъ. Кромѣ того припомнимъ, что представленіе, какое бы ни было, возникаетъ не иначе какъ въ качествѣ синтеза или обобщенія нѣсколькихъ впечатлѣній и образовъ прежде воспринятыхъ. Глядя напр. на апельсинъ, мы въ моментъ этотъ получаемъ впечатлѣніе только красновато-желтаго круга, ничего болѣе; если же формируется у насъ представленіе о сладкокисломъ ароматическомъ плодѣ сферической формы, то это лишь вслѣдствіе комбинированія настоящаго впечатлѣнія съ прежде полученными, чрезъ посредство органовъ вкуса, обонянія и осязанія. Воспринимая рядъ быстро-слѣдующихъ одно за другимъ относительно-слабыхъ впечатлѣній, мы можно сказать какъ бы плаваемъ въ обширномъ бассейнѣ, при чемъ ощущаемъ воздѣйствіе на насъ всей среды, или массы жидкости, отнюдь не различая и не замѣчая минимальное давленіе каждой капли на соотвѣтствующую столь-же минимальную часть поверхности нашего тѣла. Такимъ образомъ, когда по времени и другимъ условіямъ воспріятія, не успѣваетъ сформироваться синтезъ, явленіе, какъ бы конкретно оно ни было, совершаясь внѣ всякихъ сомнѣній въ сферѣ для насъ доступной, проходитъ повидимому безслѣдно для насъ, остается ничуть не замѣченнымъ.

Иллюстраціи этого положенія.

Для иллюстраціи достаточно привести въ примѣръ хотя бы бой часовъ, послѣдовавшій въ то время ког-

да вниманіе наше усиленно обращено было на что либо другое: на томъ самомъ столѣ у котораго работаемъ часы несомнѣнно бьютъ девять, десять ударовъ, бой ихъ хорошо слышенъ и въ сосѣднихъ комнатахъ; между тѣмъ, черезъ двѣ-три минуты мы готовы дать клятву что не слышали никакого боя часовъ. И, какъ извѣстно, чѣмъ серьезнѣе мы заняты, чѣмъ болѣе поглощены работою тѣмъ менѣе способны замѣчать не только происходящее вокругъ насъ, но и совершаемое нами самими. Занимаясь напр. у письменнаго стола, мы перемѣщаемъ на немъ разные предметы, такъ или иначе насъ стѣсняющіе, дѣлаемъ движенія для удаленія безпокоящихъ насъ насѣкомыхъ или случайныхъ ощущеній въ той или другой части нашего собственнаго тѣла; но ни дѣйствій ни движеній этихъ не замѣчаемъ и, оторвавшись отъ работы, готовы утверждать, что вовсе ихъ не совершали, равно какъ не испытывали никакихъ безпокоящихъ ощущеній. Всѣ подобныя, незамѣчаемыя при главной работѣ дѣйствія могутъ быть отнесены къ разряду указанныхъ выше простыхъ рефлексовъ, когда впечатлѣніе, не доходя до большого головного мозга, отражается однимъ изъ подчиненныхъ нервныхъ центровъ, ближайшихъ къ внѣшнему органу воспринявшему впечатлѣніе. Но бываетъ и такъ, что впечатлѣніе, несомнѣнно достигающее центровъ большого головного мозга, проходитъ столь-же незамѣтно для насъ, оставляя столь-же мало слѣдовъ. Извѣстно напр. и вѣроятно многіе испытывали это на себѣ, что можно читать внятно, съ остановками и удареніями, думая въ это время совсѣмъ о другомъ или засыпая, и не сохранивъ такимъ образомъ въ умѣ ровно ничего изъ прочитаннаго въ нѣсколькихъ строкахъ, иногда на цѣлыхъ страницахъ. Процессъ чтенія составляетъ безспорно продуктъ умственной дѣятельности: головному мозгу приходится сильно поработать для того, чтобы развилась въ насъ способ-

ность графическія изображенія передавать членораздѣльными звуками. Понятно, слѣдовательно, что безъ участія головного мозга не могло обойтись и дальнѣйшее примѣненіе этой способности. Между тѣмъ, какъ было сказано, въ мозгу или головѣ нашей, при извѣстныхъ условіяхъ, не остается никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ прочитаннаго, точно также какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ отъ впечатлѣній воспринятыхъ и отраженныхъ второстепенными ближайшими къ внѣшнимъ органамъ нервными центрами.

Головной мозгъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько отдѣловъ, — соотвѣтствующихъ каждый — особой функціи.

Головной мозгъ, какъ видно, есть органъ весьма сложный, заключающій въ себѣ нѣсколько особыхъ камеръ или оболочекъ, изъ которыхъ каждая является вмѣстилищемъ болѣе или менѣе спеціальной, существенно отличающейся отъ другихъ способности или функціи. Способность воспріятія и отраженія впечатлѣній (остающихся незамѣченными, какъ послѣ чтенія при мысляхъ о другомъ — способность общая какъ головному мозгу такъ и подчиненнымъ нервнымъ центрамъ) — одна функція; способность задерживать, обобщать воспринятое и изъ него вырабатывать представленія (вниманіе и синтезъ) — другая; воспроизводить вновь представленія, на каторыя уже разъ было обращено вниманіе (память) — третья, и несомнѣнно еще нѣкоторые дальнѣйшіе оттѣнки или видоизмѣненія этихъ функцій.

Нельзя сказать, чтобы каждая изъ нихъ представлялась совершенно обособленною, рѣзко отграниченною отъ другихъ. Напротивъ, предѣлы одной способности нерѣдко вторгаются въ область другой и обѣ сливаются, комбинируются или переплетаются въ дальнѣйшихъ проявленіяхъ мозговой дѣятельности. Напримѣръ, отчетливо воспринятыя впечатлѣнія очевидно легче поддаются задержанію ихъ

вниманіемъ и обращенію въ представленія; а также чѣмъ больше удѣлялось извѣстному предмету вниманія, тѣмъ легче впослѣдствіи вызывается воспоминаніе о немъ. Но все же въ любомъ проявленіи умственной дѣятельности усматривается большее или меньшее преобладаніе той или другой изъ упомянутыхъ функцій головного мозга, господствующая роль одной и, если не полное отсутствіе, то лишь слабые слѣды другой, какъ уже было отчасти выяснено приведенными выше примѣрами остающихся незамѣченными перемѣнъ къ окружающемъ и даже нашихъ собственныхъ дѣйствій.

Въ зависимости отъ вліянія этихъ функцій опредѣляются разнообразныя категоріи нашей духовной дѣятельности.

Прежде всѣ дѣйствія человѣка огульно подраздѣляли на сознательныя и безсознательныя, предполагая, что мысль и вниманіе всецѣло направляютъ первыя и что въ совершеніи вторыхъ они столь же всецѣло отсутствуютъ. Нынѣ, повторяемъ, въ духовной дѣятельности человѣка, какъ и въ нераздѣльно связанной съ нею дѣятельности конкретной, стараются уловить тончайшіе оттѣнки нѣсколькихъ спеціальныхъ функцій головного мозга, опредѣлить степень вліянія каждой, изолированно или въ многообразныхъ между ними сочетаніяхъ, и въ зависимости отъ сего выяснить значеніе столь же многочисленныхъ категорій духовной (психической) дѣятельности, болѣе или менѣе отграниченныхъ одна отъ другой.

3. Анализъ нѣкоторыхъ изъ категорій духовной дѣятельности. Простые рефлексы, автоматизмъ, инстинкты, безсознательная мозговая работа, гипнотизмъ.

Простые рефлексы.

Обращаясь къ болѣе подробному анализу главнѣйшихъ категорій психической дѣятельности, мы на

первомъ планѣ должны поставить такъ называемые простые рефлексы, зависящіе отъ чувствительности и энергіи преимущественно ближайшихъ къ воспринимающимъ органамъ нервовъ; это — непосредственно за воспринятымъ впечатлѣніемъ слѣдующія отраженія его въ сокращеніи мышцъ. Относительно ихъ было уже говорено и къ нимъ придется еще возвратиться, какъ къ одному изъ видовъ слѣдующей за симъ категоріи.

Дѣйствія осложненныя автоматическія и инстинктивныя.

Къ этой категоріи относятся дѣйствія такъ называемыя инстинктивныя (которыхъ также отчасти пришлось уже коснуться) и осложненныя автоматическія. (1)

Отличіе тѣхъ и другихъ отъ дѣйствій проявляющихъ въ себѣ полное развитіе мыслительно-волевого акта заключается въ томъ, что при совершеніи послѣднихъ, составляющихъ результатъ нѣсколькихъ обобщеній и логическихъ изъ нихъ выводовъ, мы усматриваемъ или предвидимъ конечную цѣль, къ которой желаемъ или неизбѣжно должны придти, равно и пути къ ней ведущіе; тогда какъ дѣйствуя инстинктивно или автоматически, подчиняемся также какъ и другія живыя существа, только ощущаемымъ въ данный моментъ потребности, импульсу или влеченію, безъ представленія о томъ, что за этимъ актомъ настоящаго момента должно послѣдовать. Для поясненія достаточно припомнить приведенные выше примѣры ловли москитовъ, витія гнѣздъ молодыми птенцами, сосаніе груди младенцемъ и проч. Такъ, и въ зрѣломъ возрастѣ, хотя очень сложныя, но вполнѣ привычныя дѣйствія мы иногда совершаемъ автоматично, ни мало не помышляя ни о конечной

(1) Относящіеся сюда вопросы были весьма обстоятельно разобраны А-мъ Фулье (R. des 2 M. 1886 г. и 1891 года). За нимъ преимущественно и слѣдуемъ въ этихъ частяхъ нашего анализа.

ихъ цѣли, ни о томъ какъ и въ какомъ порядкѣ, одинъ за другимъ, долженъ послѣдовать рядъ направляемыхъ къ этой цѣли движеній.

Значеніе или роль автоматическихъ дѣйствій. Примѣры.

Всматриваясь въ совокупность всей нашей дѣятельности, можемъ съ увѣренностью сказать, что наибольшая часть ея поглащается именно дѣйствіями автоматическими, такъ какъ и въ составѣ вполнѣ осмысленныхъ волевыхъ актовъ извѣстная, даже весьма значительная, доля ихъ всегда принадлежитъ движеніямъ чисто автоматичнымъ.

Работникъ, сидящій напр. за обыкновеннымъ, первобытнаго устройства ткацкимъ станкомъ, хорошо знаетъ конечную цѣль своей работы, знаетъ какого свойства ткань должна получиться въ результатѣ, сколько такой ткани въ день выходитъ на его станкѣ, сколько часовъ денной работы для этого требуется, — дѣятельность, представляющая слѣдовательно въ цѣломъ вполнѣ осмысленный волевой актъ; но при исполненіи его, перебрасывая изъ стороны въ сторону челнокъ между основами и дѣлая соотвѣтствующія движенія ногами, ткачъ ни мало не думаетъ о томъ, какъ удобнѣе хвататься за челнокъ, попеременно то одною то другою рукою, въ видахъ ловкаго и скорѣйшаго перебрасыванія его, съ какимъ напряженіемъ должно его бросать, какія и какой силы движенія дѣлать ногами, — все это онъ исполняетъ совершенно автоматически, составляя какъ бы часть механизма того же станка.

Это самое можно сказать о всякой работѣ фабричнаго или земледѣльца. Выходя напр. съ косою на лугъ, косецъ отлично понимаетъ конечную цѣль своей работы, ожидаемый результатъ ея и сколькими часами деннаго труда онъ можетъ быть достигнутъ; но какъ для этого слѣдуетъ держать косу, каковъ долженъ быть взмахъ ея, соотвѣтственно движенію

всѣмъ корпусомъ впередъ — это точно также онъ совершаетъ автоматически; между тѣмъ для исполненія означенныхъ движеній рукъ, ногъ и всего корпуса требуется не мало искусства, не мало навыка, — значитъ мысли, вниманія и воли, прежде чѣмъ начинающій станетъ ту же работу производить какъ автоматъ, безъ всякаго помышленія о ней. Возьмемъ наконецъ дѣятельность совершенно иного рода — умственный трудъ ученаго, поэта, литератора: мысль его усиленно работаетъ надъ передачею въ словахъ представленій или образовъ, выводовъ и заключеній но въ то же время рука, вооруженная перомъ, какъ привычный автоматъ, безъ всякихъ умственныхъ усилій, графически передаетъ выраженіе этихъ словъ на бумагѣ.

Приведенныхъ примѣровъ кажется достаточно для оцѣнки какая важная роль принадлежитъ автоматизму въ жизни человѣка и подобныхъ ему организмовъ. Вдумываясь въ объясненныя передъ симъ и другія того же рода явленія, мы должны будемъ признать, что весьма большая доля всей умственной и волевой дѣятельности нашей несомнѣнно принадлежитъ тому, чтобы шагъ за шагомъ пріучать себя — дѣйствія первоначально требовавшія напряженія или по крайней мѣрѣ участія мысли и воли — совершать автоматически. Въ этомъ направленіи работаетъ ребенокъ учащійся ходить, говорить, затѣмъ читать, писать, играть на инструментѣ; въ этомъ же смыслѣ дѣйствуетъ взрослый человѣкъ, развивающій въ себѣ привычку обыкновенныхъ дневныхъ занятій и общепринятыхъ житейскихъ отношеній; даже способность героя, безъ обнаруженія эмоцій, твердо стоять и спокойно распоряжаться подъ пулями, пріобрѣтается несомнѣнно дисциплинированіемъ воли, т. е. выработкою въ нервной системѣ привычки какъ бы автоматически проявлять или подавлять извѣстнаго рода дѣятельность.

Установивъ такимъ образомъ значеніе и сущность дѣйствій называемыхъ автоматическими, попытаемся уяснить происхожденіе какъ этихъ дѣйствій, такъ и особаго разряда ихъ, извѣстныхъ подъ именемъ инстинктивныхъ; при чемъ не трудно будетъ указать различіе между первыми и вторыми.

Къ дѣйствіямъ автоматическимъ прежде всего надо отнести упомянутые выше (съ приведеніемъ примѣровъ) простые рефлексы. Здѣсь, какъ мы видѣли, впечатлѣніе воспринятое однимъ изъ внѣшнихъ органовъ, быстро достигаетъ по восходящему (приносящему) нерву до одного изъ нервныхъ узловъ, ближайшаго къ воспринявшему органу, возбуждаетъ въ немъ ощущеніе и соотвѣтствующее влеченіе; это послѣднее столь же быстро передается по двигательному (относящему) нерву тому же воспринявшему или другому внѣшнему органу, и выражается въ извѣстномъ сокращеніи мышцъ его (1); при этомъ все совершается въ промежутокъ времени столь короткій, что способность вниманія не успѣваетъ овладѣть впечатлѣніемъ, обобщить его и, связавъ съ другими представленіями, выработать понятіе объ имѣющемъ произойти цѣлесообразномъ движеніи и конечномъ его результатѣ. Какъ видно, автоматизмъ несомнѣнный.

Почти такимъ же порядкомъ можетъ совершиться дѣйствіе сложное, даже весьма сложное. Пусть впечатлѣнія воспринятыя нѣсколькими внѣшними органами быстро сообщатся ближайшимъ нервнымъ узламъ и возбудятъ въ нихъ ощущенія, которыя, комбинируясь между собою, могутъ при извѣстныхъ условіяхъ столь-же быстро достигнуть центровъ боль-

(1) или, какъ было объяснено, впечатлѣніе даже не доходитъ до нервнаго узла, а прямо передается отъ приносящаго двигательному нерву, въ ихъ безчисленныхъ развѣтвленіяхъ, путемъ индукціи.

шого головного мозга; пусть отъ этого послѣдняго соотвѣтствующее интегрированному чувствованію влеченіе столь-же безпрепятственно пойдетъ, дифференцируясь, по относящимъ нервамъ обратно; въ такомъ случаѣ оно, можно сказать, моментально послѣ внѣшняго воздѣйствія передастся тѣмъ же воспріявшимъ или другимъ внѣшнимъ органамъ, въ которыхъ и вызоветъ соотвѣтствующія сокращенія. Но это круговое движеніе, отъ воспринимающихъ органовъ къ головному мозгу и обратно, можетъ въ объясненномъ видѣ совершиться при томъ лишь условіи, чтобы начальное, также какъ интегрированное впечатлѣніе по приносящимъ нервамъ, и вызванное имъ влеченіе— по относящимъ — слѣдовали стремительно, безъ всякихъ, хотя бы мгновенныхъ, задержекъ въ промежуточныхъ и главныхъ нервныхъ центрахъ, принимающихъ впечатлѣнія и перерабатывающихъ таковыя въ чувствованія и влеченія. Въ этомъ случаѣ, повторяемъ, весьма сложное дѣйствіе, подобно явленію простого рефлекса, совершится автоматично, такъ какъ, при моментальной лишь игрѣ нервной цѣпи, въ промежутокъ отъ воспріятія впечатлѣнія до соотвѣтствующаго сокращенія — нѣтъ времени для возбужденія вниманія, для синтеза, представленія и вывода заключеній, для чего, какъ выше объяснено, потребна извѣстная продолжительность впечатлѣнія; не оказывается, слѣдовательно, и основного признака мыслительно-волевого акта, — признака заключающагося въ ясномъ представленіи о послѣдовательныхъ фазисахъ явленія и о конечной его цѣли.

Безостановочность нервнаго тока — существенное условіе автоматизма — пріобрѣтается навыкомъ или практикою.

Далеко не всегда однако при такихъ условіяхъ происходятъ сложныя наши дѣйствія. Одинъ изъ основныхъ законовъ механики заключается въ томъ, что всякое движеніе направляется неизмѣнно по линіи

наименьшаго сопротивленія. Если линія эта явственно обозначается въ средѣ другихъ, то движеніе совершается безостановочно, какъ напримѣръ текутъ воды по хорошо проложенному, свободному руслу. Если же она не особенно выдается между другими, или если привычный, намѣченный путь не свободенъ, то происходитъ задержка, въ теченіе которой накопляется сила или энергія, достаточная для того чтобы одолѣть сопротивленіе на прежде-проложенномъ пути, или открыть иной: такъ повышается горизонтъ воды въ бассейнѣ, пока давленіе ея не превыситъ сопротивленіе преграды, въ пунктѣ наименьшей величины его. То же самое происходитъ въ организмѣ живыхъ существъ. Только что объясненное круговое по нервной цѣпи движеніе начинаетъ совершаться легко, безостановочно не сразу, а послѣ многократнаго воспріятія тождественныхъ впечатлѣній. Но въ организмѣ, продолжающемъ развиваться, непрерывно слѣдуютъ одно за другимъ болѣе или менѣе новыя впечатлѣнія, воспринимаемыя къ тому же при далеко не одинаковыхъ условіяхъ, — при чемъ очевидно не можетъ быть вполнѣ установившихся не оставляющихъ выбора путей. Ближайшіе къ внѣшнимъ органамъ нервные центры еще не обладаютъ достаточною энергіею для мгновеннаго отраженія впечатлѣнія къ тѣмъ же воспринявшимъ органамъ, или для столь же мгновенной посылки его далѣе по восходящимъ нервамъ до головного мозга. Для накопленія этой энергіи нужно извѣстное время. Движеніе такимъ образомъ совершается медленнѣе съ задержками, и не только въ центрахъ передаточныхъ, но точно такъе по тѣмъ самымъ причинамъ, и въ большомъ головномъ мозгу. Въ этихъ именно задержкахъ заключаетя условіе извѣстной продолжительности впечатлѣнія, — условіе, какъ видѣли, существенно необходимое для образованія путемъ синтеза представленій, для возбужденія вниманія, обобще-

нія, словомъ — для развитія въ концѣ концовъ полнаго мыслительно-волевого акта.

Задерживающіе центры (Сѣченова)

Таково значеніе „задерживающихъ центровъ“ („centres d'arrêt“) Сѣченова. Остановка или задержка болѣе или менѣе полная и составляетъ (говоритъ онъ) самый источникъ сознанія; она въ извѣстной степени фиксируетъ нервный токъ, который иначе немедленно израсходовался бы въ движеніи; устанавливаетъ продолжительность его въ двадцать-тридцать секундъ, достаточную для того, чтобы впечатлѣніе принесенное восходящимъ (передающимъ ощущеніе) нервомъ успѣло сообщиться нисходящему (двигательному); — замедленіе, дающее возможность сознанію перехватить на пути этотъ токъ, который иначе при непрерывно-быстромъ движеніи, ускользнулъ бы отъ него. Отсюда Сѣченовъ выводитъ заключеніе, что сознаніе или мысль есть не болѣе какъ задержанное рефлективное движеніе. (1)

Задержка нервнаго тока — лишь одно изъ условій формы сознанія, а не источникъ его.

Для насъ однако представляется очевиднымъ, что здѣсь одно изъ возможныхъ условій явленія (замедленіе нервнаго тока) принимается за непремѣнную причину этого явленія. Элементами сознанія, какъ пытались мы объяснить, обладаетъ каждая частица

---

(1) По этому поводу кстати будетъ замѣтить, что вообще рефлексъ представляетъ собою явленіе необычайно сложное: чувственное раздраженіе, какъ видѣли не всегда тотчасъ переходящее въ волевое „иногда задерживается мѣсяцы и годы; такъ что отъ этихъ задержаній въ центральной части рефлекторнаго снаряда происходитъ большое накопленіе энергіи. Иногда сильный толчекъ безслѣдно поглащается центромъ, а иногда и малый достаточенъ для разряженія накопившейся энергіи сильнымъ взрывомъ. Самъ резервуаръ энергіи колосаленъ: это настоящій microcosmus, совокупность идей, чувствованій, воспоминаній даннаго лица, въ скрытомъ состояніи въ немъ пребывающихъ, но отъ всякаго толчка могущихъ проявиться.“ (В. Спасовичъ. „Новыя направленія въ наукѣ Уголовнаго Права).

живого организма, хотя бы въ видѣ смутныхъ зачатковъ ощущенія и влеченія. Эти элементы именно и проявляются въ раздраженіи нерва, составляющемъ источникъ, или сущность нервнаго тока. Слѣдовательно, самое появленіе послѣдняго уже предполагаетъ наличность сознанія, хотя бы въ зачаточной формѣ. За симъ, круговое по нервной цѣпи движеніе разъ возбужденнаго нервнаго тока совершается, какъ видѣли, не всегда при одинаковыхъ условіяхъ. Если на линіи наименьшаго сопротивленія токъ находитъ легкій готовый путь, то онъ или не распространяется до головного мозга и мгновенно отражается къ мышцамъ отъ одного изъ ближайшихъ нервныхъ центровъ, иногда даже не доходя до этихъ послѣднихъ, или хотя достигаетъ головного мозга, но можно сказать успѣваетъ лишь промелькнуть въ немъ и столь же быстро относится къ мышцамъ, въ сокращеніи которыхъ и расходуется всецѣло, не оставляя отъ себя въ головномъ мозгу никакихъ видимыхъ слѣдовъ. Если же линія наименьшаго сопротивленія не ясно обозначается, если на пути своемъ токъ встрѣчаетъ затрудненія или препятствія, то движеніе необходимо доходитъ до головного мозга, употребляя на это извѣстное время, да и въ немъ задерживается; а подъ вліяніемъ замедленія или остановки вызывается къ дѣятельности новая, уже высшая функція сознанія — способность вниманія; появляется, какъ сказано, синтезъ, обобщеніе.

Въ условіяхъ движенія нервнаго тока заключается, слѣдовательно, не источникъ сознанія, а только причина проявленія его въ той или иной формѣ: чѣмъ медленнѣе это движеніе, тѣмъ интенсивнѣе сознаніе, тѣмъ совершеннѣе его форма; напротивъ, оно находится на минимальной, первичной ступени развитія, когда быстрое движеніе нервнаго тока по хорошо намѣченнымъ установившимся путямъ совершается безъ малѣйшихъ задержекъ. Такъ, крылышко моски-

та дѣлаетъ отъ трехсотъ до четырехсотъ взмаховъ въ секунду; но оттого именно насѣкомое вовсе не замѣчаетъ этихъ движеній, не управляетъ ими.

Автоматизмъ — явленіе производное отъ дѣйствія осмысленно-сознательнаго.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго видно, что въ жизни организованныхъ существъ автоматизмъ дѣйствій сложныхъ отнюдь нельзя считать явленіемъ такъ сказать первичнымъ, т. е. что онъ очевидно составляетъ производную прочувствованнаго и осмысленнаго, а не наоборотъ. (1) Для быстраго, безостановочнаго движенія нервнаго тока, какъ видѣли, необходимы хорошо намѣченные пути; создаются же они, подготовляются, въ силу общаго закона, только многократнымъ повтореніемъ одного и того же дѣйствія, т. е. привычкою. Всякое впечатлѣніе, вызывающее раздраженіе нерва, всякое дѣйствіе, составляющее конечный исходъ этого раздраженія совершаются когда нибудь въ первый разъ, при чемъ для нервнаго тока натурально готовыхъ путей быть не можетъ, значитъ не можетъ быть и готовыхъ сложныхъ автоматическихъ движеній, предшествующихъ осмысленнымъ: первыя появляются лишь тогда, когда накопившаяся энергія мысли совершила свою работу, устранила препятствія или задержки на пути нервнаго тока и сдѣлала изъ него привычный.

Безпрерывная работа надъ обращеніемъ осмысленныхъ актовъ въ автоматическіе

Такъ чрезъ обращеніе вновь-возникающихъ въ организмѣ нашемъ, одного за другимъ, неизбѣжно медленныхъ нервныхъ токовъ — въ мгновенные, или по крайней мѣрѣ — въ очень быстрые, безпрепятственные, постепенно все болѣе и болѣе развиваемъ мы въ себѣ автоматизмъ сложныхъ дѣйствій, можно даже сказать — автоматизмъ мысли и воли, кото-

(1) Напомнимъ, что говоримъ здѣсь объ автоматизмѣ именно сложныхъ дѣйствій; отнюдь не о простыхъ рефлексахъ.

рый наконецъ оказывается явно преобладающимъ во всей нашей духовно-физической дѣятельности. Въ этой непрерывной работѣ надъ переводомъ требующихъ вниманія дѣйствій въ автоматическія протекаетъ вся жизнь наша отъ младенчества до старости, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока еще продолжается развитіе организма.

Поясненіе примѣрами.

Усмотрѣть это можно было уже изъ указанныхъ выше примѣровъ; но для большаго выясненія дѣла приведемъ еще нѣсколько.

Переходы отъ осмысленности къ автоматизму начинаются, какъ упомянуто, отъ младенчества.

Ребенокъ, бѣгая, дѣлаетъ рядъ непрерывныхъ и скорыхъ движеній, ни мало не помышляя о томъ каковы должны они быть въ видахъ безопасности и цѣлесообразности; но достигаетъ онъ этого не сразу: начиная ходить, онъ, напротивъ, задумывается надъ каждымъ шагомъ, значитъ соображаетъ, выбираетъ какъ надо поставить ногу, какъ перемѣстить корпусъ для того чтобы не упасть и приблизиться къ желаемому; требующее напряженія мысли дѣйствіе переходитъ въ автоматическое только послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже годовъ привычки и опыта.

Еще болѣе замѣтенъ этотъ переходъ на другомъ актѣ младенческаго развитія—когда ребенокъ учится говорить. Произношеніе самыхъ простыхъ, губныхъ буквъ достается ему не вдругъ; онъ пробуетъ движенія губами, всматривается въ такія же движенія у другихъ, значитъ соображаетъ, обобщаетъ. Еще явственнѣе обнаруживается это по отношенію къ болѣе труднымъ звукамъ, какъ наприм. *р*, *к*, твердый *л*, до произношенія которыхъ многія дѣти совсѣмъ не могутъ дойти безъ посторонней помощи: ихъ учатъ, раскрывая передъ ними ротъ стараются какъ можно отчетливѣе дѣлать соотвѣтствующія движенія языкомъ. Лишь послѣ многихъ повтореній, столькихъ

же неудачныхъ попытокъ, пробъ, напряженнаго вниманія, значитъ послѣ усиленной работы мысли и воли достигаетъ дитя желаемаго. Когда же одолѣетъ трудности, то совсѣмъ забываетъ о нихъ, вовсе не возвращается къ представленіямъ о необходимыхъ при разговорѣ дѣйствіяхъ языка, губъ, зубовъ, гортани, которыя исполняетъ безусловно автоматически.

Мы имѣли уже случай упомянуть какъ можно автоматически, думая совсѣмъ о другомъ, читать и писать; между тѣмъ, полагаю, каждый припомнитъ сколько вниманія и соображеній нужно было ему нѣкогда на то, чтобы выводить хитрыя фигуры образующія буквы, или составлять изъ слоговъ мало извѣстныя слова.

Соприкосновеніе автоматизма съ осмысленнымъ дѣйствіемъ.

Кстати будетъ замѣтить, что на этомъ примѣрѣ нагляднѣе всего выясняется какъ близко автоматизмъ граничитъ съ осмысленнымъ дѣйствіемъ, какъ легко одно переходитъ въ другое. Мы можемъ читать засыпая, или думая о другомъ, пока встрѣчаемъ въ книгѣ хорошо извѣстныя слова. Но стоитъ появиться слову или выраженію мало-знакомому — эта задержка на пути безпрепятственнаго до тѣхъ поръ стремленія нервнаго тока вызываетъ вниманіе, мысль тотчасъ вступаетъ въ свои права и начинаетъ работать надъ тѣмъ что совершалось автоматически, пока опять путь не сгладится и движеніе тока не войдетъ въ намѣченную колею. Точно также можемъ мы автоматически дѣйствовать на бумагѣ перомъ, когда напр. переписываемъ, или пока излагаемъ уже хорошо обдуманный нами предметъ; но достаточно малѣйшаго затрудненія въ выраженіи—автоматизмъ оказывается несостоятельнымъ и немедленно взываетъ о помощи къ дѣятельности мысли, съ тѣмъ чтобы при участіи ея миновать преграду и далѣе продолжать свою работу по прежнему.

Автоматизированіе мысли и воли при сложныхъ дѣйствіяхъ, какъ игра на музыкальныхъ инструментахъ.

Какія въ высшей степени сложныя дѣйствія могутъ исполняться автоматически лучше всего усматривается изъ примѣра игры на музыкальныхъ инструментахъ. Учащійся напр. игрѣ на роялѣ,— которая, какъ извѣстно, состоитъ въ искусствѣ комбинировать между собою рядъ мельчайшихъ, разнообразныхъ по силѣ и размѣру движеній, — не обладаетъ еще способностью легко направлять къ пальцамъ соотвѣтствующія цѣли напряженія нервнаго тока, и потому поставленъ въ необходимость задумываться, соображать, дѣлать усилія передъ каждымъ ударомъ пальца по клавишамъ. Но послѣ многихъ повтореній этого дѣйствія, вниманіе, работа мысли становятся болѣе не нужными, разъ возбужденный токъ, самъ собою идетъ намѣченными путями, безъ усилій мысли и воли, которыя какъ бы переходятъ всецѣло въ пальцы. Искусная пьянистка исполняетъ пьесу хорошо разученнаго своего репертуара, и въ то же время можетъ вести самый оживленный, легкій разговоръ, не имѣющій съ ея игрою ничего общаго. Точно также при игрѣ артиста-скрипача, въ системѣ движеній, тѣсно связанныхъ и согласованныхъ между собою цѣпью привычки, первое раздраженіе нервной цѣпи стремительно проходитъ по всему ряду ея звеньевъ и выражается въ гармоніи звуковъ; при чемъ раздраженіе это иногда вовсе не достигаетъ степени интенсивности и обособленности необходимой для возбужденія вниманія и для отпечатка въ памяти.

Передача функцій головного мозга подчиненнымъ центрамъ.

Въ обоихъ случаяхъ, при игрѣ какъ скрипача такъ и пьяниста, доходитъ ли раздраженіе нервной цѣпи до господствующихъ центровъ головного мозга? Въ виду краткости момента, отъ воспріятія зри-

тельными органами впечатлѣнія нотъ до израсходованія тока въ звукахъ, въ виду неимовѣрной быстроты слѣдованія одной системы звуковъ за другою позволительно въ этомъ усомниться. Вѣрнѣе, что работаютъ здѣсь спинной мозгъ и развѣ подчиненные центры головного, что большой головной мозгъ извѣстною долею своей способности — напрягать вниманіе, обобщать и обобщенное направлять — поступается въ пользу спинного и вообще второстепенныхъ органовъ: способности, функціи мысли и воли, такъ сказать, перемѣщаются. Происходитъ слѣдовательно то, что было отмѣчено въ отношеніи степени развитія центральнаго и низшихъ сознательно-волевыхъ апаратовъ у организмовъ болѣе совершенныхъ и менѣе развитыхъ: съ прекращеніемъ или ослабленіемъ дѣятельности головного мозга возрастаетъ въ интенсивности и быстротѣ дѣятельность спинного, вообще органовъ подчиненныхъ; подъ вліяніемъ самомалѣйшаго раздраженія, части оконечностей и вообще внѣшніе органы съ неимовѣрною быстротою исполняютъ, какъ бы конвульсивно, рефлективныя движенія; возбудите наоборотъ къ усиленной работѣ головной мозгъ — и энергія подчиненныхъ центровъ уменьшается, иногда до степени лишь трудно-усматриваемыхъ проявленій. При дѣйствіяхъ обращаемыхъ, посредствомъ долгой практики или привычки, въ автоматическія, энергія, такъ сказать, нисходитъ отъ головного мозга и, спускаясь черезъ позвоночникъ до конечныхъ внѣшнихъ органовъ, распредѣляется между ними, при чемъ воспріимчивость, чувствительность и, отсюда, способность къ сокращеніямъ достигаютъ въ этихъ послѣднихъ иногда необычайной степени развитія. Это именно и замѣчается въ искусствѣ скрипача или піаниста: вниманіе, способность къ синтезу и къ быстрому выраженію его въ дѣйствіяхъ, такъ сказать, утрачиваются головою и, чрезъ посред-

ство позвоночника, передаются организму рукъ и пальцевъ.

Перемѣщенія и обмѣны функцій сознанія между органами.

Такое перемѣщеніе функцій сознанія изъ одного органа въ другой составляетъ вообще явленіе весьма распространенное. Это новый физіологическій законъ, еще не достаточно изслѣдованный, подобающая оцѣнка котораго принадлежитъ будущему. Между входящими въ обособленный организмъ отдѣлами мозгового вещества существуютъ постоянныя сношенія и обмѣны энергіи, подъ вліяніемъ чего безпрестанно мѣняются мѣсто-нахожденія, формы и предметы духовной дѣятельности индивида: одно ощущеніе слѣдуетъ за другимъ, отчего столь-же быстро смѣняютъ другъ друга и вызываемыя ими чувствованія, влеченія, мысли, дѣйствія; непрерывно совершаются перемѣщенія и видоизмѣненія духовной энергіи параллельно съ передвиженіями энергіи физической.

Этими поперемѣнными ослабленіями и усиленіями функцій сознанія, одной на счетъ другой, объясняются вообще многія автоматическія выраженія мыслительно волевого акта, многія до сихъ поръ не вполнѣ разгаданныя явленія, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Автоматическое мышленіе и чувствованіе.

Несомнѣнно каждому случалось надъ самимъ собою замѣчать, какъ ничѣмъ не регулированная, ненаправленная вниманіемъ мысль быстро переходитъ отъ одного предмета на другой, не удерживая въ памяти положительно ничего изъ занимавшаго ее за нѣсколько секундъ; она безслѣдно проносится какъ вѣтеръ въ пространствѣ, не встрѣчающій на пути своемъ ни малѣйшей преграды. Параллельно — возбуждаемыя смѣняющимися представленіями — неудержимо несутся и волны желаній или влеченій. Только въ тотъ моментъ, когда токъ этотъ пріоста-

новленъ какимъ нибудь выдающимся внѣшнимъ впечатлѣніемъ, или самое внутреннее развитіе мысли встрѣчаетъ задержку въ непривычномъ, требующемъ усилія переходѣ, — вниманіе пробуждается, вступаетъ въ права свои, открываетъ путь синтезу, схватывающему впечатлѣніе этого послѣдняго момента, равно вызываемое имъ чувствованіе и влеченіе. Но именно только послѣдняго. Что было, что думали, что чувствовали мы за нѣсколько минутъ, даже секундъ передъ тѣмъ — намъ не всегда удается возстановить въ памяти. Изъ удающихся однако случаевъ возстановленія той нити, по которой слѣдовали одно за другимъ представленія, того порядка въ которомъ возникали и развивались образы, мы пріобрѣтаемъ полное убѣжденіе, что мысль непрестанно работала. Заключаемъ также, что этою работою мысли были навѣяны нѣкоторыя чувствованія и желанія, такъ какъ, не смотря на блѣдность, туманность едва сохранившагося слѣда ихъ, мы въ моментъ возвращенія къ полному сознанію все же испытываемъ весьма замѣтную степень удовлетворенности или недовольства, какъ слѣдствіе быстро пронесшагося потока мыслей и связанныхъ съ нимъ желаній.

Поясненіе на примѣрѣ сна. Анализъ этого феномена.

Одинъ изъ весьма наглядныхъ примѣровъ автоматическаго развитія полнаго мыслительно-волевого акта представляетъ сонъ. Грезы во время сна являются именно продуктомъ непрерывной работы мысли при полномъ отсутствіи вниманія. Ничѣмъ не сдерживаемый токъ, лишь скользя, такъ сказать, по поверхности представленій, быстро переходитъ отъ одного къ другому, дѣлая иногда гигантскіе скачки между предметами, имѣющими между собою лишь весьма отдаленную, трудно-уловимую связь, или наоборотъ вращается какъ бы въ заколдованномъ, тѣсномъ кругу образовъ, изъ котораго никакъ не можетъ выбраться. Провѣрить это можно, припомнивъ

состояніе, въ которомъ находимся непосредственно передъ пробужденіемъ и немедленно вслѣдъ за нимъ (одно почти совпадаетъ съ другимъ; то же что проносится въ мозгу нашемъ впродолженіе трехъ, четырехъ или болѣе часовъ глубокаго, непробуднаго сна положительно знать не можемъ). Грезя напримѣръ о воздаваемыхъ намъ небывалыхъ почестяхъ, или наоборотъ объ окружающихъ страшныхъ опасностяхъ, мы начинаемъ просыпаться; уже ясно сознаемъ, что это сонъ, что никакихъ почестей или опасностей нѣтъ, что спокойно лежимъ въ своей постели, но отъ овладѣвшихъ мыслью представленій оторваться не можемъ и продолжаемъ на яву въ полу-забытьи тѣ же грезы, иногда съ неимовѣрными мысленными salte-mortale; или перейдя на короткое время къ полному сознанію, засыпаемъ опять и, какъ будто бы пробужденія не было, возвращаемся къ развитію представленій владѣвшихъ мыслью до перерыва сна, нѣсколько разъ проходя еще и еще по тому самому грезою созданному кругу образовъ. Иногда за этимъ слѣдуетъ новое пробужденіе и опять сонъ, и опять все тотъ же, много разъ пройденный заколдованный кругъ.

На феноменѣ сна яснѣе всего обнаруживается какъ автоматическое движеніе мысли сопровождается развитіемъ весьма интензивнаго чувствованія, слѣдовательно и желанія. Иногда просыпаемся мы безъ всякаго воспоминанія о томъ что во время сна занимало нашу мысль; но остающееся, повидимому безпричинное тяжелое чувство недовольства, какъ-бы опасеніе чего-то, заставляетъ искать источникъ его въ только что минувшихъ сновидѣніяхъ; и дѣйствительно, понемногу возобновляя эти послѣднія въ памяти, мы начинаемъ усматривать, что въ нихъ несомнѣнно могла заключаться достаточная причина угнетающаго чувства.

Какъ видно, основное различіе между состояніемъ

сна и бодрствованія составляетъ полное безучастіе въ дѣятельности духа способности вниманія, какъ бы совершенное отсутствіе этой способности, когда человѣкъ спитъ. Другая весьма существенная разница заключается во вліяніи на развитіе мысли внѣшнихъ впечатлѣній въ томъ и другомъ случаѣ. Мысль, какъ извѣстно, питается преимущественно впечатлѣніями воспринимаемыми извнѣ. Но на яву совершающіяся въ окружающемъ перемѣны или явленія воздѣйствуютъ на внѣшніе органы (зрѣніе, осязаніе и др.); черезъ посредство ихъ возбуждаются начальныя, элементарныя ощущенія, изъ которыхъ путемъ синтеза образуются въ клѣточкахъ мозга представленія и, въ большинствѣ случаевъ, уже только эти послѣднія порождаютъ волевой актъ т. е. господствующее чувствованіе, вызывающее императивное желаніе или требованіе, выражающееся въ дѣйствіи. Во снѣ, наоборотъ, внѣшніе органы совсѣмъ или почти бездѣйствуютъ, вслѣдствіе чего кругъ внѣшнихъ впечатлѣній значительно тѣснѣе, ограниченнѣе; но тѣ которыя получаются идутъ непосредственно къ внутреннему органу, — къ центру или источнику сильныхъ чувствованій и желаній императивныхъ, — къ сердцу, и уже этимъ органомъ направляется мысль, создающая соотвѣтствующіе внушеніямъ сердца образы. Хорошо извѣстно, напримѣръ, что касающаяся во снѣ спиннаго хребта струя холоднаго воздуха возбуждаетъ въ насъ чувства страха, напротивъ неумѣренное согрѣваніе хребта — желанія и акты сладострастія. Для выясненія дѣла сравнимъ, какъ развиваются въ насъ эти чувствованія на яву и во снѣ. На яву чувство страха, между прочимъ, мы испытываемъ при появленіи чего нибудь новаго, необычнаго, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ говорятъ— сверхестественнаго. Входя напр. при соотвѣтствующемъ настроеніи въ неосвѣщенную залу, мы замѣчаемъ въ отдаленіи что то новое, прежде не бывшее въ этомъ мѣстѣ. Слабо

дѣйствующій въ темнотѣ органъ зрѣнія получаетъ впечатлѣніе неопредѣленнаго, бѣлаго образа. Сопоставляемъ это впечатлѣніе съ тѣми понятіями, которыя привыкли мы связывать съ подобными образами, и въ воображеніи создается представленіе объ угрожающемъ, чудесномъ призракѣ. Сердце замираетъ отъ ужаса, біенія его пріостанавливаются и леденящій холодъ пробѣгаетъ по спинѣ. Во снѣ совершается почти то же самое, но въ обратномъ порядкѣ: охлажденіе спинного хребта вызываетъ связанное съ этимъ ощущеніемъ чувство страха, хотя и не опредѣленнаго (т. е. опасенія неизвѣстно чего), отъ котораго тѣмъ не менѣе замираетъ сердце и замедляется кровообращеніе, и уже это господствующее чувство, овладѣвающее всѣмъ организмомъ, наталкиваетъ мысль на созданіе, безъ участія внѣшнихъ органовъ, тѣхъ или иныхъ образовъ, съ которыми привыкли мы соединять ощущеніе страха. Подобно этому и относительно сладострастныхъ желаній можно замѣтить, что на яву для возбужденія ихъ, какъ знаемъ изъ опыта, недостаточно одного вида красивой женщины; нужно чтобы впечатлѣніе, произведенное правильными чертами лица, красотою формъ, развилось путемъ синтеза въ представленіе о наслажденіи, которое можемъ почерпнуть въ обладаніи этими формами, этою красотою. Тогда только появляется страсть, выражающаяся усиленнымъ біеніемъ сердца и приливомъ крови къ половымъ органамъ (1).

Во снѣ неумѣренное согрѣваніе позвоночника непосредственно дѣйствуетъ не органы кровообраще-

(1) Такъ при видѣ женщины, хотя бы очень красивой, но стоящей по положенію неизмѣримо выше насъ, подобно какъ и самаго изящнаго изображенія красоты на полотнѣ или въ изваяніи, страсть не возбуждается. Напомнимъ, что рѣчь идетъ исключительно о плотской страсти, не о любви, когда желаніе или жажда обладанія возникаетъ изъ духовнаго сближенія, взаимной симпатіи между лицами разныхъ половъ.

нія, а усиленный приливъ крови къ половымъ органамъ причиняетъ ихъ возбужденіе; и тогда лишь услужливое воображеніе направляетъ мысль на созданіе въ грезѣ тѣхъ образовъ, съ которыми на яву привыкли мы соединять такое возбужденіе, вызываетъ томленіе страстью, даже до крайняго предѣла его. Какъ видно и здѣсь, на яву и во снѣ процессъ совершается въ обратномъ порядкѣ. Точно такъ же могли бы мы противупоставить грезы томимаго голодомъ во время сна и томленіе на яву отъ удаленія или отсутствія того, въ чемъ усматривали мы источникъ къ удовлетворенію разыгравшагося аппетита, и т. под.

Кромѣ того нельзя не замѣтить, что многія, съ перваго раза совсѣмъ непонятныя, явленія въ состояніи сна находятъ объясненіе въ глубокихъ измѣненіяхъ, которыя въ означенномъ состояніи претерпѣваетъ обычная наша мѣра времени и пространства. Будучи напримѣръ въ лихорадкѣ, я стараюсь уснуть, тушу свѣчу и засыпаю. Послѣ томительнаго сновидѣнія, во время котораго передо мною тянутся длиннымъ рядомъ различныя тяжелыя сцены моей жизни, со всѣми ихъ мученіями и непріятностями, я просыпаюсь. Оказывается, что фитиль потушенной свѣчи еще тлѣетъ; значитъ сонъ, показавшійся мнѣ мучительно-долгимъ, едва ли длился и одну минутку.

Или вотъ, въ отношеніи неимовѣрной быстроты сновидѣній, еще болѣе поразительный, обставленный большими подробностями фактъ, приведенный Мори въ его книгѣ „Le sommeil et les rêves“ (M. A. Maury) „Мнѣ нездоровилось, говоритъ онъ, (выписываемъ его подлинныя слова), и я лежалъ въ своей комнатѣ; моя мать сидѣла у моего изголовья. Мнѣ снился терроръ; я присутствую при сценахъ убійствъ, являюсь передъ революціоннымъ судилищемъ, вижу Робеспьера, Марата, Фукье-Тенвиля, — всѣхъ страш-

ныхъ людей этого страшнаго времени; говорю съ ними; наконецъ, послѣ долгихъ происшествій, которыя припоминаю слабо, меня судятъ, осуждаютъ на казнь и везутъ въ телѣжкѣ на площадь „Революціи“, посреди громадной толпы народа; я всхожу на эшафотъ; палачъ привязываетъ меня къ роковой доскѣ, опускаетъ ее, сѣкира падаетъ, и я чувствую какъ голова моя отдѣляется отъ туловища. Просыпаясь въ смертельномъ томленіи, я нахожу у себя на шеѣ стрѣлку, которая составляетъ принадлежность моей кровати, поддерживая надъ нею пологъ: внезапно оторвавшись она упала мнѣ на шейные позвонки, какъ сѣкира гильотины. Это случилось въ самое мгновеніе, когда я проснулся, какъ подтвердила моя мать; между тѣмъ, это-то внѣшнее ощущеніе послужило исходной точкою для сна, заключавшаго въ себѣ столько послѣдовательныхъ происшествій.

Это совпаденіе удара въ шею оборвавшейся стрѣлки съ заключеніемъ сновидѣнія, выразившемся въ казни, было бы болѣе чѣмъ странно объяснить случайностью; очевидно, что паденіе на шею стрѣлки послужило причиною и начальнымъ импульсомъ сновидѣнія, которое было его моментальнымъ слѣдствіемъ, какъ ни казалось оно продолжительнымъ“.

Этимъ, по возможности сокращеннымъ, объясненіемъ феномена сна можемъ закончить предположенный анализъ дѣйствій автоматическихъ.

Дѣйствія инстинктивныя.

Переходя за симъ къ особому отдѣлу ихъ, къ извѣстнымъ подъ названіемъ инстинктивныхъ, прежде всего должны припомнить, что общее начало какъ этихъ послѣднихъ, такъ сложныхъ автоматическихъ, и даже самыхъ простыхъ рефлексовъ, словомъ общій источникъ всякаго движенія и дѣйствія, заключается въ ощущеніи и влеченіи, появляющихся хотя бы въ самой первобытной, зачаточной формѣ. Это основное положеніе, возвращаясь къ нему не одинъ разъ, пы-

тались мы въ мѣрѣ возможности выяснить и установить.

Такимъ образомъ и объясненіе матерьялистовъ или автоматистовъ (Спенсеръ, Модслей, Гесклей, Рибо и друг.) о происхожденіи инстинкта мы принимаемъ только въ первой его части; т. е. въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ (нѣсколько примѣровъ которымъ были приведены) видимъ болѣе или менѣе сложную комбинацію простыхъ рефлексовъ; но отсюда отнюдь не дѣлаемъ вывода объ исключительно механическомъ происхожденіи всей дѣятельности живыхъ существъ, и не приписываемъ феноменъ чувствованія, желанія, мысли, одной лишь задержкѣ нервнаго тока, — не приписываемъ потому, что уже въ самомъ появленіи нервнаго тока признаемъ результатъ ощущенія и влеченія.

Инстинктъ — преимущественно у животныхъ.

Способность совершать извѣстныя дѣйствія по инстинкту, или просто, какъ говорятъ, способность инстинкта, усматриваемъ мы преимущественно въ животныхъ. Таковы приведенныя выше въ примѣръ: способность плаванія, ловли москитовъ. Къ нимъ можно присоединить: витіе птицами гнѣздъ, способность большинства животныхъ цѣлесообразно укрывать или ограждать себя отъ опасности, способность собакъ отыскивать слѣды, открывать, указывать звѣря и многія другія весьма сложныя дѣйствія, при исполненіи которыхъ животныя нерѣдко обнаруживаютъ степень развитія значительно большую, по сравненію съ соотвѣтствующими способностями человѣка, чѣмъ и объясняются между прочимъ случаи поклоненія, какъ божествамъ, извѣстнымъ породамъ животныхъ, получившимъ какъ будтобы свыше нѣкій таинственный даръ.

Сущность инстинкта.

Не останавливаясь на этомъ и другихъ подобныхъ заблужденіяхъ, всмотримся ближе въ такъ называе-

мыя инстинктивныя дѣйствія, и изъ анализа конкретныхъ проявленій инстинкта постараемся опредѣлить сущность и происхожденіе этой способности.

При витіи птицами гнѣздъ, ловлѣ новорожденными птенцами москитовъ, строеніи пчелами восковыхъ сотовъ и т. п. очевидно совершающій одно изъ этихъ дѣйствій не имѣетъ отчетливаго представленія ни о конечной цѣли его, ни о послѣдовательности ведущихъ къ цѣли переходовъ или ступеней; въ каждый данный моментъ онъ повинуется существующему лишь въ этотъ моментъ побужденію или влеченію. Представляется значитъ, вполнѣ достаточное основаніе отнести эти дѣйствія, какъ и разсмотрѣнныя передъ симъ, къ одному разряду дѣйствій сложно-автоматическихъ, признать первыя и вторыя лишь двумя подраздѣленіями одной болѣе широкой категоріи.

Различіе между инстинктомъ и автоматизмомъ.

Нельзя однако не усмотрѣть между тѣми и другими существенной разницы, которая и вправду даетъ поводъ дѣйствія инстинктивныя отнести какъ бы къ высшему разряду по сравненію съ чисто-автоматическими. Эти послѣднія, какъ видѣли, составляютъ прямой продуктъ или производную актовъ осмысленныхъ; въ нихъ автоматизмъ несомнѣнно является результатомъ привычки, иногда долгой практики, т. е. многихъ и частыхъ повтореній индивидомъ въ тождественныхъ условіяхъ одного и того же, первоначально осмысленнаго акта; между тѣмъ, дѣйствія называемыя инстинктивными, не смотря на большую иногда ихъ сложность, не смотря на участіе въ исполненіи ихъ многихъ органовъ, могутъ совершаться безъ всякой подготовки, такъ какъ исполняютъ ихъ между прочимъ индивиды, положительно въ первый разъ встрѣчающіе случай къ совершенію акта. Ловля москитовъ напр. требуетъ, какъ видѣли, совмѣстной работы не одной системы нервовъ и мышцъ; плава-

ніе молодыхъ утятъ, или сосаніе груди представляютъ собою акты, хотя и менѣе сложные, но все же совершающіеся при участіи нѣсколькихъ органовъ; между тѣмъ исполнителями всѣхъ этихъ актовъ являются новорожденные; при чемъ одного появленія москита у клюва птенца, одного прикосновенія воды къ тѣлу утенка, или соска къ губамъ младенца, — словомъ раздраженія лишь перваго звена цѣпи достаточно для того чтобы пришла въ дѣйствіе вся цѣпь, чтобы совершился сложный актъ, искусственное воспроизведеніе котораго организмомъ иного вида едвали могло бы удасться послѣ цѣлаго ряда попытокъ и приспособленій.

Такимъ образомъ дѣйствія инстинктивныя, какъ всѣ сложно-автоматическія, одинаково совершаются подъ вліяніемъ лишь настоящаго момента, безъ представленія о конечной цѣли и о послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія акта; существенное же, основное отличіе первыхъ отъ вторыхъ составляетъ наслѣдственность или прирожденность инстинкта, направляющаго дѣйствіе къ результатамъ соотвѣтствующимъ требованіямъ организма.

Опредѣленіе инстинкта.

Согласно съ симъ новѣйшіе изслѣдователи психологическихъ явленій даютъ инстинкту такое опредѣленіе: „дѣйствіе ведущее вообще къ полезному результату, совершаемое, безъ представленія объ этомъ результатѣ, индивидами одной и той же породы, подъ импульсомъ апетита или влеченія и съ ощущеніемъ, болѣе или менѣе слабымъ, удовлетворенности или недовольства (Alfred Fouillée).

Отъ рожденія животное получаетъ только подготовленные къ развитію инстинкта органы.

Наслѣдственность инстинкта, наличность этой способности такъ сказать съ самаго момента рожденія индивида, отнюдь не даютъ однако повода предполагать, чтобы животное появлялось на свѣтъ съ гото-

вымъ представленіемъ объ актѣ, совершеніе котораго должно составить первые шаги въ его жизни. Нельзя напр. предположить, чтобы птица, начинающая по инстинкту строить свое гнѣздо, вышла изъ яйца со сложившеюся идеею гнѣзда, какъ объекта предстоящей непремѣнной ея дѣятельности. Напротивъ, какъ было упомянуто, инстинктивныя дѣйствія совершаются подъ импульсомъ лишь настоящаго момента, безъ представленія болѣе или менѣе отчетливаго о конечной цѣли. Вновь появляющійся индивидъ получаетъ, слѣдовательно, отъ рожденія никакъ не готовую идею того, что станетъ объектомъ его инстинктивныхъ дѣйствій, а только, въ самомъ строеніи органовъ, способности или данныя, изъ которыхъ должна возникнуть эта идея, какъ скоро появятся условія, вызывающія реализацію ея въ конкретной формѣ; т. е. въ нервной системѣ индивида оказываются отъ рожденія установленными лишь извѣстныя соотношенія или сопряженія, благодаря которымъ такіе-то нервные центры и мускулы сообщаются между собою и взаимно воздѣйствуютъ легче и удобнѣе чѣмъ такіе-то другіе.

Примѣры.

Молодой утенокъ напр. не получаетъ отъ рожденія идею бассейна жидкости, по поверхности котораго можно легко перемѣщаться при исполненіи извѣстныхъ движеній; но первое прикосновеніе къ водѣ находитъ въ организмѣ его готовые пути къ двигательнымъ нервамъ, дѣйствіемъ которыхъ опредѣляется актъ плаванія. То же самое можно сказать относительно происходящаго въ половыхъ органахъ при наступленіи физической зрѣлости индивида. Животное не родится съ готовымъ представленіемъ объ органахъ совокупленія у другого пола и о самомъ актѣ совокупленія; но отъ рожденія получаетъ оно физическое строеніе, благодаря которому въ его собственныхъ половыхъ органахъ постепенно накопля-

ется энергія, а накопившись ищетъ пути къ предуставленному природою израсходованію: отсюда хорошо извѣстные приливы крови, напряженіе сопровождаемое смутнымъ ощущеніемъ недовольства; при чемъ сближеніе съ существомъ другого пола, тѣмъ болѣе прикосновеніе къ нему, достаточны для сладострастнаго возбужденія и для конечнаго импульса къ совершенію акта. Точно также нѣтъ у птицъ отъ рожденія сфориированнаго въ конечной формѣ инстинкта ловли москитовъ, или у пчелъ — такого же инстинкта строенія восковыхъ сотовъ; тѣ и другія получаютъ наслѣдственно только органы приспособленные и направленные къ развитію и окрѣпленію означенныхъ инстинктовъ.

Полная идея инстинктивнаго дѣйствія не является готовою: она формируется.

Въ этомъ отношеніи животныхъ можно уподобить артистамъ (и дѣйствительно каждое изъ нихъ въ большей или меньшей степени представляетъ собою артиста). Какъ художникъ-живописецъ или скульпторъ —приступающій къ созиданію далеко не обладаетъ вполнѣ отчетливымъ представленіемъ о томъ, въ какихъ именно формахъ, или образахъ и краскахъ, должна выразиться мысль, въ общихъ чертахъ задуманной имъ картины или статуи; какъ онъ начально ограничивается грубымъ набрасываніемъ глины или начертаніемъ однихъ лишь абрисовъ; такъ пчела, начиная строеніе сотовыхъ ячеекъ, еще не представляетъ себѣ конечной формы строенія, или общаго значенія своего труда; но начало, какъ и всякій послѣдующій шагъ, пробуждаетъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ недостающаго, образъ того что должно совершиться далѣе; мысль понемногу воплощается, зародышъ ея развивается, растетъ, и съ каждымъ новымъ шагомъ исполненія въ воображеніи насѣкомаго все болѣе и болѣе вырабатывается идея строенія, составленнаго изъ восьмигранныхъ ячеекъ. Въ обо-

ихъ случаяхъ начинающій не имѣетъ готоваго представленія о конечной формѣ своего творенія; онъ постепенно пріобрѣтаетъ таковое. (L'idée n'est pas, elle devient, говоритъ A. Fouillée).

Наслѣдственность инстинкта. Примѣры.

Едва ли нужно приводить примѣры наслѣдственности инстинктовъ, или прирожденнаго строенія органовъ приспособленнаго къ развитію инстинктовъ; но нѣкоторые изъ огромнаго числа подтверждающихъ это положеніе примѣровъ до такой степени убѣдительны, что объ нихъ стоитъ упомянуть. Молодые щенки изолированные отъ рожденія начинаютъ въ соотвѣтствующихъ условіяхъ дѣлать стойку только потому, что происходятъ отъ породы собакъ искони къ этому дрессированной. Молодые птенцы въ странахъ обитаемыхъ спѣшатъ скрыться при появленіи хотя еще никогда невиданнаго ими человѣка, потому что ряду предшествовавшихъ поколѣній пришлось испытать его преслѣдованія; тогда какъ на островахъ, гдѣ никогда не былъ человѣкъ, Дарвину случилось столкнуть съ дерева сокола дуломъ своего ружья, и молодые птицы слетались пить изъ чашки, которую держалъ онъ въ рукѣ. Гасконскій, каталанскій, баскскій, англійскій акцентъ, преемственно по рожденію унаслѣдованный, нерѣдко слышится во французскомъ произношеніи глухонѣмыхъ, искусственно научившихся говорить отъ одного и того же Парижскаго профессора, слѣдовательно никогда не имѣвшихъ случая слышать говоръ своихъ родителей или родичей. Точно также чрезъ поколѣнія передаются иногда характерныя особенности почерка. Замѣчается наконецъ наслѣдственная передача извѣстныхъ дурныхъ привычекъ (des tics), которыя вѣдь представляютъ собою также инстинкты, только лишенные полезности, иногда даже вредные. При этомъ случаи подобной передачи болѣе рѣзко обозначаются по отношенію къ индивидамъ умственное

развитіе которыхъ ограничено. Если видимъ напр. ребенка, который непрестанно качается, или совершаетъ другія ритмическія движенія, то можно быть увѣреннымъ, что онъ близокъ къ идіотизму (Romanes). Сообразно съ симъ наслѣдственная передача привычекъ спеціальныхъ свойственна разнымъ породамъ животныхъ болѣе чѣмъ человѣку, особенно если эти привычки не вредны,а напротивъ полезны для сохраненія вида (инстинкты). То же самое можно сказать объ упомянутой выше относительной интенсивности инстинкта у животныхъ и у людей.

Какъ извѣстно, расходованіе энергіи на совершеніе движеній наиболѣе обычныхъ, становящихся оттого именно легкоисполнимыми, сопровождается въ нѣкоторой мѣрѣ чувствомъ удовлетворенности для исполнителя; отсюда склонность къ повторенію ихъ. Этимъ объясняется и послѣдовательно возрастающее развитіе привычекъ или инстинктовъ наслѣдственныхъ.

Происхожденіе инстинкта.

Установивъ положеніе о наслѣдственности инстинкта, мы этимъ не устраняемъ однако естественно возникающаго вопроса о томъ, откуда и какимъ образомъ появились инстинкты у родоначальниковъ, или первыхъ представителей породъ, у которыхъ усмотрѣна изслѣдователями та или другая прирожденная способность автоматическихъ дѣйствій.

Здѣсь, какъ и въ отношеніи формированія на землѣ организмовъ, восходящихъ по ступенямъ послѣдовательнаго совершенствованія, дѣйствуетъ въ полной силѣ законъ Дарвина, установленный въ ученіи его „о происхожденіи видовъ“. Подобно тому, какъ подъ вліяніемъ приспособленія къ средѣ, навыка, переживанія наиболѣе приспособленныхъ (естественнаго подбора) и наслѣдственности, происходятъ чисто-матеріальные приросты, отпаденія, вообще видоизмѣненія формъ въ органическомъ мірѣ, такъ точно, подъ

вліяніемъ тѣхъ самыхъ факторовъ, постепенно возникаютъ, развиваются и крѣпнутъ привычки или инстинкты въ породахъ животнаго царства. Способность или инстинктъ (какой бы ни было), появляясь, у первыхъ представителей извѣстной породы, лишь въ зачаточной, едва начинающей опредѣляться формѣ смутнаго влеченія или апетита, возникающаго преимущественно подъ давленіемъ императивныхъ потребностей самосохраненія, питанія или воспроизведенія, естественно выражается дѣйствіемъ. Дѣйствіе это, первоначально также лишь въ видѣ смутныхъ, невѣрныхъ шаговъ, потому сопровождаемое вышеобъясненными остановками или задержками нервнаго тока, мало по малу, вслѣдствіе многократныхъ повтореній, обращается въ автоматическое, въ привычку. Далѣе привычка, при воздѣйствіи все тѣхъ-же упомянутыхъ факторовъ, черезъ цѣлый рядъ поколѣній, постепенно развивается, крѣпнетъ и, передаваясь преемственно отъ родичей къ дѣтямъ, обнаруживается въ поколѣніяхъ послѣдующаго періода уже въ формѣ опредѣлившейся; причемъ естественный подборъ, борьба за существованіе непрерывно устраняютъ особи, а въ результатѣ интегрированія и цѣлые виды, менѣе способные приноровиться къ средѣ чрезъ пріобрѣтеніе инстинктовъ, обезпечивающихъ сохраненіе и преуспѣяніе породы. Такъ, этимъ самымъ путемъ совершается и далѣе развитіе всякихъ наклонностей организма или инстинктовъ, — иногда видоизмѣненіе, перерожденіе ихъ, — подъ вліяніемъ среды и условій, пока не достигаютъ они той формы, въ которой раскрываются передъ наблюдателемъ настоящаго момента, и которая въ будущемъ подлежитъ дальнѣйшимъ по тому же закону видоизмѣненіямъ.

Повторяемъ—начало или источникъ, изъ котораго зарождается и организуется всякій инстинктъ, заключается въ ощущеніи и влеченіи; но вслѣдствіе

многократныхъ повтореній эти элементы сознанія постепенно сглаживаются, блѣднѣютъ, и дѣйствіе становится автоматичнымъ, сперва у единичной особи, затѣмъ, черезъ рядъ наслѣдственныхъ передачъ, и у цѣлаго вида. (1)

Особый разрядъ психическихъ явленій. Безсознательная дѣятельность мозга.

Перейдемъ теперь еще къ одному разряду психическихъ явленій, въ которыхъ участіе способностей вниманія и памяти обнаруживается въ совершенно особой, какъ бы анормальной формѣ. Для наибольшаго выясненія дѣла необходимо однако прежде всего припомнить что именно представляютъ собою нормальныя функціи памяти и какъ развиваются онѣ при обыкновенномъ ходѣ мышленія.

Нормальныя функціи памяти.

Одно изъ наилучше установленныхъ положеній новѣйшей психологіи заключается въ томъ, что воспоминанія суть не болѣе какъ образы, или вновь возрождающіяся ощущенія, и что образы эти вмѣщаются въ тѣхъ самыхъ частяхъ или отдѣлахъ мозгового вещества, въ которыхъ первоначально сформировались они дѣйствіемъ достигшаго до этихъ раіоновъ ощущенія. Какъ извѣстно, такіе образы иногда совсѣмъ исчезаютъ изъ сознанія воспринявшаго ихъ субъекта, какъ будто бы ни ощущенія, ни результата его — представленія образовавшагося путемъ синтеза — никогда не было. Иногда они возникаютъ внезапно, какъ бы независимо отъ желанія и актив-

(1) Даже біеніе сердца и дыханіе, совершающіеся нынѣ автоматически, первоначально должны были сопровождаться извѣстной степенью чувствованія и влеченія. Проявленіе таковыхъ нынѣ совсѣмъ утратилось въ ритмическихъ ударахъ сердца по причинѣ хорошо проложенныхъ путей кровообращенія. Но въ актѣ дыханія пріостановка его и теперь еще сопровождается болѣзненнымъ ощущеніемъ, заставляющимъ животную особь сознательно искать путей къ возобновленію нормальнаго ритма.

наго участія субъекта;—въ дѣйствительности подъвліяніемъ воспоминанія предшествовавшаго, или внѣшняго впечатлѣнія, скоропреходящаго, слабаго, потому субъектомъ незамѣчаемаго. Иногда наоборотъ, субъектъ, первоначально получившій столь же слабое, смутное и неопредѣленное сознаніе когда-то существовавшаго въ мозгу его образа, успѣваетъ возстановить таковой во всей полнотѣ и опредѣленности лишь послѣ нѣкоторой работы мысли, нерѣдко довольно продолжительной и усиленной, при напряженномъ, направленномъ къ цѣли желаніи. Факты внезапнаго возникновенія когда-то воспринятыхъ образовъ трудно подаются анализу и едва ли способны стать матерьяломъ полезныхъ для общихъ выводовъ соображеній. Что же касается воспоминаній вызываемыхъ болѣе или менѣе продолжительною и замѣтною дѣятельностью мысли, то какъ въ самонаблюденіи, такъ и въ работахъ другихъ, мы имѣемъ достаточно фактическихъ данныхъ для выясненія совершающагося въ этомъ случаѣ процесса.

Всякое представленіе формируется изъ матерьяловъ доставляемыхъ памятью.

Всякое представленіе, какъ передъ этимъ было установлено, формируется неизмѣнно путемъ синтеза, изъ сопоставленія впечатлѣнія настоящаго момента съ нѣсколькими другими, наиболѣе къ нему близкими по сходству или противоположности. Значитъ, для сформированія представленія непремѣнно должны быть вызваны извѣстныя воспоминанія, т. е. образы или слѣды впечатлѣній прежде воспринятыхъ, и сохраняющіеся въ тѣхъ или другихъ отдѣлахъ нашего мозга. При взглядѣ на апельсинъ (пояснили мы тогда примѣромъ) получается впечатлѣніе не болѣе какъ красно-желтаго круга, и только чрезъ сопоставленіе этого впечатлѣнія съ воспоминаніями о прежде испытанныхъ при томъ же объектѣ зрѣнія ощущеніяхъ вкуса, обонянія и осязанія, формируется въ

насъ понятіе объ ароматичномъ, сочномъ вкусномъ плодѣ, съ оранжевою поверхностью и шаровидною формою. Такимъ точно путемъ образуются въ мозгу нашемъ представленія о яблокѣ, грушѣ, персикѣ, сливѣ, бергамотѣ; и когда, подъ вліяніемъ внѣшняго впечатлѣнія, появляется въ умѣ нашемъ уже готовое, полное представленіе объ одномъ изъ этихъ предметовъ, то по связи его съ пребывающими въ клѣточкахъ мозга образами другихъ подобныхъ предметовъ, весьма естественно возникаетъ воспоминаніе обо всѣхъ; а сопоставленіе существующихъ признаковъ сходства и различія между ними приводитъ къ болѣе широкому понятію о фруктѣ или плодѣ вообще. Такимъ же образомъ вырабатываются представленія объ овощи, цвѣткѣ, зернѣ, сѣмени, листѣ, злакѣ, а изъ нихъ болѣе общее понятіе о растеніи и т. д. Постоянно — сопоставленіе настоящаго впечатлѣнія съ воспоминаніями, или образами уже хранящимися въ мозгу, и отсюда, какъ результатъ, болѣе широкое обобщеніе. Совокупность всѣхъ этихъ обобщеній составляетъ міровоззрѣніе наше въ данный моментъ; при чемъ связь между ними установливается не только по сходственнымъ и отличительнымъ свойствамъ предметовъ и феноменовъ, но также по времени появленія или послѣдовательности, въ которой одно за другимъ строились обобщенія, — т. е. образы сохраняющіеся въ нашемъ мозгу и при извѣстныхъ условіяхъ вновь возникающіе въ качествѣ воспоминаній, заставляющихъ насъ, или дающихъ намъ возможность повторенно переживать прежде уже испытанныя чувствованія и впечатлѣнія.

Наша личность, наше я есть совокупность воспоминаній.

То что мы называемъ нашею личностью, нашимъ *я* и есть именно совокупность или средоточіе этихъ воспоминаній въ ихъ взаимной неразрывной связи, какъ по самому содержанію, такъ и по времени или

послѣдовательности сдѣланныхъ обобщеній. Уже раньше имѣли мы случай высказать, что если я признаю идентичность самой съ собою своей личности въ различные, даже весьма отдаленные одинъ отъ другого моменты жизни, такъ именно потому что вспоминаю какъ одно за другимъ переживались впечатлѣнія, чувствованія и влеченія, какъ одно изъ другого развивались обобщенія, какъ сообразно съ симъ измѣнялись взгляды, какъ послѣдовательно устанавливались воззрѣнія на все происходящее вокругъ меня и во мнѣ самомъ. Обладая способностью съ извѣстною ясностью и отчетливостью возстановить въ памяти представленіе о томъ какъ въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени, шагъ за шагомъ развивалась мысль, постепенно дошедшая до воззрѣній настоящаго момента, какія паралельно съ этимъ испытывались ощущенія, чувствованія, желанія, — я какъ бы вновь переживаю тотъ же періодъ, и отсюда почерпаю одно изъ основныхъ убѣжденій, что передуманное, перечувствованное, переиспытанное вчера, третьяго дня, за недѣлю, за мѣсяцъ, за годъ, за десятки лѣтъ передъ этимъ, было передумано, вообще пережито тѣмъ самымъ субъектомъ, въ воспоминаніяхъ котораго все это возстановляется въ настоящій моментъ, что субъектъ этотъ есть именно моя личность, мое *я*.

Вся жизнь наша состоитъ изъ ряда воспоминаній.

Такъ, въ послѣдовательныхъ переходахъ отъ одного воспоминанія къ другому совершаетъ человѣкъ свой жизненный путь; короче, можно сказать, вся жизнь наша есть ни что иное какъ рядъ воспоминаній. Не только наше прошедшее есть совокупность вновь возстающихъ въ памяти образовъ; не только въ помыслахъ о будущемъ мы черпаемъ матерьялъ исключительно въ возстановляемыхъ памятью представленіяхъ изъ пережитаго; но и въ настоящій моментъ необходимое условіе синтеза, т. е. мысли, обобщенія,

какъ видѣли, заключается въ сопоставленіи впечатлѣнія этого настоящаго момента съ представленіями прежде выработанными, т. е. съ воспоминаніями о нихъ. Въ настоящемъ моментѣ, допустивъ полное устраненіе воспоминаній, могло бы имѣть мѣсто только ощущеніе, воспріятіе впечатлѣнія; но мысли, пониманія положительно не можетъ быть.

Непрерывное развитіе мысли и остановки его.

Иногда, какъ было замѣчено, воспоминаніе возникаетъ и складывается въ образы какъ бы само собою, безъ всякаго со стороны субъекта усилія, по связи болѣе или менѣе близкой внѣшняго факта или предшествовавшей мысли съ предметомъ воспоминанія этимъ фактомъ или этою мыслью вызваннаго. Въ такомъ порядкѣ большею частью и развивается цѣпь нашего мышленія, автоматично, безъ остановокъ или задержекъ, нерѣдко при явномъ для субъекта затрудненіи дать отчетъ — какимъ ходомъ, въ какой послѣдовательности дошелъ онъ до того или другого представленія, до той или другой комбинаціи образовъ. Бываетъ однако и такъ, что подобный, автоматическій токъ мышленія прерывается, происходятъ остановки, требующія болѣе дѣятельнаго участія вниманія: средь плавнаго, непрерывнаго развитія мыслей, субъектъ, подъ вліяніемъ ли внѣшняго впечатлѣнія, или одного изъ проходящихъ въ умѣ его представленій, вдругъ припоминаетъ, что прежде было уже нѣчто, находящееся въ соотношеніи съ этимъ представленіемъ или внѣшнимъ явленіемъ; но что именно опредѣлить не можетъ. Какъ было сказано, субъектъ получаетъ слабое, смутное сознаніе когда-то существовавшаго въ мозгу его, теперь ускользающаго образа, и вмѣстѣ съ тѣмъ, при внутреннемъ недовольствѣ, императивное желаніе возстановить этотъ образъ во всей его полнотѣ и опредѣленности.

Какими же способами осуществляется это импера-

тивное желаніе, какая работа мысли происходитъ въ этомъ случаѣ?

Какъ при такихъ остановкахъ возстановляются впечатлѣнія и образы: припоминаются лица, имена, событія, законы.

Начинается, говоримъ мы со смутнаго воспоминанія о чемъ-то, находящемся въ какомъ-то ускользающемъ нынѣ соотношеніи съ представленіемъ или впечатлѣніемъ настоящаго момента. Встрѣчаемъ напр. человѣка повидимому незнакомаго. Всматриваясь, получаемъ однако впечатлѣніе, что видѣли прежде что-то подобное этому лицу, или фигурѣ, манерамъ, голосу. Гдѣ и когда — остается пока для насъ темнымъ. Отсюда стремленіе выдѣлить, опредѣлить тѣ черты или свойства встрѣченной личности, которыя особенно наводятъ насъ на воспоминаніе о чемъ-то сходномъ или подобномъ настоящему впечатлѣнію. Затѣмъ стараемся припомнить при какихъ обстоятельствахъ, въ какой обстановкѣ встрѣчали прежде эти кажущіяся знакомыми черты или особенности. Направляя на это всю силу вниманія, мало по малу успѣваемъ, хотя съ первыхъ шаговъ весьма туманно, возстановить эту обстановку, причемъ нерѣдко проходимъ черезъ нѣсколько ступеней. Припоминаемъ напр. что этотъ голосъ, эту дикцію когда-то слышали мы въ многолюдной толпѣ; образъ толпы естественно влечетъ за собою представленіе общественныхъ собраній, и мы стараемся быстро пробѣжать по воспоминаніямъ о разныхъ родахъ собраній, на которыхъ случалось намъ присутствовать, при чемъ въ проходящія передъ нами картины этихъ собраній пытаемся мысленно вмѣстить образъ нынѣ встрѣченной личности, пока не раскроемъ, что какъ будто-бы вотъ въ такой-то обстановкѣ мы видѣли, слышали нѣчто напоминающее эту личность. Работа мысли въ томъ же направленіи продолжается далѣе; мало по малу мы возстановляемъ въ памяти всѣ под-

робности обстановки которую теперь отмѣтили: когда это было, кто въ собраніи участвовалъ, что при этомъ говорилось; наконецъ живо, отчетливо представляемъ себѣ наружность, голосъ, слова одного изъ говорившихъ, и такимъ образомъ устанавливаемъ тождественность его съ человѣкомъ возбудившимъ всѣ эти воспоминанія. Иногда, какъ было сказано, работа эта занимаетъ не мало времени и сопровождается перерывами въ нѣсколько часовъ, дней, недѣль; иногда наоборотъ одна фраза, одно слово, съ извѣстнымъ удареніемъ произнесенное, властно переноситъ насъ въ область прошедшаго, ясно до мельчайшихъ подробностей возстановляетъ въ памяти картину давно пережитаго и вызываетъ живые образы тѣхъ, кѣмъ когда то подобное слово было сказано.

Такая же или въ томъ самомъ порядкѣ совершается работа мысли, когда желаемъ возстановить во всей полнотѣ представленіе о какихъ либо событіяхъ, припомнить слово, имя, названіе и проч. Случается напр. забыть имя хорошо извѣстнаго человѣка: я ни мало не сомнѣваясь опредѣляю кто онъ такой, въ какихъ отношеніяхъ и когда состоялъ ко мнѣ и къ другимъ; недостаетъ только имени, и на пополненіе этого пробѣла направляется вниманіе. Шагъ за шагомъ ставлю себѣ примѣрно такіе вопросы: длинное это имя или короткое, каково окончаніе его (для чего припоминаю происхожденіе носящаго это имя), корень его составляетъ-ли существительное собственное, нарицательное или глаголъ и т. д. стараюсь припомнить когда, при какихъ условіяхъ или обстоятельствахъ произносилось оно. Изъ отвѣтовъ на эти вопросы создается въ умѣ иногда весьма сложная обстановка, цѣлый рядъ картинъ группирующихся возлѣ искомаго — весьма разнообразныхъ, однако неполныхъ, въ которыхъ все еще чего-то недостаетъ; и только когда наконецъ искомое найдено— туманъ разсѣивается, все становится ясно, на всѣ

поставленные вопросы получаются отвѣты вполнѣ удовлетворяющіе. Точно также когда стараемся припомнить какое нибудь слово или названіе: много разъ пытаемся мы съ той или другой стороны приблизиться къ забытому, чрезъ сопоставленіе съ нимъ другихъ словъ, въ которыхъ предполагаемъ нѣчто общее съ забытымъ; ставимъ себѣ вопросы какое напр. состояніе или дѣйствіе этимъ словомъ выражается: мгновенное, продолжительное, повторенное, перебирая одинъ за другимъ звуки, которыми обыкновенно начинаются или заканчиваются наименованія такихъ дѣйствій или состояній. Утомленное вниманіе не разъ прерываетъ безплодныя попытки; а за тѣмъ, по прошествіи извѣстнаго времени, вдругъ забытое припоминается, иногда подъ вліяніемъ какого либо внѣшняго факта, иногда какъ-бы само собою, достигая области сознанія путями для насъ невѣдомыми.

Возстановленіе въ памяти событія, какого либо закона, формулы совершается процессомъ, хотя иногда и весьма сложнымъ, но болѣе раціональнымъ и болѣе уловимымъ по сравненію съ тѣмъ, что было замѣчено относительно лицъ, именъ, словъ, названій. Если появляется желаніе припомнить событіе въ его полнотѣ и подробностяхъ, то это одно уже служитъ указателемъ, что представленіе о такомъ событіи, хотя бы очень неопредѣленное и смутное, все таки существуетъ. А разъ что такое представленіе есть, какъ бы ни было оно темно и туманно, во всякомъ случаѣ оно является въ распоряженіи нашемъ исходною точкою, отправляясь отъ которой, уже не ощупью, а логически, путемъ послѣдовательныхъ сопоставленій и раскрытія общностей, мы захватываемъ все болѣе и болѣе широкій раіонъ фактовъ, проливающихъ свѣтъ на это намѣченное нами событіе, какъ въ смыслѣ конкретномъ, такъ и идейномъ. Такимъ же или близкимъ къ этому порядкомъ подви-

гаемся мы къ раскрытію — нѣкогда бывшей извѣстною — формулы, физическаго или нравственнаго закона; при чемъ обыкновенно не только возстановляемъ въ памяти, но еще дополняемъ и развиваемъ то, что желали припомнить.

Отступленіе отъ нормальныхъ функцій вниманія и памяти.

Таковы въ общихъ чертахъ нормальныя функціи присущихъ человѣку способностей вниманія и памяти. За симъ, согласно предположенію, можно обратиться къ особымъ проявленіямъ этихъ способностей, наблюдаемыхъ лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Какъ уже было упомянуто, иногда забытое имя, слово, названіе возстановляется въ памяти внезапно, безъ всякихъ съ нашей стороны усилій, доходя до сознанія совершенно невѣдомыми путями. Прерывая послѣдовательный ходъ мышленія, обращеннаго въ тотъ моментъ совсѣмъ на иные предметы, уже и такого рода воспоминанія, въ обыкновенномъ развитіи нашей психической дѣятельности, относятся къ явленіямъ не вполнѣ нормальнымъ.

Возстановленіе образовъ въ сознаніи во время сна или бреда.

Еще болѣе анормальнымъ представляется замѣчаемое, хотя и въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, возстановленіе въ сознаніи нашемъ образовъ, словъ, событій во время сна или болѣзненнаго бреда; притомъ такихъ образовъ или фактовъ, которые во время здороваго бодрствованія были намъ совершенно чужды, какъ будто бы никогда не составлявшіе предмета нашего мышленія. Явленія эти до такой степени странны, труднообъяснимы, что еще недавно видѣли въ нихъ, а многіе и до сихъ поръ видятъ, нѣчто таинственное, какъ бы чудесное внушеніе или откровеніе невѣдомыхъ высшихъ силъ. Поразительные примѣры подобныхъ фактовъ, недавно приведенные въ нѣкоторыхъ научныхъ изданіяхъ (между прочимъ

въ „American Naturalist“ 1896 г., а затѣмъ въ „Revue scientifique“) особенно обращаютъ на себя вниманіе. Таковы: вѣщій сонъ американскаго ассиріолога Хильпрехта, разсказанный имъ самимъ; зарегистрованное изслѣдователемъ „Аберкромби“ сновидѣніе кассира одного изъ глазговскихъ банковъ, и случай изъ жизни нѣкоего шотландскаго землевладѣльца Бауленда.

Примѣры.

Хильпрехтъ разсказываетъ, что въ Мартѣ 1893-го года онъ около мѣсяца занимался возстановленіемъ надписи на двухъ агатовыхъ обломкахъ, найденныхъ на мѣстѣ развалинъ храма бога Бела въ Нипурѣ. Хотя и недовольный своими работами, Хильпрехтъ готовъ уже былъ сдѣлать заключеніе, какъ оказалось совсѣмъ ошибочное; но передъ этимъ, подъ вліяніемъ сильнаго умственнаго утомленія, крѣпко заснулъ. И вотъ во снѣ ему явился жрецъ названнаго божества, разъяснившій происхожденіе обломковъ и какъ ихъ надо сложить для возстановленія таинственной надписи. Проснувшись и хорошо запомнивъ это указаніе, Хильпрехтъ вновь принялся за работу. Тогда надпись легко была возстановлена и, какъ содержаніе ея, такъ и подробный осмотръ самыхъ обломковъ, съ поразительною вѣрностью подтвердили полученное во снѣ разъясненіе тайны.

Такого же рода фактъ отмѣчаетъ „Аберкромби“. Кассиръ одного банка въ Гласговѣ какъ-то выдалъ небольшую сумму денегъ (6 фунт. стерл.) не выписавъ ее при отпускѣ въ расходъ по кассовой книгѣ и потомъ забылъ объ этомъ. Мѣсяцевъ черезъ 10, при сведеніи годовыхъ итоговъ, недочетъ обнаружился; кассиръ много разъ ломалъ голову надъ повѣркою книгъ, но ничего объяснить не могъ; обстоятельства при которыхъ было сдѣлано упущеніе совсѣмъ исчезли изъ его памяти. Послѣ нѣсколькихъ безпокойныхъ дней и ночей, крайне утомленный, кас-

сиръ заснулъ мертвымъ сномъ, и только во снѣ фактъ и обстановка выдачи упомянутой суммы предстaвились ему во всей подробности; а на другой день новая повѣрка книгъ привела къ заключенію о правдивости сна.

Еще интереснѣе случай съ Шотландскимъ землевладѣльцемъ Баулендомъ, получившимъ судебнымъ порядкомъ требованіе объ уплатѣ крупной денежной суммы, взятой въ долгъ его покойнымъ отцомъ. Баулендъ хорошо зналъ, что долгъ много лѣтъ назадъ уплоченъ, но ни въ своихъ бумагахъ, ни у своего нотаріуса не могъ найти никакихъ слѣдовъ этого. Рѣшившись отправиться въ Эдинбургъ для новой уплаты, Баулендъ въ ночь передъ отъѣздомъ увидѣлъ во снѣ своего отца, который разсказалъ ему всѣ подробности давно ликвидированной сдѣлки. Уплата, говорилъ отецъ, состоялась чрезъ оставившаго уже теперь свою профессію нотаріуса, живущаго тамъ-то близъ Эдинбурга, и у него находятся бумаги по этому дѣлу, которое онъ долженъ припомнить, если указать ему на происшедшій между ними при совершеніи сдѣлки споръ изъ-за старой португальской монеты. На другой день всѣ эти подробности подтвердились съ поразительной точностью, при чемъ старикъ, бывшій нотаріусъ дополнилъ ихъ еще тѣмъ что съ покойнымъ Баулендомъ, когда тотъ производилъ уплату и когда возбудился споръ изъ за упомянутой монеты, находился мальчикъ, т. е. именно Баулендъ-сынъ, разсказавшій потомъ свой чудный сонъ. („Tissié. Les rêves, physiologie et pathologie“).

Не менѣе замѣчательны явленія припоминанія въ болѣзненномъ бреду того, что въ здоровомъ состояніи представлялось вполнѣ забытымъ, какъ бы никогда не существовавшимъ. Изъ многихъ подобныхъ случаевъ приведемъ для примѣра одинъ (цитированный между прочимъ въ книжкѣ профес. Манасеина „О значеніи психическихъ вліяній“). Одна совсѣмъ

необразованная даже безграмотная молодая служанка, въ бреду постигшей ее острой лихорадочной болѣзни, неоднократно повторяла разныя фразы на латинскомъ, греческомъ и древне-еврейскомъ языкахъ (которые разумѣется были ей совсѣмъ неизвѣстны). Дѣло происходило въ католической Германіи, и патеры уже готовы были въ странномъ явленіи усмотрѣть воздѣйствіе нечистой силы. По разслѣдованію однако оказалось, что передъ тѣмъ дѣвушка долго жила у протестантскаго пастора, великаго знатока упомянутыхъ древнихъ языковъ, имѣвшаго привычку громко читать своихъ любимыхъ авторовъ, при такихъ къ тому же условіяхъ, что служанка могла хорошо слышать внятно, отчетливопроизносимыя господиномъ фразы, которыя, будучи для нея какъ бы совсѣмъ невѣдомыми при сознательной работѣ мысли, именно и произносились ею въ пору лихорадочнаго возбужденія.

Объясненіе этихъ фактовъ.

Повторяемъ — случаи подобные приведеннымъ до такой степени исключительны и представляются какъ бы идущими въ разрѣзъ съ установленными нормальными законами нашей психической дѣятельности, что люди склонные къ вѣрѣ въ чудесное легко могли признать въ нихъ вліяніе таинственной, сверхъестественной силы. Серьезный наблюдатель, привыкшій къ логическому анализу фактовъ, не усмотритъ однако и въ этихъ случаяхъ ничего кромѣ дѣйствія тѣхъ же законовъ, хотя и въ особомъ проявленіи ихъ.

Такъ объяснилъ и самъ Хильпрехтъ свой вѣщій, какъ бы творческій сонъ. Во время занятій моихъ, говоритъ онъ, храмъ бога Бела въ Нипурѣ, съ его жрецами и обстановкою вообще, не разъ былъ предметомъ моихъ мыслей, — правильнѣе сказать мечтаній, такъ какъ все это представлялось ему лишь въ видѣ смутныхъ образовъ. Образы эти тѣмъ не

менѣе запечатлѣвались въ мозгу; пользуясь ими какъ матерьяломъ, надо полагать продолжала въ томъ же направленіи работать мысль безсознательно, автоматически, и во время бодрствованія, а тѣмъ болѣе во время сна, когда дѣятельность ея освобождалась отъ всякихъ паралельною сознательною работою стѣсненій. Ни одна изъ подробностей, объясняетъ Хильпрехтъ, даннаго мнѣ жрецомъ указанія (во снѣ) не была совершенно чужда моему сознанію, и когда наконецъ изъ отрывочныхъ элементовъ этихъ сформировалась, подъ спудомъ, опредѣленная комбинація, то она такъ сказать всплыла изъ тайниковъ мозга на поверхность, и выразилась уже отчетливымъ представленіемъ во снѣ на порогѣ пробужденія.

То же самое объясненіе примѣняется къ сновидѣнію Гласговскаго кассира. Впечатлѣнія отъ выдачи 6-ти фунт. гдѣ-то въ головѣ его сохранились; надъ ними подъ спудомъ, внѣ его вѣденія, работала мысль, и въ концѣ концовъ довела до опредѣленно сложившагося образа.

Случай съ Шотландскимъ землевладѣльцемъ остался бы совершенно необъяснимымъ, если бы не припомнилъ бывшій нотаріусъ присутствіе ребенка при ликвидаціи дѣла. У ребенка этого, какъ видно, слѣды когда-то воспринятаго впечатлѣнія въ теченіе десятковъ лѣтъ таились въ мозгу, не проявляясь ничѣмъ пока не было къ этому достаточной побудительной причины. Но усиленная работа мысли, продолжительно и непрерывно направленная на возстановленіе представленія о той обстановкѣ, при которой могла состояться уплата долга, въ концѣ концовъ вызвала образы, покоившіеся въ глубинѣ мозговой массы, къ тѣмъ отдѣламъ ея, гдѣ отпечатлѣваются слѣды сознательной психической дѣятельности, гдѣ во время наименьшаго стѣсненія этою послѣднею сказанные образы и не замедлили проявиться.

Сходственное со всѣмъ этимъ объясненіе можетъ

быть дано и болѣзненному бреду молодой германской служанки. Воспринятыя органомъ слуха сильныя и отчетливыя впечатлѣнія странныхъ словъ прочно врѣзались въ мозгу, но утонули въ глубинѣ его безслѣдно, въ теченіе мѣсяцевъ, можетъ быть нѣсколькихъ лѣтъ, все болѣе и болѣе покрываясь, такъ сказать, массивнымъ слоемъ образовъ, составлявшихъ продуктъ сознательнаго мышленія, направленнаго исключительно къ практическимъ цѣлямъ. Но подъ вліяніемъ болѣзни цѣли эти совсѣмъ устранились, вызываемая ими дѣятельность мысли пріостановилась; выработанные ею образы растаяли, испарились, — и освободившіяся изъ подъ гнета ихъ давнія слуховыя впечатлѣнія, появляясь на поверхности, выражаются соотвѣтствующими, когда-то воспринятыми звуками.

Безсознательная работа мозга.

Во всемъ, какъ видно, независимая отъ сознательной или паралельная ей безсознательная мозговая работа. Здѣсь еще разъ приходится припомнить основной законъ, въ силу котораго ничто въ мірѣ физическомъ, какъ и духовномъ, непропадаетъ безслѣдно. Образы, звуки и проч. хотя и не останавливающіе на себѣ наше вниманіе въ моментъ воспріятія ихъ внѣшними органами, тѣмъ не менѣе, чрезъ посредство этихъ органовъ, достигаютъ извѣстной области мозга и запечатлѣваются въ ней.

Безсознательное воспріятіе впечатлѣній.

Доказательства этому находимъ какъ въ приведенныхъ выдающихся случаяхъ, такъ и во многихъ другихъ, можно сказать, ежедневно повторяющихся фактахъ обыденной жизни. Когда мы напр. идемъ по улицѣ, совсѣмъ погруженные въ глубокую думу или въ оживленный съ кѣмъ нибудь разговоръ, мы обыкновенно не видимъ и не слышимъ, что дѣлается вокругъ. Черезъ часъ, даже черезъ нѣсколько минутъ, мы положительно не могли бы отвѣтить на

вопросъ — что въ это время происходило передъ нами, даже до особенно замѣтныхъ почему либо фактовъ. Но что факты эти, нерѣдко и самые пустые, дошли до нашего мозга и отпечатались въ немъ, — вполнѣ доказывается тѣмъ, что иногда, черезъ много времени, тотъ или другой изъ этихъ фактовъ вдругъ, неизвѣстно подъ вліяніемъ какихъ причинъ, возстановляется въ нашемъ воображеніи, съ воспроизведенною до точности его обстановкою, подобно тому какъ у Бауленда во всей подробности появилось представленіе о событіи, случившемся двадцать или болѣе лѣтъ назадъ, и которое въ то время его, какъ ребенка, ничѣмъ не могло поразить или удивить.

Столь же безсознательная переработка ихъ.

Такимъ образомъ, паралельно сознательному воспріятію впечатлѣній, и еще въ значительно большемъ числѣ, непрерывно воспринимаются впечатлѣнія безсознательно. Но за симъ, будучи разъ восприняты мозгомъ, остаются-ли эти послѣднія въ немъ лишь въ качествѣ сырого матерьяла, какъ бы въ складѣ, безъ всякаго движенія, или же въ этой полости мозга, какъ въ лабораторіи, происходитъ дальнѣйшая переработка ихъ? Хотя послѣдняго нельзя усмотрѣть изъ нѣкоторыхъ фактовъ, какъ бредъ больной служанки, воспроизводившей лишь голый фактъ, безъ всякихъ измѣненій или дополненій; но въ огромномъ, можно сказать, подавляющемъ большинствѣ случаевъ, внимательный анализъ явленій убѣждаетъ, напротивъ, что полость мозга безсознательно принявшая впечатлѣнія дѣйствуетъ именно какъ лабораторія, что въ ней воспринятые образы столь же безсознательно комбинируются, обобщаются, чрезъ взаимодѣйствіе развиваются и доходятъ до болѣе или менѣе отчетливыхъ, цѣльныхъ представленій. Таковою можно считать безсознательную мозговую работу Хильпрехта, успѣвшую изъ носившихся въ воображеніи отрывочныхъ образовъ создать цѣль-

ную картину событія, переданную будто бы въ разсказѣ Нипурскаго жреца; или приведенный выше случай съ Баулендомъ, безсознательно разработавшимъ, до стройнаго возсозданія во снѣ, нѣсколько смутныхъ ребяческихъ впечатлѣній. Наконецъ и въ ежедневной жизни многимъ изъ насъ несомнѣнно приходилось извѣдать не одно проявленіе совершившейся въ нихъ самихъ безсознательной психической дѣятельности. При рѣшеніи напр. какой нибудь задачи, при разработкѣ сложнаго вопроса или составленіи плана, когда намъ не удавалось совладать съ имѣющимся матерьяломъ, разобраться въ немъ и сдѣлать выводы, нерѣдко рѣшеніе или выводъ появлялись нежданно, безъ всякихъ съ нашей стороны усилій, какъ бы сами собой, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха, когда утомившись долгою бозплодною работою, мы бросали свой трудъ, и совсѣмъ забывали о немъ среди другихъ занятій. Понятно, что этого не могло бы быть, если бы и во время перерыва не продолжалась, хотя безсознательно, творческая дѣятельность мысли. Еще разъ встрѣчаемся съ примѣненіемъ одного изъ общихъ законовъ, недопускающаго ни въ чемъ абсолютнаго покоя или неподвижности. (1)

Двойственность человѣческой личности.

Безсознательный элементъ, какъ видно, постоянно присутствуетъ въ нашей психикѣ. Въ человѣкѣ живутъ и дѣйствуютъ на ряду другъ съ другомъ какъ

(1) Всѣмъ этимъ, т. е. безсознательною мозговою работою также объясняются явленія, которыя вѣроятно каждому случалось наблюдать надъ самимъ собой, явленія заключающіяся въ томъ, что встрѣчаясь напр. съ какимъ либо фактомъ или мыслью мы испытываемъ смутное сознаніе или чувствованіе, какъ будто бы уже прежде когда-то нѣчто подобное было. Мистики, склонные во всемъ видѣть участіе таинственныхъ силъ, такое смутное сознаніе объясняли воспоминаніями человѣческой души о прежней ея жизни на землѣ или вообще во вселенной, до воплощенія ея въ формахъ настоящаго существованія.

бы двѣ личности, два *я*, изъ которыхъ одно представляется намъ въ болѣе или менѣе яркомъ свѣтѣ сознанія, благодаря чему мы можемъ слѣдить за всѣми его проявленіями и видоизмѣненіями; другое остается для насъ невѣдомымъ, такъ какъ работа его совершается гдѣ-то въ глубинѣ, въ одномъ изъ отдаленныхъ отдѣловъ мозга. Тѣмъ не менѣе работа эта громадна по количеству своему и непрерывна: воспринимая впечатлѣнія безъ участія способности вниманія, потому именно особенно быстро слѣдующія одно за другимъ, но слѣдныя и слабыя, — это второе *я* какъ бы откладываетъ или гравируетъ ихъ столь же слабыми, безконечно-малыми знаками на поверхности одной изъ мозговыхъ массъ внѣ области сознанія. Это послѣднее немедленно покрываетъ такіе знаки всею массою пріобрѣтаемаго имъ матеріала, подъ давленіемъ котораго таинственно, совсѣмъ недоступно для нашего умственнаго взора, происходятъ комбинаціи, обобщенія упомянутыхъ слабыхъ отпечатковъ въ цѣльные, законченные образы, переходящіе за симъ въ область сознанія преимущественно въ такіе моменты, когда обыкновенная дѣятельность послѣдняго, будучи временно пріостановлена, освобождаетъ изъ подъ гнета своего то, что лежало на глубинѣ.

Эта двойственность нашей психики съ давнихъ поръ обращала на себя вниманіе изслѣдователей человѣческой души, при чемъ наше второе *я* разсматривалось обыкновенно какъ нѣчто самостоятельное, совсѣмъ обособленное и независимое отъ человѣческой личности, которой оно однако отъ времени до времени дѣлаетъ внушенія, являясь для нея вдохновителемъ и руководителемъ. Это — демонъ Сократа, демонъ Паскаля, двойникъ Ксавье-де-Местра и т. д. вообще высшая нечеловѣческая сила, геній, духъ въ смыслѣ таинственнаго, нематеріальнаго существа. Нельзя не прибавить, что недалеко отъ этихъ

прежнихъ мистическихъ представленій ушли въ сущности и нѣкоторые современные метафизики. (Гартманъ. — „Философія безсознательнаго“).

Могущество безсознательнаго творчества.

Въ психологической литературѣ собрана масса достовѣрныхъ данныхъ, категорически свидѣтельствующихъ о томъ, что сознательное мышленіе весьма часто безсильно бываетъ одолѣть тѣ трудности, съ которыми прекрасно справляется мышленіе безсознательное, и что безсознательной психической дѣятельности во время сна обязаны своимъ появленіемъ многія научныя открытія, рѣшенія трудныхъ задачъ, поэтическія, художественныя произведенія и проч. — Такъ Вольтеръ во снѣ закончилъ одну изъ пѣсней своей Генріады, также какъ Кольриджъ создалъ одну изъ своихъ поэмъ; относительно Кондильяка, Кондорсе, Франклина извѣстно что нѣкоторые продукты ихъ творческой мысли появились во время сна. (Свидѣтельства „Maury“, „Lemoine'a“, „Tissié“ — въ ихъ ученыхъ трудахъ). Ньютонъ, Гете, Моцартъ сами удостовѣряютъ, что въ открытіяхъ перваго, въ поэтическихъ и музыкальныхъ творевіяхъ второго и третьяго преобладающее значеніе имѣла безсознательная мозговая работа.

Въ виду множества подобнаго рода фактовъ извѣстный психологъ Маудсли дѣлаетъ между прочимъ такіе выводы: великіе писатели и художники искренно удивлялись своимъ собственнымъ произведеніямъ, когда приступали къ оцѣнкѣ ихъ по минованіи творческаго энтузіазма, и не были въ состояніи понять какимъ образомъ имъ удалось создать такія вещи; такъ что самые яркіе проблески генія являются безъ участія сознанія и не сопровождаются никакими усиліями; дѣятельное же сознаніе всегда мѣшаетъ наилучшему и наиболѣе удачному мышленію.

Въ дополненіе и въ связи съ этимъ нельзя не припомнить еще тотъ общеизвѣстный фактъ, что всѣ об-

ласти человѣческаго ума, всѣ яркія проявленія нашего остроумія всегда бываютъ болѣе или менѣе внезапными и неожиданными для насъ самихъ, и что съ трудомъ придуманныя, такъ сказать, вымученныя остроты выходятъ обыкновенно тупыми, неудачными.

Поправка въ пользу сознательнаго.

Какъ бы то ни было, категорическія утвержденія Маудсли и многихъ другихъ психологовъ, относительно безсознательнаго творчества геніальныхъ людей, нельзя не признать въ изв стной мѣрѣ парадоксальными и подлежащими существенной поправкѣ, а именно. Отдавая должное значенію безсознательной дѣятельности, нельзя однако не замѣтить, что самый процессъ этой дѣятельности чаще всего не самостоятеленъ, что обыкновенно онъ является лишь выполненіемъ чего либо заранѣе задуманнаго, что онъ и получаетъ начало и развивается подъ ближайшимъ вліяніемъ болѣе или менѣе сильнаго толчка, или ряда толчковъ изъ сознательной сферы, т. е. со стороны яркой сознательной мысли, или интензивнаго сознательнаго чувства. Правда заключается, слѣдовательно, въ томъ, что каждое выдающееся произведеніе науки, поэзіи или искусства является всегда результатомъ совмѣстной и согласованной работы сознательнаго и безсознательнаго элементовъ психики.

Разница между автоматизмомъ и безсознательною мозговою работою.

Въ заключеніе, относительно безсознательной работы мозга, нельзя не напомнить существенной разницы между ею и разсмотрѣнными выше явленіями автоматическаго мышленія. Въ томъ и другомъ случаѣ мысль работаетъ автоматически; но дѣйствуя такимъ образомъ, она во время здороваго бодрствованія все же находится подъ ближайшимъ контролемъ сознанія, которымъ постоянно, чрезъ весьма короткіе проме-

жутки времени, прерывается для того, чтобы или уступить ему мѣсто, или подъ его вліяніемъ получить иное направленіе; тогда какъ явленія безсознательной мозговой работы, какъ видѣли, совершаются гдѣ-то подъ спудомъ; совсѣмъ невѣдомо для насъ, развиваются недоступными для пониманія нашего путями, и только въ исключительныхъ случаяхъ обнаруживаются своими конечными результатами.

Явленія сомнамбулизма и гипнотизма.

Чтобы окончить обзоръ психической дѣятельности человѣка, надо сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ родѣ явленій, которыя, оставаясь до сихъ поръ недостаточно обслѣдованными, причислялись также, да и теперь еще многими причисляются къ разряду сверхестественныхъ, или по крайней мѣрѣ чудесныхъ, таинственныхъ — явленій сомнамбулизма и гипнотизма.

Объясненіе ихъ временною пріостановкою сознательной дѣятельности.

Припомнивъ однако сказанное выше относительно безсознательной мозговой работы, а также передачи функцій головного мозга подчиненнымъ центрамъ и обмѣна функцій между органами, мы можемъ приблизиться къ объясненію общими психологическими законами и этихъ послѣднихъ явленій.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что такое сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, внушеніе — въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ; потому нѣтъ надобности приводить на этотъ предметъ примѣры. Объясненіе же, которое на основаніи только что упомянутыхъ положеній можно дать всѣмъ этимъ явленіямъ, заключается въ томъ, что личность находящаяся въ состояніи сомнамбулизма или гипнотизма испытываетъ временную пріостановку въ себѣ нормально-господствующей сознательной работы мозга, до полнаго ея притупленія, или по крайней мѣрѣ до значительнаго ослабленія. Подъ вліяніемъ этого омертвенія или уменьшенія энергіи

головного мозга въ тѣхъ отдѣлахъ его, которые составляютъ вмѣстилище или очагъ сознательной работы, функціи этихъ отдѣловъ, какъ было объяснено, передаются подчиненнымъ нервнымъ центрамъ, или въ тѣ сферы головного мозга гдѣ совершается работа безсознательная; при чемъ эти сферы или центры, освободившись изъ подъ гнета господствующаго властелина, развиваютъ и обнаруживаютъ такую степень энергіи и захватываютъ такіе раіоны, которые находились далеко за предѣлами доступнаго имъ въ нормальномъ состояніи.

Такимъ образомъ, если ясновидящая или загипнотизированная говоритъ на неизвѣстномъ ей языкѣ, произноситъ имена или названія изъ никогда не пройденныхъ ею наукъ и т. п. то въ этомъ надо видѣть ни что иное какъ выраженіе того самаго феномена, который былъ разсказанъ относительно бреда молодой нѣмецкой служанки: слова или фразы, считавшіяся никогда не доходившими до слуха ясновидящей, навѣрное когда нибудь были произнесены въ ея присутствіи, и ни мало не обративъ тогда на себя ея или чьего либо вниманія, прямо прослѣдовали въ сферу безсознательнаго, гдѣ и сохранялись подъ спудомъ, ни для кого невѣдомо, пока не открылся къ нимъ доступъ, не освободилась энергія произведеннаго ими впечатлѣнія изъ подъ давленія продуктовъ нормально-господствующей дѣятельности.

Вліяніе магическаго зеркала.

Искони замѣчавшееся вліяніе магическаго зеркала (на самомъ дѣлѣ какого бы то ни было блестящаго предмета) означаетъ въ сущности ни что иное, какъ переутомленіе блескомъ зеркала, черезъ посредство зрительныхъ органовъ, и въ концѣ концовъ парализированіе, сознательной психической дѣятельности, недопускавшей своимъ господствомъ наружное проявленіе чего-то, когда либо ушедшаго въ область безсознательнаго и тамъ невѣдомо хранившагося. Изъ

множества собранныхъ по этому предмету фактовъ, между прочимъ Десуаромъ (Dessoir — „Le double-moi“) позволяемъ себѣ привести одинъ, какъ особенно характеристичный. Нѣкая „Miss Goodrich“ въ разсѣянности уничтожила письмо, на которое ей нужно было отвѣчать; послѣ долгихъ, тщетныхъ стараній припомнить сообщавшійся въ письмѣ адресъ отправителя, она обратилась къ своему магическому кристалу, и черезъ нѣсколько времени увидѣла слова „Hibb House“, начертанныя какъ бы сѣрыми буквами на бѣломъ фонѣ.Ославъ свое письмо по этому адресу, она скоро получила отвѣтъ, гдѣ на заглавной страницѣ нашла именно такъ написанныя слова „Hibb-House“. Несомнѣнно, что отпечатокъ, полученный отъ этихъ словъ при чтеніи письма сохранился у нея гдѣ-то, въ отдаленной полости мозга, и оставалось только возстановить его чрезъ временное удаленіе покрывавшей его оболочки сознательнаго.

Тоже самое происходитъ при гипнотизированіи или усыпленіи.

Тоже самое происходитъ при всякомъ актѣ гипнотизированія или приведенія въ состояніе сомнамбулизма. Своимъ долгимъ, пристальнымъ взоромъ, или извѣстнаго рода движеніями, гипнотизирующій усыпляетъ, парализируетъ въ субъектѣ органы, служащіе вмѣстилищемъ способности господствующаго сознательнаго мышленія или чувствованія. Способность эта передается другимъ органамъ, или, что въ сущности тоже, будучи устранена, она тѣмъ самымъ освобождаетъ къ дѣятельности подобную же, но болѣе слабую при нормальномъ состояніи способность въ подчиненныхъ центрахъ; можетъ наконецъ освободить въ томъ или другомъ изъ нихъ и совершенно иную способность къ проявленію въ такой силѣ, какой отнюдь нельзя было и подозрѣвать при нормальной тиранiи сознательнаго мышленія и чувствованія. Эти-то подчиненные центры тогда и реагируютъ въ

отвѣтъ на обращенные къ нимъ въ соотвѣтствующей формѣ вызовы.

Точно также въ усыпленномъ или парализованномъ членѣ можетъ быть уничтожена или притуплена способность воспринимать впечатлѣнія одного рода съ оставленіемъ въ полной силѣ, или даже съ усиленіемъ способности воспринимать другія. Можетъ быть вполнѣ или частію парализована извѣстная способность въ такомъ-то органѣ или центрѣ, съ перенесеніемъ и соотвѣтствующимъ усиленіемъ дѣятельности другого, проявляющейся въ той самой или иной формѣ.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ — перемѣщеніе энергіи, или передача функцій.

Таковы въ сущности явленія сомнамбулизма, гипнотизма, внушенія. О нихъ написаны сотни томовъ; но еще многое остается неисчерпаннымъ, неизслѣдованнымъ въ безконечномъ разнообразіи констатированныхъ или намѣченныхъ фактовъ. Все, однако, надо полагать, въ концѣ концовъ придетъ къ выводу изъ вышеобъясненнаго основного начала: перемѣщеніе энергіи изъ одного мозгового центра въ другой, передача функцій отъ одного органа другому.

4. Наслѣдственность душевныхъ качествъ. Прирожденныя идеи.

Вопросъ о наслѣдственности желаній и чувствъ.

До сихъ поръ мы говорили о человѣкѣ какъ единицѣ; разсматривали его свойства, способности, происхожденіе и развитіе ихъ въ индивидуумѣ или отдѣльной личности. О человѣческихъ обществахъ или союзахъ, ихъ формированіи и поступательномъ движеніи предполагаемъ нѣчто сказать во второй части настоящаго изслѣдованія (практической). Но считаемъ не лишнимъ еще здѣсь нѣсколько остановиться на одномъ общемъ, такъ сказать, теоретическомъ вопросѣ — о наслѣдственности внутреннихъ

качествъ человѣка, и въ связи съ этимъ — о присущихъ, какъ говорятъ, человѣку, по самой его природѣ, идеяхъ и чувствахъ.

Выше, въ отдѣлѣ о свободной волѣ и нравственномъ началѣ, было между прочимъ выражено, что познаніе о томъ, какъ развитіе мысли постепенно очищаетъ, возвышаетъ, облагороживаетъ чувство и желаніе, — весьма естественно, съ каждою проходимою имъ ступенью, становится новымъ мотивомъ къ направленію желанія на дальнѣйшее развитіе мысли, а мысль, дѣлая вслѣдствіе этого новыя пріобрѣтенія, въ свою очередь опять еще болѣе очищаетъ и возвышаетъ желаніе. Но, говоря это, мы недостаточно выяснили — считаемъ ли очищеніе и облагороженіе апетитовъ, вкусовъ, чувствъ, желаній совершающимся въ каждой отдѣльной личности съизнова, по мѣрѣ развитія въ ней мысли, (хотя разумѣется при помощи свѣдѣній добытыхъ и накопленныхъ предшественниками) или же упомянутыя качества, которыя можно назвать качествами сердца, души или воли, признаемъ передающимися въ извѣстной степени наслѣдственно, подобно особенностямъ тѣла.

Примѣнимость и въ этомъ вопросѣ закона Дарвина.

Говоря объ инстинктахъ мы пришли уже къ заключенію о наслѣдственной передачѣ какъ ихъ, такъ и вообще привычекъ (хорошихъ или дурныхъ) изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Теперь въ отношеніи преемственности вкусовъ, чувствъ, желаній, можемъ повторить то же самое, что тогда было сказано объ инстинктахъ и привычкахъ чисто-внѣшнихъ, механическихъ. Законъ Дарвина находитъ въ полной силѣ примѣненіе и здѣсь. Приспособленіе къ средѣ, наслѣдственность, естественный подборъ и борьба за существованіе (т. е. переживаніе наиболѣе приспособленныхъ) вліяютъ на формированіе, укрѣпленіе, развитіе желаній и

чувствъ также какъ привычекъ механическихъ. И здѣсь зачатки влеченія или апетита, предпочтительно соотвѣтствующіе условіямъ или требованіямъ среды, мало по малу въ индивидѣ развиваются, крѣпнутъ и получаютъ форму опредѣлившихся желаній; далѣе точно такъ же, въ силу естественнаго подбора и борьбы за существованіе, изъ поколѣнія въ поколѣніе передаются уже успѣвшіе окрѣпнуть, все болѣе и болѣе приспособленные къ условіямъ среды и продолженію жизни въ ней вкусы и наклонности; а такими вкусами и наклонностями представляются именно тѣ, которыми по преимуществу охраняется и обезпечивается сумма общихъ для всего рода благъ — продуктовъ возвышенной мысли и облагороженныхъ желаній.

Подтвержденіе этого наблюденіемъ и опытомъ.

Наблюденія надъ настоящимъ равно какъ и опытъ историческій вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что, не говоря разумѣется объ исключеніяхъ, а въ массахъ, въ большинствѣ, внутреннія качества или наклонности родителей несомнѣнно передаются дѣтямъ; что ребенку порядочныхъ, нравственныхъ родителей значительно легче образовать изъ себя порядочнаго человѣка, чѣмъ при отсутствіи упомянутыхъ качествъ въ предшествовавшемъ поколѣніи; что въ періоды высокаго подъема нравственнаго уровня извѣстной среды, молодое поколѣніе этой среды, при самомъ вступленіи въ жизнь, еще не извѣдавъ благодѣяній серьезнаго ученія, уже содержитъ въ себѣ больше задатковъ правильнаго развитія, чѣмъ въ періоды дикаго, первобытнаго состоянія общества, или упадка въ немъ нравственности. Вопросъ заключается слѣдовательно только въ томъ — усматриваемые еще въ неначавшемъ ученія ребенкѣ наклонности или задатки переданы ли ему отъ родителей непосредственно, въ ихъ сѣмени, или составляютъ они лишь результатъ внѣшнихъ вліяній, не-

замѣтнымъ образомъ дѣйствовавшихъ на юный организмъ отъ самой колыбели.

Объясненіе данными физіологіи и психологіи.

Согласно всѣмъ имѣющимся въ виду даннымъ физіологіи и психологіи, на это приходится отвѣтить что хотя, въ дѣлѣ формированія вкусовъ, наклонностей, желаній человѣка, внѣшнія вліянія окружавшія младенца отъ рожденія, потомъ отрока и юношу, имѣютъ безспорно весьма важное, можетъ быть первенствующее значеніе, но что оно далеко не исключительно; что извѣстная доля такового несомнѣнно принадлежитъ задаткамъ или свойствамъ прирожденнымъ. „Если то или другое изъ внутреннихъ душевныхъ качествъ, подъ вліяніемъ привычки очень усиливается, то этимъ самымъ оно становится какъ бы „органическимъ“, т. е. конкретно отлагается въ извѣстномъ тѣлесномъ органѣ, снабжая его соотвѣтствующимъ механизмомъ. Все же органическое какъ извѣстно, допускаетъ наслѣдственную передачу“. (A. Fouillée — о взглядахъ новѣйшей англійской психологіи.)

Въ отношеніи прирожденности или наслѣдственности такъ называемыхъ душевныхъ качествъ не разъ высказывались сомнѣнія; но недоразумѣнія, противорѣчія или путаницу понятій здѣсь слѣдуетъ объяснить лишь тѣмъ, что душу считали чѣмъ-то независимымъ, особеннымъ, отдѣлимымъ отъ тѣла; потому выражаемое этимъ весьма неопредѣленнымъ словомъ что-то возвышенное, несоизмѣримое съ видимымъ міромъ затруднялись вмѣстить въ микроскопическую каплю родительскаго сѣмени, изъ которой мало по малу развивается человѣкъ. Но разъ принявъ (какъ и старались мы выяснить), что душа — воля вселенной — способность чувствовать и вслѣдствіе того желать — составляетъ сущность живого конкретнаго организма, отъ него неотдѣлимую и безъ него немыслимую, также какъ организмъ безъ нея, — ста-

новится страннымъ и непонятнымъ почему бы предположить невозможность существованія элементовъ или задатковъ этой способности въ зародышѣ, изъ котораго развивается весь организмъ. Возможно ли объяснить поразительное иногда сходство строенія тѣла, очертаній лица, физіономіи у ребенка съ родителями (особенно съ отцомъ, котораго, какъ случается, онъ никогда не видѣлъ), не допустивъ непремѣнное существованіе въ сѣмени зачатковъ всѣхъ имѣющихъ со временемъ развиться формъ? Но если въ безконечно-малой частицѣ матеріи, выдѣляемой родителями для образованія зародыша, — частицѣ въ которой на первый взглядъ не обнаруживаемъ ничего кромѣ слизи, — могутъ заключаться элементы или зачатки всего того, изъ чего въ послѣдствіи развиваются роскошнѣйшія формы, блескъ глазъ, игра физіономіи, мускуловъ и нервовъ; если безпрепятственно усваиваемъ мы представленіе объ этомъ, то совершенно не понятно почему затруднились бы мы представить себѣ существованіе въ той же минимальной частицѣ, элементовъ способности чувствовать и желать, подобно тому какъ чувствовалъ и желалъ тотъ или другой изъ родителей. Сдѣлать второе предположеніе кажется отнюдь не труднѣе чѣмъ первое. Если въ каплѣ слизи можетъ заключаться зачатокъ или мысль строенія весьма сложнаго глазного механизма, то почему въ ней же не могъ бы заключаться зачатокъ ощущенія боли отъ паденія на зрачокъ слишкомъ яркихъ лучей свѣта; а если это послѣднее то почему бы и не зачатокъ ощущенія боли при видѣ страданія живого организма вообще, зачатокъ ощущенія удовольствія отъ пріобрѣтенія новаго познанія и т. под.

Наслѣдственными можно признать только элементы, изъ которыхъ формируются душевныя качества.

Очевидно, придется однако сказать и здѣсь, какъ въ статьѣ о происхожденіи инстинктовъ, что въ за-

родышѣ заключаются не самые означенныя свойства, или способности извѣстнымъ образомъ чувствовать и желать, а только всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ при данныхъ условіяхъ эти свойства образуются. Признать же въ зародышѣ существованіе сказанныхъ элементовъ собственно и значитъ допустить наслѣдственность или прирожденность душевныхъ свойствъ, въ смыслѣ чувствъ, желаній или воли, — разумѣется наслѣдственность лишь до извѣстной степени, какъ объяснено было выше.

Вопросъ объ идеяхъ, какъ говорятъ, врожденныхъ, т. е. присущихъ человѣку по самой его природѣ.

Въ связи съ этимъ выдвигается къ разрѣшенію еще одинъ весьма важный вопросъ — о существованіи въ человѣкѣ понятій или идей, какъ обыкновенно ихъ называли, врожденныхъ; правильнѣе же будетъ выразить это вопросомъ о существованіи непремѣнныхъ отъ вѣка провидѣніемъ данныхъ качествъ человѣческой природы, каковы стремленіе къ самоусовершенствованію, идея о верховномъ существѣ и т. под.

Много по этому предмету было высказано сужденій взаимно противорѣчащихъ. Но установивъ положеніе о передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе зачатковъ душевныхъ качествъ, въ смыслѣ чувствованій и желаній, тѣмъ болѣе о преемственности механической способности мозга — создавать и комбинировать представленія, кажется и на этотъ предметъ можно дать удовлетворительное объясненіе, а именно. Прирожденныхъ идей или свойствъ человѣческой природы, въ смыслѣ неизмѣнныхъ, отъ вѣка предуставленныхъ, — не существуетъ. Но мы видѣли какимъ образомъ происходитъ въ насъ процессъ самоусовершенствованія: какъ мысль стимулируется желаніемъ и желаніе очищается мыслью. Достигнувъ такимъ путемъ извѣстной степени совершенства, люди одного поколѣнія передаютъ эти свойства (опять таки до извѣстной степени) происходящимъ отъ нихъ

индивидамъ слѣдующаго, которымъ въ принципѣ процессъ самоусовершенствованія долженъ оказаться уже болѣе доступнымъ и т. д. А такъ какъ развитіемъ въ человѣкѣ качества любви къ природѣ и къ себѣ подобнымъ наиболѣе обезпечивается существованіе и продолженіе рода, то и понятно, что по закону естественнаго подбора и борьбы за существованіе, должно совершаться поступательное движеніе человѣчества, въ смыслѣ пріобрѣтенія позднѣйшими поколѣніями облагороженныхъ желаній или наклонностей и способности правильнаго мышленія. Такимъ образомъ — любовь къ природѣ, къ себѣ подобнымъ и къ великому началу или душѣ вселенной, равно воспріимчивость, гибкость и энергія ума, составляя отъ начала временъ историческихъ лишь рѣдкое исключеніе и довольно слабо распространенныя даже до сихъ поръ, надо надѣяться, со временемъ пріобрѣтутъ такое развитіе, что весьма немудрено если будутъ приниматься за врожденныя, непремѣнно-присущія человѣческому роду качества. Но въ дѣйствительности, какъ отсюда же видно, неподвижности или отъ вѣка неизмѣнности здѣсь не существуетъ и, какъ во всемъ живущемъ вообще, быть не можетъ.

Д. Представленіе о верховномъ существѣ.

Къ анализу этого представленія приводитъ общій планъ предпринятаго изслѣдованія.

Проходя шагъ за шагомъ намѣченный кругъ изслѣдованій, мы до сихъ поръ сдѣлали обзоръ основныхъ понятій человѣка о внѣшнемъ мірѣ и о своемъ собственномъ въ этомъ мірѣ значеніи. Теперь, чтобы завершить упомянутый кругъ, остается еще объяснить представленія человѣка о верховномъ существѣ — вѣчномъ, всевѣдущемъ, всесильномъ, обнимающемъ или наполняющемъ собою вселенную.

Такъ именно можно выразить общее, для большинства культурныхъ людей, понятіе объ этомъ существѣ — Богѣ, Творцѣ или Провидѣніи, — понятіе, какъ упомянули мы, относившееся, да еще многими и понынѣ относимое къ числу врожденныхъ у человѣка идей, присущихъ ему по самой природѣ. Не допуская существованія у человѣка самою природою предуставленныхъ неизмѣнныхъ идей вообще, мы этимъ самымъ ставимъ къ разрѣшенію вопросъ: откуда появилось у людей представленіе о божествѣ, въ какихъ по преимуществу формахъ выразилось оно и что можетъ въ конечномъ выводѣ заключать доступная нашему пониманію сущность его.

Источникъ идеи о душѣ и божествѣ.

У многихъ философовъ, между прочимъ у Герберта Спенсера, находимъ весьма обстоятельное объясненіе того, откуда возникли и какъ послѣдовательно сформировались у людей идеи о душѣ, о загробномъ мірѣ и божествѣ, — идеи общее начало или источникъ которыхъ кроется въ представленіи о пребывающей въ человѣческомъ тѣлѣ, какъ бы отдѣлимой отъ него личности, о второмъ *я*, нерѣдко оставляющемъ тѣло, какъ во время сна, обморока и т. д. Не повторяя всѣхъ этихъ выводовъ и заключеній, не останавливаясь на историческомъ изложеніи предмета, мы ограничимся анализомъ лишь настоящаго момента, постараемся прослѣдить, отъ источника ихъ, развитіе идей о божествѣ у нынѣ живущаго культурнаго человѣка, подъ вліяніемъ всѣхъ окружающихъ его условій, въ томъ числѣ и умственнаго наслѣдія, воспринятаго отъ предшествовавшихъ поколѣній. —

Какъ формируется идея о божествѣ въ массѣ культурныхъ людей

Какъ было выше объяснено (въ этой же главѣ лит. В.), начиная съ дѣтства доискиваться причины всего совершающагося вокругъ насъ, и при изслѣ-

дованіи явленій восходя отъ причины къ причинѣ, мы такимъ образомъ постепенно достигаемъ до основныхъ или начальныхъ причинъ, которыя уже не можемъ объяснить ничѣмъ инымъ, какъ непремѣнно присущими матеріи такими-то первичными свойствами; или же дѣйствіемъ внѣ ея пребывающихъ силъ, сущность и происхожденіе которыхъ для насъ недоступны. Становясь на эту послѣднюю точку зрѣнія, мы подраздѣляемъ упомянутые необъяснимаго происхожденія агенты на двѣ основныхъ категоріи: къ первой относимъ, проявляющія свое дѣйствіе какъ въ органическомъ такъ и въ неорганическомъ мірѣ, силы притяженія, теплоты со свѣтомъ и электричества; ко второй — усматриваемый исключительно въ органической природѣ — такъ называемый анимическій элементъ.

Вслѣдъ за этимъ возникаетъ однако потребность дальнѣйшаго обобщенія. Хорошо, говоримъ мы, пусть все совершающееся вокругъ насъ и въ насъ самихъ есть результатъ воздѣйствія на матерію такихъ-то силъ (теплота, притяженіе, электричество) и сверхъ того — въ мірѣ органическомъ — души спеціально каждой особи присущей. Но откуда же въ свою очередь взялись эти силы, а въ особенности души — этотъ сложный, въ крайнемъ разнообразіи своемъ, анимическій элементъ; изъ чего и какъ сформировались онѣ, когда и почему стали проявлять вліяніе свое на вещество или матерію? Одна изъ существенныхъ наклонностей ума нашего — приводитъ все къ простотѣ и единству — черезъ рядъ наблюденій и обобщеній, внушаетъ намъ мысль, что вся эта сложная, въ безконечномъ пространствѣ и времени, дѣятельность весьма многихъ, разнообразныхъ элементовъ въ основѣ своей имѣетъ источникомъ одинъ всеобщій законъ, одну надъ всѣмъ господствующую волю. Являясь въ помощь самостоятельно работающему уму, наслѣдіе многихъ поколѣній, вѣками

сложившееся воззрѣніе олицетворяетъ этотъ законъ, эту волю въ Богѣ, Творцѣ, верховномъ Зиждителѣ и Хранителѣ всего сущаго.

Для большинства людей этого и достаточно. Привыкнувъ конечную причину единичныхъ явленій отождествлять съ волею единицы (какъ объяснено въ этой же главѣ лит. В.), мы такимъ же образомъ и сумму или совокупность всего совершившагося отъ начала вселенной приписываемъ волѣ абсолютной, вѣчной, всеобъемлющей, соединяемой въ нераздѣльное цѣлое съ единымъ, всеобщимъ разумомъ или закономъ, непостижимымъ для насъ во всей полнотѣ его и познаваемомъ лишь въ минимальныхъ доляхъ, чрезъ дифференціацію его въ отдѣльныхъ частныхъ явленіяхъ. Надѣливъ божество, хотя и возведенными въ высшую степень, но собственно намъ принадлежащими качествами, мы находимъ въ немъ, вполнѣ удовлетворяющій одну изъ насущныхъ нашихъ потребностей, предметъ поклоненія, живое существо, предъ которымъ изливаемъ наши скорби, страхи, упованія, къ которому взываемъ въ бѣдѣ или радости, къ которому обращаемъ наши благодаренія, жалобы и мольбы. (1)

Попытки раціонально приблизиться къ понятію о верховномъ существѣ.

Но этими идеями или вѣрованіями, въ которыхъ нельзя не усмотрѣть извѣстную степень антропоморфизма, не довольствуется умъ испытующій, привыкшій къ отвлеченіямъ, и мы постараемся прослѣдить развитіе мысли, которое, какъ кажется, можетъ служить выраженіемъ раціональныхъ попытокъ прибли-

(1) Все это разумѣется не относится къ тѣмъ, которые не признаютъ въ мірѣ ничего кромѣ матеріи, обладающей извѣстными только физическими свойствами: для нихъ, какъ видѣли, движеніе матеріи, подъ вліяніемъ этихъ свойствъ, есть начало и конецъ всему, такъ что всякія дальнѣйшія обобщенія были бы лишь игрою словъ.

зиться къ представленію о верховномъ существѣ, въ меньшей мѣрѣ связанному съ собственною природою человѣка.

Для этого слѣдуетъ вновь припомнить нѣчто изъ сказаннаго выше. Кромѣ того необходимо впередъ оговориться, что помыслы наши о верховномъ существѣ могутъ имѣть характеръ по преимуществу вѣрованій или гаданій, а не логически установленныхъ положеній.

Всеобъемлющій вѣчный разумъ.

Неизмѣнный законъ, въ силу котораго развивается жизнь безчисленныхъ во вселенной міровъ, отъ вѣка предопредѣляетъ каждый моментъ этой жизни, т. е. въ общей непостижимой для насъ формулѣ своей заключаетъ самое вѣрное и точное указаніе что именно въ любую секунду квадріліоновъ лѣтъ должно совершиться въ каждой точкѣ безконечныхъ пространствъ, отъ перемѣщенія былинки на сотую долю миллиметра до полнаго разгрома цѣлыхъ солнечныхъ системъ. Значитъ и на землѣ нашей, представляющей собою лишь минимальную былинку вселенной, даже ничтожнѣйшее явленіе, какъ отпаденіе листка, раскрытіе почки растенія, какъ отложеніе элементовъ изъ кровяного шарика въ той или другой полости животнаго организма, совершается въ данный моментъ потому, что именно въ этотъ моментъ и въ такомъ самомъ видѣ должно оно было произойти, въ силу частанто вывода изъ общей формулы, предопредѣлившей жизнь необъятныхъ міровъ отъ вѣка и въ безконечность.

Всецѣло подчиняясь этому закону, небесное тѣло направляется по такому-то пути, минералъ вступаетъ въ такое-то соединеніе, растеніе или животное принимаетъ такія-то формы, обнаруживаетъ такую-то дѣятельность; и хотя тотъ или другой изъ этихъ феноменовъ происходитъ на моихъ глазахъ, въ ограниченный промежутокъ времени, но планъ или мысль,

въ точности опредѣлившіе когда и какъ именно должно совершиться явленіе, несомнѣнно отъ вѣка существовали; а совокупность или интегралъ всѣхъ этихъ частностей непрерывно развивающейся, предопредѣляющей и направляющей мысли будетъ выраженіемъ вѣчнаго, всеобъемлющаго мірового закона, міровой мысли, мірового разума.

Все это для насъ трудно-постижимо, но иначе и быть не можетъ, когда умъ ограниченный, не знающій и не воспринимавшій ничего внѣ пространства и времени, обращается къ созерцанію вѣчнаго и безконечнаго. Еще менѣе способны мы съ достаточною ясностью усвоить представленіе о волѣ вселенной; но попытаемся въ мѣрѣ возможности приблизиться и къ этому представленію. Такъ или иначе мы должны сдѣлать эту попытку, разъ что въ сферѣ конечнаго бытія элементъ воли признали неотдѣлимымъ отъ элемента разума.

Всеобъемлющая вѣчная воля.

При самомъ приступѣ къ этимъ изслѣдованіямъ (глава I) мы высказали, что чувствованіе даетъ начало и жизнь всему существующему, что въ чувствованіи, и неразрывно связанномъ съ нимъ желаніи или волѣ, именно и заключается сущность, душа вселенной. Потомъ нѣсколько разъ возвращаясь къ этому положенію, все болѣе развивая и устанавливая его, между прочимъ выразили, что зачатки удовлетворенности или недовольства, сообразно съ симъ влеченія или наоборотъ, несомнѣнно существуютъ въ каждой мельчайшей частицѣ живого организма, такъ что опредѣлившееся желаніе или воля цѣлаго представляетъ собою лишь концентрацію или интегралъ несложившихся еще туманныхъ началъ чувствительности и влеченія, свойственныхъ молекуламъ, вошедшимъ въ составъ цѣлаго, какъ агрегата ихъ. Далѣе, въ отношеніи природы неорганической признали мы, что начальныя простѣйшія явленія внѣшняго міра,

совершающіяся (по принятой терминологіи) подъ вліяніемъ такой-то силы, точно такъ же даже болѣе вразумительно объясняются присущими матеріи, неотдѣлимыми отъ нея первичными внутренними свойствами, представляющими собою ничто иное, какъ стремленіе или влеченіе (т. е. волю) къ исполненію такихъ-то дѣйствій (гл. III лит. В).

Воля, слѣдовательно, во всемъ: въ живой природѣ, какъ и въ той которую совершенно неправильно называемъ мы неодушевленною или мертвою. На самомъ дѣлѣ ничего мертваго въ природѣ нѣтъ, какъ нѣтъ абсолютнаго покоя. Все непрерывно движется. Начальный же мотивъ, вызывающій какое бы ни было движеніе, несомнѣнно представляетъ собою влеченіе или стремленіе, хотя бы въ смутной, зачаточной формѣ. Прибавимъ — стремленіе исполнить перемѣщеніе всегда по линіи наименьшаго сопротивленія, что, по отношенію къ явленіямъ органическимъ, мы называемъ влеченіемъ живой особи къ совершенію чего-бы ни было съ наибольшею для себя удовлетворенностью (bien-être), съ наименьшимъ трудомъ или недовольствомъ (malaise); а въ этомъ стремленіи или влеченіи нельзя не признать несомнѣнно волевой актъ, въ его начальной , эмбріональной формѣ.

Организмъ человѣка, говорятъ анимисты, какъ и вообще животнаго, развивается въ такія-то формы подъ вліяніемъ отъ рожденія пребывающей въ немъ спеціально ему одному присущей души. То же самое очевидно слѣдуетъ сказать о растеніи: находясь, по всѣмъ даннымъ, въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ съ другими однородными, каждая растительная особь принимаетъ однако своеобразныя, ей одной принадлежащія: кривизну вѣтвей, развитіе листвы, контуры, оттѣнки цвѣтка, направленіе корней и пр. Чѣмъ инымъ можно объяснить такую своеобразность, какъ не присутствіемъ въ каждой растительной единицѣ, также отъ зарожденія, исключительно и спе-

ціально ей свойственныхъ зачатковъ особенности, въ которыхъ нельзя не усмотрѣть то самое, что въ животныхъ называютъ душою. Таково и мнѣніе анимистовъ (Гирнъ, „Анализъ вселенной въ ея элементахъ"). Но на этомъ остановиться нельзя. Наукѣ хорошо извѣстно какъ трудно-уловимъ переходъ отъ низшаго растительнаго вида къ неорганическому; да и вообще въ природѣ нѣтъ совсѣмъ обособленныхъ, изолированныхъ явленій; все строго подчиняется закону непрерывности, послѣдовательности, солидарности: эмбріональный, волевой актъ, въ силу котораго цвѣтокъ поворачивается къ свѣту, точно также нельзя не признать въ осажденіи, изъ раствора соли, кристалловъ разнообразнѣйшей формы, въ стремленіи матерьяльныхъ частицъ къ сближенію между собою, въ соединеніи металла калія съ кислородомъ воды и пр. Въ простомъ рефлексѣ живого организма, какъ и въ молекулярномъ движеніи частицъ неорагнической матеріи неизмѣнно кроется, въ качествѣ начальнаго источника, зачатокъ влеченія, волевого элемента; а болѣе или менѣе мощныя совокупленія, агрегаты этихъ зачаточныхъ элементовъ образуютъ болѣе или менѣе опредѣлившіяся желанія.

Повторяя за Шопенгауеромъ — „желать это—жить и жить это—желать" — не можемъ не признать что въ природѣ все живетъ; все, до молекулярной клѣточки, до микроскопической частички пара и минимальной пылинки въ необъятномъ пространствѣ вселенной, — все заключаетъ въ себѣ, хотя бы въ зачаткѣ, элементъ эмоціи и влеченія, т. е. воли, какъ источника движенія. Это именно и дало намъ поводъ сказать, что ребенокъ, объясняющій простѣйшія физическія явленія желаніемъ или нежеланіемъ, кроющимися въ самихъ предметахъ наблюденія, недалеко отсталъ, въ указаніи источниковъ того или другого феномена, отъ ученѣйшихъ метафизиковъ.

Въ сущности вѣдь эта-же мысль заключается въ

словахъ Аристотеля: „всякое движеніе есть своего рода апетитъ“, или Аристотеля XVII столѣтія — Лейбница: „ничего мертваго — въ природѣ (1).

Отъ установленныхъ такимъ образомъ положеній пойдемъ далѣе. Какъ сказали мы, концентрація въ живыхъ существахъ (животнаго или растительнаго царства) зародышей эмоціональнаго, духовнаго элемента образуетъ опредѣлившуюся волю этихъ существъ; а въ ряду сихъ послѣднихъ наивысшую, наиболѣе мощную извѣстную намъ концентрацію представляетъ собою человѣкъ, въ мозгу котораго, успѣвшая проникнуть въ познаніе законовъ природы и своей собственной дѣятельности, мысль соединяется съ чувствомъ и волею, дающими направленіе мысли, и въ свою очередь получающими отъ нея внушенія.

Остановимся ли на этой ступени — на человѣкѣ, какъ на послѣднемъ звенѣ или вѣнцѣ живущаго?

Какъ видѣли, въ наблюденіи, усвоеніи, объясненіи, словомъ — въ познаваніи законовъ вселенной, мы, восходя отъ обобщенія къ обобщенію, постепенно вырабатываемъ и въ концѣ концовъ устанавливаемъ понятіе о всеобъемлющемъ, вѣчномъ законѣ, міровой мысли, или міровомъ разумѣ, при чемъ также можемъ представить себѣ существованіе степеней между этимъ абсолютомъ и ограниченнымъ разумомъ человѣка. Но въ представленіи нашемъ, твердо основанномъ на самонаблюденіи, элементъ мысли отъ элемента воли неотдѣлимъ: какъ безъ чувствованія и влеченія нѣтъ предмета мысли и нѣтъ движенія, такъ

(1) Ту же мысль (о существующемъ лишь въ воображеніи нашемъ различіи между органическою и неорганическою природою) на рубежѣ 18-го и 19-го столѣтій проводилъ одинъ изъ глубокомысленныхъ шотландскихъ философовъ-натуралистовъ — Лесли. „Природа, говоритъ онъ, во всей своей дѣятельности проявляетъ „цѣпь непрерывныхъ постепенностей; такъ что наши систематическія подраздѣленія и разграниченія совершенно искуственны, „имѣя единственною цѣлью облегченіе памяти и соображеній“. (Leslie on Heat 1801—1802).

желанію, сколько нибудь опредѣлившемуся, неизбѣжно предшествуетъ представленіе т. е. мысль. Такимъ образомъ и возникающія въ сознаніи нашемъ представленія о возможныхъ степеняхъ разума, превышающихъ разумъ человѣка, мы надѣляемъ соотвѣтствующими степенями воли, т. е. создаемъ въ воображеніи своемъ, или фантазіи, рядъ какъ бы живыхъ особей, стоящихъ выше насъ въ системѣ міровой жизни. Наконецъ, доходя до предѣла обобщенія, твердоустановленное понятіе о всеобъемлющемъ, вѣчномъ законѣ, міровой мысли или міровомъ разумѣ, естественнымъ образомъ соединяемъ неразрывно съ безусловно присущею ему, неотдѣлимою отъ него, немыслимою безъ него, какъ и онъ безъ нея, вѣчною міровою волею, — волею въ смыслѣ всеобъемлющаго чувствованія и желанія, какъ источника всеобщей міровой дѣятельности, безъ котораго эта послѣдняя немыслима.

Повторяемъ — представленіе о вѣчной, абсолютной волѣ, безъ органа ее въ себя вмѣщающаго, крайне темно для насъ, можетъ быть даже менѣе постижимо, чѣмъ такое же представленіе о вѣчномъ всеобъемлющемъ законѣ или разумѣ. Но вступая въ область безконечнаго, какъ было замѣчено, нельзя ожидать точно выраженныхъ облеченныхъ въ формы выводовъ. Безконечное пространство міровъ, съ пребывающимъ въ немъ безконечнымъ разумомъ и безусловно присущею послѣднему, неотдѣлимою отъ него безконечною волею, — душою или источникомъ жизни,— вотъ гаданіе или вѣрованіе, на которомъ должны мы остановиться въ попыткахъ своихъ приблизиться къ созерцанію верховнаго существа.

Точно также, и еще болѣе на почвѣ вѣрованій, создаются въ умѣ нашемъ дальнѣйшія идеи о свойствахъ верховнаго существа. Таково представленіе о совмѣщеніи и нераздѣльности съ волею всеобъемлющею — воли всеблагой. Начало или источникъ

этой идеи очевидно кроется какъ въ обобщеніи смысла явленій изъ жизни человѣчества, такъ и въ самонаблюденіи.

Идея воли всеблагой.

Всматриваясь въ глубь временъ отдаленнѣйшихъ, на сколько они до сихъ поръ озарены свѣтомъ науки, мы не можемъ не замѣтить въ жизни народной, взятой по возможности въ цѣломъ, движенія къ лучшему, въ отношеніи какъ матерьяльнаго быта, такъ умственнаго и нравственнаго уровня. Страшныя бѣдствія, какъ голодъ, моръ, зараза, поражавшія въ былыя времена обширнѣйшіе раіоны и уносившія цѣлыя поколѣнія, нынѣ или совсѣмъ исчезли, или по крайней мѣрѣ значительно ограничены въ проявленіи своей грозной, сокрушающей силы. То же самое можно сказать о внушающихъ ужасъ губительныхъ наклонностяхъ или инстинктахъ прежде жившихъ человѣческихъ расъ, по отношенію къ себѣ подобнымъ: плѣнному теперь не грозитъ уже смерть или истязаніе въ станѣ побѣдителя; побѣжденные не обречены на экспортацію съ нескончаемымъ рабствомъ, на унизительныя, изнуряющія работы, или на публичную травлю дикими звѣрьми для потѣхи черни; остатки всего этого удерживаются въ видѣ мелкихъ пятенъ на обширнѣйшемъ пространствѣ земного шара, только въ глухихъ мѣстностяхъ, куда еще не успѣлъ проникнуть свѣтъ цивилизаціи. Обращаясь къ временамъ болѣе близкимъ, уже съ полною достовѣрностью можемъ констатировать: недавнее почти повсемѣстное уничтоженіе юридической зависимости однихъ сословій отъ другихъ; несравненно большее обезпеченіе имущества и свободы гражданъ посредствомъ суда и общественной охраны; наконецъ — въ странахъ передовыхъ — большее огражденіе правъ народа отъ произвола правителей. Смягченіе нравовъ въ массахъ естественнымъ образомъ отражается на характерѣ и воззрѣніяхъ отдѣльныхъ личностей. То

что еще недавно, какъ напр. тѣлесное наказаніе, представлялось неизбѣжнымъ и совсѣмъ обыкновеннымъ даже человѣку доброму, честному, образованному, теперь возмущаетъ душу мало-развитаго простолюдина. Право живущаго ручнымъ трудомъ работать не болѣе восьми часовъ въ сутки, а ребенка до извѣстнаго возраста и матери семейства совсѣмъ не работать внѣ дома, повидимому, должно скоро стать на столько же общепризнаннымъ, какъ и неприкосновенность человѣческаго тѣла. Едва ли нужно, наконецъ, упоминать о томъ какъ много пріобрѣтено человѣкомъ положительныхъ знаній, какъ возвысило это его, на сколько подняло его нравственный уровень и матерьяльное благосостояніе.

Такимъ образомъ, на основаніи твердо установленныхъ фактическихъ данныхъ мы вполнѣ убѣждаемся въ непрерывномъ движеніи человѣчества, взятаго въ цѣломъ, по пути пріобрѣтенія и обезпеченія за собою наибольшей суммы благъ. (1) Отсюда вполнѣ естественно заключаемъ, что прогрессъ человѣчества, т. е. послѣдовательное развитіе и утвержденіе въ немъ началъ правды и добра несомнѣнно составляетъ одно изъ частныхъ проявленій общаго мірового закона. Потому въ міровомъ законѣ, совмѣщающемъ въ себѣ всеобъемлющій разумъ со всеобъемлющей волею, усматриваемъ также всепроницающій элементъ добра, т. е. въ вѣчной, абсолютной міровой волѣ признаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и волю всеблагую.

Наиболѣе сильнымъ, натуральнымъ противъ этого

(1) Напомнимъ, что фактическія данныя, на основаніи которыхъ признаемъ упомянутое прогрессивное движеніе человѣчества могутъ служить подтвержденіемъ нашей мысли только въ примѣненіи такъ называемаго закона большихъ чиселъ; въ частностяхъ же и въ болѣе короткіе періоды разумѣется проявляются весьма замѣтныя колебанія, идущія въ направленіи явно противоположномъ общему движенію.

возраженіемъ представляется фактъ неизбѣжнаго, неотвратимаго и уже предвидимаго наукою конца нашей планеты, причемъ въ силу далеко не добраго, а напротивъ какъ бы злого начала должно погибнуть и все величественное зданіе человѣческаго прогресса. Но не забудемъ, что въ созерцаніи верховнаго существа мы имѣемъ дѣло съ безконечнымъ, къ которому привычныя уму нашему мѣрки конечнаго совсѣмъ неприложимы; что земля наша есть не болѣе какъ ничтожный атомъ въ системѣ мірозданія, и что мы сами, даже въ ограниченныхъ рамкахъ нашего пониманія, не усматриваемъ зла, не только въ разложеніи атома, или гибели микроба, но даже въ страданіяхъ и смерти высшаго на землѣ существа — человѣка, разъ что становимся на точку зрѣнія общаго, массоваго развитія.

Въ томъ же представленіи о міровой всеблагой волѣ, какъ было упомянуто, утверждаемся мы также чрезъ самонаблюденіе. На различныхъ ступеняхъ развитія человѣка существовало и весьма различное пониманіе имъ блага ближнихъ, или общественнаго; но служеніе этому послѣднему, хотя бы въ предѣлахъ весьма узкаго или превратнаго толкованія, всегда составляло предметъ его стремленій. Не вдаваясь по этому поводу въ историческій обзоръ и останавливаясь лишь на современномъ человѣкѣ, не можемъ не признать, что всякое его дѣйствіе, направленное къ благу себѣ подобныхъ (какъ въ данный моментъ таковое понимаетъ) несомнѣнно вызываетъ въ немъ чувство удовлетворенности и душевнаго спокойствія. А то что замѣчаемъ въ самихъ себѣ мы естественно склонны отнести и къ источнику всего живущаго, т. е. возведенное на высшую степень начало благости — признать непремѣнноприсущимъ и вѣчному міровому разуму съ его всеобъемлющею волею.

Наконецъ не можемъ не сказать (хотя и рискуя

навлечь на себя упрекъ въ мистицизмѣ или возведеніи въ принципъ цѣлесообразности всякаго явленія), что человѣкъ привыкшій замѣчать и объяснять причины и слѣдствія какъ событій своей жизни, такъ и движенія среды окружающей, долженъ былъ не разъ остановиться на заключеніи, что законъ мірового развитія, въ недоступной для насъ общей формулѣ своей, какъ бы содержитъ рядъ частныхъ плановъ, предопредѣлившихъ, въ видѣ конечной цѣли, благо личности или общества; что въ мелкихъ ничтожнѣйшихъ случаяхъ жизни, которые пропускаемъ мы безъ вниманія, или въ которыхъ склонны видѣть помѣхи, преграды нашимъ желаніямъ, на самомъ дѣлѣ нерѣдко кроется источникъ величайшаго для насъ добра, наиболѣе сильный и дѣйствительный мотивъ нашего совершенствованія. Воззрѣніе это, какъ ни представляется оно малосовмѣстимымъ съ господствующими философскими взглядами, тѣмъ не менѣе у большинства людей существуетъ. Пусть отрицающій его всмотрится, безъ предвзятой идеи, въ свою собственную жизнь — и онъ убѣдится что отрицаніе здѣсь далеко не искренне. Въ судьбу, предопредѣленіе, счастливую звѣзду или рокъ несомнѣнно вѣрили весьма многіе изъ самыхъ сильныхъ умовъ; эту же мысль великіе мыслители-поэты настойчиво проводили въ лучшихъ, геніальнѣйшихъ произведеніяхъ своего творчества. Въ заключеніе напомнимъ опять, что все сказанное о благихъ конечныхъ цѣляхъ всеобъемлющей воли принимаемъ мы, еще болѣе чѣмъ передъ тѣмъ изложенныя другія представленія о верховномъ существѣ, отнюдь не въ качествѣ доказанныхъ истинъ, или несомнѣнныхъ логическихъ выводовъ; что въ идеѣ всеблагой воли, предопредѣлившей и направляющей жизнь всего сущаго, видимъ только гаданіе или вѣрованіе. Но, говоря добросовѣстно, вѣрованіе это не можетъ изгнать изъ голо-

вы своей большинство людей, тѣмъ болѣе что съ нимъ очевидно легче живется на свѣтѣ.

Конечное заключеніе изслѣдованія идеи о верховномъ существѣ.

На этомъ и надо остановить изложеніе представленій нашихъ о верховномъ существѣ. Всякая дальнѣйшая попытка приблизиться къ пониманію его повела бы къ олицетворенію безконечнаго въ конечномъ. Иначе и быть не можетъ: чѣмъ опредѣленнѣе становится идея, тѣмъ нераздѣльнѣе сливается она съ формою; а воплощеніе абсолюта въ формѣ сколько нибудь конкретной означаетъ ни что иное какъ вступленіе въ область антропоморфизма.

Мечтанія о душѣ и загробной жизни.

За симъ что касается идей о душѣ и загробной жизни, то объ этомъ считаемъ излишнимъ распространяться. Идеи эти надо отнести къ разряду даже не вѣрованій, а только грезъ или мечтаній. Раціонально установить существованіе того и другого очевидно нельзя; но полагаемъ столько же невозможно, путемъ логическихъ выводовъ и безусловно отвергнуть ихъ. Такимъ образомъ попытки положительныхъ по этому предмету доказательствъ, въ смыслѣ какъ утвержденія такъ и отрицанія, были бы только игрою словъ, безцѣльными и безплодными упражненіями на почвѣ схоластики.

ЧАСТЬ II.

(ПРАКТИЧЕСКАЯ)

Приложенія общихъ началъ.

Общій планъ второй части.

Разсмотрѣвъ въ главнѣйшихъ чертахъ понятія человѣка о внѣшнемъ мірѣ, о насъ самихъ, какъ части вселенной и представленія наши о верховномъ существѣ, — я этимъ выполнилъ первоначально сложившуюся программу труда своего: въ мѣрѣ силъ и разумѣнія объяснилъ происхожденіе, развитіе и конечное выраженіе основныхъ взглядовъ, убѣжденій, вѣрованій нормальнаго человѣка; по выраженію Гр. Толстого — представилъ исповѣдь того „въ чемъ заключается моя вѣра“, и на этомъ собственно могъ бы остановиться.

Продолженіе, въ такомъ же направленіи, предпринятаго изслѣдованія должно было бы, согласно требованіямъ системы, заключать въ себѣ изложеніе того, какими конкретными результатами принятое за нормальное міровозрѣніе выразилось въ дѣйствительной жизни человѣчества; т. е. какъ, сообразно признаннымъ нами основнымъ началамъ, изъ комбинированной дѣятельности человѣческихъ единицъ, возникли и развились — первоначально семейный,

затѣмъ общественный и государственный или политическій союзы; какими установленіями, органами-обрядами и формами охраняется, возбуждается, направляется и контролируется дѣятельность этихъ союзовъ; наконецъ надлежало бы разсмотрѣть — какія отношенія человѣка къ этимъ органамъ, обрядамъ и формамъ, къ себѣ подобнымъ и внѣшнему міру вообще, наиболѣе желательны, слѣдовательно обязательны для насъ, и такимъ образомъ установить нашъ нравственный кодексъ.

Прямо сознаюсь что такой трудъ, вмѣщающій въ себѣ, какъ видно, всю область соціологіи и этики — мнѣ не по силамъ. По меньшей мѣрѣ попытка исполненія его была бы безцѣльна, такъ какъ я съ своей стороны очевидно не могъ бы прибавить ровно ничего къ тѣмъ систематическимъ изслѣдованіямъ, какія по этому предмету были уже даны людьми внѣ сравненія болѣе свѣдущими и болѣе подготовленными. (1)

Считаю однако не безполезнымъ дополнить сказанное до сихъ поръ по возможности цѣльнымъ и послѣдовательнымъ изложеніемъ тѣхъ, изъ области государственной, общественной и частной жизни, соображеній и выводовъ, которые случалось мнѣ внести въ дневныя свои замѣтки, на основаніи наблюденія современныхъ событій или прочитаннаго изъ относившейся къ означенному предмету литературы. Причемъ предполагаю обращаться лишь къ тѣмъ изъ своихъ замѣтокъ, которыя признаю видоизмѣняющими или наоборотъ убѣдительно подтверждающими господствующія по извѣстнымъ вопросамъ мнѣнія.

Закончивъ первую часть объясненіемъ представленій нашихъ о верховномъ существѣ, теперь, чтобы не отрываться отъ предмета, я и начну съ разсмотрѣнія установившихся отношеній человѣка къ божеству.

(1) Позволю себѣ сослаться хотя бы на одного Герберта Спенсера.

ОТДѢЛЪ I.

Объ отношеніяхъ человѣка къ верховному существу.

Взглядъ большинства людей на этотъ предметъ.

Надѣливъ божество, хотя и возведенными въ высшую степень, но собственно намъ принадлежащими качествами, мы находимъ въ немъ, какъ было сказано, предметъ поклоненія, предъ которымъ изливаемъ наши скорби, страхи, упованія, къ которому взываемъ въ бѣдѣ или радости, къ которому обращаемъ наши благодаренія, жалобы или мольбы.

Таково съ давнихъ временъ было и таково есть по настоящее время отношеніе большинства людей къ верховному существу, которое называемъ Богомъ-Творцомъ-Вседержителемъ. Во всемъ этомъ, какъ замѣтили мы, виденъ отпечатокъ антропоморфизма. Не говоря уже о невѣжественныхъ воззрѣніяхъ прошлаго, когда приношеніемъ въ жертву людей и самоистязаніями думали умилостивить божество, въ видахъ полученія отъ него желаемаго, — нельзя не признать, что и въ настоящее время совершеннѣйшее изъ религіозныхъ ученій — Христіанское — въ сущности еще не отрѣшилось отъ этихъ взглядовъ; въ особенности не далеко отошло оно отъ древняго антропоморфизма въ наиболѣе грубыхъ формахъ католической и восточной или православной церкви. Когда простолюдинъ падаетъ во храмѣ ницъ передъ безобразнымъ рисункомъ, зажигаетъ передъ нимъ свѣчи и возсылаетъ при этомъ мольбы объ отвращеніи отъ него той или другой бѣды, о ниспосланіи

ему того или иного блага, онъ, можно сказать, ни на шагъ не переносится мыслью за предѣлы видимаго: Всемогущаго, имѣющаго силу, хотя бы сверхъестественными путями, или даже преимущественно этими путями, даровать ему просимое несомнѣнно признаетъ онъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ человѣческомъ изображеніи представленномъ плохонамаленною картиною, совершенно независимо отъ того, называется ли эта картина Богомъ-Саваофомъ, Христомъ, Богородицею, Св. Николаемъ или Св. Анною. Въ сущности, однако, не то ли же самое представляютъ собою молитвы, возносимыя во дворцахъ или кафедральныхъ соборахъ, о ниспосланіи точно опредѣленныхъ матерьяльныхъ благъ, какъ побѣды въ ожидаемомъ сраженіи, исцѣленія Высочайшей особы отъ недуга, охраненія ея въ путешествіи и т. п. Не говорю уже о молитвахъ спеціально обращенныхъ къ лицу напр. Богородицы, того или другого Святого. Но вообще просить Бога о дарованіи такой-то, точно-опредѣленной милости, и въ молитвѣ этой почерпать вѣру, что желаемое, хотя бы и мало возможное, именно вслѣдствіе просьбъ нашихъ, будетъ даровано — значитъ очевидно приписывать Богу обыкновенныя человѣческія качества, признавать въ немъ конкретное существо, индивида, живущаго, въ узкомъ смыслѣ, нашей жизнью, котораго, тѣми или другими дѣйствіями, можно расположить къ себѣ, или отвратить отъ себя, и сообразно этому подвинуть, черезъ личное его участіе, къ совершенію того, что было бы явнымъ уклоненіемъ отъ путей, предопредѣленныхъ вѣчнымъ закономъ вселенной. Какъ видно — полный антропоморфизмъ въ воззрѣніяхъ не только простолюдиновъ, но и тѣхъ, которые считаютъ себя посвященными въ тайны возвышенно-чистаго, духовнаго ученія Христа.

Отношеніе къ божеству съ установленной выше точки зрѣнія.

Съ нашей точки зрѣнія — весьма отвлеченнаго, въ самыхъ общихъ чертахъ намѣченнаго представленія о верховномъ существѣ только какъ о неизмѣнномъ вѣчномъ законѣ или разумѣ вселенной, съ присущею ему вѣчною, всеобъемлющею и всеблагою волею, —не находя возможнымъ преступить этотъ предѣлъ въ признаніи за верховнымъ существомъ еще какихъ либо качествъ, — мы очевидно не можемъ допустить и обращенной къ нему молитвы, въ смыслѣ выпрашиванія какихъ либо опредѣленныхъ благъ, — той своекорыстной молитвы, которою въ ранней юности, въ пору извнѣ воспринятыхъ вѣрованій, молится большинство людей. На ряду съ утверждающимся представленіемъ о безусловной неизмѣнности законовъ, управляющихъ вселенною, естественно формируется въ насъ убѣжденіе въ полной невозможности нарушенія этихъ законовъ, или малѣйшаго уклоненія отъ нихъ, подъ вліяніемъ просьбъ или желаній ничтожнѣйшаго атома вселенной — человѣка, т. е. о безцѣльности молитвы какъ прошенія. Тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи о святости молитвы, разъ что преобладающимъ побужденіемъ къ ней является эгоистическое выпрашиваніе благъ, по преимуществу земныхъ — грѣховныхъ, или хотя бы и небесныхъ, но все же для себя или близкихъ, изъ любви къ себѣ выпрашиваемыхъ.

Но и въ дошедшемъ до такихъ основныхъ убѣжденій человѣкѣ не оскудѣваетъ потребность обращенія къ верховному существу; по крайней мѣрѣ не истощается она въ томъ, въ комъ повседневныя, матерьяльныя заботы не притупили умъ ищущій познаній, въ комъ не подавили, не заглушили жизни сердца, заключающейся въ любви ко всему на ряду съ нами живущему, къ природѣ вообще. Работая надъ отысканіемъ истины, надъ раскрытіемъ міро-

выхъ законовъ, человѣкъ много разъ приходитъ къ вопросамъ неразрѣшимымъ, къ преградамъ за которыя проникнуть не можетъ, и вынужденный признать себя безсильнымъ передъ трудомъ явно превышающимъ его способности, останавливается въ полномъ унынiи, нравственно изнеможеннымъ. Точно также, въ заботахъ объ упроченiи своего или близкихъ благосостоянiя и спокойствiя не разъ встрѣчаетъ онъ тяжкiя неудачи, иногда грозные удары, разрушающiе до основанiя все созданное усилiями многихъ лѣтъ, въ конецъ разбивающiе жизнь со всѣмъ что наполняло ее. Поставленный въ такiя условiя человѣкъ сознаетъ что лично для него все потеряно; найти въ себѣ силу жить онъ можетъ единственно лишь обратившись къ жизни для другихъ, т. е. къ жизни сердца, — и здѣсь преклоненiе передъ волею судьбы, какъ предъ закономъ всеобъемлющимъ, передъ мыслью всѣмъ управляющею, составляетъ лучшее, вѣрнѣйшее для него прибѣжище. Самый искренній, задушевный вопль „да будетъ воля Твоя“! самъ собою вырывается изъ груди его въ минуты потрясающихъ испытанiй — вопль обращенный къ неизвѣстному, непостижимому, но изъ сознанiя неустранимому духу, неотразимыя велѣнiя котораго, иначе сказать — руку Провидѣнiя усматриваетъ или вѣрованiемъ угадываетъ онъ во всемъ совершившемся.

Значенiе прошенiй „молитвы господней“.

Но не только въ минуты тяжелыхъ испытанiй проникается человѣкъ такими мыслями, такимъ настроенiемъ. Усматривая во всемъ исполненiе предвѣчнаго, неизмѣннаго закона, углубляясь въ доступное по силамъ познаванiе его, человѣкъ начинаетъ не только чтить этотъ законъ, съ его всеобъемлющею, всенаправляющею волею, но и любить его самою искреннею, высокою любовью. Подъ вліянiемъ этого чувства, въ благоговѣйномъ созерцанiи всего что, въ предуставленныхъ Провидѣнiемъ образахъ, зиждется

и живетъ, — къ воззванію „да будетъ воля Твоя“ — этому краеугольному камню молитвы — естественно присоединяемъ мы два другія: „да святится имя Твое“ въ дѣлахъ нашихъ, въ служеніи вѣчной правдѣ Твоей, выражающейся прежде всего въ любви ко всему окружающему, и „да пріидетъ царствіе Твое“, въ совершающихся судьбахъ рода человѣческаго и всей міровой жизни.

Находя въ этихъ простыхъ словахъ привычной намъ съ дѣтства „молитвы Господней“ наивѣрнѣйшее выраженіе переполняющаго душу чувства безропотной покорности волѣ Провидѣнія, я продолжаю и далѣе слѣдить за чистою, возвышенною рѣчью, ближе всего передающею обращеніе къ Богу, которое могъ намъ преподать самъ великій учитель. Слова „сущій на небеси отецъ“ переносятъ мысль мою въ безконечное пространство, вмѣщающее въ себѣ безчисленныя системы міровъ, эти стройные хоры свѣтилъ въ ихъ вѣковѣчномъ стремительномъ вращеніи. Затѣмъ отъ внѣшней перехожу къ внутренней жизни этихъ міровъ, доступной познанію нашему только на землѣ, и здѣсь проявляющейся въ поразительномъ разнообразіи величія и красоты — результатѣ непрерывнаго „движенья вещества“: въ ростѣ травъ, въ шелестѣ листвы, въ перемѣнахъ формъ и переливахъ цвѣта облаковъ — во всемъ вижу я моего Бога — единый вѣчный законъ или міровой разумъ, во всемъ болѣе сердцемъ чѣмъ умомъ сознаю единую всеобъемлющую, всеблагую волю, и упадая передъ этою волею или душою вселенной во прахъ, умиленно взываю къ ней, какъ къ простершему и на меня свою благость любящему отцу.

Уже одно это общеніе съ верховнымъ существомъ, стремленіе возвыситься до міровыхъ законовъ, проникнуть въ нихъ, созерцать природу какъ проявленіе всеобъемлющей міровой мысли и міровой воли,— составляетъ величайшее изъ досягаемыхъ для чело-

вѣка благъ. Но на этомъ молитва не останавливается. Познавая міровые законы, міровую волю въ мѣрѣ доступности ихъ для насъ, мы не можемъ не усмотрѣть, что воля эта, непогрѣшимая въ общемъ, въ частностяхъ нерѣдко подвергается нарушеніямъ, что мысли и дѣйствія наши слишкомъ часто отъ нея уклоняются. Въ этомъ и заключаются „долги наши“, оставленіе коихъ имѣетъ предметомъ одно изъ дальнѣйшихъ прошеній. Понятно что въ сущности здѣсь прошенія и не можетъ быть: что совершилось — то совершилось, то вычеркнуть изъ жизни нельзя. Вспоминая о „долгахъ своихъ“, мы только выясняемъ передъ собою, оцѣниваемъ свою виновность, раскаиваемся, сожалѣемъ о совершенной неправдѣ, и проникаемся желаніемъ по возможности избѣгнуть впредь подобныхъ нарушеній. Но сознавая свою недальновидность и слабость, въ смиреніи свидѣтельствуемъ о ней прибавленіемъ словъ: „и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго“. Уясненіе передъ собою присущей камъ неправды, сожалѣніе о ней, горячее желаніе отъ нея отрѣшиться, при смиренномъ сознаніи своей немощности — вотъ значеніе только что приведенныхъ трехъ прошеній молитвы.

Точно также въ словахъ: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“ выражается не болѣе какъ готовность довольствоваться самымъ малымъ, достаточнымъ лишь для поддержанія силъ на служеніе предвѣчной правдѣ и любви.

Вотъ какимъ образомъ съ идеею неизмѣннаго закона вселенной совмѣщается возможность молитвы. Изъ всего сказаннаго видно, что такъ называемыя „семь прошеній молитвы господней“ отнюдь не должны быть принимаемы въ смыслѣ просьбъ, или вымаливанія даровъ, хотя бы самыхъ не матерьяльныхъ. Поставивъ во-главѣ своихъ убѣжденій признаніе мірового закона, искони опредѣлившаго развитіе по-

слѣдующаго изъ предыдущаго до самыхъ мельчайшихъ подробностей, я разумѣется не имѣю основанія ожидать, чтобы какія либо просьбы или моленія могли измѣнить предуставленное отъ вѣка проявленіе его; слѣдовательно такъ называемыя „прошенія“ молитвы выражаютъ не болѣе какъ искреннія завѣтныя пожеланія. Но высказывая такія пожеланія передъ Всеблагимъ и Всеправеднымъ, я очевидно обязанъ глубоко обдумать, оцѣнить ихъ, дабы очистить отъ всего грѣховнаго, т. е. исполненнаго корысти, себялюбія, суеты, и всѣ силы души своей направить къ согласованію ихъ съ развитіемъ предвѣчнаго мірового закона, въ цѣломъ своемъ благого и праведнаго для всего живущаго. Задушевное, надъ всѣмъ господствующее стремленіе мое слиться съ этимъ закономъ — міровою мыслью, міровою волею — болѣе всего и выражается въ словахъ: „да святится имя твое, да будетъ воля твоя“.

„Молитву Господню“церковь наша называетъ — и не безъ основанія — „ученіемъ о надеждѣ“. Разумѣется, выражая въ молитвѣ желанія корыстныя или суетныя, я не могу и не долженъ ожидать ихъ исполненія. Но разъ что они очищены отъ суеты земной, т. е. согласованы съ непреложнымъ міровымъ закономъ, — самое развитіе этого закона естественнымъ образомъ предполагаетъ и осуществленіе входящихъ въ составъ его желаній молитвы нашей. Отсюда надежда, успокоеніе и міръ душевный, при сознаніи ниспосланныхъ на меня благъ, — все чѣмъ обусловливается высшее доступное для человѣка счастіе.

Опасность олицетворенія божества при молитвенномъ обращеніи къ нему.

Изъ того что сказано до сихъ поръ уже достаточно выясняется до какой степени не легко, при обращеніяхъ нашихъ къ верховному существу, отграничить преклоненіе передъ нимъ, какъ предъ безконечнымъ, трансцендентнымъ міровымъ разумомъ и міровою

волею, отъ олицетворенія его, т. е. представленія о немъ какъ объ индивидѣ конкретномъ, обладающемъ качествами опредѣленными, до извѣстной степени соизмѣримыми съ принадлежащими намъ самимъ. Взывая къ верховному существу даже въ формѣ прошеній „молитвы господней“, заключающихъ въ себѣ такъ мало матеріальнаго, имѣющихъ такъ мало общаго съ нашими житейскими потребностями, мы должны настойчиво пріучать себя къ мысли, что въ прошеніяхъ этихъ выражаемъ только полнѣйшую свою готовность слиться съ міровымъ закономъ, безусловно подчинить ему наши желанія, и что въ этомъ собственно заключается источникъ почерпаемой въ молитвѣ надежды; отнюдь не въ ожиданіи, чтобы моленія наши могли преклонить мировой законъ къ исполненію самомалѣйшей изъ нашихъ матерьяльныхъ или корыстныхъ нуждъ, хотя бы на іоту отвлечь волю вселенной отъ предуставленнаго ея развитія.

Антропоморфизмъ въ религіи церкви христіанской.

Повторяемъ — ничтожнѣйшее отступленіе отъ этого взгляда, даже при выраженіи нашихъ желаній въ чистѣйшихъ словахъ „молитвы господней“, несомнѣнно вводитъ наше отношеніе къ верховному существу въ область антропоморфизма. Что же сказать о массѣ другихъ молитвъ, заключающихъ въ себѣ прошенія уже о чисто-житейскихъ благахъ, весьма опредѣлительно и точно формулированныхъ, какъ напр. о ниспосланіи на поля дождя, прекращеніи эпидеміи, сохраненіи здоровья того или другого лица, о благополучіи въ томъ или другомъ житейскомъ начинаніи, объ успѣхѣ въ явно-грѣховномъ дѣлѣ войны и т. п. тѣмъ болѣе если такія прошенія сопровождаются доведенными до высшей степени матерьялизма обрядами и формами; если они обращены притомъ не къ Богу Вседержителю, а къ тому или другому, измышленному грубостью и невѣже-

ствомъ, посредствующему божеству, какъ родившійся отъ дѣвы и св. духа будто-бы самъ Богъ, или дѣва эта, носящая въ особенности на русскомъ языкѣ совсѣмъ уже непристойное названіе богородицы (1), наконецъ тотъ или другой изъ угодниковъ и угодницъ, иногда сомнительной святости даже по нашимъ житейскимъ понятіямъ. Это уже чистѣйшій антропоморфизмъ, выразившійся въ мифологіи древнихъ, преграды которому пытались поставить великіе учители, какъ Сакіа-Муни или Христосъ, потерпѣвшій въ отношеніи этой внѣшности полную неудачу, по причинѣ неподготовленности современныхъ, да еще и нынѣ-живущихъ народныхъ массъ къ воспріятію чистыхъ его воззрѣній. Взгляды противникомъ которыхъ явился онъ, такъ крѣпко срослись съ вѣрованіями народовъ, такъ глубоко коренятся въ самой натурѣ ихъ, что всѣ безъ исключенія религіи, составляющія предметъ исповѣданія признанныхъ христіанскихъ церквей, представляютъ и до сей поры (черезъ 19 столѣтій послѣ проповѣди Христа) въ грубой или болѣе очищенной формѣ, ничто иное какъ прежнюю миѳологію античнаго міра.

Искаженіе ученія Христа его продолжателями.

Даже при настоящемъ изложеніи, мы встрѣчали не малыя затрудненія въ словахъ, для выраженія идей о всеобъемлющемъ, безконечномъ. Очевидно съ неизмѣримо большими трудностями долженъ былъ считаться учитель, принявшій на себя миссію преподать отношенія къ верховному существу толпѣ, въ то время, когда и наиболѣе развитымъ слоямъ общества были совершенно чужды отвлеченныя идеи, начавшія серьезно разрабатываться только черезъ 1500 лѣтъ. Отсюда своеобразный языкъ Іисуса, на

(1) По этимологіи — мастерица родить бога, подобно тому, какъ вообще слова съ окончаніемъ на *ица* означаютъ мастерица такого-то дѣла.

сколько можемъ о немъ судить по передачѣ личностями, принадлежавшими къ той-же малообразованной толпѣ и едва ли успѣвшими замѣтно надъ нею возвыситься. Іисусъ говоритъ мало-опредѣленно, отрывочно. Высокія, чистыя идеи его можно скорѣе чувствовать и угадывать, чѣмъ истолковывать по простѣйшимъ формамъ, въ которыя онъ ихъ облекаетъ.(*) Бога—предвѣчнаго творца и зиждителя вселенной, внѣ воли котораго „волосъ не упадетъ съ головы нашей“ — онъ называетъ „отцомъ“. Уже въ этомъ одномъ обнаруживается глубина любви и мудрости учителя: трудно придумать какимъ другимъ словомъ, болѣе доступно для первобытнаго пониманія, можно было бы выразить идею источника жизни, отъ котораго получили мы все существующее въ насъ самихъ и въ окружающемъ насъ. Себя Іисусъ, можетъ быть нѣсколько предпочтительно передъ другими людьми, называетъ „сыномъ божіимъ“. И дѣйствительно, онъ по духу — истинный Сынъ Божій, какъ наиболѣе близкій, вѣрнѣйшій выразитель предвѣчнаго, неизмѣннаго мірового закона, съ его всеобъемлющею волею. Повидимому именно такъ, т. е. въ смыслѣ духовномъ, отнюдь не матерьяльномъ, первыми евангелистами, неотуманенными житейскою хитростью, принимались эти два слова, эти выраженія мудрости сердца болѣе чѣмъ ума. Но коснулась слова Іисусова греческая и восточная культура: ей мало было внутренняго смысла ученія; она не могла принять его, не давъ ему соотвѣтствующаго сценарія. Въ чемъ выразился духъ всеобъемлющей любви и тончайшей проницательности сердца учителя — то было истолковано въ смыслѣ чистаго матерьялизма воспринявшими ученіе изъ вторыхъ рукъ, воспитавши-

*) Болѣе послѣдовательное, связное изложеніе встрѣчаемъ въ Евангеліи Іоанна. Но это очевидно слова самого Іоанна болѣе чѣмъ учителя.

мися на почвѣ античной пластики и древне-восточной философіи. Сохранившіяся сказанія о проповѣди Христа и о немногихъ годахъ его общественной дѣятельности, съ почина евангелистовъ Луки, затѣмъ Іоанна, стали, такъ называемыми отцами церкви и соборами, извращаться и дополняться въ духѣ ихъ собственныхъ грубыхъ или своекорыстныхъ взглядовъ. На этихъ устояхъ было заложено и въ теченіе многихъ вѣковъ воздвигалось, если можно такъ выразиться, весьма хитрое, но довольно неуклюжее зданіе Христіанской миѳологіи.

Явные слѣды античныхъ воззрѣній въ ученіяхъ Христіанской церкви.

Соборъ считаетъ нужнымъ установить и подчеркнуть, что Іисусъ есть сынъ божій, не сотворенный, а рожденный, сынъ по плоти; значитъ признаетъ плотское начало, какъ въ сынѣ, такъ и въ отцѣ. Тотъ же или слѣдующій за нимъ соборъ провозглашаетъ Іисуса, единосущнаго сына Божія, воплотившимся отъ духа святого и Маріи-дѣвы. И эти грубоциничныя слова болѣе тысячи лѣтъ повторяютъ съ высоты церковныхъ амвоновъ, не помышляя ни о явной нелѣпости ихъ, ни о цѣломъ рядѣ весьма неудобныхъ вопросовъ, къ какимъ даютъ они поводъ, — вопросовъ неразрѣшимыхъ, но неизбѣжно переносящихъ воображеніе къ послѣднимъ предѣламъ матерьялизма. По истинѣ трудно было придумать болѣе страшное поруганіе надъ свѣтлою личностью Іисуса и поэтическимъ образомъ его матери.*)

---

*) Нельзя не согласиться съ этимъ, если припомнить крайне циничныя, схоластико-физіологическія пререканія между энциклопедистами и ихъ опонентами о процессѣ божественнаго зачатія.

Не даромъ мусульмане говорятъ, что наибольшая передъ Богомъ виновность Христіанъ заключается въ униженіи личностей Іисуса и Маріи, которые никогда не простятъ оскорбленія нанесеннаго имъ грязною Христіанскою легендою о воплощеніи и о рожденіи Іисуса.

Все это, повторяемъ, натуральные слѣды античныхъ воззрѣній — пластицизма греческой миѳологіи, или гностицизма созрѣвшаго на почвѣ древне-восточныхъ умствованій. Такъ, положительно ни одного слова не вымолвилъ Іисусъ относительно таинственной троичности божества. Но мы встрѣчаемъ идею тройцы (Тримурти) въ религіи Брахмы, и надо полагать оттуда получилъ начало догматъ церкви нашей о „нераздѣльно и несліянно“ пребывающихъ въ одномъ лицѣ трехъ божескихъ лицахъ. Оттуда-же по всей вѣроятчости заимствованъ и догматъ воплощенія: какъ извѣстно, Вишну — второе лицо Тримурти — иногда сходилъ на землю, для возстановленія нарушеннаго порядка, и послѣднее свое воплощеніе совершилъ подъ именемъ Кришны или Хрисны. Легенды о паденіи злого духа (Аримана), о начальномъ грѣхѣ внесшемъ въ міръ смерть, о будущемъ всеобщемъ воскресеніи, какъ еще многое другое, находимъ и въ Зендъ-Авестѣ.

Весьма наглядную картину вліянія греческой миѳологіи и вообще древне-восточныхъ религій на сформированіе сценаріума христіанскихъ вѣрованій даетъ между прочимъ Маколей въ одной изъ критическихъ статей своихъ (Milton. Critic. and Historic. essays), выписку изъ которой здѣсь и приводимъ.

Привыкшіе къ логическому мышленію, говоритъ онъ, могутъ разсуждать объ абстракціяхъ; но большинство людей безъ образовъ обойтись не можетъ. Существовавшая во всѣ времена и у всѣхъ народовъ склонность массъ или толпы къ идолопоклонству не могла имѣть иного источника. Есть основаніе предполагать, что первые обитатели Греціи поклонялись одному невидимому божеству. Но потребность имѣть болѣе конкретный предметъ обожанія создала въ теченіе немногихъ столѣтій неисчислимыя толпы боговъ и богинь. Такимъ же образомъ древніе Персы признавали дѣломъ нечестивымъ изображать Творца въ

человѣческой формѣ; но и они перенесли на солнце поклоненіе, которое въ принципѣ считали обязательнымъ только по отношенію къ верховной мысли (разуму). Исторія евреевъ представляетъ собою сказаніе о непрерывной борьбѣ между чистымъ деизмомъ, не разъ поддержаннымъ страшнѣйшими санкціями, и необычайно увлекающимъ стремленіемъ имѣть, въ качествѣ предмета обожанія, нѣчто видимое и осязаемое. Можетъ быть именно этой человѣческой потребности принадлежитъ первенствующая роль въ числѣ указанныхъ Гиббономъ второстепенныхъ причинъ необычайно быстраго распространенія христіанства, въ то время когда юдаизмъ едва успѣвалъ пріобрѣсти лишь единичныхъ послѣдователей. Богъ — несотворенный, непостижимый, невидимый мало привлекаетъ почитателей. Столь возвышенная концепція могла стать предметомъ удивленія философа; но толпа отворачивалась, какъ бы въ пресыщеніи, отъ словъ, которыя не давали мысли образныхъ формъ. Только предъ божествомъ воплотившимся въ образѣ человѣка, жившимъ между людьми, не безучастнымъ къ ихъ слабостямъ, склонявшимъ голову на грудь ихъ, проливавшимъ слезы надъ ихъ могилами, вкушавшемъ покой на ложѣ ихъ, — могли пасть въ прахъ и предразсудки синагоги, и сомнѣнія академіи, и гордость портиковъ, и угрозы ликторовъ, и мечи тридцати легіоновъ. Но вскорѣ послѣ того что Христіанство совершило великія свои завоеванія, то самое преимущество, которому было оно ими обязано, начало извращать чистоту его. Оно само стало новою формою многобожія (1). Святые патроны при-

(1) Въ этомъ отношеніи мы правда нѣсколько отстали отъ Браманизма, насчитывавшаго до 330 милліоновъ боговъ и богинь разныхъ разрядовъ. Но и въ нашей православной церкви полагаемъ не менѣе 3000 святыхъ, которымъ народъ поклоняется; да вѣроятно около 400 чудотворныхъ богородичныхъ иконъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою, собственно ей принадлежащую индивидуальность.

няли на себя прежнія обязанности домашнихъ пенатовъ. Св. Георгій занялъ мѣсто Марса, Сантъ-Эльмо утѣшилъ мореплавателя въ потерѣ Кастора и Полукса. Дѣвственная матерь божія и Св. Цецилія замѣнили Венеру и Музъ. Очарованіе женственности и сердечности вновь соединены были съ обаяніемъ небеснаго величія, и духъ рыцарства могъ проявить себя на ряду съ религіознымъ чувствомъ. Реформаторы не разъ пытались дать отпоръ этимъ стремленіямъ; но не достигали ничего, кромѣ обманчиваго и частичнаго успѣха. Люди разрушавшіе священные образы въ зданіяхъ церквей не всегда обладали силою къ разрушенію тѣхъ, которые сохранялись въ ихъ собственной мысли, что и понятно: вѣдь тотъ же самый законъ господствуетъ и въ сферѣ политическихъ доктринъ; мысль каждой изъ нихъ должна воплотиться, выразиться въ чемъ нибудь осязательномъ для того, чтобы серьезно возбудить общественное вниманіе; толпу легче заинтересовать и увлечь какимъ нибудь пустѣйшимъ знакомъ, или малосодержательнымъ именемъ, чѣмъ одною изъ самыхъ глубокихъ идей.

Свойственная натурѣ человѣка потребность образности или внѣшности во всемъ.

Сформировавшійся такимъ образомъ и до сихъ поръ сохраняющійся сценарій христіанскихъ вѣрованій составляетъ, какъ видно, прямой и естественный продуктъ присущей человѣку слабости. Разумѣется, заблужденія слабостью оправдывать нельзя. Но ставя практическій вопросъ, о способахъ или пріемахъ возможнаго противодѣйствія заблужденіямъ, нельзя и не считаться съ ихъ прямымъ источникомъ — порождающими ихъ свойствами человѣческой природы.

Полагаю не одному изъ насъ случалось надъ собою замѣчать, что въ минуты высшаго, чистѣйшаго умиленія передъ всеобъемлющею силою безконечной мысли и воли, мы, и при совершенномъ устраненіи оли-

цетворенія въ чемъ либо этой силы, тѣмъ не менѣе чувствуемъ безотчетное но неодолимое влеченіе выразить это умиленіе, эту переполняющую сердце безсвѣтную покорность и преданность міровому закону, въ чемъ либо внѣшнемъ: преклоняемъ колѣни, падаемъ ницъ и безъ словъ — въ слезахъ изливаемъ то, что владѣетъ душою. Это чувство благодѣтельнаго святого умиленія по преимуществу испытываемъ подъ вліяніемъ того или другого впечатлѣнія, особенно располагающаго къ отклоненію мысли отъ житейскаго, корыстнаго и къ направленію ея въ область безконечнаго. Многоцвѣтные отблески зари въ причудливыхъ формахъ облаковъ или въ недвижной глади водъ; серебристый свѣтъ луны пробивающійся между тѣнями разнообразнѣйшихъ рисунковъ; длинныя цѣпи бѣлоснѣжныхъ горъ; видъ необъятнаго пространства полей, холмовъ, лѣсовъ съ уединеннаго утеса; роскошная листва деревьевъ, къ небу уходящихъ своими вершинами; или столь-же смѣло возвышающіеся своды храма; легкія, граціозныя очертанія длинныхъ его колонадъ, — эти и многія другія подобныя красоты искусства, а въ особенности природы — вотъ что всегда наиболѣе возносило мою мысль и направляло ее къ неизвѣданному, безпредѣльному. Повторяю — такое настроеніе и такую потребность внѣшняго выраженія его испытываютъ далеко не одни лишь заурядные умы, но на ряду съ ними и культурный, искусившійся въ абстракціяхъ человѣкъ.

Общеніе съ безконечнымъ черезъ созерцаніе природы.

Какъ же лишить этого блага человѣка вообще, а еще болѣе тѣхъ, для кого недосягаема отрада общенія съ безконечнымъ при посредствѣ отвлеченнаго мышленія? Правда, и съ отпаденіемъ всей внѣшности христіанскихъ религій, для каждаго изъ насъ — человѣка мыслящаго, какъ и простолюдина — останется возможность такого общенія черезъ созерцаніе природы — этого неизмѣннаго въ своемъ величіи,

нерукотвореннаго престола божія. Если страшныя для невѣжества, сокрушающія силы природы стали источникомъ фетишизма и прочихъ грубыхъ религіозныхъ представленій то съ другой стороны разумное пониманіе этихъ силъ не только даетъ возможность владѣть ими для цѣлей практическихъ, но также, въ благоговѣйномъ созерцаніи великихъ феноменовъ, возбуждать и поддерживать въ себѣ возвышенную мысль, духъ твердости, терпѣнія, мужества, благодаря которымъ только и могли быть совершены изумительныя научныя пріобрѣтенія послѣднихъ лѣтъ. Читая, напримѣръ, дневникъ Нансена, приходишь къ полному убѣжденію, что неимовѣрная, почти что сверхчеловѣческая энергія его, въ преодолѣніи трехлѣтнихъ трудовъ, усилій, опасностей, въ перенесеніи физическихъ лишеній, подъ конецъ прямо таки тѣлесныхъ мукъ, — могла развиться и удержаться въ человѣкѣ, благодаря лишь тому, что онъ былъ не только ученымъ, мыслителемъ, философомъ, но и поэтомъ-художникомъ, который въ самыя страшныя минуты жизни могъ проникать мыслью въ предѣлы безчисленныхъ звѣздныхъ міровъ, благоговѣть передъ вѣчнымъ закономъ, опредѣлившимъ теченіе ихъ; восхищаться переливами цвѣтовъ сѣвернаго сіянія, отблесками ихъ среди безконечной снѣжной пустыни, или прощальнымъ привѣтомъ розовой зари, потухавшей въ направленіи тѣхъ мѣстъ, куда влекло его усиленно-бьющееся сердце гражданина, супруга и отца. Въ эти торжественныя минуты, Нансенъ, ни разу не упомянувшій въ своемъ дневникѣ ни о творцѣ вселенной, ни объ искупителѣ первороднаго грѣха, былъ несомнѣнно болѣе искреннимъ и болѣе достойнымъ почитателемъ истиннаго Бога, чѣмъ все вмѣстѣ взятое духовенство каѳолической церкви, въ его колективной, соборной непогрѣшимости.

Естественное стремленіе восполнить творчествомъ то, что въ этомъ отношеніи даетъ природа.

Но почерпать такія силы въ явленіяхъ природы далеко не всякій способенъ. Воспріятіе красотъ ея во всякомъ случаѣ предполагаетъ извѣстную степень духовнаго развитія. Не отрицая правдивости писателей увлекательно изображающихъ простолюдина, склоннаго въ нѣмомъ умиленіи созерцать солнечный восходъ или закатъ, тихое теченіе рѣки, развѣсистую тѣнь лѣса и т. п. полагаемъ однако, что это типы довольно исключительные: въ большинствѣ люди толпы мелькомъ и равнодушно пропускаютъ картины природы, передъ которыми развитой человѣкъ останавливается въ восторженномъ изумленіи. Но у простолюдина, которому ничего не говорятъ величіе и прелесть напр. Рейнскаго водопада или перспективы Альпійскихъ ледниковъ, иногда рвется изъ груди или замираетъ сердце при звукахъ тихой музыки органа въ сельской церкви, обильно льются слезы при видѣ кроткаго лица мадонны, озареннаго свѣтомъ убогой деревенской лампады. Повторяемъ, — зачѣмъ лишать его этого блага? Да и въ культурномъ человѣкѣ, тѣмъ болѣе въ исключительно выдающемся надъ общимъ уровнемъ, вполнѣ способномъ углубиться мыслью въ тайны мірового закона и благоговѣть передъ дѣлами безпредѣльнаго величія, нерукотворенной красоты, — вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ естественная, природная склонность самому воспроизводить, восхвалять эти красоты, помощію слова, кисти, рѣзца, зодчества, музыки, или по крайней мѣрѣ восхищаться силою творчества въ художественныхъ произведеніяхъ другихъ, и тѣмъ усугублять поводы своего общенія съ безконечнымъ, отражающимся какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ. Поставимъ ли преграды этимъ высокимъ стремленіямъ духа въ области обширной благороднѣйшей его дѣятельности? Полагаемъ, что и при крайнемъ

ригоризмѣ абстракціи, безусловно исключающемъ всякую форму, всякую внѣшность въ отношеніяхъ нашихъ къ божеству, поставленіе человѣка лицомъ къ лицу не только съ величіемъ природы, но и съ дѣлами людскаго творчества, — черпающими свое вдохновеніе въ вѣчномъ, всеобъемлющемъ, всеблагомъ, — можетъ лишь умножить обращенія наши къ міровой мысли и міровой волѣ, безъ уклоненія этихъ обращеній отъ объясненнаго выше смысла чистыхъ словъ „молитвы господней“.

Условія творчества съ точки зрѣнія общенія человѣка съ божествомъ.

Такимъ образомъ, созиданіе храмовъ, съ сосредоточенными въ нихъ произведеніями искусства — живописи и скульптуры, восхваленіе въ нихъ вѣчнаго вездѣсущаго и всеблагаго звуками тихой музыки или стройнаго пѣнія, — не противорѣчило бы нашему представленію о божествѣ, какъ о всеобщемъ, неизмѣнномъ законѣ. Съ точки зрѣнія возможно-полнаго охраненія чистоты такого представленія было бы только необходимо, чтобы вся эта обстановка дома молитвы въ наименьшей степени вдавалась въ матеріализмъ, чтобъ она заключала въ себѣ какъ можно менѣе тенденцій выразить свойства или проявленія божества въ конкретной, или фактической формѣ, достигающей извѣстной опредѣленности, законченности, излишне ясныхъ очертаній. У человѣка привыкшаго наблюдать явленія и разумно объяснять ихъ взаимную связь — послѣдовательность и причинность идея о божествѣ, какъ старались мы выяснить, весьма мало-опредѣленная и туманная, составляетъ скорѣе предметъ вѣрованій и стремленій сердца, чѣмъ изслѣдованій и логическихъ построеній силою ума. Сообразно съ симъ и созданія нашего творчества, имѣющія въ виду приблизить насъ къ божеству, должны обращаться преимущественно къ сердцу а не къ уму человѣка: болѣе всего избѣгать изображенія

божества въ осязаемой видимой формѣ, и только, нѣжнѣйшимъ, такъ сказать прикосновеніемъ къ самымъ тонкимъ струнамъ сердца, пробуждать въ немъ чувства всеобъемлющей любви, самоотреченія, благодарности, покорности, — чувства наиболѣе соотвѣтствующія подъему духа нашего на ту высоту, съ которой, хотя въ малой мѣрѣ, доступно ему если не пониманіе абсолютнаго, вѣчнаго, всеблагого, то благоговѣйное внутреннее сознаніе своей съ нимъ общности.

Исходя изъ этого принципа, могъ бы выработаться критерій человѣческаго творчества соотвѣтствующаго чистымъ религіознымъ стремленіямъ, могли бы довольно вразумительно опредѣлиться требованія, которымъ должно удовлетворять служащее этой цѣли искусство — въ произведеніяхъ живописи, музыки, скульптуры, а въ особенности зодчества.

Объясненіе этого нѣсколькими примѣрами задуманныхъ и осуществленныхъ проэктовъ.

Возведеніе напр. господствующаго надъ Москвою храма по проэкту Витберга было бы, полагаемъ, идеаломъ того, чего въ этомъ отношеніи можно достигнуть. Можетъ быть потому и не осуществился этотъ проэктъ, что онъ представлялъ собою идеалъ; какъ остался неисполненнымъ въ Римѣ куполъ Св. Петра по первоначальной геніальной мысли Микель-Анджело. Тѣмъ не менѣе храмъ Св. Петра, съ его величественнымъ входнымъ портикомъ, съ его внутренними колонадами, между которыми въ громадномъ пространствѣ теряется взоръ, — представляетъ собою истинный домъ божій, домъ молитвы. Къ такимъ же надо причислить многія изъ церквей готической архитектуры. Между ними, полагаемъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Кёльнскій соборъ. Его стрѣльчатые своды, какъ бы уходящіе въ небеса, туда же увлекаютъ душу. Въ одномъ изъ отдаленныхъ мѣстъ такого зданія, гдѣ можно уединиться

среди тысячной толпы, невольно возносишься духомъ и умиленно преклоняешься предъ безконечнымъ, проявившимъ себя какъ въ жизни природы, такъ и въ дѣлахъ человѣческаго творчества. Въ этомъ отношеніи Византійскій стиль уступаетъ Готическому; но и между произведеніями перваго безъ сомнѣнія найдутся храмы соотвѣтствующіе условіямъ чистой молитвы. Византійскіе храмы болѣе грѣшатъ украшающими ихъ произведеніями живописи, и особенно выдаются этимъ возведенные въ Россіи, со времени поворота государственной жизни на путь темнаго, узкаго національнизма.

Условія и значеніе съ той же точки зрѣнія въ особенности церковной живописи.

Именно въ отношеніи церковной живописи и скульптуры необходимо имѣть въ виду упомянутый выше основной принципъ, въ силу котораго помѣщаемыя въ храмахъ произведенія искусствъ безусловно должны избѣгать малѣйшей тенденціи къ изображенію божества. Изобразить въ конкретной формѣ вѣчное и безконечное очевидно нельзя, и всякая попытка къ этому составляетъ только профанацію божества въ области антропоморфизма. Таковы всѣ, украшающія въ особенности русскіе храмы, изображенія: Бога-Саваофа, божества въ трехъ лицахъ, Іисуса грядущаго въ облакахъ, матери божіей уносимой или величаемой ангелами; скажемъ болѣе — вообще ангеловъ или духовъ, играющихъ какую бы ни было активную роль. Сердцу подобное изображеніе не говоритъ ничего, здравый умъ возмущается явными его несообразностями. Если же мало развитой человѣкъ приходитъ передъ нимъ въ умиленіе, такъ это лишь потому, что онъ въ самомъ рисункѣ видитъ своего Бога, которому поклоняется въ ожиданіи отъ него милостей. Какъ было сказано, въ познаніи божества здравый умъ человѣка не идетъ далѣе весьма общей идеи, и переступить этотъ пре-

дѣлъ не можетъ ни на шагъ, какъ въ отвлеченной мысли такъ и въ художественномъ творчествѣ. Но пусть это послѣднее обратится къ сердцу человѣка, пусть представленіемъ въ образной формѣ подвиговъ любви, самоотреченія, беззавѣтной преданности долгу, экстаза въ исканіи и созерцаніи истины, — пусть этими путями возвысится оно нашъ духъ, — и сердце не замедлитъ само найти своего Бога, непостижимаго, неизобразимаго, но неизмѣнно-пребывающаго въ насъ — живого источника лучшихъ нашихъ стремленій и чистыхъ помысловъ, — источника всего того, что достойно стать предметомъ истинной, некорыстной молитвы.

Жизнь Іисуса,, какъ и всего того что было ему близко во время короткаго пребыванія между людьми, самоотверженные подвиги продолжателей его святого дѣла — вотъ неистощимый матерьялъ, изъ котораго можетъ обильно черпать свои сюжеты разумно служащее религіознымъ цѣлямъ искусство. Во всемъ этомъ нѣтъ ни штриха направленнаго къ изображенію божества. Передъ нами только люди, такіе же смертные какъ и мы, но глубоко проникнутые истинною идеею божества и святою любовью къ нему, безграничною до самоотреченія любовью ко всему, въ чемъ проявило оно себя. Въ созерцаніи такихъ, художественно-переданныхъ подвиговъ, безотчетно, неудержимо стремится духъ нашъ къ тѣмъ высотамъ, гдѣ теряются легкіе своды храма, куда уносится дымъ кадильный, при тихихъ, торжественныхъ звукахъ неземной мелодіи.

Идеалъ храма и возможное въ общихъ чертахъ приближеніе къ нему.

Вотъ идеалъ храма, въ которомъ могъ бы достойно молиться человѣкъ, разумно воспринявшій идею божества, и въ особенности послѣдователь чистаго, неискаженнаго ученія Христа, — идеалъ, какъ всегда и во всемъ, недостижимый: строить обширные изящ-

ной архитектуры храмы, съ такими же внутри ихъ изящными твореніями кисти, рѣзца и т. д. можно только единицами на милліоны людей. Но попытаемся ближе всмотрѣться на сколько можно бы было, при существующихъ условіяхъ, приблизиться къ идеальнымъ на этотъ предметъ воззрѣніямъ, и до какой степени мы, напротивъ, умышленно отъ нихъ отдаляемся.

Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ могъ бы быть обыкновенный сельскій храмъ, хотя бы въ Россіи, при разумномъ пониманіи его значенія?

Достаточно вмѣстительное по числу прихожанъ зданіе, возможно правильной архитектуры, болѣе или менѣе подходящей къ общепринятому типу церкви. Внутри крестъ съ изображеніемъ распятаго на немъ и два-три полотна, представляющія событія изъ его жизни, дѣйствительныя или хотя бы легендарныя, но по идеѣ своей особенно трогающія и возвышающія душу (какъ напр. благословеніе дѣтей, исцѣленіе грѣшницы, моленіе о чашѣ, всѣ сцены страданія, крещеніе отъ Іоанна, съ лучомъ свѣта (не голубемъ) нисходящимъ на главу Богомъ избраннаго и многое другое). Въ этомъ зданіи простое, возможно-стройное, подъ звуки органа, пѣніе гимновъ, заимствующихъ свое содержаніе изъ словъ спасителя, апостоловъ и пророковъ, но вообще не выходящихъ за предѣлы восхваленія вѣчнаго и всеблагого источника жизни, исповѣданія вѣры въ него и безпредѣльной любви къ нему, какъ и ко всему живущему. Наконецъ чтеніе и толкованіе ученія Христа, въ примѣненіи къ обычнымъ жизненнымъ условіямъ. Вотъ все, чѣмъ въ созданіяхъ человѣка можетъ питаться наше религіозное чувство, чѣмъ должно оно удовлетворяться въ своихъ стремленіяхъ къ внѣшности.

Полагаемъ, что оплата объясненной обстановки не потребовала бы непосильныхъ отъ прихожанъ расхо-

довъ, по сравненію съ тѣмъ что тратится теперь на поражающія пестротою и безвкусіемъ раззолоченные иконостасы, и другія церьковныя принадлежности, совсѣмъ не соотвѣтствующія убогой простотѣ и смиренію первыхъ христіанскихъ церквей. Зачѣмъ наконецъ ставить нищенствующія, безобразныя церквичасовни, чуть не въ каждомъ селеніи (какъ принято напр. въ Юго-Западномъ краѣ Россіи)? Ставьте ихъ меньше, но такихъ, которыя бы болѣе удовлетворяли своему назначенію.

Для того чтобы церьковная живопись могла просвѣтляющимъ и возвышающимъ образомъ дѣйствовать на умъ или на сердце посѣщающаго домъ молитвы, существенное и непремѣнное условіе, какъ сказали мы, заключается въ томъ, чтобы содержаніе событія изображеннаго на полотнѣ, или лицо и вся фигура (если это одиночная фигура) служили выраженіемъ одной изъ чистыхъ, высокихъ идей. Сюжетовъ удовлетворяющихъ этому условію можно найти очень много, вовсе не вдаваясь въ область чудеснаго, т. е. идущаго въ разрѣзъ съ признанными наукою законами природы. Притомъ, особенно если изображать событія, далеко и не требуется высокохудожественной кисти: идеею вполнѣ возможно здѣсь возмѣстить недостатокъ исполненія или формы. При изображеніи единичныхъ фигуръ задача значительно осложняется, выразить идею въ совсѣмъ изолированной фигурѣ несравненно труднѣе. Правда, глядя на Сикстинскую мадонну, я какъ бы читаю на лицѣ ея, что передъ нею съ полною ясностью раскрывается тяжкая доля ожидающая ея сына; но что она не удерживаетъ, напротивъ, какъ бы сама выдаетъ его на мученія и смерть, зная что надъ нимъ и черезъ него должно совершиться великое дѣло, отъ вѣка предуставленное всеобъемлющею и всеблагою волею. На лицѣ ребенка — отраженіе той-же высокой идеи матери. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понимаю идею

Сикстинской мадонны. Но для выраженія ея въ единичной фигурѣ нуженъ былъ геній Рафаэля.

Умышленное отъ этого идеала уклоненіе.

Потому въ заурядной церковной живописи изолированныхъ фигуръ слѣдовало бы избѣгать. Если же и допустить ихъ, то отнюдь не стремиться къ оригинальности, а помѣщать въ скромныхъ храмахъ преимущественно копіи великихъ мастеровъ, или по крайней мѣрѣ полотна исполненныя въ духѣ этихъ мастеровъ, которыя несомнѣнно будутъ болѣе соотвѣтствовать условіямъ молитвы, чѣмъ грубыя, нерѣдко возмущающія душу изображенія въ большинствѣ особенно русскихъ церквей, или даже и въ дорого стоющихъ храмахъ послѣдней постройки. Многія изъ полотенъ, украшающихъ внутренность зданія Исакіевскаго собора, какъ по идеѣ, такъ и по исполненію, истинно трогательны. (Напомнимъ напримѣръ дышащую безъисходнымъ горемъ фигуру Магдалины у подножія распятаго). Но по мѣрѣ того, что начало преобладать въ Россіи новое направленіе, удаляющееся отъ Итальянской школы и стремящееся возвратиться къ византійской старинѣ, — замѣтно слабѣе становится прямое, непосредственное воздѣйствіе на душу церковной живописи. Въ Кіевскомъ Владимірскомъ соборѣ, напримѣръ, можно восхищаться освѣщеніемъ на картинѣ воскрешенія Лазаря или снятія со креста, или удивительною перспективою въ изображеніи тайной вечери; но ни одна фигура, ни одно лицо (написанныя вообще очень грубо въ виду ихъ колосальности) не трогаютъ сердце и ничего не говорятъ уму. Колосальныя фигуры въ церковной живописи вообще не совсѣмъ умѣстны, когда съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія утрачивается смягчающее вліяніе отдаленности, отчего колосальность (трехаршинный носъ или трехсаженная нога фигуры, которыми похваляются акробаты извращеннаго искусства) выступаетъ во всей силѣ гнетущаго своего безоб-

разія. Тѣмъ болѣе замѣтно отрицательное вліяніе церьковной живописи, когда съ колосальностью соединяется тенденція изобразить само божество, или злыхъ духовъ, вообще все недоступное уму, несовмѣстимое съ логическимъ, здравымъ мышленіемъ. (Какъ было упомянуто, колосальныя фигуры Бога-Саваофа, помѣщаемыя обыкновенно въ куполахъ, но уже не смягчаемыя отдаленностью когда смотрятъ на нихъ съ возвышенныхъ внутри церкви галлерей; или напр. безсмысленная, отвратительная картина страшнаго суда, надъ главною входною дверью Владимірскаго Кіевскаго собора).

Столько же отрицательное значеніе имѣетъ живопись исполненная въ строгомъ древне-византійскомъ стилѣ. Безперспективная, одноцвѣтная, съ однообразно вызолоченными или сплошь желтыми ликами, — она непосредственно воздѣйствовать на душу отнюдь не можетъ; культурный человѣкъ оцѣниваетъ подобную икону лишь въ томъ случаѣ, если дошелъ черезъ рядъ стадій до представленія объ исторической роли ея; простолюдинъ, какъ уже было замѣчено, преклоняетъ колѣна и умиляется передъ нею очевидно потому, что признаетъ въ иконѣ само божество, т. е. впадаетъ въ идолопоклонство. Подобные одноцвѣтные, безперспективные рисунки, особенно при колосальности фигуръ, заставляютъ невольно перенестись мыслью къ изображеніямъ разныхъ боговъ на дошедшихъ до насъ древне-восточныхъ памятникахъ, или къ существующимъ еще языческимъ капищамъ, съ изваяніями въ нихъ идоловъ, уродливыхъ до крайней степени и поражающихъ только своею громадностью.

Заключеніе.

Если, для религіозныхъ стремленій народа, творчество наше не можетъ дать ничего, кромѣ подобія такихъ идоловъ и хриплаго, фальшиваго, рѣжущаго ухо пѣнія двухъ-трехъ причетниковъ, какое слышит-

ся въ большинствѣ нашихъ церквей (1), то лучше совсѣмъ отказаться отъ творчества въ смыслѣ общенія съ божествомъ, предоставивъ тѣмъ, которые способны къ такому общенію, искать и чувствовать верховное существо въ наиболѣе достойномъ храмѣ его — отъ вѣка чудной величественной природѣ.

Этимъ немногимъ ограничиваемъ изслѣдованіе объ отношеніяхъ человѣка къ верховному существу. Предпочитаемъ не говорить здѣсь о церьковной проповѣди на томъ основаніи, что проповѣдь, поученіе, собесѣдованіе вообще, могутъ имѣть мѣсто и не въ церкви, а во всякомъ мѣстѣ собранія народа. Притомъ содержаніе свое разумная проповѣдь почерпаетъ исключительно въ объясненіи обязанностей человѣка къ своей собственной личности и отношеній его къ средѣ въ которой живетъ, о чемъ будемъ говорить вслѣдъ за симъ.

---

(1) Не говоримъ о поспѣшномъ, невнятномъ чтеніи, при богослуженіяхъ, церьковныхъ книгъ, содержаніе которыхъ или совсѣмъ темно для слушателей, или превратно понимается ими. Эта часть богослуженія уже не входитъ въ область творчества и составляетъ только обрядъ.

ОТДѢЛЪ II.

Объ отношеніяхъ человѣка къ средѣ, въ которой онъ живетъ.

Общій законъ развитія человѣка, какъ единицы, прилагается къ союзамъ этихъ единицъ.

Въ отношеніи психическаго развитія индивида было въ предыдущемъ изслѣдованіи между прочимъ установлено, что обогащеніе мысли нашей познаніями очищаетъ и облагораживаетъ желанія, которыя, именно потому, что становятся болѣе чистыми и возвышенными, въ свою очередь направляютъ мысль къ дальнѣйшему пріобрѣтенію знаній. Законъ этотъ несомнѣнно прилагается и къ агрегатамъ или комбинаціямъ человѣческихъ единицъ, — къ союзамъ семейному, общественному и государственному или политическому. А такъ какъ относительной обширностью знаній и чистотою желаній сравнительно болѣе охраняется и обезпечивается существованіе рода или союза, то весьма естественно союзы успѣвшіе въ большей мѣрѣ пріобрѣсти такія качества получаютъ преобладаніе въ средѣ другихъ, и должны, съ теченіемъ времени, мало по малу вытѣснять, поглощать или ассимилировать послѣдніе, что и подтверждается многочисленными фактическими данными изъ исторической жизни человѣчества.

ГЛАВА I.

Союзъ государственный. Его совершенствованіе, преуспѣяніе и вліянія разлагающія.

Въ отношеніи этихъ данныхъ мы не углубимся въ область временъ отдаленныхъ, мало освѣщенныхъ наукою. Взявъ предметомъ изслѣдованія предпочтительно союзъ государственный, — мы даже къ жизни греческихъ республикъ, государства римскаго и образовавшихся на развалинахъ его средневѣковыхъ политическихъ организмовъ будемъ обращаться тогда лишь, когда это окажется нужнымъ для уразумѣнія и оцѣнки учрежденій, устройствъ и порядковъ нынѣ существующихъ, къ чему теперь прямо и приступаемъ.

Всѣ правительства по существу своему раздѣляются на двѣ категоріи, которыя и будутъ предметомъ анализа.

Правительства всѣхъ современныхъ намъ политическихъ организмовъ представляютъ собою или деспотіи — остатки и подобіе господствовавшихъ въ древнѣйшія времена такихъ-же формъ, или республики и монархіи съ ограниченною властью главы государства. Къ первой изъ названныхъ формъ надо отнести также самодержавіе — монархію въ которой ничѣмъ въ сущности не связанная власть главы проявляется въ предѣлахъ признанныхъ имъ законовъ, — но признанныхъ лишь на столько и до тѣхъ поръ, на сколько и пока онъ самъ желаетъ эти законы соблюдать. Адепты самодержавія разумѣется захотятъ между нимъ и деспотизмомъ провести болѣе рѣзкое разграниченіе, установить существенную разницу. Но стремленія эти составляютъ ничто иное какъ актъ лицемѣрія, или, если угодно, извѣстной стыдливости передъ мнѣніемъ большинства культурныхъ людей: правитель, хотя свою власть

добровольно и ограничившій, но не болѣе и ничѣмъ инымъ какъ собственнымъ произволомъ, — есть въ сущности тотъ же деспотъ. Нельзя притомъ не замѣтить, что чистый деспотизмъ, т. е. самовластіе главы никакихъ предѣловъ не знающее, въ дѣйствительности нигдѣ не существуетъ, да едва ли когда и существовало, за исключеніемъ развѣ кратковременной тираніи одного изъ рѣдко появлявшихся особенно сильныхъ правителей. Нынѣшніе турецкіе султаны или персидскіе шахи, которыхъ мы называемъ деспотами въ дѣйствіяхъ своихъ нерѣдко даже болѣе связаны, чѣмъ любой конституціонный государь,— связаны обычаями страны, взглядами, мнѣніями окружающихъ, входящихъ въ составъ органовъ безъ которыхъ и неограниченный „de-jure“ правитель обойтись никакъ не можетъ. Недавнія затрудненія турецкаго султана, лично вполнѣ сознававшаго необходимость подчиниться заступничеству великихъ державъ въ пользу христіанскихъ его подданныхъ но не рѣшившагося исполнить требованія изъ опасенія волненій среди мусульманъ, представляютъ убѣдительную по этому предмету иллюстрацію. И таково всегда было положеніе деспотовъ: заставляя толпы безпрекословно подчиняться актамъ самаго дикаго произвола, они сами большею частью находились подъ такимъ-же, если не сильнѣйшимъ гнетомъ со стороны извѣстнаго сословія, касты, чаще всего — духовенства, (жрецы — въ древности, инквизиція, папство — въ періодъ наибольшей его силы). Существенная, между деспотіей и конституціонной монархіей разница слѣдовательно только въ томъ, что въ послѣдней власть государя ограничивается правильно организованными учрежденіями, дѣйствующими непрерывно и открыто въ предѣлахъ ясно выраженнаго закона; тогда какъ произволъ деспота подчиняется давленію таящихся подъ спудомъ, искусно маскированныхъ, или случайно возничающихъ и столь

же случайно распадающихся силъ. Таковы въ сущности и условія функцій самодержавія.

Точно также трудно провести твердую разграничительную черту между функціями правительствъ конституціонной монархіи и республики. Въ той и другой рѣшающій голосъ de-jure принадлежитъ народному представительству, шаги котораго сдерживаются и направляются главою государства болѣе или менѣе, сообразно степени власти ему законами и практикою предоставленной, совершенно независимо отъ того носитъ ли онъ титулъ императора, короля, князя или президента.

Потому, при разсмотрѣніи значенія, преимуществъ и недостатковъ существующихъ нынѣ правительствъ, при анализѣ и сопоставленіи между собою ихъ выдающихся свойствъ и особенностей, мы можемъ говорить только объ автократіи и конституціонномъ государствѣ, разумѣя подъ названіемъ первой деспотизмъ или самодержавіе и относя ко второй категоріи безразлично республику или монархію ограниченную народнымъ представительствомъ.

Говоря объ автократіи, мы естественно болѣе всего должны обращаться къ Россіи, какъ странѣ намъ ближе всего извѣстной и съ благосостояніемъ которой наиболѣе тѣсно связаны наши личные интересы.

Параллель между организмами индивидуальнымъ и политическимъ.

Что организмъ общественный или соціальный, а затѣмъ и политическій, представляетъ собою подобіе живого индивидуальнаго организма — эта мысль систематически и весьма обстоятельно разработана у Герберта Спенсера, на котораго потому и ссылаемся. Не вдаваясь за симъ въ подробности, только въ видахъ установленія твердой исходной точки для дальнѣйшихъ изслѣдованій, считаемъ не лишнимъ привести изъ философіи Спенсера слѣдующія общія положенія.

Политическій или общественный, какъ и живой индивидуальный организмы, состоятъ изъ комбинаціи отдѣльныхъ частицъ, имѣющихъ каждая свои, собственно ей принадлежащія функціи.

Общества, подобно живымъ индивидуальнымъ организмамъ, берутъ начало изъ зародышей, величина которыхъ ничтожна по сравненію съ тѣми массами, до которыхъ многія изъ нихъ достигаютъ.

Развитіе соціальнаго, какъ и всякаго живого организма, выражается въ ростѣ его и въ усложненіи строенія. При возрастающемъ несходствѣ или дифференціаціи строенія и отправленій частицъ составляющихъ организмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается все большая между частицами зависимость или взаимнопомощь въ отправленіяхъ: изъ множества живущихъ другъ другомъ и другъ для друга несходныхъ между собою частицъ формируется соціальный агрегатъ, устроенный, какъ и живой индивидуальный организмъ, на основаніи общаго принципа раздѣленія труда и дифференціаціи потребностей. Въ томъ и другомъ комбинированныя дѣйствія взаимнозависимыхъ минимальныхъ частей образуютъ жизнь цѣлаго.

Какъ достигшіе высшей степени развитія живые организмы (млекопитающихъ), будучи раздѣлены на части умираютъ, такъ и сложный соціальный организмъ ослабѣваетъ, атрофируется или распадается, коль скоро прекращаются въ системѣ его функціи той или другой изъ входящихъ въ составъ его частей.

Условія совершенства организма. Организація непринудительная и сознательная.

Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, мы очевидно вправѣ сдѣлать выводъ, что возможно-полное совершенство, какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго организма, опредѣляется одинаковыми условіями: строеніе организма можно считать наиболѣе совершеннымъ и правильнымъ, когда каждая

изъ входящихъ въ составъ его частей или особей— единицъ можетъ свободно функціонировать, проявлять свои потребности и получать удовлетвореніе ихъ до предѣла своей внутренней ей самой присущей способности и силы; когда существующія рядомъ или въ составѣ того же агрегата частицы не только не стѣсняютъ одна другую въ своихъ функціяхъ или отправленіяхъ, но своимъ сотрудничествомъ, напротивъ, облегчаютъ эти отправленія, обезпечиваютъ ихъ успѣхъ, согласованный съ преуспѣяніемъ цѣлаго.

Конечная цѣль эта — наибольшее развитіе свободной самодѣятельности частей, направленной къ благоденствію цѣлаго — достигается соотвѣтствующею организаціею цѣлаго или агрегата. Въ агрегатѣ общественномъ такая организація представляется въ двухъ видахъ: одна — прямо вытекающая изъ стремленія къ индивидуальнымъ цѣлямъ и только косвенно приводящая къ общественному благосостоянію — непринудительна и безсознательна; другая — возникающая изъ преслѣдованія цѣлей общественныхъ и косвенно приводящая къ благу частей или единицъ — напротивъ принудительна и развивается сознательно.

Основной принципъ цѣлесообразности сознательной организаціи.

Этотъ послѣдній видъ соціальной организаціи съ одной стороны въ большей мѣрѣ достигаетъ своей цѣли — споспѣшествованія благу цѣлаго при наиболѣе свободной и самоудовлетворяющей дѣятельности единицъ — когда распространяется на болѣе крупныя общественныя массы, образующія организмы политическіе, въ которыхъ сравнительно легче устраняется антагонизмъ индивидовъ и непроизводительная трата труда ихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ крупныя политическія массы представляютъ и весьма существенныя невыгоды, — когда благо приносимое сотрудничествомъ единицъ перевѣшивается стѣсненіемъ

ихъ самостоятельности, или непомѣрными затратами на содержаніе органовъ, распредѣляющихъ и контролирующихъ дѣятельность частей.

Въ этомъ отношеніи неизмѣнно руководящимъ принципомъ должно служить основное положеніе, что *общества и законы существуютъ единственно въ видахъ увеличенія суммы благъ, которыми пользуются индивиды; что благо или величіе государства, какъ политическаго тѣла, стоящее независимо отъ благоденствія членовъ, иногда даже несовмѣстимое съ послѣднимъ, составляетъ лишь неосмысленную и вредную иллюзію.*

Историческія данныя къ выясненію основныхъ началъ устройства политическаго организма.

Если, для провѣрки этого принципа и чтобы наиболѣе выяснить его значеніе, обратимся къ исторіи, то предѣлъ величины политическаго организма, при которой сотрудничество частей на пользу общую совершается безъ ущерба ихъ свободѣ и самостоятельности, по всѣмъ даннымъ, придется усмотрѣть въ древне-греческихъ демократическихъ республикахъ. Въ нихъ едва ли не осуществилось то, что можно считать идеаломъ государственнаго устройства, или по крайней мѣрѣ положеніемъ наиболѣе къ нему приближающимся (въ виду недосягаемости идеала вообще).

Счастливое совпаденіе разныхъ топографическихъ и политическихъ условій особенно этому благопріятствовало, говоритъ Кольбъ, въ своей „Исторіи человѣческой культуры“. Въ то время какъ вокругъ господствовала централизующая деспотическая власть надъ обширными территоріями, у Эллиновъ начали развиваться мелкія свободныя, самодѣятельныя общины, автономія которыхъ и сдѣлалась основою всей исторической жизни страны.

Близкое къ идеалу устройство древне греческихъ демократическихъ республикъ.

Благодаря демократическимъ учрежденіямъ Аѳинъ

и другихъ сходно съ ними устроившихся общинъ, ни въ какомъ другомъ государствѣ не уважалась такъ какъ тамъ личность каждаго отдѣльнаго гражданина. Въ государствахъ древности вообще личность существовала только ради государства; естественное право индивида приносилось въ жертву дѣйствительной или хотя бы только воображаемой пользѣ государства. Въ Спартѣ эта теорія является господствующею. Сами философы Платонъ и Аристотель строятъ свои идеальныя общества на той же основѣ. Аѳины и подобныя имъ демократическія общины представляютъ счастливое исключеніе. Тамъ, напротивъ, получила развитіе свободная дѣятельность индивида; тамъ мысли и дѣйствія единичнаго лица не подлежали всеобщей регламентаціи; каждому были предоставлены достаточно широкія рамки для устроенія своей частной жизни, по его личному вкусу и наклонности, сообразно его усмотрѣнію и энергіи. Наименѣе зажиточный гражданинъ, наравнѣ съ другими, освоивался тамъ со всѣми условіями общественной жизни, благодаря чему увеличивалось его знаніе, возвышалось въ немъ чувство собственнаго достоинства; а черезъ это выигрывала также интеллигентная сила общины. Получившій наибольшее развитіе въ Аѳинахъ духъ свободы, не допускавшій подчиненія единоличной волѣ, распространился однако въ извѣстной степени на всю Элладу. Даже въ дорійскихъ общинахъ (какъ Спарта), гдѣ во главѣ стояли аристократы, основа была демократическая въ томъ смыслѣ, что народное собраніе принимало участіе въ законодательствѣ и управленіи. Въ общемъ не было въ Элладѣ свободнаго гражданина, который чувствовалъ бы надъ собою безусловную власть, который не подавалъ бы своего голоса правительству. Демократія сдѣлала возможнымъ свободное развитіе всѣхъ силъ и способностей народа, и обезпечила не только процвѣтаніе общины внутри,

но и могущество внѣшнее, не смотря на отсутствіе объединяющей власти.

Такой власти, да и вообще какой либо матеріальной связи, которая соединяла бы всѣхъ грековъ въ одну націю, какъ извѣстно, въ странѣ не существовало. Тѣмъ не менѣе образовалась духовная связь, имѣвшая въ основѣ общность языка, религіозныхъ вѣрованій, миѳовъ, преданій и народныхъ по разнымъ случаямъ сборищъ. Ко всему этому присоединились созданія искусства, составлявшія общую гордость всѣхъ племенъ, и въ особенности поэзія. Пѣсни Гомера, опередившія грезы религіи, или по крайней мѣрѣ совмѣстившія ихъ въ себѣ, внушались молодому поколѣнію, подобно тому какъ у насъ посвящаютъ юношество въ сказанія Библіи и начала Катехизиса. Наконецъ могучій импульсъ къ установленію внутренней связи всѣхъ эллинскихъ племенъ составила общая для нихъ опасность отъ внѣшняго врага и напряженная борьба съ нимъ. Такимъ образомъ Греки разныхъ мелкихъ общинъ чувствовали себя членами одной націи и въ этомъ качествѣ уважали другъ друга. Названіе эллины стало для нихъ предметомъ гордости, синонимомъ свободы и гармоническаго развитія всѣхъ способностей духа и тѣла.

Такъ, въ общихъ чертахъ, изображаетъ Кольбъ древне-греческую культуру, преклоняясь въ изумленіи передъ совершенствомъ эллинскихъ учрежденій и продуктомъ ихъ — пышнымъ расцвѣтомъ эллинской жизни, въ короткій, къ сожалѣнію слишкомъ быстро минувшій періодъ этого расцвѣта.

Въ теченіе всего 150 лѣтъ, отъ начала персидскихъ войнъ до подавленія Греціи Александромъ, въ одной маленькой Афинской республикѣ появилось болѣе выдающихся личностей на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности, чѣмъ въ какой бы то ни было изъ обширнѣйшихъ монархій, за сотни, иногда тысячи лѣтъ ихъ исторической жизни. Та-

кова присущая демократіи способность выдвигать талантливыхъ и дѣятельныхъ людей. Но война, какъ всегда, стала могилою свободы.

Уклоненіе отъ политическаго идеала подъ вліяніемъ войны и жажды власти.

Персамъ не удалось низложеніе Греціи отчасти можетъ быть по причинѣ того именно, что съ перваго взгляда представлялось источникомъ слабости послѣдней — ея политической разрозненности: при отсутствіи общаго для всей страны центральнаго правительства, паденіе одного города (даже наиболѣе вліятельнаго, какъ Аѳины) не влекло за собою овладѣніе остальными. Дѣятельный отпоръ завоевателю данъ былъ исключительно гражданами Аттики, при весьма нерѣшительномъ, пассивномъ содѣйствіи другихъ республикъ; причемъ отсутствіе массовой силы съ избыткомъ было восполнено высокими духовными качествами единицъ. Но выдѣлившись своимъ доблестнымъ служеніемъ общему дѣлу, и беззавѣтною готовностью ко всякой жертвѣ, Аѳины подъ вліяніемъ военнаго успѣха стали требовать для себя исключительныхъ правъ преобладанія. Власть, какъ всегда, не остановилась передъ злоупотребленіемъ своей силою; въ короткое время всѣ мелкія союзныя республики, лишенныя самостоятельности, сдѣлались орудіемъ для сепаратныхъ цѣлей Аѳинъ, которымъ платили дань и обязывались послугами. Притокъ чужихъ денежныхъ средствъ, формированіе наемныхъ войскъ, со всѣми послѣдствіями подобной обстановки, — все это повело къ насиліямъ, высокомѣрію и разврату въ господствующемъ государствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ паденію нравственнаго достоинства остальныхъ. При такихъ условіяхъ сопротивленіе новому завоевателю очевидно становилось немыслимымъ: угнетенныя общины понимали, что перемѣна властителя не можетъ въ значительной мѣрѣ ухудшить ихъ положеніе; тогда какъ низко

упавшей господствующей республикѣ не подъ силу было вынести на плечахъ своихъ всю тягость борьбы.

Истинная, основная причина сначала нравственной порчи общества, затѣмъ окончательной утраты греческой независимости, заключалась слѣдовательно въ стремленіи къ господству и къ гегемоніи той или другой изъ наиболѣе сильныхъ общинъ; отнюдь не въ политической разрозненности ихъ и не въ демократическихъ учрежденіяхъ, которыя напротивъ составляютъ прямой источникъ безпримѣрнаго въ исторіи процвѣтанія и блеска по крайней мѣрѣ наиболѣе выдающихся греческихъ республикъ.

Приближеніе къ идеалу политическаго устройства вообще — удѣлъ мелкихъ организмовъ.

Повторяемъ — трудно было бы найти въ исторіи другой примѣръ столь необычайнаго въ короткое время развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ народа. Нѣчто подобное, хотя и въ болѣе слабой степени, представляютъ собою средневѣковыя городскія общины особенно въ Италіи, къ сожалѣнію такъ же скоро поддавленныя грубою матеріальною силой болѣе обширныхъ государствъ.

Какъ бы то ни было, въ упомянутыхъ греческихъ и затѣмъ италіанскихъ общинахъ можно усмотрѣть убѣдительный примѣръ и доказательство того, что ближайшій къ идеалу расцвѣтъ народной жизни составляетъ удѣлъ малыхъ, никакъ не крупныхъ политическихъ организмовъ. Въ мелкихъ общинахъ человѣкъ, какъ единица, несравненно успѣшнѣе опредѣляетъ свое значеніе и наиболѣе подходящую, плодотворную для себя дѣятельность; а коллективный разумъ небольшого союза, лучше чѣмъ въ обширномъ государствѣ, съумѣетъ оградить личность отъ вреднаго, незаконнаго гнета противуположныхъ интересовъ, равно и поставить необходимые предѣлы преслѣдованію ею своихъ эгоистическихъ цѣлей. Поэтому и благо политическаго цѣлаго въ респуб-

ликахъ Греціи или свободныхъ городахъ Италіи, дѣйствительно можно было считать почти что тождественнымъ съ благоденствіемъ каждаго изъ членовъ союза.

Слѣды свободныхъ учрежденій мало по малу утрачиваются въ крупныхъ государствахъ поглотившихъ мелкіе политическіе организмы.

Война и жажда власти, какъ уже было замѣчено, сдѣлались могилою свободы. Послѣ весьма короткаго существованія, малые политическіе организмы вошли въ составъ болѣе обширныхъ. Во главѣ послѣднихъ стали опирающіеся на военную силу неограниченные государи-автократы.

Считая не лишнимъ высказать за симъ нѣсколько соображеній о повсемѣстномъ установленіи самодержавія въ Европѣ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ и о замѣнѣ его потомъ учрежденіями конституціонными, — можемъ напомнить, что слѣды самостоятельности мелкихъ единицъ и организмовъ не вдругъ угасли подъ давленіемъ центральной власти: съ привилегіями вассаловъ, духовенства и вольностями городовъ должны были очень считаться правители государствъ, пока не чувствовали за собою достаточной силы.

Общій типъ средневѣковой ограниченной монархіи, переходящей въ абсолютную при содѣйствіи военной силы.

Въ среднихъ вѣкахъ, подъ вліяніемъ одинаковыхъ или весьма сходныхъ условій, всѣ западно-европейскія государства выработали изъ себя типъ ограниченной монархіи, гдѣ рядомъ съ властью наслѣдственнаго, большей частью избраніемъ утвержденнаго короля существовали: дворянство, почерпавшее свое значеніе изъ военныхъ заслугъ, богато надѣленная церковная іерархія, городскія корпораціи, пользовавшіяся широкими правами, и сенаты или представительныя собранія, которыхъ согласіе было необходимо для дѣйствительности извѣстныхъ государствен-

ныхъ актовъ. Нельзя сказать, чтобы правители охотно и неуклонно подчинялись этому ограниченію своей власти. Стремленіе королей освободиться отъ него проявляется во всѣхъ странахъ и обнаруживается безпрерывнымъ рядомъ болѣе или менѣе значительныхъ нарушеній. Когда нарушенія эти представлялись лишь въ видѣ частныхъ, единичныхъ случаевъ народъ ихъ терпѣлъ, зная, что при отсутствіи въ странѣ постоянной арміи, въ его рукахъ находится всегда готовое средство положить предѣлъ самовластью и возстановить свои права. Къ этому средству — открытаго сопротивленія вооруженной силой — въ случаѣ надобности и обращался народъ, въ средѣ котораго, можно сказать, каждый гражданинъ былъ воинъ, и бѣдствія революціи или возстанія, при слабомъ развитіи торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, мало давали себя чувствовать и скоро изглаживались. Съ теченіемъ времени все это измѣняется: возстановленіе правъ помощью революціи представляется болѣе бѣдственнымъ чѣмъ самое нарушеніе ихъ, а содержаніе постояннаго дисциплинированнаго войска оказывается безусловно необходимымъ для всякой страны, желающей охранять свою политическую независимость. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣняется отношеніе войска къ службѣ внутри государства: прежде земледѣлецъ или торговецъ, до призыва къ оружію, привыкалъ дома цѣнить свои права, во время же короткаго пребыванія подъ знаменами онъ научался какъ ихъ отстаивать; съ переходомъ къ болѣе продолжительной службѣ, наоборотъ, годами дрессированный подъ суровою дисциплиною солдатъ становится послушнымъ оружіемъ въ рукахъ начальника, опорою того самаго произвола, для котораго прежде войско служило наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ ограниченія. Сила меча перешла всецѣло въ руки короля, и ею онъ не замедлилъ воспользоваться для того, чтобы вырвать изъ рукъ

народа прежде всего силу денежныхъ средствъ, а затѣмъ подавить и другія права его. Такимъ образомъ, начиная отъ XVI-го столѣтія всѣ европейскія государства (исключая Англію) одно за другимъ изъ ограниченныхъ монархій обращаются въ абсолютныя. (Маколей).

ГЛАВА II

Гарантіи противъ разлагающихъ элементовъ и противодѣйствіе этимъ гарантіямъ: народное представительство и его критики.

Замѣна насильственныхъ гарантій свободы — легальными.

Понятно что народы, привыкшіе къ пользованію своими правами и къ отстаиванію ихъ, не могли помириться съ такимъ положеніемъ. Разъ что вооруженное сопротивленіе утратило значеніе гарантіи противъ произвола, нужно было изыскать и установить гарантіи иного, болѣе мирнаго свойства, которыя по справедливости можно назвать легальными. Основами такихъ гарантій естественнѣе всего могли сдѣлаться остатки самостоятельной жизни частныхъ организмовъ, вошедшихъ въ составъ обширныхъ государствъ. Въ Англіи, гдѣ контролирующія или сдерживающія центральную власть учрежденія, какъ вольности городовъ и привилегіи сословій, успѣли достаточно окрѣпнуть прежде чѣмъ король могъ сдѣлать попытку завладѣть вооруженною силою для низложенія ихъ,— тамъ стремленія абсолютизма прямо встрѣтили отпоръ, въ систему не организовались и выразились лишь въ единичныхъ актахъ произвола. Въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ власть монарха временно стала неограниченною. Но ей не удалось нравственно поработить народъ, совсѣмъ изгладить въ немъ сознаніе правъ прежде принадлежавшихъ обществамъ и частнымъ союзамъ. Сознаніе это, идеи своего единства съ народомъ и обоюдной

солидарности интересовъ стали распространяться на сами арміи. Утративъ въ лицѣ ихъ безотвѣтно покорную силу, власть монарха вновь должна была признать надъ собою извѣстный контроль. Такимъ образомъ въ XIX столѣтіи представительное правленіе возродилось и окончательно установилось во всей Западной Европѣ. Только тамъ, гдѣ мѣстной самостоятельной жизни не было, или гдѣ она была окончательно подавлена, деспотизмъ ничѣмъ не сдержанный получаетъ въ лицѣ самодержца неограниченное господство.

Борьба противъ установленія легальныхъ гарантій свободы.

Неограниченные правители государствъ, какъ и весьма понятно, не легко отказались отъ произвольнаго, ничѣмъ не сдержаннаго распоряженія силами и средствами народа. — Опираясь на армію, прибѣгая къ содѣйствію войскъ національныхъ, или призванныхъ извнѣ, до тѣхъ поръ пока на это можно было расчитывать, носители идеи самодержавія не пренебрегали и поддержкою силы духовной. Въ защиту неограниченной власти правителя не разъ изливались потоки краснорѣчія съ церьковной каѳедры; не разъ и въ печати появлялись мнѣнія о неудобствахъ или опасностяхъ народнаго представительства.

Въ этомъ смыслѣ и теперь истолковываются между прочимъ мнѣнія людей серьезныхъ, успѣвшихъ, составить себѣ почетное имя въ литературѣ, какъ Жюль-Симонъ, Эмиль-де-Лавеле, Гербертъ-Спенсеръ. Толпа низшихъ поборниковъ абсолютизма, не умѣвшихъ или не желавшихъ правильно понять заключенія людей науки, принимаетъ эти заключенія будтобы за исходную точку своей аргументаціи, содержаніе которой и дѣтѣ составляютъ только фанатическіе возгласы и такъ называемыя жалкія слова (1).

(1) Въ видѣ примѣра подобныхъ разсужденій можно между прочимъ указать статьи о народномъ представительствѣ въ „Москов-

Обращаясь къ оцѣнкѣ сколько нибудь серьезныхъ мнѣній о невыгодахъ, опасностяхъ или злоупотребленіяхъ народнаго представительства, мы можемъ съ перваго же раза указать весьма слабую сторону всѣхъ подобныхъ разсужденій, выражающуюся преимущественно въ слѣдующемъ:

1) Противники или порицатели народнаго представительства предъявляютъ къ этой формѣ правленія очень строгія требованія, и такъ какъ она, весьма естественно, идеальнымъ требованіямъ удовлетворить не можетъ, то осуждаютъ ее въ цѣломъ и безусловно видимо избѣгая сравненія съ другими, излюбленными формами политическаго устройства, т. е. не ставя вопроса — какъ отвѣчали и могли бы отвѣтить эти послѣднія на предъявленіе имъ такихъ же строгихъ требованій.

2) Критика направляется не на сущность устройства, ставящаго легальныя ограниченія произволу правителей, а на одну изъ формъ такого ограниченія; и разъ что обнаружены недостатки этой, взятой по желанію формы, не рѣдко составляющіе результатъ лишь случайно сложившихся неблагопріятныхъ условій, или фактовъ вызванныхъ совсѣмъ иными причинами, — признается неоспоримо доказаннымъ преимущество абсолютизма въ самой его сущности.

3) Прибѣгая, какъ и при всякихъ другихъ подобныхъ спорахъ, для доказательства своихъ мнѣній, къ историческимъ даннымъ, порицатели ограниченія монархической власти дѣлаютъ недобросовѣстный, или

скомъ Сборникѣ“ К. П. Побѣдоносцева, въ которыхъ главный доводъ противъ сторонниковъ другихъ мнѣній составляетъ много разъ повторенная поговорка, „что они слышали звонъ, да не знаютъ гдѣ онъ“. Серьезно возражать противъ такихъ аргументовъ невозможно. Предоставимъ этимъ профессіональнымъ русскимъ звонарямъ невозбранно упиваться мелодіею ихъ спеціальности.

по крайней мѣрѣ неумѣлый подборъ этихъ данныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ большею частью сообщаютъ приводимымъ фактамъ совершенно неправильное освѣщеніе.

Постараемся болѣе подробно выяснить отношеніе къ разсматриваемому предмету каждаго изъ вышесказанныхъ критическихъ пріемовъ. Начинаемъ съ пункта перваго.

а) Предъявленіе къ народному представительству идеальныхъ требованій и устраненіе сравненій.

По теоріи, говорятъ критики, правительственное устройство ограниченной монархіи или республики заключается въ томъ, что народъ избираетъ изъ среды своей относительно небольшое число представителей — людей, которыхъ считаетъ лучшими въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Эти излюбленные, лучшіе люди, облеченные, на основаніи полученныхъ отъ народа полномочій, властью законодательною и правомъ высшаго правительственнаго надзора, указаніями своими намѣчаютъ къ назначенію очень немногихъ носителей власти исполнительной — министровъ изъ числа наиболѣе къ этому способныхъ, твердыхъ и добросовѣстныхъ, строго отвѣтственныхъ за свои дѣйствія передъ высшимъ, нелицепріятнымъ контролемъ собранія народныхъ представителей. Организованная такимъ образомъ правительственная машина дѣйствуетъ стройно и безостановочно, развивая учрежденія, внѣ вліянія личныхъ интересовъ, исключительно на благо народа, и обезпечивая каждому пользованіе этимъ благомъ, чрезъ отвращеніе закононарушеній и преслѣдованіе нарушителей.

Такъ, продолжаютъ критики, должно быть по теоріи; но дѣйствительность далеко ей не соотвѣтствуетъ.

Избраніе народныхъ представителей вовсе не является результатомъ безпристрастнаго, свободнаго, осмысленнаго голосованія. Напротивъ, выборы совершаются подъ давленіемъ сильныхъ въ избирательномъ округѣ людей, подъ вліяніемъ подкуповъ, интригъ, спаиванья виномъ и громкихъ, опьяняющихъ рѣчей, не просвѣтляющихъ, а затемняющихъ простой здравый смыслъ избирателя. Потому и выбранными оказываются далеко не лучшіе люди, а преимущественно такіе, которые пользовались поддержкою вліятельныыъ, или сами располагали матерьяльными средствами (для подкуповъ и угощеній), или наконецъ обладали физическою силою голоса и способностью перекричать другихъ на безсодержательныхъ ораторскихъ турнирахъ. Понятно, что такіе люди, попавъ въ собраніе представителей, какъ въ законодательной своей дѣятельности, такъ и въ образованіи и контролированіи министерствъ, руководствуются не заботою о народномъ благѣ, а имѣютъ въ виду только личные свои интересы, или угожденіе тѣмъ, отъ кого зависитъ будущее ихъ переизбраніе. Понятно что и министерства сформированныя изъ среды и по указанію такихъ собраній или палатъ, ни по способности, ни по характеру своему не соотвѣтствуютъ истиннымъ потребностямъ и пользамъ государства. Къ этому надо прибавить еще великое зло частой перемѣны министерствъ, призываемыхъ и свергаемыхъ подъ вліяніемъ господствующей въ палатѣ партіи; а господство это въ свою очередь опредѣляется рядомъ весьма многихъ и неуловимыхъ случайностей, дающихъ той или другой партіи большинство. Отсюда неустойчивость, непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ власти исполнительной, и подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ недостатокъ системы въ законодательствѣ; не говоря уже о весьма частыхъ упущеніяхъ и ошибкахъ въ мысли и самомъ изложеніи законовъ, по причинѣ отсутствія близко-знаю-

щихъ предметъ спеціалистовъ, не только при обсужденіи, но и проектированіи законоположеній.

Нельзя не согласиться, что вышеуказанные недостатки дѣйствительно въ представительныхъ правленіяхъ замѣчаются, хотя и не въ такой степени, какъ утверждаютъ и хотятъ увѣрить строгіе критики. Но, какъ было уже замѣчено, идеальнаго совершенства не достигало еще ни одно изъ существовавшихъ до сего времени правительствъ, и во всякомъ случаѣ, если бы идентичныя требованія были предъявлены къ другимъ системамъ, то полагаемъ несомнѣнно выяснилось бы, что абсолютизмъ удовлетворяетъ и способенъ удовлетворить ихъ еще въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ ограниченная монархія или республика.

Если въ государствѣ съ парламентарнымъ образомъ правленія, говоритъ между прочимъ Лавеле, устанавливаются крѣпко сплоченныя партіи, — это подавляетъ личный починъ и устраняетъ самостоятельное отношеніе къ дѣлу; если вмѣсто партій являются многочисленныя, неопредѣленныя, колеблющіяся группы, то внутренняя политика, тѣмъ болѣе внѣшняя, теряютъ всякую устойчивость, министерства безпрестанно смѣняются, въ администраціи водворяется безпорядокъ и бездѣйствіе.

Вѣрно опять и это. Но едва ли господствующее въ парламентѣ вліяніе наисильнѣйшей партіи способно подавить личный починъ и самостоятельное отношеніе къ дѣлу въ большей мѣрѣ, чѣмъ совершенное отсутствіе, какъ видимъ въ абсолютной монархіи, всякаго подобія учрежденій, гдѣ могъ бы выступить съ живымъ свободнымъ словомъ жаждущій общественной дѣятельности и вполнѣ подготовленный къ ней человѣкъ, гдѣ до крайности стѣснено выраженіе такого слова и въ печати.

Непослѣдовательны, не достаточно обдуманы и разработаны выходящіе изъ парламентовъ законы. Но развѣ болѣе отъ этого гарантированы имѣющіе силу

закона указы самодержца, нерѣдко поступающіе къ его подписи прямо изъ министерской канцеляріи, или законопроекты, хотя бы и проведенные черезъ государственныя законодательныя учрежденія, но черезъ такія, гдѣ каждый членъ чувствуетъ себя безусловно зависимымъ отъ благоволенія или каприза властителя, гдѣ въ силу этого прежде всего стараются узнать волю монарха, чтобы въ выраженіи своего мнѣнія по обсуждаемому проекту отнюдь не пойти ей на перекоръ.

Неспособные, своекорыстные, ничѣмъ не заявившіе себя люди выводятся парламентами въ министры, какъ и сами члены палатъ попадаютъ въ нихъ не по достоинству, а въ силу интригъ и подкуповъ. Какъ бы то ни было, все же эта система, полагаемъ, болѣе соотвѣтствуетъ истиннымъ потребностямъ страны и благу народному, чѣмъ порядокъ назначенія министровъ и государственныхъ дѣятелей въ абсолютной монархіи. Безъ сомнѣнія, и въ государствѣ съ представительнымъ правленіемъ въ министры и члены палаты много разъ попадали люди стоящіе не на высотѣ такихъ должностей и званій. Но тамъ дѣятельность, какъ и самое избраніе ихъ, находятся подъ непрерывнымъ контролемъ ничѣмъ не стѣсненной критики, со стороны какъ самой палаты, такъ и общественнаго мнѣнія, выражаемаго въ средѣ разныхъ частныхъ собраній, митинговъ и болѣе всего въ свободной печати. Правда бывали случаи что министръ или депутатъ, благодаря поддержкѣ партіи, оставались неуязвимыми подъ ударами самой острой и убѣдительной критики. Но это уже исключеніе. Чаще видимъ примѣры того, что и самый авторитетный вождь находится вынужденнымъ удалиться отъ дѣлъ, разъ что обнаружены и достаточно выяснены неблаговидные его поступки, хотя бы даже въ частной жизни (Парнель), или взгляды по мнѣнію большинства несогласные съ пользами государства (Гладстонъ по

вопросу объ ирландскомъ гом-рулѣ). Если же обличенія критики остаются безъ результата, такъ въ этомъ надо видѣть лишь признакъ того, что на ряду съ осужденіями существуетъ болѣе сильное противуположное теченіе общественной мысли. Въ такомъ случаѣ систему очевидно винить нельзя; здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо полное примѣненіе находятъ слова: „les peuples n'ont que les gouvernements qu'ils méritent".

Въ абсолютной монархіи министръ или вообще государственный дѣятель, разъ попавшій на высокую должность, уже огражденъ отъ критики воздающей ему по заслугамъ. Робко, сдержанно, по большей части лишь умѣющимъ читать между строками, даетъ она понять, что въ такомъ-то управленіи не все обстоитъ благополучно. Борьба такой критики съ офиціальными или офиціозными органами является слишкомъ неравною; наконецъ если бы, не смотря на самыя неблагопріятныя условія, перевѣсъ оказался на сторонѣ первой, если бы на ея сторону и склонилось общественное мнѣніе, — это все же практическаго значенія не имѣетъ. Для того чтобы смѣстить министра, главноуправляющаго, генералъ-губернатора, нужно чтобы въ виновность или неспособность его увѣровалъ глава государства: а такая перемѣна во взглядахъ на должностное лицо, поставленное разумѣется по указанію людей близкихъ къ престолу, имѣющихъ негласное, но преобладающее вліяніе въ интимныхъ совѣтахъ автократа, очевидно можетъ совершиться опять таки не иначе, какъ подъ вліяніемъ тѣхъ же совѣтниковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ просвѣщеннымъ мнѣніемъ интеллигентной среды и обыкновенно напротивъ — прямо ему враждебныхъ. Указаніе критиковъ парламентаризма на безотвѣтственность министровъ и членовъ палатъ, при оцѣнкѣ его, сравнительно съ практикою абсолютизма, также теряетъ значеніе. Въ современныхъ конститу-

ціонныхъ государствахъ лица занимающія высокія должности правда рѣдко привлекаются къ суду и подвергаются взысканіямъ; но они по крайней мѣрѣ, будучи признаны несоотвѣтствующими положенію смѣщаются, переходятъ къ прежнему, до назначенія, званію, или даже въ частную жизнь. Въ неограниченной монархіи, не только не встрѣчаемъ мы за послѣднее время суда надъ министрами или главноначальствующими; но едва ли найдется два-три примѣра, чтобы человѣкъ занимавшій такую должность и удаленный за явныя злоупотребленія, — не говоримъ уже за неспособность, — не былъ возстановленъ въ своемъ величіи, чрезъ назначеніе на другой еще болѣе высокій, хотя и безотвѣтственный постъ.

Таковы выводы къ которымъ безпристрастный изслѣдователь долженъ придти, при сравненіи представительнаго правленія съ абсолютизмомъ. Въ первомъ, составляющемъ продуктъ новѣйшей цивилизаціи, при начальныхъ опытахъ установленія его, думали обрѣсти панацею отъ всѣхъ золъ, разъѣдающихъ общество; не найдя таковой, какъ весьма естественно и должно было произойти, хулители парламентаризма теперь готовы объявить его источникомъ неисчислимыхъ вновь проявляющихся бѣдъ; но, при безпощадномъ отрицаніи всѣхъ его достоинствъ, взамѣнъ не предлагаютъ ровно ничего въ смыслѣ положительномъ и забываютъ, совсѣмъ не хотятъ знать — что было въ Европѣ предъ установленіемъ представительныхъ правленій, что дѣлается въ странахъ остающихся до сихъ поръ при прежней формѣ государственнаго устройства. Въ Англіи, говоритъ Маколей, послѣ революціи, парламентъ постепенно и мало по малу изъ фактора только контролирующаго становится силою дѣйствующею; потому за всякую неудачу навлекаетъ именно на себя порицаніе со стороны народныхъ массъ, упускающихъ изъ виду, что уже

однимъ существованіемъ парламента предотвращено многое дурное, — то зло, о которомъ при настоящихъ условіяхъ нѣтъ и рѣчи, но которое при иныхъ въ полной мѣрѣ дало бы почувствовать вредное свое вліяніе.

Но Маколей, скажутъ наши опоненты, былъ теоретикъ, думавшій возвести въ общіе принципы то, что находило примѣненіе только въ Англіи. На это позволимъ себѣ отвѣтить словами другого государственнаго человѣка, авторитетное мнѣніе котораго, именно по занимающему насъ вопросу, имѣетъ особый вѣсъ.

Взгляды Бисмарка на народное представительство.

Бисмаркъ былъ не теоретикъ, не мечтатель. Его, напротивъ, слѣдуетъ назвать геніальнымъ практикомъ, съ рѣдкою настойчивостью преслѣдовавшимъ исключительно реальныя конкретныя цѣли. Много копій поломалъ онъ въ борьбѣ съ упорнымъ, не разъ жестоко раздражавшимъ его парламентомъ. При всемъ томъ вотъ что, между прочимъ, находимъ, въ вышедшихъ послѣ смерти его мысляхъ и воспоминаніяхъ.

„Неограниченный авторитетъ старой прусской королевской власти не былъ и не есть послѣднее слово моего убѣжденія...“ „Абсолютизмъ прежде всего требуетъ безпристрастія, честности, вѣрности долгу, трудолюбія и внутренней скромности со стороны правящаго; но если даже эти качества на лицо, (1) то мужскіе и женскіе фавориты, въ лучшемъ случаѣ законная жена, собственное тщеславіе и чувствительность къ лести уменьшатъ государству плоды королевскаго благожеланія, такъ какъ монархъ не всевѣдущъ и не обладаетъ равнымъ пониманіемъ всѣхъ отраслей своего призванія. Уже въ 1847-мъ году я былъ за

(1) А можно ли этого ожидать и когда это встрѣчалось, прибавлю отъ себя.

предоставленіе возможности критики дѣйствій правительства въ парламентѣ и въ печати, чтобы этимъ предохранить монарха отъ опасности — дать наложить себѣ наглазники, которыми женщины, придворные, карьеристы и фантазеры мѣшаютъ ему обозрѣть свои задачи, избѣгать ошибокъ или поправлять ихъ. Это мое мнѣніе укрѣпилось еще болѣе послѣ того, какъ я болѣе познакомился съ придворными кругами и вынужденъ былъ защищать, противъ ихъ теченій и противъ опозиціи патріотизма отдѣльныхъ вѣдомствъ, общіе интересы государства."

Моимъ идеаломъ всегда была монархическая власть, которая настолько находилась бы подъ контролемъ парламента, чтобы ни король, ни парламентъ, односторонне не могли измѣнить существующій правовой порядокъ, а только — communi consensu — и притомъ при публичности и свободной критикѣ всѣхъ государственныхъ явленій въ печати и ландтагѣ."

Тѣмъ, которые обвиняютъ его въ симпатіяхъ къ ancien regim, Бисмаркъ не колеблясь отвѣчаетъ, что это было бы еще хуже, не говоря уже о томъ, что надолго возстановленіе стараго порядка невозможно: вмѣсто зависимости отъ парламента наступила бы зависимость отъ невѣжественныхъ шептуновъ.

„Абсолютизмъ, говоритъ онъ, былъ бы идеальнымъ образомъ правленія для европейскихъ государствъ, если бы король и его чиновники не оставались людьми, какъ всѣ прочіе, которымъ не дано управлять съ сверхъ-человѣческими знаніями, пониманіемъ и справедливостью". „Монархія нуждается въ критикѣ, въ которой заключается указаніе правильнаго пути. Критика возможна лишь при свободной печати и чрезъ парламенты въ современномъ смыслѣ".

Болѣе наглядаго, болѣе рѣшительнаго и авторитетнаго осужденія абсолютизма, по сравненію съ ограниченной монархіей, не могли бы желать и самые ревностные защитники послѣдней.

Все это еще болѣе выяснится при обсужденіи второго пункта намѣченнаго нами разбора, къ чему теперь и обращаемся.

в) Указаніе слабыхъ сторонъ не въ существѣ народовластія, а въ одной изъ его формъ.

Какъ сказали мы, со стороны противниковъ народоправства подвергаются порицанію преимущественно слѣдующія условія парламентаризма: избраніе въ члены палатъ несоотвѣтствующихъ этому званію людей; назначеніе, подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, на министерскія должности лицъ неспособныхъ и недостойныхъ; частая перемѣна министерствъ подъ вліяніемъ духа партій; вслѣдствіе чего: непослѣдовательность, несоотвѣтствіе государственнымъ потребностямъ, какъ законодательства, такъ и дѣятельности исполнителей, не несущихъ никакой отвѣтственности.

Не трудно усмотрѣть, что критика эта относится къ отличительнымъ свойствамъ или чертамъ лишь извѣстной формы представительнаго правленія, а не къ сущности его. Слѣдовательно, если бы проявленіе означенныхъ недостатковъ достигло и самой крайней степени, то этимъ была бы доказана непригодность только этой именно, взятой для разбора формы правленія, а не основаній народоправства вообще.

Какъ видно и Бисмаркъ, въ только-что приведенныхъ словахъ его, являясь сторонникомъ представительнаго правленія, считаетъ лишнимъ досконально доказывать преимущества того или другого порядка избранія депутатовъ, назначенія министровъ и проч. Идеалъ мой, говоритъ онъ, заключается въ монархической власти, находящейся подъ контролемъ парламента и общественнаго мнѣнія, выражаемаго въ свободной печати. Въ этомъ непрестанномъ, незна-

ющемъ стѣсненій контролѣ, согласно съ мнѣніемъ Бисмарка, именно и надо признать сущность правительственнаго устройства въ конституціонной монархіи или республикѣ.

Что же касается вышесказаннаго пріема критики парламентаризма, такъ здѣсь бросается въ глаза еще то обстоятельство, что направляя удары на одну изъ формъ, надо полагать такую, которую считаетъ наименѣе способною защищаться, критика эта предметомъ нападокъ своихъ выбираетъ отличительныя черты преимущественно англійской конституціи, — той, которая, по ея же мнѣнію, наилучше принялась и дала наилучшіе плоды, какъ наиболѣе соотвѣтствующая духу народа и его историческому развитію.

Дѣйствительно, преимущественно въ Англіи проявляется полная зависимость министерствъ отъ партіи, господствующей въ палатѣ, призваніе и низверженіе ихъ подъ вліяніемъ парламентскаго большинства. То же видимъ во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Но далеко не во всѣхъ. Въ Пруссіи и Германіи напр. назначеніе и смѣщеніе министровъ вполнѣ зависитъ отъ короля-императора, и передъ нимъ собственно они отвѣтственны.

Примѣръ Съверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Швейцаріи.

Тѣмъ болѣе въ соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки—назначаемые президентомъ министры даже вовсе не появляются ни въ одной изъ палатъ и не вносятъ никакихъ законопроэктовъ, слѣдовательно въ борьбѣ партій совсѣмъ не участвуютъ. Этимъ устраняется чрезмѣрное и вредное вмѣшательство законодательной власти въ функціи исполнительной. Съ другой стороны въ конституціи Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ находимъ также и наглядный примѣръ доведенія до крайняго минимума вліянія административнаго персонала на законодательство.

Президентъ союза можетъ только рекомендовать вниманію конгресса, въ годовомъ своемъ посланіи, извѣстные вопросы или мѣры. Но за симъ ни онъ, ни его министры не имѣютъ, къ внесенію въ палаты проэктовъ закона, никакихъ иныхъ способовъ, кромѣ тѣхъ какими пользуются всѣ безъ исключенія граждане, т. е. предложеніе законопроекта къ разсмотрѣнію черезъ того или другого члена одного изъ законодательныхъ комитетовъ конгреса (standing committees), которымъ исключительно и принадлежитъ инціатива законодательства. Эти комитеты въ числѣ 47-ми, формируются изъ членовъ конгреса президентомъ его, по усмотрѣнію сего послѣдняго, но въ силу установившагося обычая, изъ лицъ разныхъ партій и въ особенности спеціалистовъ по той отрасли, которая служитъ предметомъ занятій комитета; они разсматриваютъ и обрабатываютъ предлагаемые вышесказаннымъ порядкомъ законы, и ни одинъ законопроектъ инымъ путемъ въ законодательное собраніе внесенъ быть не можетъ. Это послѣднее, т. е. конгресъ въ полномъ его составѣ, въ виду множества поступающихъ къ нему законопроектовъ, успѣваетъ только голосовать ихъ; обсуждать же и необдуманно вводить поправки, тѣмъ болѣе говорить о нихъ длинныя рѣчи, — конгресу нѣтъ времени. Такимъ образомъ законы вырабатываются людьми наиболѣе компетентными; притомъ стоящими, благодаря способу формированія комитетовъ и порядку дѣйствія ихъ, вполнѣ независимо. „Огромная разница, говоритъ Ст. Милль, между обработкою законовъ, къ чему многочисленное представительное собраніе вовсе не способно, и вотированіемъ только хорошихъ законовъ, что составляетъ первую его обязанность, что только оно можетъ исполнить, отнюдь не позволяя себѣ при этомъ видоизмѣнять законъ, иначе какъ черезъ отсылку его обратно съ указаніями въ подлежащую комиссію, составленную изъ не-

большаго числа компетентныхъ спеціалистовъ". Принятый въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, порядокъ законодательствованія, какъ видно, въ извѣстной степени приближается къ этому идеалу. Недостатокъ же чрезмѣрно быстраго проведенія законовъ черезъ общее собраніе конгреса восполняется болѣе продолжительнымъ и подробнымъ разсмотрѣніемъ ихъ въ Сенатѣ. (1)

За симъ, что касается указываемаго критикою состава представительныхъ собраній изъ людей неудачно выбранныхъ; потому голосованіями своими не выражающихъ взглядовъ и желаній народной массы, то въ этомъ отношеніи можно сказать, что результаты выборовъ во многомъ зависятъ отъ установленной системы ихъ. Поставьте напр. задачею жителямъ извѣстнаго города или деревни выборъ двухъ-трехъ представителей, въ какое либо мѣстное собраніе, исключительно изъ среды своей — они исполнятъ это болѣе или менѣе удовлетворительно. Но если бы жителямъ, скажемъ, каждой русской губерніи было предложено выбрать напр. по пяти депутатовъ изъ населенія всей имперіи, въ общій для нея парламентъ, то можно, напротивъ, быть увѣреннымъ, что въ составъ сформированной такимъ порядкомъ палаты попадетъ много лицъ совсѣмъ того недостойныхъ, и что многіе изъ лучшихъ въ государствѣ людей окажутся неизбранными.

Кромѣ того въ настоящее время примѣняются въ конституціонномъ устройствѣ нѣкоторыхъ государствъ и другіе пріемы согласованія выходящихъ изъ представительныхъ собраній законовъ съ желаніями или потребностями народныхъ массъ. Въ борьбѣ демократіи съ парламентаризмомъ, первая пріобрѣтаетъ

(1) Forme nouvelle du gouvernement aux Etats Unis et en Suisse p· Emille be Laveleye (R. des 2 M. 1896 1 octobre).

такимъ образомъ подлежащую ей долю вліянія, не разрушая основъ народнаго представительства. Въ Швейцаріи напр. это достигается черезъ вотированіе законовъ и распоряженій, какъ въ Союзномъ Совѣтѣ, такъ въ кантональныхъ собраніяхъ, на условіяхъ ad referendum, т. е, обращенія, обязательно или факультативно, за утвержденіемъ того, что прошло черезъ собраніе къ общему всѣми избирателями голосованію, — къ плебисциту. Къ этой же цѣли направлено существующее въ нѣкоторыхъ кантонахъ право извѣстнаго числа избирателей воспротивиться приведенію въ дѣйствіе закона, вотированнаго собраніемъ представителей, до тѣхъ поръ, пока законъ этотъ не будетъ утвержденъ всенароднымъ голосованіемъ. (1)

Безъ сомнѣнія мы далеки отъ мысли указывать на существующіе въ Швейцаріи или Соединенныхъ Штатахъ порядки какъ на универсальное средство уврачеванія сознаваемыхъ въ европейскихъ конституціяхъ недуговъ. Но приведенные примѣры, полагаемъ могутъ служить еще однимъ подтвержденіемъ того, что обличаемые критикою недостатки народнаго представительства относятся только къ извѣстной формѣ, а не къ существу его.

Распространеніе функцій государства и централизація.

Необходимо, наконецъ, обратить вниманіе еще на одинъ весьма значительный, полагаемъ, самый важный недостатокъ парламентаризма, указываемый наиболѣе серьезными и добросовѣстными критиками. Но прежде всего замѣтимъ, что означенный недостатокъ несомнѣнно свойственъ абсолютизму еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ парламентарной формѣ правленія. Кромѣ того онъ съ этою послѣднею фор-

(1) Та же указанная передъ симъ статья Emile de Laveleye.

мою отнюдь не связанъ неразрывно, такъ какъ изъ самой критики, вслѣдъ за симъ приводимой, усматриваются не только слабыя стороны дѣла, но и пути къ устраненію ихъ.

Двѣ важныя причины ставятъ въ неблагопріятное положеніе современные европейскіе парламенты: чрезмѣрное расширеніе функцій государства и сосредоточеніе въ палатахъ огромной массы дѣлъ, изъ которыхъ многія имѣютъ лишь мѣстный интересъ, другія совершенно спеціальный характеръ.

Мысль эта въ особенности рельефно выражается Эмилемъ де Лавеле и Гербертомъ Спенсеромъ.

Мы разрушили, говоритъ первый, привилегіи дворянства, независимость провинціальныхъ собраній и общинъ, права цеховъ и корпорацій, — словомъ низвергли все, въ чемъ видѣли преграду для воли народа, надѣясь этимъ путемъ утвердить свободу; а въ дѣйствительности только расчистили почву, на которой воздвигается какая угодно тиранія. Безъ провинціальныхъ вольностей парламентскій режимъ имѣетъ только наружный видъ свободы; въ сущности это деспотизмъ, направляемый представительнымъ собраніемъ.

Парламенты, говоритъ Спенсеръ *), не только унаслѣдовали прежнюю неограниченную власть королей, но еще значительно расширили предѣлы дѣятельности и задачъ государства. Имѣя цѣлью общее народное благо, они вносятъ регламентацію во всѣ закоулки общественнаго и экономическаго быта. Личная свобода гражданъ оказывается, такимъ образомъ, столь же стѣсненною, какъ при старомъ деспотическомъ режимѣ; либерализмъ превратился въ новый родъ торизма: онъ требуетъ уже не свободы, а государственной опеки надъ всѣмъ, подтвержденi-

*) The man versus the state. Herbert Spenser. London. 1885.

емъ чего можетъ служить все новѣйшее законодательство.

Въ этихъ отзывахъ, какъ уже было упомянуто, рядомъ съ указаніемъ болѣзни, выясняются также происхожденіе ея и способы къ ея уврачеванію. Истинный либерализмъ, читаемъ далѣе у Спенсера, долженъ отвергнуть мысль о неограниченной парламентской власти, какъ отвергнулъ онъ неограниченную власть королевскую, ибо свобода гражданъ измѣряется не природою правительственнаго механизма, представительнаго или иного, а относительнымъ количествомъ налагаемыхъ имъ стѣсненій. Стѣсненія же законны только такія, которыя необходимы для охраны лицъ отъ прямыхъ или косвенныхъ нападеній и отъ нарушенія ихъ свободы со стороны согражданъ. Трудно изобразить массу золъ, причиненныхъ неудачными постановленіями, которыми легкомысленно пытались устанавливать законы для жизни народа. Житейскій опытъ ежедневно убѣждаетъ каждаго гражданина и законодателя, что поведеніе человѣческихъ существъ не можетъ быть расчитано напередъ. Въ виду этого опыта мы отказались отъ мысли управлять своими женами, дѣтьми, прислугою, — словомъ человѣкомъ въ конкретѣ; между тѣмъ простираемъ самонадѣянность до предположенія въ себѣ способности руководить жизнью общества, о взглядахъ и нравахъ котораго располагаемъ лишь самыми смутными свѣденіями. Приписывать государству умѣнье и обязанность разрѣшать всякія вообще соціальныя и экономическія задачи выдвигаемыя жизнью, по мнѣнію Спенсера, есть къ сожалѣнію весьма распространенный предразсудокъ, противъ котораго онъ и вооружается всею силою своей логики.

Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что какъ Лавеле, такъ и Спенсеръ возстаютъ вовсе не противъ сущности народнаго представительства, заключа-

ющейся въ обезпеченіи за народомъ возможности свободно и авторитетно высказываться о дѣйствіяхъ правительства; оба выясняютъ лишь несомнѣнное зло отъ сосредоточенія въ общемъ для государства собраніи или парламентѣ обширной власти, совсѣмъ подавляющей самостоятельную мѣстную жизнь. Необходимо, слѣдовательно, предоставить больше простора мѣстному народному самоуправленію, расширивъ автономію общинъ и областей, установить вмѣстѣ съ тѣмъ полную отвѣтственность администраціи передъ судомъ, — и зло будетъ уничтожено. Отсюда, какъ видно, далеко до отрицанія пользы представительныхъ учрежденій, которыя не только не являются препятствіемъ на пути къ децентрализаціи, а напротивъ могутъ въ значительной мѣрѣ способствовать этому дѣлу.

Огромное, можно сказать, первенствующее значеніе децентрализаціи мы предоставляемъ себѣ еще болѣе выяснить впослѣдствіи; теперь же, въ видахъ подтвержденія вышесказанныхъ положеній, нѣсколько остановимся на вопросѣ о значеніи конституціи вообще, и въ особенности объ отвѣтственности администраціи передъ судомъ.

Сущность ограниченій, сдерживающихъ власть главы государства, или верховнаго въ немъ учрежденія, — далеко не въ писанномъ законѣ, а въ привычкахъ примѣненія его. Многіе удивились бы, говоритъ одинъ изъ коментаторовъ англійской конституціи, если бы узнали что можетъ сдѣлать королева своею властью, даже безъ совѣщанія съ парламентомъ. Она можетъ напримѣръ совсѣмъ распустить армію, вконецъ уничтожить флотъ, начать войну для завоеванія Бретани, купить миръ уступкою Корнвалиса, сдѣлать пэромъ каждаго гражданина Великобританіи, мужчину или женщину, объявить университетомъ любую приходскую школу, уволить большинство гражданскихъ чиновниковъ, простить всѣхъ преступниковъ, и мно-

гое другое. Но исполнить хотя бы сотую долю этого давно уже не приходило въ голову даже самымъ взбалмочнымъ изъ англійскихъ монарховъ. Каждый изъ нихъ растетъ, воспитывается въ такихъ понятіяхъ, что ему представляется чудовищною идея предпринять что либо подобное. Традиціи, привычки, вошедшія какъ бы въ самую натуру правящихъ, не допускаютъ этого. Точно также своими обширнѣйшими конституціонными правами парламентъ пользуется въ Англіи не иначе, какъ опираясь на общественное мнѣніе, и въ той лишь мѣрѣ, въ какой встрѣчаетъ поддержку послѣдняго. Британская конституція не устанавливаетъ никакихъ особыхъ гарантій для огражденія частныхъ правъ ; тѣмъ не менѣе нигдѣ принципъ законности не пользуется такимъ всеобщимъ безспорнымъ признаніемъ, какъ въ Англіи, и достигается это болѣе всего тѣмъ, что всякое должностное лицо, отъ перваго министра до мелкаго полицейскаго агента, лично отвѣтственно передъ судомъ за всякое незаконное свое дѣйствіе, хотя бы и совершенное по приказанію начальства ; а вмѣстѣ съ тѣмъ личность является вполнѣ огражденною въ своей свободѣ и неприкосновенности, чрезъ предоставленіе ей права и возможности немедленно аппелировать къ суду за всякое направленное противъ нея насиліе (Habeas Corpus).

Англійская нація не имѣетъ точно формулированной конституціи. Начала и зародыши существующаго порядка теряются во мглѣ временъ отдаленнѣйшихъ; но благодаря двумъ только что приведеннымъ основнымъ принципамъ, твердо установившимся, вошедшимъ, такъ сказать, въ плоть и кровь народа, англичане чувствуютъ себя болѣе обезпеченными въ своихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ, чѣмъ жители другихъ странъ, надѣленныхъ самыми усовершенствованными, тщательно выработанными конституціями. Въ республиканской Франціи личныя и

общественныя права гораздо менѣе ограждены, чѣмъ въ монархической Англіи. Французская демократія, обладающая въ теоріи верховною властью, на практикѣ безсильна передъ администрацією и полиціей. Граждане, распоряжающіеся парламентомъ и правительствомъ посредствомъ избирательныхъ бюлетеней, оказываются для префекта только управляемыми (ses administrés). Ни одинъ судъ не приметъ жалобы на грубѣйшіе полицейскіе пріемы, направленные противъ частнаго лица, или случайно собравшейся толпы. Низверженіе министерства является единственнымъ средствомъ протеста противъ незаконныхъ или чрезмѣрныхъ насилій полиціи, даже въ лицѣ самыхъ мелкихъ ея агентовъ. Это и составляетъ одну изъ причинъ весьма частыхъ кабинетныхъ кризисовъ. Французы считаютъ дѣйствительнымъ правомъ только то, что прямо дозволено и формулировано закономъ; безъ подробнаго, положительнаго закона о печати, они усомнились бы въ существованіи свободной прессы. Въ Англіи, напротивъ, свобода печати держится на отсутствіи запрещеній и на общемъ принципѣ дозволенности всего, что не составляетъ преступленія или проступка. Всякій можетъ печатать что угодно, подъ страхомъ судебнаго наказанія за нарушеніе законовъ. Но безъ нарушенія закона нѣтъ отвѣтственности по суду, а безъ суда нѣтъ наказанія. Это правило одинаково примѣняется во всѣхъ сферахъ англійской жизни.

Такимъ образомъ, въ видѣ общаго заключенія, имѣемъ право сказать, что могутъ подлежать осужденію, иногда даже строгому порицанію, нѣкоторыя проявленія или формы принципа народовластія; но что самый этотъ принципъ, въ его основаніи или сущности, благодѣтеленъ для человѣчества, что признаніе и примѣненіе его составляетъ естественный и неизбѣжный шагъ въ движеніи народовъ къ самоусовершенствованію,—это могутъ отрицать только

люди пораженные натуральною или напускною умственною слѣпотою*).

c) Неправильныя ссылки на фактическія данныя изъ области исторіи.

Посмотримъ теперь (пунктъ 3) какія фактическія данныя изъ исторіи народовъ приводятъ, въ подтвержденіе своихъ мнѣній, и какъ эти данныя истолковываютъ сторонники автократіи.

Демократическая или представительная форма правленія, говорятъ они, повсюду была явленіемъ преходящимъ, нигдѣ не держалась долго, въ противоположность монархическимъ учрежденіямъ, коихъ продолжительность и устойчивость исторія считаетъ рядомъ столѣтій.

Для провѣрки этого положенія бросимъ бѣглый взглядъ на государственную жизнь народовъ, разумѣется тѣхъ лишь, которыхъ болѣе или менѣе коснулась цивилизація и о которыхъ имѣемъ свѣденія не лишенныя достовѣрности. Здравый анализъ событій, какъ увидимъ, приводитъ къ заключеніямъ діаметрально противуположнымъ.

Продолжительность существованія монархій и республикъ.

Начало государственной жизни древне-греческихъ республикъ можемъ считать примѣрно отъ 800-го

*) Не можемъ по этому поводу не привести сужденіе одного изъ французскихъ авторовъ, который въ статьѣ объ Ирландскомъ парламентѣ прежнихъ временъ между прочимъ говоритъ:

„Mieux vaut—ecrivait Gustave de Beaumont en 1839—un parlement corrompu, que point de parlement; et malgré les mécomptes des cinquantes dernières années je ne vois pas que cette phrase ait cessé d'être vraie. Dans l'ordre politique comme dans l'ordre phisique, le besoin ne crée pas l'organe, mais si cet organe existe il le transforme: vicieux— il le redresse, débile—il le fortifie, incomplet — il l'achève, le perfectionne et l'approprie à la fin voulue (Augustin Filon R. des deux M. 1886 15 Juillet).

года до Р. Х. (законы Ликурга въ Спартѣ и законодательное устройство другихъ общинъ); самый пышный расцвѣтъ греческихъ народоправствъ примѣрно около 500 года; начало паденія греческой независимости (Филиппъ въ Θесаліи) около 350 года. Значитъ полный періодъ государственной самостоятельности около 450-ти лѣтъ, продолжительность наибольшаго процвѣтанія — 150 лѣтъ. Нельзя не согласиться, что это очень не много; но все же значительно болѣе чѣмъ существованіе смѣнившей греческія республики Македонской монархіи (36 лѣтъ отъ воцаренія Филиппа до смерти Александра). Послѣдовавшую за смертью Александра анархію, хотя и на почвѣ монархизма, очевидно нельзя принять къ счету.

Обращаясь къ исторіи Рима, видимъ что правленіе царей (насколько достовѣрны о немъ свѣдевія) продолжалось во всякомъ случаѣ не болѣе 250-ти лѣтъ; за симъ республика, успѣвшая развить безпримѣрную силу, — около 500 лѣтъ; далѣе, Западно-Римская имперія также около 500 лѣтъ; но въ послѣдніе 200-250 лѣтъ только влачившая самое жалкое существованіе. Примѣръ наибольшей долговѣчности видимъ въ Византійской имперіи (съ V по XV столѣтіе). Но государственная жизнь ея представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ печальнѣйшее явленіе, о которомъ, сколько бы оно ни продолжалось, слѣдуетъ скорѣй забыть въ интересахъ защитниковъ монархической формы правленія.

Въ Западной Европѣ, за тысячелѣтній періодъ Среднихъ вѣковъ видимъ существованіе имперіи, королевствъ, духовныхъ и свѣтскихъ княжествъ; но во всѣхъ этихъ владѣніяхъ, не исключая имперіи Карла Великаго, власть главы государства, большею частью получающаго престолъ по избранію, представляется весьма ограниченною; можно сказать даже въ большей степени, чѣмъ власть президента въ

новѣйшихъ республикахъ. Притомъ рядомъ съ этими владѣніями, въ которыхъ правящія династіи безпрестанно смѣняются, какъ и самыя границы, видимъ сильныя цвѣтущія республики и вольные города. Неограниченныя монархіи въ Западной Европѣ, какъ упомянуто, появляются только начиная съ XVI столѣтія и существуютъ до XIX-го. Въ Россіи дѣйствительное начало самодержавія едва ли можно считать даже отъ Петра I (за кровавыми попытками Грознаго, какъ извѣстно, послѣдовали анархія, неустройство и шаткость правительствъ, уступившія мѣсто твердой власти лишь временно въ краткій періодъ правленія Петра I, и за симъ окончательно съ воцареніемъ Екатерины II). Въ Турціи $4^1/_2$ вѣка, отъ самаго покоренія Константинополя, деспотизмъ стоитъ твердо и, какъ знаемъ, приноситъ свои горькіе плоды.

Вліяніе означенныхъ формъ правленія на благосостояніе народовъ.

Такимъ образомъ за исключеніемъ постыднаго существованія Римской и Византійской имперій, преимущество долговѣчности безспорно остается за республикой, самое большее что за ограниченною средневѣковой монархіей. Періодъ абсолютизма въ Европѣ продолжался не болѣе $2^1/_2$-3-хъ столѣтій. За симъ, ближе всмотрѣвшись въ событія, предстоитъ еще опредѣлить — что собственно означенные образы правленія дали народамъ, какое вліяніе имѣла та и другая форма на развитіе народнаго благосостоянія.

Греція.

О неимовѣрно-пышномъ расцвѣтѣ греческой цивилизаціи на почвѣ демократическихъ учрежденій мы уже говорили. Духъ свободнаго изслѣдованія — прямой продуктъ обезпеченности гражданскихъ и политическихъ правъ народа — принесъ роскошные плоды, которыми питаемся мы до сихъ поръ. На

поприщѣ науки, искусства и несомнѣнно самой нравственности, умственною работою древней Эллады было воздвигнуто зданіе, до высоты котораго едва достигло развитіе человѣческой мысли даже черезъ 2000 лѣтъ, въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ нашей эры; основы котораго, можно сказать, послужили самыми прочными ступенями на пути къ чертогу новѣйшей культуры. Таково наслѣдіе воспринятое нами отъ древне-греческихъ республикъ. Что же дала поглотившая ихъ монархія.

Македонскія завоеванія.

Передъ непредубѣжденною, здравою критикою развѣнчивается завоеватель, стяжавшій, благодаря неизмѣнной людской склонности къ культу героическаго, — названіе великаго. Очевидно нельзя считать благодѣяніемъ для человѣчества самые походы Александра, во время которыхъ отъ прибрежій Понта и Архипелага до Индіи и Краснаго моря лилась кровь побѣжденныхъ и побѣдителей, и болѣе чѣмъ когда либо примѣнялись обычныя для достиженія военныхъ успѣховъ средства: подкупы, вѣроломство и грубѣйшее насиліе. Пожары, голодъ распространялись по пути завоевателей; масса народа въ конецъ истощалась непомѣрными поборами на удовлетвореніе прихотей и расточительности двора. Отъ власти одинъ только шагъ до злоупотребленія властью и всякаго рода присущихъ деспотизму пороковъ. Эта великая истина еще разъ подтвердилась и на примѣрѣ высоко-одареннаго отъ природы Александра. Въ свою очередь ничѣмъ не сдержанный произволъ и развратъ вождя естественнымъ путемъ спустились до низшихъ ступеней военной и правительственной іерархіи. Слѣды опустошеній, которыми сопровождались побѣдоносные походы, въ видѣ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ развалинъ, отчасти до нашего времени сохранились во внутренней Азіи. Таковы въ дѣйствительности были результаты быстраго воз-

вышенія и кратковременнаго блеска Македонской монархіи. Что же касается до сихъ поръ выражаемаго мнѣнія, будто бы Македонскія завоеванія открыли эллинской цивилизаціи доступъ во внутреннюю Азію, будто бы благодаря имъ удалось слить воедино народы Востока и Запада, насадить европейскую культуру въ Индіи и Персіи, то это не болѣе какъ заблужденіе, порожденное упомянутою склонностью къ возвышенію героическаго и къ поклоненію успѣху вообще. Отъ подобія культуры, которую насильственно пытались навязать обитателямъ названныхъ странъ, по прошествіи не болѣе ста лѣтъ уже не находилось и признаковъ. Извѣстная степень цивилизаціи, которую оставилъ за собою завоеватель въ Сиріи и Египтѣ, не можетъ быть вмѣнена ему въ заслугу, такъ какъ еще до него эти страны вступили въ культурную среду европейскихъ народовъ; умственная дѣятельность ихъ, послѣ Александра, приняла только другое направленіе и едва ли къ лучшему. Наконецъ Грецiя, Македонія и Малая Азія безспорно проиграли отъ ужаснаго переворота, въ особенности Грецiя утратившая свою свободу. Въ общемъ дѣло народнаго развитія не двинулось впередъ, а напротивъ было задержано. (1)

Римъ — Республика.

Пропуская періодъ римскихъ царей, какъ преимущественно легендарный, и переходя къ республикѣ римской, нельзя не признать, что она несомнѣнно является прямою преемницею и продолжательницею дѣла греческихъ республикъ въ развитіи прогресса. На почвѣ свободнаго, неослабнаго участія народа въ общественныхъ дѣлахъ развились и созрѣли спеціально-римскія добродѣтели: подвиги истиннаго

(1) Счастливымъ исключеніемъ представляется Египетъ въ правленіе Птоломеевъ. Но это явленіе составляетъ естественное движенія впередъ Греческой цивилизаціи, еще раньше проникшей на берега Нила.

патріотизма, гражданскаго мужества, военные и правительственные таланты, стойкость въ испытаніяхъ, непоколебимая преданность государственной идеѣ, — качества послужившія основою распространенія владычества Римлянъ на обширнѣйшія территоріи, до странъ дотолѣ невѣдомыхъ. Въ тотъ же періодъ были выработаны съ небывалою отчетливостью правовыя отношенія гражданъ въ дѣлахъ семейныхъ, поземельныхъ, имущественныхъ, точно опредѣлены функціи правительственной власти, установлены регулярно дѣйствующіе ея органы, и все это выражено въ стройной, твердой системѣ законодательства. На поприщѣ философіи, исторіи, юриспруденціи, литературы выдвинулись замѣчательные дѣятели, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ проявившихъ блестящія способности и въ качествѣ людей государственныхъ. (Цицеронъ, Цезарь). Если наибольшій расцвѣтъ литературы и совпалъ съ правленіемъ Августа, то это, можно сказать, было лишь послѣднимъ отблескомъ зари догоравшихъ остатковъ свободы, — республиканскихъ учрежденій подъ сѣнію которыхъ возникли и созрѣли таланты авторовъ.

Римъ — имперія и Византія.

Что представляетъ собою исторія Западной, тѣмъ болѣе Восточной Римской Имперіи — слишкомъ хорошо извѣстно. Картины невообразимаго разврата, выразившгося въ господствѣ грубѣйшей чувственности, себялюбія, алчности, коварства, утонченной, можно сказать, сверхчеловѣческой жестокости — вотъ чѣмъ переполнены страницы этой исторіи. Безграничное господство военщины, распутство женщинъ, безсмысленная борьба партій, суевѣріе, невѣжество — вотъ факторы, которыми рѣшаются судьбы государства. Кратковременное правленіе нѣсколькихъ императоровъ отъ Траяна до Марка-Аврелія было послѣднимъ проблескомъ умственно-нравственнаго начала. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 13-ти вѣковъ сво

его существованія, имперія, можно сказать, не создала, не выработала ни одной идеи, достойной стать наслѣдіемъ человѣчества. Повторяемъ — почитателямъ монархизма отнюдь не слѣдуетъ дѣлать какія либо ссылки на этотъ, къ сожалѣнію слишкомъ долгій періодъ; имъ нужно было бы безслѣдно вычеркнуть его изъ своихъ воспоминаній. Если бы кому либо вздумалось указать на заслуги Константина и его преемниковъ въ дѣлѣ утвержденія христіанства, то безпристрастный изслѣдователь фактовъ отвѣтитъ, что дѣятельность императоровъ и ихъ сподвижниковъ, такъ называемыхъ отцовъ церкви, въ этотъ періодъ, была продуктомъ только своекорыстія и невѣжества; потому никакъ не утвержденіемъ, а напротивъ явнымъ искаженіемъ началъ преподанныхъ божественнымъ учителемъ.

Средніе вѣка.

Средневѣковыя монархіи Западной Европы также не оказали выдающихся услугъ дѣлу цивилизаціи. Притомъ, какъ было упомянуто, власть монарха въ этихъ государствахъ была существенно ограничена. Если же въ означенный періодъ европейскою культурою и сдѣланы сколько нибудь цѣнныя пріобрѣтенія, то таковыя преимущественно были выработаны самостоятельною жизнью городовъ и въ особенности малыхъ свободныхъ общинъ, получившихъ развитіе въ Италіи.

Переходъ къ абсолютизму.

Дошедши такимъ образомъ до временъ утвержденія въ Европѣ абсолютизма, мы прежде всего должны остановиться на исторіи Испаніи — страны, которая поражаетъ необычайно быстрымъ ростомъ силы и богатства, достигшихъ наивысшей степени въ правленіе могущественныхъ автократовъ Карла V и Филиппа II, и затѣмъ столь же быстро склонившейся къ упадку, въ которомъ пребываетъ и до настоящаго врѣмени. Явленію этому, которое сторонники

абсолютизма разумѣется толкуютъ въ свою пользу, даетъ весьма разумное и правдивое объясненіе Маколей (The war of the succession in Spain). „Въ общемъ, говоритъ онъ, причины паденія Испаніи сводятся къ одной — къ дурному управленію. Мужество, благоразуміе, энергія, которыя возвели Испанію конца 15-го и начала 16-го столѣтія на степень первой державы въ свѣтѣ, были плодомъ предшествовавшихъ учрежденій Арагоніи и Кастиліи, учрежденій существенно благопріятсвовавшихъ развитію общественной свободы. На эти учрежденія первые монархи изъ авятрійскаго дома направили свои удары и почти уничтожили ихъ. Наслѣдники не замедлили искупить преступленія отцовъ. Послѣдствія перехода отъ хорошаго управленія къ дурному (прибавимъ — какъ и на оборотъ) вообще обнаруживаются не вдругъ, а лишь черезъ извѣстное время послѣ того что совершилась перемѣна. Добродѣтели и таланты, которые вырастаютъ на почвѣ хорошей конституціи, на нѣсколько времени ее переживаютъ. Такъ, правленіе государя, утвердившаго абсолютную монархію на развалинахъ народоправства, нерѣдко выдается исключительнымъ блескомъ. Но за симъ, послѣ одного — двухъ поколѣній, оправдывается то, что Монтескье выразилъ словами: деспотизмъ уподобляется дикарямъ, которые срубаютъ дерево для того чтобы пожрать плоды его. Въ первые годы тираніи снимается жатва, посѣвъ которой произведенъ въ послѣдніе дни свободы. Вѣкъ Августа (какъ уже было нами замѣчено) богатъ твореніями мыслителей сформировавшихся еще во времена Цицерона и Цезаря. Плоды политики Августа созрѣли при его преемникахъ. Филиппъ II (Испанскій) принялъ въ управленіе націю, развившуюся подъ вліяніемъ свободныхъ учрежденій, которая потому была бы способна покорить весь міръ. Что Филиппъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ — хорошо извѣстно“.

Кстати будетъ замѣтить, что вообще наиболѣе видная въ Исторіи роль выпадала на долю личностей, стоявшихъ на рубежѣ республики и монархіи. Эта послѣдняя предоставляетъ полный просторъ проявленію силы воли и личныхъ вліяній вождя; тогда какъ на почвѣ республиканскихъ учрежденій, успѣшнѣе чѣмъ при всякомъ другомъ режимѣ, формируется твердость характера, пріобрѣтаются знанія и развиваются способности ума; подъ сѣнью этихъ же учрежденій вырабатываются орудія, которыя въ рукахъ даровитаго предводителя становятся рѣшителями судебъ. При помощи войскъ республики совершилъ Наполеонъ самыя геніальныя свои кампаніи, въ Италіи. Наравнѣ съ нимъ стоящими на означенномъ рубежѣ дѣятелями являются Александръ и Цезарь.

Отъ исторіи Испаніи обратимся къ неограниченнымъ монархіямъ Средней Европы въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ: къ блестящему вѣку Людовика XIV и кропотливой работѣ Великаго Курфюрста съ его преемниками, подготовившей военные успѣхи Фридриха II. Мы видимъ, подъ вліяніемъ абсолютизма, развитіе до высокой степени, но затѣмъ и упадокъ военнаго могущества; появленіе на поприщѣ литературы талантовъ, отличавшихся впрочемъ остроуміемъ и красотою формъ болѣе чѣмъ содержаніемъ и глубиною мысли; нѣсколько администраторовъ, очень ловкихъ, искусныхъ, но опять таки не глубокихъ. Если же зададимся вопросомъ — былъ ли подъ покровомъ сильной власти сдѣланъ серьезный вкладъ въ общую сокровищницу мысли, замѣчаются ли цѣнныя пріобрѣтенія въ смыслѣ коренныхъ основъ, на которыхъ зиждется истинное величіе народовъ, — то отвѣтъ будетъ далеко не удовлетворительный. *) Без-

* Кольбъ въ своей „Исторіи человѣческой культуры“ даетъ страшную картину ужасовъ, совершавшихся въ Европѣ въ пері-

пристрастный изслѣдователь долженъ сказать, что результатомъ управленія, въ означенномъ періодѣ, самодержцевъ и ихъ ближайшихъ сподвижниковъ былъ только рядъ фактическихъ данныхъ, отрицательное значеніе которыхъ послужило обильнымъ матерьяломъ для сопоставленій и выводовъ развившейся въ концѣ 18-го вѣка плодотворной работы мысли, разоблачившей вѣковыя предубѣжденія.

Новѣйшее время.

Критики свободныхъ учрежденій, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, съ особенною яростью набрасываются на примѣры событій новѣйшаго времени, до второй половины 19-го столѣтія включительно. Ужасы французской революціи и послѣдовавшая за симъ частая смѣна правительствъ во Франціи, неурядица господствующая въ Испаніи; неустойчивость направленія въ политикѣ, крайнее взаимное раздраженіе партій въ парламентѣ, доходящее до самыхъ неприличныхъ, даже ручныхъ схватокъ — все это и многое другое образуетъ богатый арсеналъ, изъ котораго извлекаютъ они свои ядомъ напитанныя стрѣлы. Но все это, какъ уже было объяснено, — безъ сопоставленія съ тѣмъ, что дѣлалось и дѣлается подъ управленіемъ власти самодержавной; безъ всякаго вниманія къ полезнымъ пріобрѣтеніямъ, составляющимъ прямой и несомнѣнный продуктъ дѣятельности народныхъ представителей. Забываютъ, что не смотря на многіе, неустраненные еще недостатки парламентаризма, все же лучшіе памятники новѣйшаго законодательства принадлежатъ безспорно Англіи и Франціи — двумъ странамъ, гдѣ парламентаризмъ достигъ наиболѣе полнаго развитія, и что многіе акты англійскаго парламента послужили образцомъ для другихъ европейскихъ законодательствъ.

одъ господства абсолютизма (въ XVI—XVIII столѣтіяхъ) — ужасовъ передъ которыми стушевываются даже наибольшія звѣрства французской революціи.

Не обращаютъ, лучше сказать не желаютъ обратить вниманіе на то, какъ далеко по пути прогреса шагнули впередъ даже молодыя славянскія государства, въ какіе нибудь 15—20 лѣтъ, неоспоримо подъ вліяніемъ только что полученнаго ими народнаго представительства. (См. Книгу Д-ра Иречка о Болгаріи. 1891 г.).

Относительно причинъ водворившейся и продолжающейся въ Испаніи неурядицы только что было приведено весьма убѣдительное объясненіе. Колебанія въ направленіи внѣшней и внутренней политики государствъ всегда были и будутъ. По сравненію съ государствами, въ которыхъ нынѣ установился парламентарный образъ правленія, отнюдь не большею устойчивостью отличалась политика Людовиковъ XIV и XV, также какъ первыхъ прусскихъ королей, а въ особенности послѣдняго изъ нихъ Фридриха-Вильгельма IV. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ наибольшую твердость и послѣдовательность въ политикѣ проявляетъ Англія — страна, гдѣ безспорно наилучше привилось и окрѣпло народное представительство. Частыя перемѣны правительствъ послѣ большой французской революціи указываются въ Испаніи и Франціи по преимуществу; но и здѣсь время существованія много разъ смѣнявшихся правительствъ найдемъ чрезвычайно продолжительнымъ, если для сравненія возьмемъ напримѣръ монархическій Римъ, гдѣ въ теченіе 115 лѣтъ (отъ 192-го по 307-ой) насчитываютъ 78 императоровъ и претендентовъ.

Вызывающее бурныя сцены раздраженіе партій, преимущественно въ Австро-Венгріи за самые послѣдніе годы, представляетъ собою дѣйствительно весьма прискорбное явленіе. Но едва ли было бы справедливо относить его къ недостаткамъ возникшимъ только изъ народнаго представительства и этой

формѣ исключительно присущимъ. Сознаніе своихъ правъ, на нашихъ глазахъ, неудержимо развивается въ обществѣ, до послѣднихъ слоевъ его и всѣхъ національностей. Остановить это движеніе не въ силахъ никакая конституція, да можно сказать съ увѣренностью, что не надолго задержитъ его и автократія. Назрѣвшая мысль, составляющая силу безусловно активную, ищетъ для проявленія своего точки приложенія, и не всегда находитъ ее въ существующихъ, неприспособленныхъ къ тому органахъ или частяхъ правительственной машины; особенно и болѣе чѣмъ гдѣ либо вновь выступающія силы не находятъ ее въ такомъ государствѣ какъ Австро-Венгрія, лишь недавно перешедшемъ отъ абсолютизма къ представительному правленію. Понятно, что исходящая, или освобождающаяся изъ народныхъ массъ энергія, заключенная какъ бы въ паровикѣ безъ клапана, производитъ отъ времени до времени потрясенія и взрывы. Понятно, что не закрытіемъ, а расчисткою и соотвѣтствующимъ приспособленіемъ путей для свободнаго движенія нервнаго тока, можно устранить или предотвратить ударъ. Пройдетъ извѣстное время — нервный токъ, хотя можетъ быть послѣ сильныхъ потрясеній, откроетъ и разработаетъ себѣ пути, по которымъ установится за симъ возможно-спокойное теченіе. Бурныя сцены въ парламентѣ, какъ замѣтилъ одинъ изъ серьезныхъ журналовъ, при всей нежелательности ихъ, можетъ быть имѣютъ въ данной обстановкѣ и хорошую сторону: такъ или иначе давая въ стѣнахъ палаты исходъ разыгравшейся страсти, народное представительство этимъ предотвращаетъ болѣе широкій разливъ ея; не будь этого, такъ накипѣвшая злоба перенеслась бы на улицу и могла бы разразиться весьма крупными кровавыми побоищами.

Наконецъ, что касается возмущающихъ душу, отвратительныхъ насилій и жестокостей, совершенныхъ

во время большой французской революціи, какъ отчасти и при другихъ народныхъ возстаніяхъ, то не надо забыть, что источникъ ихъ безспорно заключается въ своеволіи и злоупотребленіи властью, подъ давленіемъ коихъ, прикрываясь вынужденною личиною спокойствія, вѣками накоплялось народное озлобленіе. То что составляетъ лучшую сторону человѣческой природы — присущую ей свободу духа — безнаказанно гнать и попирать нельзя. На этотъ предметъ не можемъ опять не сдѣлать выписки изъ много разъ цитированнаго автора, высказавшаго приводимыя, чрезвычайно образныя слова по поводу обвиненій, которымъ подвергались дѣятели несравненно болѣе сдержанной и умѣренной англійской революціи.

Каковы бы ни были, говоритъ онъ, злоупотребленія, они не измѣнятъ взглядъ нашъ на событіе, создавшее разницу между нами и рабами гнущими спину подъ скипетрами деспотовъ. Много золъ несомнѣнно было вызвано междоусобною войною; но но въ нихъ заключается цѣна нашихъ вольностей. Пріобрѣтеніе было ли достойно жертвы? Духъ тиранніи, по самой природѣ своей, терзаетъ и бьетъ оставляемое имъ тѣло. Но неужели конвульсіи, потрясающія организмъ при изгнаніи духа тьмы, болѣе страшны чѣмъ постоянное пребываніе его въ человѣкѣ?

Если бы возможно было, чтобы народъ развившійся подъ вліяніемъ нетерпимости и произвола могъ освободиться отъ этого зла, не совершая актовъ безсмыслія и жестокости, половина возраженій противъ деспотизма сама собою отпала бы. Мы оплакиваемъ зло, наносимое революціею; но чѣмъ сильнѣе вредъ и обиды ее сопровождающіе, тѣмъ болѣе крѣпнетъ въ насъ сознаніе, что революція была необходима. Размѣры означеннаго зла вполнѣ соотвѣтствуютъ грубости и невѣжеству народа; а грубость и невѣ-

жество въ свою очередь прямо пропорціональны величинѣ тяготѣвшаго надъ народомъ гнета и униженія. Такъ было и во время нашего междоусобія. Главы церкви и государства пожали плоды того, что ими же было посѣяно. Правительство изгнало свободную мысль: оно всѣми мѣрами удерживало народъ въ невѣденіи его правъ и обязанностей. Возмездіе было естественно и справедливо. Правители наши потерпѣли отъ невѣжества толпы, потому что сами же они скрыли ключъ отъ сокровищницы знанія. Если подверглись они насиліямъ отъ ослѣпленной разнузданности, такъ потому что въ свое время требовали не менѣе слѣпого повиновенія.

По общему свойству подобныхъ революцій прежде всего бросается въ глаза изслѣдователя то, что въ нихъ есть самого дурнаго. Сбросившій путы народъ не вдругъ научается пользоваться своимъ пріобрѣтеніемъ. Первые шаги народныхъ массъ только что получившихъ свободу могутъ быть уподоблены неумѣренному на первыхъ порахъ пьянству какой нибудь сѣверной арміи внезапно попавшей въ страну винограда. Но мало по малу обиліе пріучаетъ къ воздержанію. Точно также въ конечномъ результатѣ свободы мы видимъ благоразуміе, милость, умѣренность; ближайшія проявленія ея напротивъ нерѣдко заключаются въ страшныхъ преступленіяхъ, взаимно состязающихся заблужденіяхъ, скептицизмѣ тамъ, гдѣ все ясно и догматизмѣ по вопросамъ наименѣе доступнымъ изслѣдованію. Именно этотъ кризисъ стараются враги свободы уловить на страницы своихъ лѣтописей. Разрушивъ подмостки подъ недостроеннымъ домомъ, они указываютъ на облака поднимающейся пыли, падающіе обломки, лишенные удобства покои, явную неправильность всѣхъ очертаній, и затѣмъ съ презрѣніемъ задаютъ вопросъ — гдѣ же обѣщанные изящество и комфортъ? При господствѣ столь жалкихъ софизмовъ, едва ли когда было

бы возведено хорошее зданіе или устроено добропорядочное управленіе?

Аріосто, въ одномъ изъ прелестныхъ вымысловъ, сравниваетъ свободу съ божествомъ, появлявшимся иногда въ видѣ отвратительнаго гада, котораго благодѣяніями могъ пользоваться только тотъ, кто умѣлъ терпѣть его въ отталкивающемъ видѣ. Такова именно сущность свободы: принимая по временамъ самыя омерзительныя формы, она пресмыкается и жалитъ; но горе тому, кто въ приступѣ гадливости попробуетъ раздавить ее. Счастливъ, напротивъ тотъ, кто осмѣлился принять ее въ приниженномъ, устрашающемъ видѣ: двойная награда ему достанется въ дни ея расцвѣта и славы.

Противъ опасностей, которыя влечетъ за собою вновь пріобрѣтенная свобода существуетъ только одно дѣйствительное средство — и это средство есть сама свобода. Узникъ только что оставившій темноту не выноситъ дневного свѣта: онъ не узнаетъ лицъ, не различаетъ цвѣтовъ; но безразсудно было бы въ видахъ предосторожности подвергнуть его вновь тому же заключенію. Такъ точно свѣтъ правды и свободы иногда ослѣпляетъ и какъ бы ввергаетъ въ водоворотъ націю полуутратившую зрѣніе отъ долгаго содержанія во мракѣ. Но дайте ей взглянуть на свѣтъ — и она скоро къ нему приспособится Въ короткое время люди научаются разсуждать. Крайняя заносчивость мнѣній сглаживается. Противоположныя теоріи взаимно обмѣниваются поправками. Разсѣянные элементы истины прекращаютъ вражду и направляются къ сліянію. Система справедливости и порядка наконецъ вырабатывается изъ хаоса.

Многіе современные намъ политики высказываютъ, въ качествѣ будто-бы не требующей доказательства истины, что народъ не долженъ получить свободы, пока не будетъ подготовленъ къ ея воспріятію. Правило вполнѣ достойное осмѣяннаго въ одномъ изъ

старыхъ разсказовъ глупца, принявшаго рѣшеніе отнюдь не ходить въ воду пока не научится плавать. Если бы люди осуждены были на ожиданіе свободы до тѣхъ поръ пока, пребывая въ рабствѣ, они не сдѣлаются мудрыми и добродѣтельными, то имъ пришлось бы ждать до скончанія вѣковъ. (Macaulay)

Здравыя и замѣчательно мѣткія сужденія эти были высказаны еще въ 1825 году (въ статьѣ о Мильтонѣ). Въ настоящее время содержаніе ихъ составляетъ въ Западной Европѣ одну изъ общепризнанныхъ истинъ, встрѣчающую возраженія развѣ со стороны немногихъ закоренѣлыхъ обскурантовъ. Къ сожалѣнію далеко не такъ въ Россіи, для которой дальнѣйшее пребываніе подъ властью самодержца многіе изъ русскихъ и до сихъ поръ считаютъ возможнымъ, даже необходимымъ. Этого мнѣнія держится, можно сказать, большинство принадлежащихъ къ такъ называемому высшему, правящему классу.*)

ГЛАВА III

Послѣднее убѣжище противниковъ народнаго представительства — въ государственномъ строеніи Россіи. Русская самобытность и элементы ее опредѣляющіе.

Было бы трудно защищать высказанное передъ этимъ мнѣніе, стоя на почвѣ общихъ началъ государственной жизни, получившихъ санкцію въ кон-

*) Въ смыслѣ неготовности Россіи къ воспріятію свободныхъ учрежденій высказался между прочимъ, передъ пишущимъ эти строки въ совершенно интимной глазъ на глазъ бесѣдѣ, одинъ изъ занимавшихъ министерскій постъ, вполнѣ основательно причисляемый къ разряду наиболѣе либеральныхъ министровъ 80-хъ годовъ. Это отчасти и было для автора поводомъ къ столь подробному обсужденію того, что представляется можетъ быть для нѣкоторыхъ вовсе не требующимъ доказательствъ.

кретномъ примѣрѣ развитія политическихъ организмовъ Западной Европы. Но не смущаясь этимъ, защитники русскаго самодержавія считаютъ начала западно-европейской жизни непримѣнимыми къ Россіи, которая будто-бы представляетъ собою организмъ совершенно своеобразный: особенности русской исторіи, говорятъ они, воспитали исключительно русскій народъ въ принципахъ самоотреченія отъ всякихъ политическихъ правъ и безусловнаго преклоненія передъ властью монарха, которое развиваясь съ древнѣйшихъ временъ, возросло до степени какъ бы врожденнаго понятія. Подобно этому, однимъ изъ основныхъ выраженій русской самобытности признается православіе и, нѣкоторыми, кромѣ того понятіе о владѣніи землею на общинномъ правѣ.

Такъ же какъ въ другихъ странахъ, источники или элементы, изъ которыхъ сложилось русское государство теряются во мракѣ временъ недостаточно освѣщенныхъ наукою, и въ отношеніи Россіи еще болѣе темныхъ чѣмъ для западной Европы. Изъ того что по этому предмету извѣстно нельзя не усмотрѣть, что историческое развитіе всѣхъ государствъ, какъ существующихъ, такъ и прежде бывшихъ, совершалось болѣе или менѣе своеобразнымъ для каждаго изъ нихъ путемъ. Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ безспорно большія отъ Западно-европейскихъ государствъ отличія чѣмъ тѣ, которыя можно указать при сравненіи послѣднихъ между собою. Но чтобы признать непригодность для Россіи тѣхъ формъ ограниченія монархической власти, которыя установились во всѣхъ сколько нибудь цивилизованныхъ государствахъ, — формъ, въ которыя естественно и логично должны были вылиться безусловно необходимыя гарантіи народнаго благосостоянія и прогресса, — очевидно слѣдуетъ выяснить и сообразить — дѣйствительно ли могли особенности русской исторіи воспитать русскій народъ въ принципахъ самоотре-

ченія отъ политическихъ правъ на столько, чтобы покорное преклоненіе передъ властью монарха и ея ставленниковъ заглушило въ народѣ и потребность самодѣятельности и способность къ ней; чтобы это отъ природы данное, драгоцѣннѣйшее качество человѣка было исключительно въ русскомъ народѣ подавлено религіознымъ будто бы почитаніемъ все направляющаго промысла Помазанника Божія.

На немногихъ страницахъ этого краткаго очерка прямо невозможенъ подробный обзоръ событій русской исторіи, по отношенію къ поставленному здѣсь вопросу. Потому обзоръ этотъ замѣняю изложеніемъ и разборомъ нѣкоторыхъ по означенному предмету сужденій, высказанныхъ людьми вполнѣ компетентными, притомъ видимо обнаруживающими склонность скорѣе преувеличить чѣмъ уменьшить значеніе особенностей русской исторіи, опредѣлившихъ исключительно своеобразное политическое развитіе русскаго народа. Остановлюсь прежде всего на взглядѣ одного изъ лучшихъ знатоковъ русской исторіи — профессора Кавелина.

а) Православіе какъ объединяющее начало.

Въ Великороссіи, говоритъ К. Д. Кавелинъ (1), христіанская вѣра православнаго исповѣданія стала искони народнымъ знаменемъ. При разселеніи незадолго передъ тѣмъ принявшихъ православіе Славянъ, по обширнымъ равнинамъ нынѣшней Великой Россіи, названіе христіанина служило отличительнымъ ихъ признакомъ среди язычниковъ-туземцевъ финскаго племени, и замѣняло постепенно-разселявшимся сознаніе народности, такъ что русскій и православный, въ народномъ понятіи, стали словами однозначущими. Этимъ объясняется огромное политическое значеніе православія въ Великороссіи, гдѣ сначала

(1) „Мысли и замѣтки о русской исторіи". 1866 года.

одна церьковь и представляла наше народное единство. Церьковное единеніе задолго предшествовало государственному и въ теченіе столѣтій подготовляло его. Церьковь стоитъ во главѣ народныхъ войнъ противъ Татаръ, и первую роль играетъ во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбу нарождающагося государства, которое она вскормила, выходила, и передала на руки свѣтской власти, когда процессъ образованія политическаго тѣла уже совершился. Вотъ ея неоцѣненная заслуга.

b) Самодержавіе.

Семья или дворъ — прототипъ русскаго государства.

Точно также совершенно своеобразнымъ признаетъ Кавелинъ установленіе у насъ неограниченной государственной власти. Гдѣ было завоеваніе, или хотя добровольное призваніе чужеземцевъ, тамъ въ жизнь вносился дружинный элементъ, изъ котораго впослѣдствіи развивается аристократія или олигархія; гдѣ раннія поселенія становятся центрами торговли и промышленности, тамъ развивается потомъ муниципальная жизнь, и поселенія обращаются въ государства, на подобіе древнихъ и средневѣковыхъ городскихъ республикъ. У насъ въ Великороссіи ничего такого нѣтъ. Домъ или дворъ лежитъ здѣсь въ основаніи общественности, онъ представляетъ собою человѣческое общество, состоящее изъ членовъ семьи и домочадцевъ, подъ властью одного господина-домоначальника. Въ этой соціальной единицѣ, какъ въ зародышѣ, заключаются зачатки всѣхъ послѣдующихъ общественныхъ отношеній; изъ нея, какъ изъ первичной ячейки, развились и семья и рабство — и гражданское общество и политическій организмъ — словомъ все наше государственное устройство, сложившееся по прототипу двора или дома, съ полновластнымъ хозяиномъ старшимъ по рожденію, во

главѣ. На подобіе двора организовались наши удѣльныя княжества, какъ только стали забываться западнорусскія формы, занесенныя на Востокъ во время колонизаціи: княжеская дружина преобразуется въ княжескій дворъ, состоящій изъ князя, членовъ его семьи и дворянъ — слугъ княжихъ. Типъ этотъ лежитъ въ основаніи и Московскаго государства: какъ прежде князь, московскій царь есть „отчичъ“ и „дѣдичъ“ Московскаго государства; царскій домъ или дворъ состоитъ изъ членовъ царскаго семейства; слуги царя или холопи окружаютъ его, нисходя по степенямъ отъ высшихъ приближенныхъ до низшихъ. Прибавляется только къ прежнимъ элементамъ двора или дома — народъ „сироты царскія“, т. е. состоящіе подъ защитой, охраной и попеченіемъ государя. Во время удѣловъ княжества обратились въ имущество князей, которое они дѣлили, покупали, продавали. Переходъ отъ удѣльной системы къ государственному единству былъ собственно возвращеніемъ къ типу двора или дома. Съ Дмитрія Донского начинаетъ вырабатываться ясное понятіе о государственномъ единствѣ и о единствѣ государственной власти, вслѣдствіе чего часть великаго князя становится все больше. Съ Ивана III всѣ владѣнія переходятъ въ руки одного государя, начальный типъ двора, можно сказать, возстановляется во всей своей первоначальной чистотѣ; западнорусское представленіе о великомъ князѣ, занесенное переселенцами на Востокъ, утрачивается. Тамъ великій князь былъ только главою княжескаго рода; въ Великой Россіи онъ перерождается въ территоріальнаго владѣльца: великое княженіе изъ власти становится областью; при помощи великаго княженія старшій князь дѣлается матерьяльно сильнѣе прочихъ, и это мало по малу ведетъ къ объединенію Великороссіи подъ властью великокняжескаго двора или дома.

Глубокій смыслъ московскихъ государственныхъ

и общественныхъ порядковъ тотъ, что въ нихъ государство осуществилось въ формахъ вполнѣ доступныхъ и понятныхъ великорусскому народу. Какъ былъ устроенъ частный бытъ, такъ точно и все государственное зданіе; домашняя дисциплина послужила образцомъ для дисциплины общественной и государственной: въ царской власти народу представилась въ идеальномъ видѣ та же власть, которую коротко зналъ онъ изъ ежедневнаго быта. Все это совершенно чуждо идеямъ западно-европейца, потому и не понятно для него.

Нѣкоторые считаютъ Петра основателемъ самодержавія въ Россіи. Но это ошибка. Самодержавіе у насъ родилось съ Великороссіей (1) и развивалось въ великихъ княжествахъ Владимірскомъ, Московскомъ, потомъ въ Московскомъ царствѣ, съ перерывомъ только въ смутную эпоху. При Петрѣ власть выражается въ болѣе рѣзкой формѣ потому, что онъ былъ не только царь, но и преобразователь. Кромѣ того онъ придалъ самодержавію особый характеръ: своею личностью, своею жизнью, своими „несносными печалями“ и великими дѣлами онъ вписалъ въ нашъ государственный уставъ, что власть есть трудъ, подвигъ, служба Россіи, прежде всего и больше всего. Это былъ его завѣтъ потомству, пережившій его арміи и флоты, учрежденія и „викторіи“, его слабости и ошибки (2).

Объясненіе русскаго самодержавія отсутствіемъ соціальныхъ органовъ.

Приведенные передъ симъ взгляды К. Д. Кавелина, какъ видно въ извѣстной степени идеализиру-

(1) Таково мнѣніе К. Д. Кавелина, которое одного можно принять только съ указанною выше оговоркою.

(2) Завѣтъ этотъ однако довольно плохо исполнялся въ ближайшую за Петромъ эпоху, можно сказать, до Екатерины II. Дѣло Петрово продолжалось его преемниками, но только служившими, не царствовавшими.

ющіе представленіе русскаго народа о государственной власти, какъ всегда бываетъ при направленіи мысли къ идеалу, недостаточно опираются на факты, недостаточно выясняютъ ихъ послѣдовательное развитіе, почему и оказываются не вполнѣ убѣдительными. Въ виду этого считаемъ не лишнимъ дополнить ихъ и сопоставить съ ними соображенія на тотъ же предметъ, хотя скрывшаго свое имя, но несомнѣнно весьма серьезнаго автора, здравая мысль котораго, болѣе опираясь на конкретныя фактическія данныя, этимъ практическимъ путемъ доходитъ до источниковъ образованія неограниченной государственной власти въ Россіи.

Находя также развитіе русскаго народа до чрезвычайности своеобразнымъ, авторъ говоритъ: на Западѣ соціальная жизнь составляетъ ключъ къ разнообразнымъ явленіямъ жизни политической; въ Россіи, наоборотъ, соціальные классы получили форму и организацію отъ политической власти.

Выдающееся значеніе имѣетъ въ исторіи Россіи борьба съ татарскими кочевыми инородцами, которая тянется сплошь черезъ все существованіе русскаго народа съ древнѣйшихъ его традицій. Она систематически оттѣснила Россію отъ болѣе выгодныхъ мѣстъ поселенія и отъ наиболѣе удобнаго торгового пути по Черному морю. Чтобы собраться, Русь должна была отступить отъ сосѣдства съ кочевниками и уйти на Сѣверъ, въ скудные предѣлы центральной полосы, подъ защиту лѣсовъ и болотъ.

Въ то время какъ послѣдніе завоеватели территорій, изъ которыхъ образовались нынѣшнія государства Средней и Западной Европы, водворяясь въ своихъ завоеваніяхъ, находили земли, по крайней мѣрѣ лучшія изъ нихъ, уже захваченными и получившими цѣнность отъ обработки, въ Россіи, при необъятныхъ ея пространствахъ, постоянной опасности отъ сосѣдей — кочевниковъ, безпрестанныхъ

переходахъ дружинниковъ отъ князя къ князю, и самихъ князей — изъ удѣла въ удѣлъ, въ Россіи не могло образоваться прочное землевладѣніе и общественная сила на немъ основанная. На Западѣ владѣніе землею естественно выдѣлило, изъ среды другихъ, классъ людей пріобрѣтшій и отстаивавшій извѣстныя права; рядомъ съ этимъ высшимъ классомъ землевладѣльцевъ и зависящими отъ нихъ земледѣльцами, развилась муниципальная жизнь, словомъ образовались сословія, органы соціальной жизни, съ которыми и должны были вступить въ борьбу короли, когда настало время подчинить ихъ жизни политической, заставить служить цѣлямъ государственнымъ. Въ Западной Европѣ, какъ и въ Россіи, собираніе земли, образованіе болѣе или менѣе значительныхъ территоріальныхъ политическихъ единицъ явилось одною изъ первыхъ задачъ нарождавшейся государственности. Но на Западѣ, путемъ завоеванія, наслѣдованія или иначе, присоединялись владѣнія уже успѣвшія до извѣстной степени организоваться, въ смыслѣ если не политическомъ, то по крайней мѣрѣ соціальномъ, вслѣдствіе чего и самыя пріобрѣтенія совершалися кушами болѣе или менѣе значительными: достаточно было овладѣть центромъ организма, для того чтобы признали свою зависимость и всѣ его части. У насъ дѣло это имѣло характеръ кропотливой, такъ сказать, молекулярной работы. Присоединеніе къ большому владѣнію извѣстной частицы не рѣшало еще участи другой частицы, хотя и сосѣдней, но вовсе не связанной, или очень мало связанной съ первою органически. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соединившій подъ своею властью обширную территорію Московскій Князь получалъ, можно сказать, неболѣе какъ глыбу, однородную массу, въ которой даже соціальная жизнь лишь только зарождалась въ видѣ первичныхъ ячеекъ; объ органахъ же въ ней жизни политической не могло быть и рѣчи. Уже для одного

управленія этою массою, не только для направленія ея къ цѣлямъ политическимъ, необходимы были какіе нибудь органы; такъ или иначе ихъ нужно было создать, и эта задача была выполнена въ тяжелый, по истинѣ можно сказать „страдный“ московскій періодъ нашей исторіи. Слѣдовательно, въ то время какъ на Западѣ Европы шла оживленная борьба сословій, корпорацій и проч., а верховной власти приходилось ихъ обуздывать, сдерживать, уравновѣшивать ихъ вліяніе, въ то время какъ и дѣйствія верховной власти являлись нерѣдко результатомъ, такъ сказать, равнодѣйствующею этой борьбы; у насъ, въ великой Россіи, княжеской потомъ царской власти нужно было вызывать къ жизни несуществовавшіе до той поры сословія, образовывать ихъ въ видахъ исключительно государственныхъ, для несенія государственнаго тягла — личнаго или служебнаго (въ войскѣ и управленіяхъ) и чернаго (податнаго), т. е. для удовлетворенія насущныхъ потребностей воинскихъ и фискальныхъ. Такимъ образомъ существеннѣйшимъ атрибутомъ принадлежности къ сословію на Западѣ было право; у насъ наоборотъ обязанность, принимавшаяся иногда какъ тяжелое бремя. Тамъ общественные слои, слагавшіеся самостоятельно, такъ сказать, ростомъ изнутри, постоянно стремились къ пріобрѣтенію правъ и привилегій, и въ этомъ собственно почерпали основы сословныя дѣленія; въ Россіи установленіе сословій было дѣломъ исключительно царской власти. Подъ давленіемъ ея, матеріалъ заключавшійся въ фактическихъ различіяхъ общественныхъ положеній и занятій сталъ вкладываться въ опредѣленныя съ юридической и политической точки зрѣнія рамки: организація служилаго класса, раздача ему земель, прикрѣпленіе крестьянъ за землевладѣльцами и проч. — всѣ эти мѣры положившія основанія сословнымъ дѣленіямъ въ Россіи исходили отъ царей.

Трудъ разселенія какъ источникъ нашей отсталости.

О происхожденіи особенностей нашего государственнаго строя собственно вѣдь въ томъ же смыслѣ, хотя съ меньшею рельефностію и нѣсколько инымъ оттѣнкомъ, высказывается и К. Д. Кавелинъ. Всѣ отличительныя черты исторіи Великороссіи, говоритъ онъ (1), имѣютъ источникомъ заселеніе нынѣшнихъ коренныхъ ея областей еще неуспѣвшимъ принять христіанской культуры, только по внѣшности христіанскимъ, но по существу языческимъ славянскимъ племенемъ, разсѣявшимся въ XI и XII вѣкѣ на огромномъ пространствѣ дикой, суровой страны, среди столь же малокультурныхъ, или еще болѣе дикихъ и грубыхъ финскихъ племенъ. Трудная, непрерывная борьба, при такихъ условіяхъ, съ природою и людьми, образовала и хорошія и дурныя стороны русскаго характера, хорошія и дурныя стороны религіозныхъ и политическихъ воззрѣній русскаго народа. Отсталость Великороссіи по сравненію съ Европой Кавелинъ приписываетъ никакъ не монгольскому игу, а единственно вышеупомянутому отсутствію въ разселявшемся и туземномъ элементѣ первоначальной культуры, изолированности и тяжкой борьбѣ, подъ вліяніемъ которой, въ общественномъ и гражданскомъ отношеніи, Великороссія не создала ничего кромѣ простѣйшаго изъ человѣческихъ союзовъ — семьи, по прототипу котораго и построила сначала княжество, а потомъ государство Московское, подъ управленіемъ самодержца, какъ хозяина или отца семьи или дома.

Какъ бы то ни было, примемъ ли ту или другую версію въ объясненіи источниковъ существующей у насъ идеи самодержавія, обѣ онѣ одинаково приходятъ къ выводу, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ исключительныхъ условій, повліявшихъ на развитіе велико-

(1) Тѣ же „мысли и замѣтки“ о русской исторіи.

русскаго племени, съ самыхъ начальныхъ или отдаленныхъ періодовъ его исторической жизни, народъ русскій будто-бы воспитался въ принципахъ отреченія отъ всякихъ политическихъ правъ и безусловнаго преклоненія передъ верховною властью, что въ этомъ надо признать одно изъ своеобразныхъ свойствъ нашего народнаго характера.

Ошибочность заключенія о всей Россіи, по даннымъ относящимся только къ восточной ея части.

Нельзя однако не замѣтить у обоихъ авторовъ нѣкоторое уклоненіе отъ логической послѣдовательности выводовъ въ томъ, что черту характера или особенность, происхожденіе которой усматривается въ зачаткахъ исторической жизни исключительно великорусскаго племени, они распространяютъ на весь русскій народъ, населяющій какъ восточныя, такъ и западныя области имперіи. Да и дѣйствительно, устраняя всякія теоретическія соображенія и выводы, обращаясь прямо къ наличности фактовъ, было бы трудно — касательно сущности монархической власти и ея отношеній къ народу — указать разницу въ воззрѣніяхъ простолюдина, обитающаго въ нынѣшнихъ заднѣпровскихъ, центральныхъ или приволжскихъ губерніяхъ, въ прозерной или южной-степной Россіи.

Между тѣмъ оба автора одинаково признаютъ, какъ можно усмотрѣть изъ нѣсколькихъ выраженій приведенныхъ выше цитатъ, что историческая жизнь народа зарождалась и развивалась не въ одинаковыхъ условіяхъ въ той и другой половинахъ нынѣшней европейской Россіи (1).

И такъ допустимъ что на Востокѣ слагались княжества по типу семьи или двора, при полномъ от-

(1) Въ особенности утверждаетъ и подчеркиваетъ это К. Д. Кавелинъ: „не различая въ прошедшемъ восточную Россію отъ западной, говоритъ онъ, мы будемъ безпрестанно впадать въ ошибки“.

сутствіи въ нихъ какихъ либо сословій; но въ другой половинѣ уже несомнѣнно строилась тогда же Русь вѣчевая и дружинная: на сѣверозападѣ видимъ муниципальную жизнь, съ широкою промышленною и торговою дѣятельностью, въ Малороссіи — вѣчевое и дружинное начала, съ сильною аристократіею, противъ которой боролись князья. Пусть и на Западѣ Россіи, въ удѣльно-вѣчевой періодъ, народное самоуправленіе не выражалось въ правильно организованныхъ учрежденіяхъ, но все же оно существовало, хотя и въ зародышѣ; а въ коренной русской общинѣ Новгородской безспорно вѣчу принадлежала первенствующая верховная власть, на ряду съ которою князь былъ только исполнителемъ. Въ виду этихъ данныхъ несомнѣнно слѣдуетъ признать за доказанное одно изъ двухъ положеній: или что въ западной половинѣ Россіи народъ, сформировавшійся при иныхъ къ верховной власти отношеніяхъ, чѣмъ въ Восточной, сохранилъ и впослѣдствіи иныя на эту власть воззрѣнія; а это, какъ было замѣчено, не согласовалось бы съ дѣйствительностью; или что повсемѣстное въ Россіи покорное преклоненіе народа передъ верховною властью, имѣло источникомъ не одни указанныя выше условія начальнаго въ Восточной Россіи періода нашей исторіи; что напротивъ, однородныя нынѣ всего русскаго народа понятія о государственной власти появились и окрѣпли подъ вліяніемъ и еще какихъ либо обстоятельствъ распространяющихся на всю Россію а не одну Восточную ея половину, — обстоятельствъ, не достаточно выясненныхъ приведенными авторами. Если же остановиться на этомъ послѣднемъ положеніи, то очевидно должно поколебаться и самое начало исконнаго почитанія русскимъ народомъ самодержавія, — начало логически выводимое изъ признанія образованія русскаго государства по прототипу семьи.

Наличность дружиннаго элемента на Востокѣ Россіи и подавленіе его.

Выводъ этотъ теряетъ въ своей убѣдительности еще и потому, что на Востокѣ Россіи, въ удѣльно-вѣчевой періодъ, несомнѣнно существовалъ также дружинный элементъ, вторженіе котораго изъ западной половины не отрицаютъ и приведенные нами авторы. Членъ княжеской дружины, съ самаго появленія его на историческомъ поприщѣ, былъ человѣкомъ вольнымъ. И хотя вольность его ограничивалась правомъ оставить князя когда онъ былъ недоволенъ послѣднимъ, но все же такое право, не смотря на его изолированность или первобытность, не лишено было значенія. Въ начальный удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи, существованіе множества князей ставило каждаго изъ нихъ въ зависимость какъ отъ земщины (вѣча) такъ и отъ дружины, и въ этомъ отношеніи едва ли можно установить большую разницу между Западомъ и Востокомъ Россіи. Благодаря тому, что не трудно было найти другого князя, вѣче, въ обѣихъ половинахъ земли нашей, не стѣснялось указать своему князю путь (попросту изгнать его), а дружинникъ его оставить, когда были имъ недовольны. Князья же, при общемъ недостаткѣ людей въ Россіи и легкой возможности ихъ лишиться, очевидно должны были дорожить своими слугами. Только въ дальнѣйшемъ періодѣ, когда наиболѣе энергичные и послѣдовательные изъ Князей сѣверной Россіи — Владимірскіе, потомъ Московскіе — обратились изъ витязей въ помѣщиковъ, усердныхъ пріобрѣтателей земли, тогда поняли они, что жалованье помѣстьями и вотчинами дружинниковъ, бояръ и потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей, представляетъ лучшее средство къ удержанію ихъ въ зависимости отъ себя: какъ ни малоцѣнна была земля, все же владѣніе ею давало извѣстныя выгоды, лишить которыхъ, т. е. отоб-

рать жалованную землю для государя было легче чѣмъ удержать безземельнаго дружинника отъ перекочевокъ. Земля стала, такимъ образомъ, въ рукахъ князей, потомъ царей московскихъ, средствомъ къ прикрѣпленію дружины, къ болѣе дѣйствительному подчиненію ея своей власти. А съ укрѣпленіемъ власти князя пало и значеніе вѣча.

Единодержавіе и попытки ограниченія царской власти.

При Иванѣ III и сынѣ его послѣдніе удѣлы присоединены къ Москвѣ, вольныя общины — Новгородская и Псковская — низложены, установлено единодержавіе. Но не актами преданности подданыхъ государямъ ознаменовалось оно, а преимущественно неумолимою строгостью, суровостью послѣднихъ. Еще Иванъ III сталъ противъ укоренившагося права отъѣзда недовольныхъ бояръ, и тѣхъ, которые переходили въ Литву, объявлялъ государственными измѣнниками. Василій III ссылалъ и казнилъ знатныхъ лицъ, порицавшихъ единоличное имъ рѣшеніе дѣлъ, безъ обсужденія боярскимъ совѣтомъ. Грозный, продолжая политику отца и дѣда, довелъ преслѣдованіе высшихъ классовъ общества до крайняго предѣла. Такимъ образомъ, государи московскіе въ этотъ періодъ пользовались дѣйствительно высшею степенью неограниченной власти, какой, по свидѣтельству посѣщавшихъ Россію иностранцевъ, не достигалъ ни одинъ изъ монарховъ Европы. Но власть эта поддерживалась исключительно мѣрами грубой жестокости. Тѣмъ съ большею силою встрепенулась реакція, какъ только почувствовала ослабленіе гнета. Рядъ мятежей, нарушенныхъ клятвъ, убійствъ, не только знаменуетъ смутный періодъ нашей исторіи, но распространяется и за предѣлы его. Правда, въ этихъ мятежахъ трудно усмотрѣть что либо здраво осмысленное, организованное; преслѣдуются преимущественно личныя цѣли. Та или другая партія,

изъ людей близко стоявшихъ къ правленію, возводить на престолъ государей, въ которыхъ расчитываетъ найти послушное орудіе своихъ корыстныхъ видовъ, и такъ же легко низвергаетъ ихъ, когда въ этомъ находитъ свою выгоду. Но иногда личныя цѣли замѣняются, или по крайней мѣрѣ заслоняются, государственными; дѣлаются попытки ограничить царскую власть боярскимъ или верховнымъ совѣтомъ. При этомъ присяга на вѣрность дается такъ же легко какъ нарушается, внѣ всякой зависимости отъ прирожденныхъ правъ того, кому присягаютъ. (1)

---

(1) Василій Шуйскій, въ грамотѣ о своемъ воцареніи, хотя и упоминаетъ о правахъ своихъ на царство какъ Богомъ данное прародителямъ его — Рюрику и Александру Невскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязывается никого не предавать смерти, не отнимать имѣнія у семействъ преступниковъ и ихъ родственниковъ, если они не участвовали въ преступленіи, „не осудя истиннымъ судомъ съ бояре своими“. Подобно сему и королевичъ Владиславъ, повторяя въ нѣсколько расширенномъ видѣ обѣщанія данныя Шуйскимъ, кромѣ того обязывается „не увеличивать налоговъ безъ согласія думскихъ людей“. А при низложеніи Шуйскаго соборомъ (мятежниковъ мирно собравшихся у Серпуховскихъ воротъ) постановлено было отказать ему отъ царства „потому что кровь при немъ напрасно льется и государь онъ несчастливый“. И Шуйскій спокойно подчинился этому требованію. Отъ времени избранія Михаила Ѳедоровича сохранилось указаніе, проливающее яркій свѣтъ на отношеніе къ этому дѣлу бояръ. Шереметевъ въ письмѣ къ Голицыну говоритъ: „Миша Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ повиденъ“. Во всемъ этомъ трудно усмотрѣть симптомы преданности началу наслѣдственной самодержавной власти. Попытка ограниченія этой власти, какъ извѣстно, была сдѣлана и при возведеніи на престолъ Анны Ивановны. Дворцовые перевороты при воцареніи Елисаветы и Екатерины, убійства Ивана Антоновича, Петра III и Павла также не особенно свидѣтельствуютъ въ пользу русской лояльности. Если все это сравнимъ съ тѣмъ наприм., что происходило въ Англіи при низложеніи Стуартовъ, то должны будемъ признать, что тамъ идея преданности династіи и безусловнаго преклоненія предъ велѣніями монарха по степени глубины и твердости внѣ всякаго сравненія превосходила то, что видимъ въ Россіи.

Участіе народа въ броженіи смутнаго періода.

Но что же при всемъ этомъ дѣлалъ народъ русскій? — Присягалъ вслѣдъ за высшими классами, не стѣсняясь черезъ немного времени и убить того, кому цѣловалъ крестъ; составлялъ вооруженныя шайки подъ предводительствомъ разныхъ смѣльчаковъ, грабилъ и безчинствовалъ. Присущаго будто бы народному характеру почитанія прирожденныхъ правъ самодержца здѣсь не видно. Да и едва ли можно было ожидать чего либо подобнаго. При обширности, малонаселенности края, трудности и продолжительности сообщеній, загнанный, безправный, невѣжественный народъ пожалуй не трудно было поднять во имя близкихъ ему, непосредственно его касающихся, насущныхъ интересовъ, но возвыситься до идеи государственнаго управленія онъ положительно былъ неспособенъ. Въ низложеніяхъ и возведеніяхъ могла принимать участіе московская и ближайшая къ столицѣ чернь; но масса народа тутъ не при чемъ. Подъ гнетомъ нужды и произвола ближайшихъ властей, гдѣ было ей разсуждать, тѣмъ болѣе идти на жизнь или смерть изъ за того — управляетъ ли ею царь единолично, или черезъ совѣтъ бояръ. Лишь бы не били и не обирали; а изъ какихъ причинъ, въ самомъ источникѣ, происходитъ битье или обираніе — не все ли ей равно. Отнюдь не противорѣчитъ этому взгляду и фактъ широко раскинувшагося народнаго движенія въ 1612-мъ году: не за возстановленіе самодержавія или Рюрикова дома поднялся народъ; а въ виду вполнѣ доступной его пониманію потребности изгнанія чужеземца, и на защиту домашняго очага отъ разоренія и поруганія со стороны бродившихъ повсюду шаекъ, прикрывавшихся знаменемъ разныхъ самозванцевъ.

Наиболѣе правдоподобное объясненіе причинъ самоотрѣченія русскаго народа отъ политическихъ правъ.

Изъ всего этого видно, что идея славянофиловъ

(за которыми въ этомъ случаѣ слѣдуетъ и К. Д. Кавелинъ) объ исключительномъ почитаніи русскимъ народомъ принципа абсолютной монархіи — какъ чего-то священнаго, единственно для Россіи пригоднаго и особенно для народа понятнаго — что идея эта фактически ничѣмъ не подтверждается. Да и трудно согласиться, чтобы находившійся на самой низкой степени развитія, отличавшійся и въ позднѣйшее время отсутствіемъ идеаловъ, простолюдинъ великорусскій выработалъ въ себѣ безграничную преданность государственной власти изъ того собственно, что видѣлъ въ ней идеалъ близкой ему и вполнѣ доступной его пониманію власти отца семейства. Взглядъ этотъ могъ пожалуй въ извѣстной степени способствовать фактическому утвержденію самодержавія въ Москвѣ; но первенствующей роли ему никакъ приписать нельзя. (1)

Несравненно большее въ этомъ смыслѣ значеніе принадлежитъ отсутствію въ восточнорусскихъ княжествахъ твердыхъ, опредѣлившихся общественныхъ классовъ, которые своими самодѣятельными стремленіями, могли бы создать иную почву для осуществленія исполненной Московскими царями исторической задачи объединенія Россіи и укрѣпленія ея политической независимости.

Но подъ вліяніемъ особенно неблагопріятныхъ условій, личность у насъ была, болѣе чѣмъ гдѣ либо, принесена въ жертву государству. Нельзя сказать чтобы приношеніе это вполнѣ охотно было сдѣлано, какъ народомъ, такъ и высшими слоями общества. Человѣкъ вездѣ остается человѣкомъ, отстаиваніе свобо-

(1) То что говоритъ объ этомъ К. Д. Кавелинъ составляетъ не болѣе какъ фикцію, основанную, какъ и всегда при такихъ умствованіяхъ бываетъ, на отсутствіи достаточныхъ фактическихъ данныхъ, касательно ранняго періода нашей исторіи, или на запутанности ихъ и трудности въ нихъ разобраться, о чемъ неоднократно упоминаетъ и самъ Кавелинъ.

ды своей личности вездѣ присуще его природѣ; разница лишь въ формѣ, въ которой совершается это отстаиваніе. Въ Европѣ, противъ обезличенія государствомъ индивида, борятся сословія, корпораціи, въ которыя уже успѣли сплотиться личности, имѣющія одинаковые интересы, и въ охраненіи этихъ интересовъ сознающія свое право. У насъ подобной борьбы не было, потому что не было органовъ, не только политическаго но и соціальнаго устройства; не успѣла еще развиться мѣстная сословная жизнь, и организовать противъ стремленій абсолютизма оппозицію, которая дѣйствовала бы послѣдовательно, въ сознаніи солидарности своихъ интересовъ. Населеніе недоросло у насъ даже до простого сознанія права, когда уже всплыли на поверхность и заявили о насущности своей потребности государственныя. Вслѣдствіе этого, въ безформенной, лишенной органовъ, хаотической массѣ, изъ которой государственная власть должна почерпнуть свои силы, которую стремится она направить къ извѣстной цѣли, происходитъ лишь какое-то глухое, нестройное, безцѣльное броженіе. Личность, насильственно вдавливаемая въ извѣстныя рамки, чувствуетъ себя очень неловко подъ этимъ давленіемъ; она усиленно бьется объ охватывающую ее сѣтку; но при этомъ проявляетъ свои интересы лишь единичными, изолированными, безсвязными порывами. По временамъ порывы эти создаютъ государству не малыя затрудненія; подавленные мѣрами усиленной жестокости, нерѣдко поднимаются они вновь съ удвоеннымъ напряженіемъ; но въ концѣ концовъ исчезаютъ безслѣдно, уступая силѣ болѣе осмысленной, успѣвшей до извѣстной степени организоваться.

Утилитаристъ по преимуществу — русскій народъ своимъ простымъ здравымъ смысломъ, доходитъ до пониманія практическаго значенія этой силы; признаетъ ее и подчиняется ей не потому чтобы видѣлъ

въ ней нѣчто священное, идеалъ того что почиталъ, чего желалъ онъ; такихъ идеаловъ у него не было; а просто потому что считаетъ за лучшее уступить обстоятельствамъ, слѣдуя пословицѣ: „противъ рожна не можно прати“, или „плетью обуха не перешибешь“. Не находя покоя въ царствовавшемъ хаосѣ, народъ нашъ приходитъ къ заключенію, что можно жить подъ любымъ управленіемъ („кто ни попъ тотъ батька“), лишь бы какъ нибудь прекратилась неурядица. *) Что и послѣ всѣхъ пронесшихся надъ нимъ золъ, послѣ вѣкового гнета крѣпостного права, народъ русскій сохранилъ способность и стремленіе къ вѣданію своими дѣлами и общественными интересами — это онъ вполнѣ доказалъ живымъ и разумнымъ участіемъ въ земской дѣятельности, какъ только благодѣяніемъ великой реформы ему открытъ былъ (потомъ опять стѣсненный) доступъ къ ней.

Таково наиболѣе правдоподобное объясненіе временно, какъ видно, развившагося въ русскомъ народѣ игнорированія законно принадлежащихъ ему, какъ и всякому другому народу, политическихъ правъ, и пассивнаго преклоненія его передъ властью, сначала въ Московскомъ царствѣ, а потомъ и во всей имперіи, когда сила ея распространилась также на западную половину Россіи.

Можно ли на этомъ основаніи строить дальнѣйшее движеніе къ прогрессу.

Какъ бы то ни было, если и принять за данное, что неограниченная власть монарха, незыблемо стоящая въ Россіи до сихъ поръ, имѣетъ источникомъ сознательное отреченіе народа отъ политическихъ

*) Считаю не лишнимъ напомнить, что по этому отдѣлу особенно отнюдь не претендую на авторитетность. Взглядъ на развитіе государственной идеи въ Россіи изложенъ здѣсь такъ, какъ представлялось для меня собственно наиболѣе понятнымъ и правдоподобнымъ.

правъ, и что также неприкосновенно сохраняется въ массѣ русскихъ почитаніе православія, тѣмъ не менѣе остается къ разрѣшенію вопросъ: слѣдуетъ ли изъ этого, что означенные элементы должны быть приняты за исходную точку дальнѣйшаго нашего развитія, что на нихъ по преимуществу должно быть основано поступательное движеніе Россіи и отъ настоящаго момента?

c) Вліяніе на внутреннюю жизнь Россіи элементовъ создавшихъ ея единство и силу.

На почвѣ этихъ практическихъ соображеній послѣдуемъ опять за тѣми же цитированными выше авторами, чего почти неотступно держались до сихъ поръ, и посмотримъ какими результатами во внутренней жизни Россіи выразились указанныя ими особенности нашей исторіи.

Религія.

„Религія, говоритъ К. Д. Кавелинъ*), на ряду съ великимъ благомъ единенія, не дала намъ ничего кромѣ внѣшности, продолжающейся и до сихъ поръ, при полномъ отсутствіи внутренняго содержанія. Вся жизнь великорусса, съ самаго появленія его на исторической почвѣ, совершается отъ колыбели до гроба посреди непрерывныхъ обрядностей и ритуаловъ, не оставляющихъ ни малѣйшаго простора свободной иниціативѣ человѣка.

Народный характеръ.

„На характерѣ великоруссовъ всецѣло отразилась

*) На него болѣе всего ссылаемся потому именно, что онъ, въ воззрѣніяхъ своихъ на русскую народность, видимо приближается къ пристрастнымъ ея цѣнителямъ — Славянофиламъ. Подъ вліяніемъ этого пристрастія онъ нерѣдко впадаетъ въ противорѣчія съ самимъ собою, что отчасти замѣчается и въ приводимыхъ здѣсь цитатахъ; а иногда даже въ явныя нелѣпости (сужденія по Восточн. вопросу въ 1866-67 годахъ.

исторія ихъ происхожденія и постепеннаго развитія. Въ вѣковыхъ трудахъ разселенія образовались подвижность, умѣнье найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ, практическій тактъ въ сношеніяхъ съ инородцами, склонность къ молодечеству, къ безграничной свободѣ (прибавимъ — только внѣшней). Но вмѣстѣ съ тѣмъ упорная борьба съ природой-мачихой поглащала всѣ силы человѣка, не оставляя ему досуга для высшихъ помысловъ, развивая, рядомъ съ суевѣрнымъ фатализмомъ, признакомъ гнетущей внѣшней обстановки, какой-то грубый реализмъ, отсутствіе идеальной сдержки, которая даетъ точку опоры противъ измѣнчивости внѣшнихъ обстоятельствъ и случайностей. Отсюда разгулъ не знающій ни цѣли ни предѣловъ, жизнь со дня на день, вообще отсутствіе предусмотрительности, исторической памяти, такъ что величайшія событія и эпохи исторіи какъ бы проносятся надъ головою народа незамѣтно.

Подражательность.

„Отсутствіе культуры въ коренномъ и пришломъ населеніи великоруссіи; затѣмъ, въ продолженіе всей исторіи односложность нашего быта, никогда не нарушеннаго какимъ либо притокомъ извнѣ; грубый матерьяльный трудъ заселенія дикой страны при самыхъ враждебныхъ человѣку природныхъ условіяхъ; всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя на цѣлые вѣка сдѣлали невозможнымъ развитіе великорусской вѣтви изъ самой себя. Ее не воспитала среда, въ которой она находилась; нравственная и умственная жизнь въ ней дремала. Единственнымъ путемъ культуры осталось всасываніе образовательныхъ элементовъ изъ другихъ странъ. Наша падкость ко всему новому, воспріимчивость выработанная до виртуозности, подражательность, обезьянничанье — прямо вытекаютъ изъ отсутствія въ насъ всякаго содержанія и изъ потребности наполнить эту пустоту впитываніемъ образовательныхъ элементовъ извнѣ. Отсюда

внѣшній характеръ нашего образованія, раздвоенность общества, отчужденіе высшихъ классовъ отъ низшихъ.

Нравы.

„Частный бытъ и нравы великоруссовъ опредѣлились также въ общемъ и въ подробностяхъ указанными выше зачатками, лежащими въ основаніи внутренней жизни страны. Пассивное воспріятіе чужой культуры, дисциплинарная по преимуществу роль церкви и первобытная форма государства — все это свидѣтельствуетъ о первоначальной грубѣйшей непосредственности людей, о крайне слабомъ развитіи въ нихъ духовнаго, нравственнаго элемента, который немыслимъ тамъ, гдѣ индивидуальное развитіе еще не начиналось. Это и отражается на частномъ бытѣ и нравахъ, которые описываются самыми мрачными красками въ туземныхъ источникахъ и сказаніяхъ иностранцевъ. Величайшая невоздержность, всякаго рода вѣроломство, обманъ, насиліе, воровство, частые грабежи и разбои, шаткость во всемъ, своекорыстіе, плутовство во всѣхъ возможныхъ видахъ — вотъ въ чемъ на разные лады и съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія упрекается великорусскій людъ всѣхъ общественныхъ разрядовъ и положеній. Въ великоруссіи не было другой общественности кромѣ, такъ сказать, домашней, семейной; выше этого, до интересовъ корпоративныхъ, государственныхъ мы еще не поднялись. Потому и до сихъ поръ нерѣдко случается встрѣтить человѣка, который въ рамкахъ семейныхъ отношеній обладаетъ весьма почтенными качествами, и оказывается ни къ чему не годнымъ, даже прямо преступнымъ, разъ что ему приходится вступить на арену болѣе широкой, общественной дѣятельности.

Поворотъ Россіи на путь европейской культуры.

„Внутренній бытъ Россіи XVII вѣка представляетъ законченное цѣлое азіатской монархіи въ пол-

номъ смыслѣ слова. Односложная формація осуждала ее на совершенную неподвижность, впредь до покоренія другимъ народомъ, или до внутренняго распаденія вслѣдствіе собственной дряхлости. Остановись мы на этой точкѣ—трудно было бы сказать что выиграла Великороссія передъ прочими славянскими племенами, подпавшими чужому вліянію. Самостоятельность на манеръ китайской едва ли лучше несамостоятельнаго участія въ жизни другихъ народовъ, играющихъ роль въ общемъ ходѣ культуры.

„Но Россіи не суждено было остановиться на этой формѣ омертвѣвшаго, или застывшаго политическаго организма. Къ концу XVII вѣка замѣчается въ Московскомъ царствѣ небывалое броженіе. Волненія и неустройства предшествовавшіе Петру свидѣтельствуютъ о разслабленіи внутреннихъ, дотолѣ крѣпкихъ связей. Съ одной стороны — разложеніе, съ другой настойчивый протестъ, исканіе выхода. Причина въ томъ, что простыя, первобытныя формы, которыми опредѣлился старинный великорусскій бытъ, оказываются уже недостаточными для возникавшей, болѣе сложной общественности. Начальная соціальная ячейка — домъ или дворъ, и развившееся изъ нея крѣпостное право, становятся узки для болѣе зрѣлаго государственнаго и гражданскаго быта. Общества сложнаго состава вырабатываютъ изъ самихъ себя идеалы общественнаго устройства или порядка, и когда одинъ порядокъ оказывается недостаточнымъ, на смѣну его изнутри того же общества является иной, выработанный другими въ немъ существующими элементами. У насъ подобныхъ элементовъ не было; даже случайное вторженіе ихъ истреблялось въ самомъ зародышѣ. При односложномъ составѣ московскаго государства не изъ чего было образоваться сословіямъ, корпораціямъ, вообще частнымъ союзамъ. Потому, какъ скоро вѣковой историческій типъ отжилъ свое время, обнаружилась невозмож-

ность замѣнить его другимъ, взятымъ изъ нѣдръ собственной жизни; въ полной силѣ проявилось сознаніе, что онъ можетъ быть заимствованъ только извнѣ отъ другихъ народовъ. Петръ былъ не болѣе какъ живымъ, конечнымъ, дѣятельнымъ — потому можно сказать — геніальнымъ выразителемъ этого сознанія.

д) Община.

Остается еще сказать нѣсколько словъ относительно русской общины, для чего обращаемся опять къ сужденіямъ того же К. Д. Кавелина.

„Общинный бытъ, говоритъ онъ, предполагаетъ общественное устройство и извѣстный способъ веденія общественныхъ дѣлъ, перешедшій въ обычаи и нравы. Есть ли у насъ общинный бытъ въ такомъ смыслѣ — сказать трудно. Имѣющіеся на этотъ предметъ факты противорѣчивы, такъ же какъ и взгляды народа, выражающіеся въ пословицахъ. Напримѣръ—съ одной стороны — „міръ великое дѣло“, съ другой — „міръ силенъ какъ волна и глупъ какъ свинья“, съ одной — „дружка о дружкѣ Богъ обо всѣхъ“, съ другой — „моя хата съ краю ничего не знаю“. Всего точнѣе и подробнѣе развиты въ народѣ обычаи относящіеся къ общественной раскладкѣ всякаго рода повинностей, податей, сборовъ, къ раздѣлу полей и угодій; всѣ другіе далеко не такъ повсемѣстны. О внутреннемъ бытѣ русскихъ крестьянъ и городскихъ обществъ мы имѣемъ до царствованія Ивана Грознаго только скудныя извѣстія, относящіяся почти исключительно къ податямъ, повинностямъ и раскладкамъ. Изъ этихъ свѣденій видно, что волости были обременены налогами, что судъ принадлежалъ не имъ, а кормленщикамъ или частнымъ владѣльцамъ. Противъ произвола ихъ боролись оба Ивана; послѣдній намѣревался даже отмѣнить

вовсе царскихъ мѣстныхъ правителей, а судъ и полицію передать самимъ обществамъ. Во всемъ этомъ трудно усмотрѣть слѣды сколько нибудь установившейся общинной жизни въ великороссіи; напротивъ, слѣдуетъ заключить, что сельское и городское населеніе жило вполнѣ подъ частнымъ правомъ, или подъ произволомъ княжескихъ слугъ и кормленщиковъ, типъ власти коихъ былъ тотъ же, что и частныхъ владѣльцевъ. Не надо также забыть, что существовалъ тогда свободный переходъ съ одного мѣста на другое и что на частныхъ земляхъ люди жили по договорамъ, которые заключались владѣльцами не съ цѣлыми обществами, а съ отдѣльными лицами. Такъ, до конца XVI вѣка, всѣ хотя и скудныя свѣденія скорѣе противъ существованія общиннаго быта, чѣмъ за него. Въ XVII вѣкѣ крѣпостное право опредѣлило общественную и государственную жизнь во всѣхъ ея малѣйшихъ подробностяхъ; слѣдовательно, менѣе чѣмъ когда либо, сталъ возможнымъ самостоятельный бытъ общины. Куда его вставить среди такой обстановки? Ему не было мѣста. Весь складъ общественнаго строя исключаетъ общину. Но весьма вѣроятно, въ это время первый узелъ общиннаго устройства былъ завязанъ податями, повинностями, вообще тягломъ въ пользу казны. Ей было удобнѣе имѣть дѣло не съ лицами, а съ обществомъ, на которое оттого и легла обязанность раскладывать подати, повинности и службы. Отсюда и стала развиваться община. Но все сказанное о ней не болѣе какъ догадки".

„Профессоръ Чичеринъ первый указалъ на податное, финансовое, тягловое происхожденіе нашихъ городскихъ и сельскихъ общинъ. Онѣ и доселѣ глубоко запечатлѣны этимъ характеромъ. Что въ бытѣ ихъ принадлежитъ генію славянскаго племени, что исторіи и особеннымъ обстоятельствамъ, посреди которыхъ онѣ развились — покажетъ будущее; но въ

прошедшемъ великорусскаго племени онѣ едва ли имѣютъ значеніе, которое имъ иные приписываютъ. По крайней мѣрѣ нашъ древній общинный бытъ ничѣмъ не заявилъ себя въ ежедневной, будничной жизни, не оставилъ по себѣ слѣда, что было бы непремѣнно, если бы онъ игралъ какую нибудь роль въ народномъ развитіи".

е) Конечный выводъ о значеніи православія и самодержавія для дальнѣйшаго развитія Россіи.

Обращаясь къ конечному выводу изъ всего передъ этимъ сказаннаго, полагаемъ, что на поставленный выше вопросъ о возможности дальнѣйшаго культурнаго развитія Россіи на почвѣ доселѣ выработанныхъ ею началъ — православія и самодержавія — слѣдуетъ вполнѣ безпристрастно отвѣтить только въ смыслѣ отрицанія.

Христіанство, пока не переступаетъ оно за предѣлы практическаго нравственнаго ученія, безспорно является однимъ изъ величайшихъ просвѣщающихъ элементовъ, и въ этомъ качествѣ — наибольшимъ благодѣяніемъ для человѣчества. Но далеко не то, когда христіанство переходитъ на почву теологическихъ умозрѣній, внѣшнихъ формъ поклоненія божеству, когда оно дѣлается орудіемъ власти въ рукахъ честолюбцевъ, средствомъ къ преслѣдованію политическихъ цѣлей и къ пріобрѣтенію матерьяльныхъ выгодъ. На этой почвѣ христіанство, уже организованное въ церьковь, становится наоборотъ истиннымъ бичомъ народа, злѣйшимъ врагомъ научнаго знанія, правильно спокойнаго умственнаго и нравственнаго развитія; орудіемъ обмана, невѣжества, пытокъ, казней и огульныхъ самоистребленій человѣческаго рода. Доведенное до высшей степени искусство — заставить религію служить цѣлямъ политическимъ и при-

крыть названіемъ христіанства языческое поклоненіе обоготворенному въ неисчислимыхъ образахъ человѣку — таково было начало Восточной или Византійской церкви, таковы были преданія, въ которыхъ она и продолжала свое развитіе. Православная религія, заимствованная Россіею отъ этой лицемѣрной, выродившейся въ одни лицедѣйства церкви, притомъ въ періодъ едва ли не наибольшаго ея упадка, какъ видѣли, все же сослужила Россіи извѣстную службу въ смыслѣ политическомъ, въ дѣлѣ объединенія. Но на этомъ роль ея и должна окончиться. Въ отношеніи умственно-нравственнаго развитія, она болѣе всего послужила орудіемъ для подавленія мысли, почвою для пререканій о безсодержательныхъ теологическихъ тонкостяхъ (наши расколы), средствомъ для прикрытія косности и всѣхъ видовъ разврата наружными формами благочестія и маскою слѣпой, неразсуждающей, заимствованной изъ откровенія вѣры.

Мы уже имѣли случай упомянуть (въ началѣ I части) о громадной массѣ познаній, пріобрѣтаемыхъ ребенкомъ въ первые пять-шесть лѣтъ жизни его отъ рожденія. Успѣхъ работы этой находитъ объясненіе въ неимовѣрной воспріимчивости дѣтскаго мозга, нервной системы ребенка, всего его организма, — воспріимчивости сохраняемой до извѣстной степени и въ годы отрочества. Въ этомъ свойствѣ натуры человѣка несомнѣнно кроется источникъ и той стойкости съ которою удерживаемъ мы впечатлѣнія дѣтства и первой молодости, когда пріобрѣтенное позже успѣло уже исчезнуть безслѣдно. Всякій привыкшій наблюдать себя, полагаю, могъ вынести убѣжденіе, что свѣденія, мысли, вѣрованія, предразсудки, усвоенные нами въ раннемъ возрастѣ, наиболѣе твердо хранятся человѣкомъ до зрѣлыхъ лѣтъ и даже до старости; что противъ нихъ нерѣдко оказываются безсильными всѣ научно обоснованные доводы и строго-логичныя умозаключенія. Наука, здравое раз-

мышленіе, рядъ конкретныхъ, провѣренныхъ опытомъ данныхъ говорятъ намъ одно; а глубоко внѣдрившіеся въ мозгу дѣтскія вѣрованія или предразсудки упорно стоятъ на другомъ. Мы вполнѣ сознаемъ, что истина, правда на сторонѣ первыхъ, но не находимъ въ себѣ силы окончательно отвергнуть вторые; и несомнѣнно каждый изъ людей мыслящихъ проводилъ годы въ попыткахъ, путемъ всевозможныхъ ухищреній и натяжекъ, согласовать непреложныя указанія науки съ ребяческими воззрѣніями. Не одинъ разъ, какъ было сказано, въ борьбѣ этой, послѣднія одерживали верхъ, продолжали до старости руководить нравственнымъ существомъ человѣка; или по крайней мѣрѣ уступали только тяжкимъ усиліямъ, непроизводительно поглощавшимъ массу времени и труда, которые могли бы быть посвящены иной, плодотворной работѣ.

Отсюда ясно, что польза или вредъ получаемыхъ ребенкомъ религіозныхъ внушеній, можно сказать, неисчислимы; и то что даетъ нынѣ русскому православная церковь, безспорно, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, приноситъ горькіе, дурные плоды.

Таково значеніе религіи нашей теперь; ничего кромѣ внѣшнихъ формъ, обрядности прикрывающей всякое зло, внутренней пустоты, очевидно, не дастъ она и въ будущемъ (1). Что касается самодержавія,

(1) Нельзя не указать еще на одно изъ золъ, вытекающихъ изъ поддержанія господствующаго въ Россіи значенія православной церкви. У насъ много говорятъ о необходимости сближенія интелигенціи съ народомъ. Въ беллетристикѣ послѣдняго времени преобладаютъ повѣсти и разсказы изъ народнаго быта; статьи серьезнаго содержанія дали не мало изслѣдованій и очерковъ по части жизни народа и его характера. Труды земства по предмету народнаго образованія останутся навсегда памятною страницею въ исторіи его дѣятельности. Но всего этого явно недостаточно для того, чтобы интеллигенція и народъ поняли другъ друга, стали жить одною жизнью, слились бы въ общемъ рука объ руку дви-

то оно дѣйствительно установилось у насъ при условіяхъ несходныхъ съ утвержденіемъ кратковременно-абсолютной власти королей въ Западной Европѣ. Но особенности нашей исторіи, какъ видѣли, далеко не создали какихъ либо въ нашу пользу преимуществъ. Напротивъ, односложность всего народнаго быта, отсутствіе сословій и вообще какихъ либо соціальныхъ органовъ, давшія Великимъ Князьямъ Московскимъ возможность, безъ тяжелыхъ условій борьбы, стать полновластными государями, вмѣстѣ съ тѣмъ были прямою причиною явной культурной отсталости Россіи, развитія весьма нехорошихъ свойствъ нашего народнаго характера, полной невозможности выработать, изъ своей внутренней жизни, какъ идеалы прогресса, такъ и средства къ ихъ осуществленію; потому и причиною безусловной необходимости идеалы и средства эти заимствовать извнѣ. Во всемъ этомъ видимо не заключается ни основаній, ни данныхъ къ минованію Россіею тѣхъ фазисовъ развитія, чрезъ которые прошла Европа; къ пріобрѣтенію, по-

---

женіи къ устройству своего благосостоянія. Это благо, это первенствующее условіе плодотворной работы на пути къ прогрессу (встрѣчающее и другія препятствія) во всякомъ случаѣ останется въ Россіи недостижимымъ до тѣхъ поръ, пока въ качествѣ разъединяющаго начала между интелигенціею и народомъ будетъ стоять церковь. Религіозныя вѣрованія несомнѣнно должны представлять исходную точку и конечный выводъ всего міровоззрѣнія человѣка; а въ этомъ отношеніи, между интелигенціею и русскимъ народомъ, ничего общаго нѣтъ и, при настоящихъ условіяхъ, быть не можетъ: для интелигента очевидно не мыслимо спуститься до грубыхъ циничныхъ воззрѣній народа на божество и отношенія къ нему; а церковь — духовенство русское — усиленно работаетъ на почвѣ неподвижнаго удержанія народа въ заколдованномъ кругу извращенія здраваго смысла, господства суевѣрій и предразсудковъ, изъ которыхъ составляется вся область вѣрованій русскаго народа. Такимъ образомъ разъединяющая оба элемента пропасть не только не идетъ къ заполненію, а напротивъ все болѣе и болѣе разверзаетъ зѣвъ свой.

средствомъ какихъ то исполинскихъ шаговъ небывалаго русскаго генія, тѣхъ благъ, которыя отчасти достигнуты западными сосѣдями, отчасти составляютъ пока только идеалъ ихъ стремленій, идеалъ, какъ говорятъ наши самобытники, даже навсегда ими утраченный.

Православная церковь, какъ видѣли, имѣла въ Россіи первенствующее значеніе въ смыслѣ политическомъ — въ качествѣ мощнаго дѣятеля по удержанію связи между обрывками Славянскаго племени, расползавшимися по обширнымъ пространствамъ дикой, пустынной или инородной страны. Но это дѣло ея, несомнѣнно благое въ начальный періодъ нашей исторіи, уже нѣсколько столѣтій тому назадъ окончательно завершено и всецѣло перешло къ власти государственной. Нынѣ въ имперіи политически крѣпко сплоченной, въ которой изъ 130 милліоновъ населенія не болѣе 95-ти милліоновъ исповѣдуютъ православіе, привилегированная, господствующая Грекоцерковная церковь можетъ, напротивъ, имѣть только разъединяющее вліяніе. Точно также и самодержавію принадлежитъ выдающаяся роль въ совершившемся строеніи русскаго государства. Но и его дѣло сдѣлано, прежнее значеніе—внѣ всякихъ сомнѣній—уже исчерпано. Въ настоящее время оно безусловно должно быть включено въ число элементовъ вредныхъ, только задерживающихъ движеніе къ прогрессу, если не прямо влекущихъ Россію назадъ, т. е. къ распаденію.

Наиболѣе полное выясненіе этого и составитъ предметъ послѣдующаго анализа.

ГЛАВА IV.

Несостоятельность абсолютизма, выясняемая на основаніи общихъ соображеній о внутренней жизни государствъ.

Подъ вліяніемъ абсолютизма наиболѣе проявляются присущіе большимъ государствамъ недостатки.

Мы уже имѣли случай высказать, что возможно-близкое къ идеалу устройство народной жизни представляется доступнымъ болѣе для мелкихъ чѣмъ для крупныхъ политическихъ организмовъ. Въ періодъ полнѣйшаго расцвѣта абсолютизма въ Европѣ, самовластными господами въ раіонѣ своихъ владѣній, правда, являются въ числѣ другихъ и малые князьки Германіи или Италіи; но какъ въ этотъ періодъ и въ болѣе отдаленное время, такъ и въ ближайшіе къ намъ годы, наиболѣе установившіеся типы неограниченной монархіи мы находимъ въ соединенныхъ подъ одною державою обширныхъ территоріяхъ. Въ этихъ владѣніяхъ, подъ вліяніемъ самодержавія, въ наибольшей мѣрѣ обозначаются присущія крупнымъ политическимъ организмамъ слабыя стороны, которыя главнѣйшимъ образомъ заключаются: въ трудности управленія отдаленными частями государства, при подавленіи центральной властью мѣстной жизни, и — какъ прямой результатъ послѣдняго — въ упадкѣ индивидуальнаго характера, энергіи и общественной нравственности; вмѣстѣ съ тѣмъ — въ развитіи грубыхъ инстинктовъ, имѣющихъ основаніемъ будто бы побужденія патріотизма и національнаго величія.

Разсмотримъ въ большей подробности эти проявленія отрицательныхъ свойствъ народной жизни.

Выше проведена была паралель между успѣхами духовнаго развитія въ крупныхъ и мелкихъ политическихъ организмахъ, съ объясненіемъ невыгодъ со-

средоточенія законодательныхъ и административныхъ функцій въ центрѣ государства. Въ объясненіи этомъ, подкрѣпленномъ особенно авторитетомъ Герберта Спенсера, весьма строго осуждено было пагубное вліяніе захвата всѣхъ функцій власти новѣйшими представительными собраніями или парламентами. Но сказанное тогда относительно парламентовъ несомнѣнно и еще въ большей мѣрѣ примѣняется къ абсолютной монархіи.

а) Естественная склонность абсолютизма къ централизаціи власти.

Склонность абсолютизма къ захвату власти вполнѣ натурально вытекаетъ изъ самой его сущности. Абсолютизмъ, какъ мы видѣли, могъ развиться и окрѣпнуть только на развалинахъ правъ сословій, вольностей городовъ, мѣстныхъ и общественныхъ привилегій, въ той или другой формѣ. Совмѣстивъ въ себѣ одномъ, въ своей доброй волѣ, источникъ всѣхъ этихъ правъ, привилегій и вольностей, возведя столь обширныя полномочія на степень власти, непосредственно Богомъ ему дарованной, самодержецъ — во всякой попыткѣ лица или общества дѣйствовать самостоятельно, въ силу естественныхъ человѣческихъ правъ, независимо исходящихъ отъ его особы разрѣшеній или указаній — самодержецъ, весьма понятно, во всякой подобной попыткѣ не можетъ не видѣть нарушеніе отъ Бога ниспосланной благодати, выразившейся въ санкціонированіи атрибутовъ его сана, или говоря проще, не можетъ неусмотрѣть явное стремленіе возстановить то, чрезъ что ему нужно было перешагнуть, что надлежало раздавить и уничтожить, для установленія ничѣмъ не ограниченнаго полновластія. Случается, правда, слышать мнѣнія о возможности развитія мѣстной жизни и при господствѣ самодержавія; но такія сужденія въ дѣйствительности составляютъ не болѣе какъ неудачную и по су-

ществу своему предосудительную попытку — хитростью выманить у автократизма то, въ чемъ несомнѣнно кроются зачатки его паденія. Предоставить такой то мѣстности, такому-то обществу самостоятельно вѣдать свои интересы, дѣйствовать въ раіонѣ этихъ интересовъ независимо отъ центра — не значитъ ли въ сущности поступиться частью прерогативовъ центральной власти? Очевидно, что на единичныхъ или немногихъ въ этомъ направленіи актахъ власть остановиться не можетъ: одна уступка неизбѣжно влечетъ за собою другую. А въ комбинаціи болѣе или менѣе значительнаго количества таковыхъ автократъ натурально встрѣтилъ бы извѣстную преграду своему произволу, т. е. абсолютная монархія въ большей или меньшей степени замѣнилась бы ограниченною. Потому, повторяемъ, развитіе мѣстной жизни весьма трудно согласуется съ полнымъ господствомъ абсолютизма, тѣмъ болѣе въ обширныхъ государствахъ, гдѣ автократъ особенно много находитъ поводовъ къ бесусловному удержанію всѣхъ функцій власти за собою, — поводовъ хотя призрачныхъ, лишенныхъ въ дѣйствительности основанія, но достаточныхъ для маскированія или прикрытія свойственныхъ человѣческой природѣ побужденій эгоизма и любоначалія.

Зло управленія изъ центра обширными и разнородными территоріями.

Между тѣмъ управленіе частями государства изъ центра неимовѣрно осложняется и затрудняется по мѣрѣ увеличенія разстояній, обширности территоріи и разнообразія составныхъ ея частей, въ отношеніи топографіи, этнографіи, климата, почвы, исторіи, культуры и проч. Трудно представить себѣ массу золъ, какою отзываются въ мѣстахъ исполненія или примѣненія исходящіе изъ центра распоряженія и законы, нерѣдко даже такіе, которые истекаютъ изъ наилучшихъ чистыхъ побужденій и подвергаются

передъ изданіемъ самому тщательному обсужденію. Что же сказать о правительственныхъ актахъ, издаваемыхъ, несомнѣнно въ огромномъ большинствѣ, при совершенно иныхъ условіяхъ? Всякій кто серьезно всматривался въ законодательную и административную дѣятельность большихъ автократическихъ государствъ не могъ не встрѣтиться съ рядомъ фактовъ, обнаруживающихъ обычный въ этихъ государствахъ порядокъ возникновенія и утвержденія законовъ и правительственныхъ распоряженій. Нерѣдко вскользь-брошенное слово самодержца схватывается на лету угодливымъ министромъ и становится темою красиво-обработаннаго доклада о благодѣтельномъ будто бы для народа мѣропріятіи, внушенномъ непосредственно мыслью главы государства. То же самое, въ отношеніи министра, исполняетъ ближайшій его подчиненный — директоръ департамнета, а въ отношеніи этого послѣдняго — начальникъ отдѣленія или столоначальникъ. Иногда иниціатива идетъ и снизу: одному изъ чиновниковъ канцеляріи — большихъ изи малыхъ — приходитъ или со стороны внушается мысль, разработка или примѣненіе которой обѣщаютъ ему извѣстную выгоду, — въ видѣ ли отличія передъ начальникомъ, къ направленію котораго подчиненный старается поддѣлаться, составленія этимъ себѣ репутаціи, а затѣмъ и карьеры, — полученія ли прямо матерьяльныхъ прибылей, чрезъ участіе самого автора доклада, или людей завязавшихъ съ нимъ связи, въ дѣлѣ составляющемъ предметъ выработаннаго въ канцеляріи проекта. Такъ или иначе, именно въ канцеляріяхъ зарождается или развивается большинство проектовъ, получающихъ санкцію верховной власти, черезъ министерскіе ли доклады непосредственно, или по обсужденіи законодательнымъ порядкомъ, въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Какъ уже имѣли мы поводъ замѣтить, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ

не особенно солидны гарантіи правильной оцѣнки вносимаго на обсужденіе мѣропріятія. Безотвѣтственные передъ общественнымъ мнѣніемъ (такъ какъ дебаты высшаго законодательнаго учрежденія оглашенію не подлежатъ, тѣмъ болѣе не допускается развѣ за самыми рѣдкими исключеніями поименованіе лицъ, выразившихъ тотъ или другой взглядъ) члены означеннаго учрежденія вмѣстѣ съ тѣмъ находятъ основаніе, или по крайней мѣрѣ поводъ, не сознавать своей отвѣтственности и передъ совѣстью или требованіями гражданскаго долга, — не сознавать, потому что голосъ ихъ только совѣщательный и не имѣющій, какъ показываетъ опытъ, силы къ отклоненію главы государства отъ предвзятаго проекта рѣшенія. (1)

Вліяніе безотвѣтственности на нравственность государственныхъ людей.

Натуральнымъ послѣдствіемъ вкоренившейся такимъ образомъ идеи безотвѣтственности является так-

---

(1) Изъ практики Государственнаго Совѣта въ Россіи можемъ привести, какъ одинъ изъ выдающихся примѣровъ, дѣло о присоединеніи, въ царствованіе Александра III, городовъ Ростова и Таганрога къ Донской области, при чемъ самодержецъ въ рѣшеніи своемъ сталъ на сторону одного голоса противъ всѣхъ, — голоса военнаго министра, съ своей стороны слѣдовавшаго за мнѣніемъ Наказнаго Атамана (въ послѣдствіи удаленнаго за крайнія проявленія любостяжанія).

Весьма характерный также примѣръ представляетъ обсужденіе, въ тотъ же періодъ, дѣло о возвращеніи казачьихъ областей подъ военное управленіе, въ отмѣну состоявшихся при Александрѣ II и Гр. Милютинѣ положеній, которыми проводились начала гражданственности въ жизни казачьяго населенія. Въ этомъ случаѣ нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта, принимавшіе ближайшее участіе въ разработкѣ Милютинскихъ положеній, подали голоса за отмѣну ихъ, по тѣмъ, какъ частно объяснили они, соображеніямъ, что было бы весьма неприлично, если бы Государственный Совѣтъ высказался противъ мѣры, завѣдомо уже одобренной Государемъ, и даже почерпнувшей начало въ личномъ его на этотъ предметъ желаніи.

же преслѣдованіе начальниками и членами высшихъ государственныхъ учрежденій своихъ личныхъ интересовъ. Независимо безусловнаго передъ взглядами монарха преклоненія, награждаемаго орденами, титулами и пожалованіями весьма крупныхъ суммъ, являются здѣсь побужденія угодливости передъ высокостоящими лицами и вліятельными дамами, а за симъ иногда и прямыя стремленія къ негласному личному обогащенію. Въ конечномъ результатѣ, можно сказать, доходятъ до высшихъ инстанцій и получаютъ въ нихъ утвержденіе лишь немногіе изъ законовъ и распоряженій, въ проведеніи которыхъ не былъ бы замѣшанъ личный интересъ человѣка вліятельнаго или по крайней мѣрѣ ловкаго, пронырливаго, съумѣвшаго возбудить участіе сильныхъ. Таковъ несомнѣнно главный источникъ появленія разныхъ новыхъ компаній, обществъ, комитетовъ, комиссій, командировокъ, о назначеніи или учрежденіи которыхъ чуть не каждый день находимъ извѣстія въ журналахъ. Пріобрѣтеніе крупныхъ денежныхъ кушей, занятіе новыхъ должностей съ высокими окладами, полученіе въ широкомъ размѣрѣ суточныхъ, прогоновъ, подъемныхъ, составляетъ могучій двигатель всего этого, подъ прикрытіемъ будто бы пользъ и нуждъ государственныхъ, имѣющихъ въ дѣйствительности очень мало общаго съ насущными мѣстными потребностями.

Искаженіе мѣстныхъ заявленій въ горнилѣ бюрократіи.

Нѣтъ сомнѣнія и мѣстная жизнь иногда заявляетъ о себѣ сдержанными, несмѣлыми представленіями или ходатайствами; но эти послѣднія, чтобы достигнуть высшихъ инстанцій, должны пройти черезъ горнило многихъ канцелярій; надъ ними наломается и наглумится не одинъ столоначальникъ; не одинъ Директоръ департамента, хотя благосклонно и укажетъ въ мѣстномъ представленіи кое-что дѣльное, но въ

глубокомысленномъ сознаніи, что „провинція губитъ людей“ (1) найдетъ нужнымъ многое измѣнить, исправить, дополнить, согласовать съ общими условіями государственной жизни. Согласованіе это ведетъ за собою рядъ запросовъ, докладовъ, резолюцій, новыхъ соображеній, запросовъ, докладовъ, журнальныхъ постановленій. Въ этомъ водоворотѣ всесильной бюрократіи безслѣдно пропадаетъ едва пробившаяся на свѣтъ божій струя мѣстной жизни. А если, при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, и всплываетъ на поверхность, то въ видѣ лишеннаго жизненности остова; тѣмъ болѣе что при обратномъ движеніи, отъ утвержденія къ исполненію, къ ней опять прикладываетъ руку нисходящая лѣстница бюрократіи, въ видѣ толкованій, поясненій и указаній. Такимъ образомъ, нерѣдко, мѣстный иниціаторъ проекта, получивъ его обработаннымъ, усовершенствованнымъ въ центрѣ, самъ не узнаетъ свое собственное дѣтище, и первый готовъ заявить протестъ противъ примѣненія его, какъ ничего кромѣ вреда на практикѣ не обѣщающаго.

Естественное развитіе индифферентизма въ чиновничествѣ.

Заглушивъ, иссушивъ, можно сказать, самые ростки мѣстной жизни, что же взамѣнъ ея даетъ централизація; болѣе того — скажемъ прямо — что способна она дать? Истинныя мѣстныя потребности остаются чужды даже самому добросовѣстному изъ сидящихъ за бумагами чиновниковъ, въ какой бы формѣ и какими бы путями ни собирались о нихъ свѣденія; — чужды потому, что ихъ недостаточно познать умомъ, ихъ надо прочувствовать всѣмъ существомъ своимъ; а для этого не только побывать на мѣстѣ, но въ извѣстной мѣрѣ слиться съ жизнью той среды, гдѣ благоденствуютъ или страдаютъ, въ зависимости отъ

(1) Выраженіе въ упоръ сказанное крупному мѣстному начальнику однимъ изъ неважныхъ директоровъ, какъ достовѣрно намъ извѣстно.

удовлетворенія ближайшихъ мѣстныхъ нуждъ. Повторяемъ — что можетъ имѣть общаго съ этой жизнью крупный или мелкій чиновникъ стройно-организованной бюрократіи? Передъ нимъ воля начальства, скорое и точное исполненіе, бумага въ ея удобопонятномъ, послѣдовательномъ, красивомъ изложеніи; въ зависимости отъ этого — нахмуренная бровь или ясный взглядъ лица стоящаго надъ нимъ. А что красивая фраза можетъ стать источникомъ тяжкихъ потерь и горькихъ слезъ, нерѣдко въ конецъ убить тотъ или другой изъ кишащихъ гдѣ-то въ отдаленіи мелкихъ организмовъ — объ этомъ работающимъ въ министерствахъ и въ подчиненіи имъ нѣтъ времени думать; да и нѣтъ побуждающихъ къ этому мотивовъ, такъ какъ люди эти не видятъ вблизи и не ощущаютъ конкретныхъ результатовъ своей работы, выражающихся въ радостяхъ и печаляхъ мѣстной жизни.

Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ о функціяхъ государства.

Такова истинная, правдивая картина функцій правительственнаго механизма въ бюрократическомъ государствѣ, — механизма, весьма вѣрную и выразительную характеристику котораго далъ еще въ концѣ XVIII столѣтія Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ, какъ извѣстно, глава англо-французской, индивидуалистической школы ученія о государствѣ.

Въ противоположность Нѣмецкой школѣ съ Лоренцомъ Штейномъ во главѣ, признающей въ государствѣ наивысшую форму личной жизни и абсолютное условіе для всего личнаго существованія каждаго въ отдѣльности, Гумбольдтъ, — будучи глубоко убѣжденъ въ совершенной нецѣлесообразности и опасности чрезмѣрнаго государственнаго вмѣшательства въ сферу правовыхъ и хозяйственныхъ отношеній частныхъ и коллективныхъ индивидуумовъ, составляющихъ государственный организмъ, — Гумбольдтъ поставилъ задачею письменныхъ трудовъ своихъ всестороннее развитіе и утвержденіе незыблемаго господ-

ства этой мысли. Въ цѣльности и послѣдовательности своихъ убѣжденій, Гумбольдтъ доходитъ до того, что даже культуру народа считаетъ плодотворною и прочною лишь на столько, на сколько она составляетъ продуктъ самостоятельности индивидуумовъ; на сколько она развивается изъ внутреннихъ побужденій человѣка; все же навязанное извнѣ, силою государственныхъ возбужденій, поощреній или охраненій онъ называетъ „привязываніемъ почекъ нитками“ (по сравненію съ прививкою деревьевъ). Признавая что въ борьбѣ съ враждебными, преимущественно стихійными силами, мѣры государственныя должны имѣть болѣе успѣха чѣмъ дѣятельность личностей или свободныхъ ассоціацій, Гумбольдтъ тѣмъ не менѣе опасается, что и здѣсь добро можетъ быть перевѣшено зломъ. Борьба съ препятствіями, неожиданностями, опасностями, притомъ борьба самостоятельная, формируетъ волю и характеръ человѣка и обществъ; напротивъ исходящая отъ правительства опека, охраненіе, заботливость, веденіе на помочахъ — подтачиваютъ энергію, убиваютъ оригинальность, все подводятъ подъ одинъ уровень, уничтожаютъ въ человѣкѣ сознаніе личной отвѣтственности, до готовности добровольно пожертвовать даже оставленною ему минимальною дозою самостоятельности. Усматривая заботу о себѣ въ другихъ рукахъ, человѣкъ признаетъ достаточнымъ съ своей стороны ожидать чужого руководства и только подчиняться ему. Если же въ добавокъ появится недовѣріе къ чистотѣ намѣреній правительственныхъ дѣятелей, то человѣкъ начинаетъ считать себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ формально не наложенныхъ на него государствомъ, старается сколько возможно уклониться отъ дѣйствія законовъ, и всякое такое уклоненіе считаетъ выигрышемъ. Полагаясь на помощь государства относительно самихъ себя, люди тѣмъ охотнѣе отдаютъ въ его руки судьбу своихъ ближ-

нихъ; оттого ослабляется взаимное участіе, труднѣе и рѣже возникаетъ побужденіе оказать другъ другу поддержку, и при появленіи несчастія положеніе оказывается вполнѣ безнадежнымъ.

Какими благами можетъ выкупить государство умерщвленіе вышеуказанныхъ драгоцѣнныхъ свойствъ индивидуума? „Принужденіе, говоритъ Гумбольдтъ, подавляетъ силу и ведетъ ко всякимъ эгоистическимъ желаніямъ, ко всѣмъ низкимъ уловкамъ слабости. Принужденіе устраняетъ быть можетъ извѣстныя нарушенія, но дѣлаетъ и законныя проявленія воли менѣе привлекательными. Свобода можетъ вызывать извѣстныя нарушенія, но придаетъ даже пороку болѣе облагороженный видъ". Государство должно руководиться принципомъ необходимости, а не пользы, такъ какъ понятіе о полезномъ весьма растяжимо и можетъ завлечь дальше чѣмъ слѣдуетъ. Исходнымъ пунктомъ своего ученія Гумбольдтъ принялъ слова Мирабо: „труднѣе всего ограничиться изданіемъ только необходимыхъ законовъ, не отступать никогда отъ этого истинно-конституціоннаго принципа, и остерегаться страсти управлять — самой пагубной болѣзни современныхъ правительствъ (de se mettre en garde contre la fureur de gouverner, la plus funeste maladie des gouvernements modernes)".

Охрана внутренней и внѣшней безопасности составляетъ, по мнѣнію Гумбольдта, единственный необходимый предметъ государственной дѣятельности; заботы о положительномъ благѣ должны быть всецѣло предоставлены отдѣльнымъ лицамъ и всему обществу, безъ участія правительства.

Послѣдователи того же ученія. Дж. *Ст. Миллъ, Гербъ. Спенсеръ, Леруа-Болье, Градовскій.*

Взгляды Гумбольдта, оцѣненные, какъ упомянуто, преимущественно въ Англіи и Франціи, нашли послѣдователей въ лицѣ: Эдуарда Лабуле, Шальмель-Лакура, Леруа-Болье, въ особенности Дж. Ст. Милля

(on liberty) и Герб. Спенсера (the man versus the state). Милль въ своемъ почитаніи свободы доходитъ даже до того, что предостерегаетъ противъ деспотизма обычая и преклоненія передъ общественнымъ мнѣніемъ, — что убиваетъ сильные характеры, оригинальность, таланты, умственную крѣпость, нравственное мужество; низводитъ все къ посредственности и въ концѣ концовъ ведетъ къ застою, близко граничащему съ восточною неподвижностью. „Достоинство государства, говоритъ онъ, есть достоинство составляющихъ его индивидовъ; придавая большее значеніе внѣшнему административному искусству, чѣмъ интересамъ умственнаго роста и развитія населенія, понижая уровень людей для того, чтобы они могли быть послушными орудіями, хотя бы даже для благодѣтельныхъ цѣлей, — государство во очію убѣждается, что съ малыми людьми не можетъ быть совершенно никакое великое дѣло, и что совершенство механизма, которому все принесено было въ жертву для болѣе удобнаго и легкаго хода машины", оказывается безполезнымъ по недостатку жизненной силы. Правительство должно по возможности расширять „тотъ родъ дѣятельности, который поощряетъ и усиливаетъ индивидуальную энергію и развитіе; вредъ начинается тогда, когда, вмѣсто возбужденія силъ и предпріимчивости частныхъ лицъ и обществъ, правительство подставляетъ взамѣнъ ихъ дѣятельности — свою, когда, не ограничиваясь указаніями, разъясненіями и облегченіями, оно сковываетъ дѣйствія людей или заставляетъ ихъ держаться въ сторонѣ, исполняя само ихъ дѣло"... „Одна лишь свобода, высказываетъ также Ст. Милль, развиваетъ способности индивида; болѣе того — она развиваетъ ихъ въ многоразличныхъ направленіяхъ, благопріятствуетъ оригинальности лица, т. е. прогрессу; возбуждаетъ проявленіе геніальности; находитъ въ самой себѣ руководящія начала и естественнымъ об-

разомъ направляется къ уравновѣшенію себя съ требованіями свободы другихъ. Изъ взаимодѣйствія свободныхъ умовъ вырабатывается истина; взаимодѣйствіе свободныхъ интересовъ даетъ начало общей пользѣ; ничѣмъ не связанное проявленіе воли отдѣльной личности формируетъ волю общую, которая не будучи непогрѣшимою, тѣмъ не менѣе въ себѣ самой заключаетъ задатки совершенствованія, т. е. способы и пути къ устраненію пребывающихъ въ ней погрѣшностей или заблужденій".

Еще болѣе рѣшительнымъ защитникомъ индивидуализма является Гербертъ Спенсеръ, ограничивающій принудительную власть государства только защитою общества отъ внѣшнихъ враговъ и охраною гражданъ отъ внутреннихъ насилій.

Въ томъ же смыслѣ — приданія главнаго значенія развитію нравственныхъ элементовъ индивида — резюмируетъ свои взгляды Поль Леруа-Болье. (1) „Цивилизація, говоритъ онъ, состоитъ не въ однихъ знаніяхъ. Она зависитъ также отъ нравственныхъ привычекъ — отъ духа частной иниціативы, отъ свободныхъ союзовъ, отъ любви къ сбереженіямъ, отъ личной отвѣтственности. Пусть этотъ нравственный элементъ ослабѣетъ — и знанія сохраненныя книгопечатаніемъ принесутъ мало пользы." Для націи, какъ и для отдѣльнаго человѣка, умственное развитіе безъ воли безсильно. (2) Притупляя волю частымъ вмѣшательствомъ государства, разслабляютъ характеръ націи. „Культурные народы должны быть на сторожѣ: доводя до крайности подчиненіе личной воли колективному авторитету, личнаго дѣйствія

(1) L' etat moderne et ses fouctions 1890.

(2) Бокль, въ своей „Исторіи Цивилизаціи Англіи", напротивъ проводитъ мысль о весьма слабомъ значеніи нравственныхъ мотивовъ въ успѣхахъ человѣческой культуры. Но аргументы его по этому предмету нельзя не признать мало убѣдительными.

— національному, они разрушили бы главную пружину цивилизаціи".

Считаемъ, наконецъ, не лишнимъ привести сужденія, на тотъ же предметъ, нашего соотечественника профессора А. Д. Градовскаго, въ монографіи его „Государство и провинція". „Правительство управляющее посредствомъ однихъ офиціальныхъ органовъ, говоритъ профессоръ, привыкаетъ смотрѣть на страну какъ на простую совокупность недѣлимыхъ. Оно нигдѣ и ни въ чемъ не видитъ преградъ своимъ распоряженіямъ", со стороны историческихъ и экономическихъ началъ, безъ участія которыхъ „правительство легко превращается въ отвлеченнаго мыслителя устанавливающаго à priori разные законы.

„Участіе въ администраціи лицъ непосредственно заинтересованныхъ необходимо въ виду разнообразныхъ интересовъ общества и государства. Оно выводитъ на сцену дѣйствительно насущныя потребности, и выводитъ ихъ по мѣрѣ ихъ появленія въ различныхъ общественныхъ организмахъ. Между тѣмъ сознаніе этихъ потребностей утрачивается, какъ скоро обсуждающая власть покидаетъ мѣстность и сосредоточивается исключительно въ центрѣ". Въ такихъ условіяхъ „мѣстныя нужды начинаютъ обсуживаться подъ вліяніемъ однихъ общегосударственныхъ соображеній. Можетъ быть отъ этого выигрываетъ единство, но каждый согласится, что разнообразіе (прибавимъ — всегда и непремѣнно существующее) не принимается въ такихъ случаяхъ въ расчетъ".

Тогда какъ, по самому существу дѣла, сужденія „мѣстныхъ учрежденій остаются въ предѣлахъ дѣйствительныхъ нуждъ", въ центрѣ легко допускаются увлеченія „разными отвлеченными идеями о требованіяхъ цивилизаціи, общественнаго прогресса, національной славы и т. п., при чемъ мало по малу сходятъ съ практической почвы интересовъ и начинаютъ руководствоваться одними теоретическими со-

ображеніями, переставъ соразмѣрять свои требованія съ наличными средствами націи и даже требуя вещей неосуществимыхъ".

„Свободныя мѣстныя учрежденія проводятъ идею единства не только въ государственныя но и въ общественныя отношенія". Они болѣе всего содѣйствуютъ развитію гражданскаго духа „являются именно тѣмъ средствомъ, благодаря которому индивидуальная жизнь легче всего связывается съ государственною. Съ помощью самоуправленія каждый человѣкъ хоть на время можетъ перестать быть только сапожникомъ, башмачникомъ, столяромъ, мѣдникомъ, землевладѣльцемъ, фабрикантомъ, и стать гражданиномъ." Устраняя „вредное разобщеніе между правительствомъ и общественными классами", самоуправленіе не меньшую услугу оказываетъ относительно общенія этихъ классовъ между собою, устанавливая для нихъ точки взаимнаго соприкосновенія. Единство же общественное является существенною опорою единства политическаго; потому оно внѣ сравненія важнѣе единства административнаго.

Конечное выраженіе этихъ мнѣній въ основной формулѣ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, допуская въ извѣстныхъ случаяхъ даже самую настоятельную необходимость активнаго вмѣшательства государства, остается весьма желательнымъ, чтобы и въ этихъ случаяхъ отнюдь не упускалась изъ виду основная формула Гумбольтова ученія, чтобы за обозначенные ею предѣлы — „охраны, а не навязыванья положительныхъ благъ" — не переступала дѣятельность правительствъ, т. е. чтобы они лишь указывали состоящее въ противорѣчіи съ нравственными идеалами, а не опредѣляли бы обязательные пути къ осуществленію сихъ послѣднихъ.

Въ сферѣ экономической, гражданской, какъ и духовной жизни народовъ, всѣ явленія до такой степени тѣсно связаны, переплетены между собою, что

выдѣлить, изолировать одно изъ нихъ для анализа, опредѣлить постепенный ростъ, развитіе, вліяніе каждаго, точно выяснить причинную связь между явленіями, совершающимися во времени и пространствѣ, — представляется задачею до нельзя трудною даже въ отношеніи небольшихъ политическихъ и экономическихъ единицъ. По мѣрѣ же того, что расширяются предѣлы государственнаго организма, что осложняется жизнь его, что появляются въ ней болѣе многочисленные и разнообразные стимулы и мотивы, новыя потребности и спеціально соотвѣтствующіе каждой изъ нихъ способы удовлетворенія, — все болѣе и болѣе тяжелыми и темными становятся пути правительства. Даже самымъ благонадежнымъ, самымъ просвѣщеннымъ изъ нихъ далеко не удается все регулировать и направить согласно своимъ видамъ, своему взгляду или убѣжденію: опредѣлить значеніе каждаго изъ факторовъ или слагающихъ элементовъ жизни, указать, объяснить ему это значеніе, и заставить его, или поставить въ такія условія, чтобы онъ дѣйствовалъ не иначе какъ согласно указанію, въ неисчислимыхъ развѣтвленіяхъ хотя бы только главнѣйшихъ частей организма. И геніальный умъ едва ли могъ бы вполнѣ уяснить себѣ и предвидѣть какъ отразится, въ трудноуловимыхъ условіяхъ жизни отдѣленныхъ частей государства, мѣра декретированная изъ центра. Сдѣлавъ такой шагъ въ область неизвѣстнаго, правитель, можно сказать, бросаетъ свою ладью, безъ компаса и руля въ туманную морскую мглу. Однѣ стихійныя силы рѣшатъ какъ и куда она будетъ выброшена.

Хотя идеалъ государства и заключается въ томъ, чтобы примирять, согласовать, направлять къ общей цѣли частные интересы, нерѣдко противуполжные и враждующіе, но идеалъ этотъ, какъ и всякій другой, оказывается труднодостижимымъ апогеемъ желаній неосуществимыхъ. Потому правительствамъ не

лишеннымъ по крайней мѣрѣ добросовѣстности приходится сознаться, что единственный для нихъ здравый и правый путь къ устройству по мѣрѣ силъ народнаго благосостоянія заключается лишь въ томъ, чтобы устранивъ вытекающія изъ природы вещей препятствія къ умственному и нравственному развитію особей, и прежде всего препятствія вызванныя неразумѣемъ предшествовавшихъ властей, по возможности облегчить свободное группированіе индивидовъ въ частные, наиболѣе самостоятельные и самодѣятельные союзы, въ средѣ которыхъ, какъ было упомянуто, съ одной стороны, личность наилучше опредѣляетъ плодотворную для себя дѣятельность, съ другой — наиболѣе осмысленно поставляются необходимые предѣлы преслѣдованію ею своихъ эгоистическихъ цѣлей. Словомъ — нужны никакъ не массированіе, не агломерація, а напротивъ дифференцированіе, партикуляризація народной жизни.

в) Отступленіе : замѣтки о государственномъ соціализмѣ.

Общія стремленія къ правительственной опекѣ, прикрываемыя доктриною государственнаго соціализма.

Начала эти не безполезно припомнить въ особенности теперь, когда правительства вообще стремятся къ тому, чтобы въ жизни народной все регламентировать, всему давать направленіе изъ центра, надъ всѣмъ установить свою опеку. Дѣйствительный и главный источникъ этихъ стремленій, какъ было объяснено выше, — присущее правящимъ элементамъ властолюбіе, находящее полную готовности поддержку и послушное орудіе въ господствѣ бюрократіи. Но исходящіе изъ этого источника мотивы, здѣсь какъ и всегда, лицемѣрно ищутъ прикрытія въ цѣляхъ возвышенныхъ, въ служеніи будто-бы народной пользѣ, преимущественно благу трудящихся массъ,

исканіе котораго правительствами и составило предметъ изрядно обработанной особой научной доктрины, получившей приличное названіе государственнаго соціализма. О немъ-то считаемъ умѣстнымъ высказать здѣсь нѣсколько сужденій, заимствованныхъ изъ сдѣланныхъ нами замѣтокъ, по поводу изданныхъ въ 1890 году рескриптовъ императора Вильгельма II о международномъ соглашеніи, въ видахъ улучшенія быта рабочихъ.

Изъ какихъ бы побужденій, изъ какихъ бы общественныхъ слоевъ ни исходили попытки къ улучшенію положенія трудящихся массъ, безъ сомнѣнія нельзя не привѣтствовать всякій въ этомъ направленіи шагъ, какъ одну изъ послѣдовательныхъ ступеней къ обезпеченію благоденствія, къ уменьшенію нуждъ и лишеній того класса, который заключаетъ въ себѣ преобладающее по числительности большинство человѣческаго рода. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать настоятельную необходимость величайшей въ этомъ отношеніи осмотрительности; надлежитъ неупустительно имѣть въ виду, что здѣсь всякій мало обсуженный, мало провѣренный шагъ, въ особенности соединенный съ императивнымъ требованіемъ или принужденіемъ, можетъ вмѣсто блага принести только сугубое зло; оказаться по этому прискорбнѣйшимъ заблужденіемъ, даже, тяжкимъ преступленіемъ, когда, по приводимому далѣе выраженію одного изъ авторитетныхъ мыслителей, для отдаленнаго, туманнаго будущаго начинаютъ переустраивать и ломать не понятыя еще, не достаточно осмысленныя формы настоящаго.

Рескрипты Императора Вильгельма II по рабочему вопросу и Берлинская Конференція 1890-го года.

Дѣло поднятое рескриптами императора Вильгельма II безспорно ставитъ одинъ изъ труднѣйшихъ къ разрѣшенію вопросовъ. При неимовѣрной громадности и сложности промышленно-торговаго механизма,

хотя бы въ отдѣльномъ государствѣ, тѣмъ болѣе въ обширной имперіи и цѣлой Европѣ, не легко получить даже приблизительное представленіе о томъ, какимъ образомъ можно бы было, путемъ правительственной, тѣмъ болѣе международной регламентаціи, предупредить преобладающее нынѣ вліяніе конкуренціи на частные интересы лицъ, обществъ, корпорацій, мѣстностей, и съ другой стороны — какимъ образомъ поддержать энергію производства, при атрофированіи путемъ регламентаціи главнаго стимула, могущественнаго жизненнаго нерва производительности — личнаго интереса, корысти, стремленія къ наживѣ, порождающихъ конкуренцію и въ ней выражающихся. Безъ сомнѣнія было бы великимъ благодѣяніемъ, если бы промышленно-торговое движеніе страны, во всей его совокупности, было руководимо и регулируемо не суммою или взаимнодѣйствіемъ частныхъ интересовъ, большею частію противуположныхъ или даже враждебныхъ другъ другу, а волею правительства, по плану имъ обсужденному, примиряющему по возможности всѣ интересы. Безспорно, это было бы великолѣпно. Но гдѣ взять ума, знанія и воли, которые необходимы для успѣха такой руководящей, направляющей и примиряющей дѣятельности.

Для самаго просвѣщеннаго, дальновиднаго и умудреннаго опытомъ правительства, говоритъ по этому предмету одинъ изъ современныхъ экономистовъ, при самомъ широкомъ содѣйствіи заинтересованныхъ сторонъ, является недостижимой, невозможной задачей — нормировать извѣстнымъ образомъ всѣ отрасли промышленности и направить всю экономическую дѣятельность населенія къ извѣстной цѣли. (Профес. Янджулъ — о свободѣ торговли въ Англіи).

Если же такъ, то правительственное вмѣшательство окажется никакъ не проведеніемъ въ системѣ разумнаго, ясно сознаннаго плана, а будетъ лишь

рядомъ попытокъ, не всегда послѣдовательныхъ и зачастую неудачныхъ. Каковы должны быть тѣ органы, за которыми можно было бы признать способность, слѣдовательно и право, указать изобрѣтательности, расчету, трудолюбію частнаго лица, общества, страны — рубежи далѣе которыхъ они не должны и не смѣютъ идти, дабы не повредить интересамъ другихъ? Или такіе органы, которые, подавивъ въ человѣкѣ эти Богомъ данныя ему свойства — изобрѣтательности, расчета, трудолюбія — съ успѣхомъ замѣнили бы ихъ своими авторитетными указаніями?

На эту именно точку зрѣнія разумно стала засѣдавшая въ Берлинѣ конференція, признавъ какъ видно немыслимымъ въ настоящее время дать болѣе или менѣе точныя указанія, которыми опредѣлилось бы и ограничивалось напряженіе производительныхъ силъ въ промышленно-торговомъ дѣлѣ, дать, такъ сказать, формулу регулирующую энергію производства. Все о чемъ пока она сочла умѣстнымъ разсуждать— это обозначеніе предѣловъ, которыя не должна превышать дѣятельность факторовъ производства, ближайшимъ образомъ касающихся личности рабочаго, какъ человѣка, — проявивъ однако и въ этомъ отношеніи большую сдержанность. Такимъ образомъ, даже опредѣленіе желательной продолжительности рабочаго дня сочтено было конференціею за недоступное или недозволенное расширеніе предѣловъ ея компетенціи. Конференція не пошла далѣе заявленія о необходимости воскреснаго отдыха для рабочаго вообще, покоя и отдыха ночью для женщины, свободы отъ труда для малолѣтняго въ такомъ періодѣ, когда еще совершается формированіе его организма. Но и по этому предмету не состоялось такого либо формальнаго или обязательнаго постановленія. Для взгляда поверхностнаго, такіе результаты громко возвѣщеннаго международнаго совѣщанія могутъ показаться весьма бѣдными. Но въ дѣй-

ствительности далеко не такъ. Уже одно выраженіе упомянутыхъ мнѣній авторитетнымъ собраніемъ составляетъ безспорно новый и драгоцѣнный шагъ въ области пріобрѣтенія человѣкомъ неотъемлемыхъ, священныхъ правъ его личности. Мало по малу привыкнемъ мы къ мысли, что воскресный отдыхъ для рабочаго вообще, ночной покой для женщины и свобода отъ работъ для малолѣтняго составляютъ естественное ихъ право, отнять или нарушить которое никому не дозволено, — привыкнемъ точно также какъ привыкаемъ считать противоестественными еще столь недавнее у насъ въ Россіи состояніе рабства, или тѣлесныя наказанія; какъ предстоитъ жителямъ центральной Африки привыкнуть къ праву человѣка не служить пищею для себѣ подобныхъ. Въ непродолжительномъ времени несомнѣнно будетъ возведено на степень естественнаго человѣческаго права также и условіе быть свободнымъ отъ работъ не менѣе какъ на 16 часовъ въ сутки. Время и привычка дѣлаютъ все, временемъ и привычкою формируется наше пониманіе окружающаго, какъ и наши нравственныя убѣжденія.

Задачи государственнаго соціализма и его значеніе.

Полагаемъ, что именно въ этомъ, а не въ иномъ направленіи и должно развиваться далѣе дѣло улучшенія быта народныхъ массъ. Прежде всего надо имѣть въ виду, что зависимое или приниженное нынѣ положеніе рабочихъ классовъ установилось таковымъ въ значительной мѣрѣ благодаря вліянію самихъ правительствъ, съ давнихъ поръ проводившихъ въ этомъ отношеніи односторонніе и пристрастные взгляды. При неизбѣжныхъ столкновеніяхъ и борьбѣ интересовъ предпринимателя или капиталиста и рабочаго, интересовъ по существу своему противуположныхъ, представители власти всегда стояли на сторонѣ перваго, и этимъ направленіемъ ихъ, какъ свидѣтельствуютъ компетентные изслѣдователи во-

проса, проникнута вся система относящагося къ дѣлу законодательства.

Коль скоро правительства рѣшатся сойти съ этой точки зрѣнія, не только не будутъ ставить препятствій установленію и развитію взаимопомощи трудящагося класса, въ формѣ рабочихъ ассоціацій, синдикатовъ, твердо сплоченныхъ кооперативныхъ обществъ и проч., а напротивъ, станутъ поощрять и поддерживать формированіе подобныхъ свободныхъ, самодѣятельныхъ созоювъ, и постепенно въ начертаніи законовъ перейдутъ къ системѣ, не говоримъ уже благожелательства къ рабочему, но хотя бы равноправности обѣихъ сторонъ, то живущіе трудомъ своимъ, безъ дальнѣйшаго въ пользу ихъ вмѣшательства властей, съумѣютъ отстоять права, долженствующія принадлежать имъ по самой природѣ вещей. Жизненная практика выработаетъ систему отношеній между предпринимателемъ и рабочимъ, съ разумными для обѣихъ сторонъ гарантіями, внѣ сравненія удачнѣе, чѣмъ какія бы ни было исходящія отъ власти императивныя указанія, предписанія или воспрещенія. Только бы правительства строго держались правила не ставить преградъ заявленію выдвигаемыхъ жизнью требованій и совершенно свободному изысканію способовъ къ безнасильственному ихъ удовлетворенію. Самый опытъ не замедлитъ обнаружить, что въ этомъ послѣднемъ не заключается никакой опасности, слѣдовательно и не представляется надобности къ обузданію. Съ какой стати, напримѣръ, стачка и забастовка рабочихъ приняла бы характеръ буйства или насилія, коль скоро будетъ имъ хорошо извѣстно, что администрація отнюдь не намѣрена, для обращенія ихъ къ работѣ, употребить мѣры строгости и принужденія; что напротивъ рабочіе могутъ вполнѣ расчитывать на безпрепятственное участіе къ нимъ общества, на матерьяльную съ его стороны поддержку въ перенесеніи кризиса, по-

добно тому какъ оказывается государствомъ помощь мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ огня, наводненія, неурожая, вообще въ случаѣ какого бы ни было тяжелаго народнаго бѣдствія.

Наконецъ, если бы по обстоятельствамъ и оказалось настоятельно или явно необходимымъ активное вмѣшательство власти предержащей, то и въ этихъ случаяхъ желательно неотступное соблюденіе вышеприведенной Гумбольдтовской формулы, по которой правительству слѣдуетъ отнюдь не переступать за предѣлы „охраны, а не навязыванія положительныхъ благъ", только указывать состоящее въ противорѣчіи съ нравственными идеалами (какъ сдѣлала Берлинская конференція), а не опредѣлять обязательные пути къ осуществленію сихъ послѣднихъ.

Сообразно съ этимъ, въ составляющей предметъ нашего анализа области экономическихъ отношеній, законоположенія или распоряженія правительства должны бы имѣть характеръ по преимуществу указаній отрицательныхъ, а не положительныхъ, общихъ, а не опредѣляющихъ подробности. Повторяемъ —съ этою послѣднею задачею несравненно успѣшнѣе справляется сама практика жизни. Тогда какъ исходящіе отъ правительства акты, по самому существу своему, должны обладать устойчивостью, т. е. разъ декретированное оставаться сколь возможно на продолжительное время неизмѣннымъ, хотя бы на практикѣ, въ извѣстныхъ подробностяхъ примѣненія, или даже въ цѣломъ, оно выразилось и неблагопріятными послѣдствіями; жизненная самодѣятельность частныхъ лицъ или обществъ, напротивъ, располагаетъ столь значительною дозою эластичности, что незамѣтно, безъ потрясеній и ломки, вводитъ въ совершающееся соотвѣтствующія поправки, беретъ назадъ неудачно предпринятое, или дополняетъ недодѣланное, какъ только обнаруживается въ этомъ надобность, — словомъ ловко приспособляется къ реаль-

нымъ требованіямъ, иногда даже прежде чѣмъ таковыя успѣютъ вполнѣ выясниться въ сознаніи тѣхъ, на комъ должно сказаться ихъ вліяніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ частные, мѣстные организмы обладаютъ свойствомъ чувствительности или чуткости несравненно въ большей степени чѣмъ крупный государственный союзъ, въ составъ котораго они входятъ. То что для центральныхъ правящихъ властей можетъ долгое время оставаться незамѣченнымъ, уже давно ощущается и замѣчается частями цѣлаго — индивидами и свободными комбинаціями ихъ. Наконецъ, если правительство даетъ лишь отрицательное указаніе (не дѣлай того-то но не предписываетъ что именно надо дѣлать), — или хотя бы и положительное требованіе выражаетъ лишь въ общихъ чертахъ, — то этимъ самымъ оно предоставляетъ заинтересованнымъ лицамъ и обществамъ возможность осмотрѣться, приноровиться къ вновь созданному положенію, развѣдать почву и, сообразно условіямъ, наиболѣе удачно для себя и для цѣлаго, направить свою дѣятельность — свой трудъ и предпріимчивость. Тогда какъ положительный, точно-выраженный приказъ падаетъ какъ глыба снѣга на голову: предлагая непремѣнное подчиненіе требованію, онъ оставляетъ на выборъ одно изъ двухъ — исполнять команду или выбыть изъ строя. Такой порядокъ, вполнѣ соотвѣтствующій духу военнаго регламента, въ сферѣ экономическихъ и гражданскихъ отношеній оказывается гибельнымъ и разрушительнымъ.

Такъ понимаемъ мы задачи того что называютъ государственнымъ соціализмомъ, т. е. исходящихъ отъ правительства мѣръ содѣйствія рабочимъ классамъ въ борьбѣ съ окружающими ихъ неблагопріятными условіями. Безъ сомнѣнія, при такомъ отношеніи къ дѣлу правящихъ властей, улучшеніе быта народныхъ массъ можетъ двигаться впередъ лишь весь-

ма медленнымъ шагомъ. Но таковъ уже общій законъ эволюціи. Источникъ вѣковой борьбы между капиталомъ и трудомъ кроется въ основныхъ свойствахъ того и другого, такъ сказать въ самой натурѣ ихъ. Всякій обязанный къ труду, живущій своею индивидуальною работою, смотритъ на это какъ на тяготу, какъ на положеніе вынужденное необходимостью: онъ работаетъ потому, что безъ заработка не можетъ поддержать свое существованіе. Но коль скоро необходимость эта исчезаетъ, или уменьшается, коль скоро изъ части заработка, путемъ сбереженій, образуется капиталъ, — работавшій уменьшаетъ въ соразмѣрности свой личный трудъ, и заставляетъ работать за себя другого, продуктомъ труда котораго въ извѣстной части уже самъ пользуется, какъ по праву принадлежащею ему прибылью съ означеннаго капитала; или, продолжая работать по прежнему, дѣлаетъ новыя сбереженія, конечная цѣль которыхъ все то же освобожденіе себя отъ тяготы личнаго труда и обращеніе этой тяготы на другого. Желанный исходъ борьбы, заключающійся въ освобожденіи труда отъ давленія господствующаго надъ нимъ капитала и въ конечномъ примиреніи этихъ двухъ искони состязающихся элементовъ, послѣдуетъ лишь тогда, когда совершится нравственное перерожденіе человѣка, не иначе какъ по коренномъ видоизмѣненіи въ одномъ изъ основныхъ его побужденій: когда стимуломъ къ работѣ станетъ для насъ не столько личный интересъ, сколько сознаніе долга и любовь къ труду ради его самого, когда трудъ сдѣлается одною изъ присущихъ человѣческой натурѣ потребностей, въ родѣ того какъ воздухъ и пища.

Тогда только накопленіе капиталовъ однимъ (индивидомъ, ассоціаціею или союзомъ) не будетъ болѣе поводомъ къ эксплоатаціи труда другого.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ высказать глубокое убѣжденіе въ томъ, что мѣрамъ государствен-

наго соціализма, каковы бы онѣ не были, во всякомъ случаѣ должно предшествовать широкое развитіе индивидуализма въ средѣ, къ которой такія мѣры полагаютъ примѣнить. Только твердо укоренившаяся привычка къ свободной, самостоятельной дѣятельности, къ труду направляемому собственною осмысленною инициативою, законно огражденною отъ всякихъ на нее посягательствъ извнѣ, могутъ развить въ человѣкѣ уваженіе къ законному праву другихъ, и неуклонное исполненіе согласованнаго съ такимъ правомъ собственнаго долга. До тѣхъ поръ пока эти индивидуальныя качества въ данной средѣ недостаточно окрѣпли, — напрасно было бы ожидать, какъ вполнѣ цѣлесообразнаго участія личности въ той или другой ассоціаціи, такъ и разумнаго съ ея стороны пользованія исходящими отъ правительства мѣрами соціальнаго устройства.

Собственно для Россіи великое несчастіе заключалось въ томъ, что у насъ антиправительственные дѣятели—утописты, а еще болѣе руководимые тѣмъ же началомъ законодатели и администраторы вздумали проводить въ жизнь коренныя соціальныя реформы, прежде освобожденія личности отъ подавлявшаго ея самодѣятельность вѣкового гнета.

Эволюція жизни народной скачковъ не допускаетъ, и неизвѣстно еще какъ успѣетъ Россія ликвидировать сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки*).

с) Пагубное вліяніе абсолютизма и централизаціи на народную нравственность.

Мы имѣли случай отмѣтить какими вліяніями на народную нравственность, въ древней Греціи и въ Римѣ, выразилось подавленіе мѣстной жизни, погло-

*) Болѣе подробныя на этотъ предметъ соображенія одного изъ выдающихся русскихъ мыслителей будутъ приведены въ слѣдующей главѣ.

щеніе мелкихъ политическихъ организмовъ общирными государствами: погибла жизнь общины, съ нею исчезъ возбуждающій благородную дѣятельность общинный духъ, утратилась возвышавшая человѣка самоотверженная преданность общественнымъ интересамъ; мѣсто ея, при полномъ застоѣ мысли, заняло низкое своекорыстіе со всѣми сопровождающими его пороками.

Тотъ же самый конечный результатъ видимъ и въ государствахъ Западной Европы, при водвореніи въ нихъ абсолютизма и централизаціи. Въ средніе вѣка, говоритъ Кольбъ („Исторія человѣческой культуры“) самоуправленіе общинъ было весьма распространеннымъ явленіемъ. Избраніе всѣмъ населеніемъ своихъ старшинъ повсемѣстно находимъ во Франціи въ XV вѣкѣ, въ XVII оно встрѣчается еще кое-гдѣ въ XVIII пропадаетъ окончательно; управленіемъ вѣдаютъ нотобли, все ведется фактически въ ихъ корпоративныхъ, кастовыхъ или личныхъ интересахъ. Народъ, замѣтившій это, перестаетъ интересоваться общинными дѣлами; исчезаетъ противовѣсъ своекорыстію, заключавшійся въ общественной дѣятельности, и погоня за наживою становится высшимъ принципомъ для каждаго въ отдѣльности. Между тѣмъ какъ документы XV вѣка свидѣтельствуютъ о способности корпораціи орудовать всякаго рода общественными дѣлами, о проницательности, знаніи и мужествѣ, проявляемыхъ ими въ трудные моменты, — 18-ый вѣкъ обнаруживаетъ, даже въ самыхъ простыхъ дѣлахъ поразительную неопытность и неумѣлость народа.

Примѣръ Франціи по указаніямъ Тэна и Гонкуровъ.

У извѣстнаго изслѣдователя политической и соціальной жизни Франціи — Тэна*) находимъ живое

*) Въ статьѣ его „la formation de la France con-

и выразительное изображеніе того, до какого упадка до какой страшной апатіи, до какого полнаго отсутствія политической и гражданской нравственности, или прямо сказать—честности, была доведена Франція двухъ или трехвѣковыми стремленіями къ усиленію центральной власти на счетъ мѣстной провинціальной жизни и разныхъ общественныхъ и частныхъ союзовъ; какъ вслѣдствіе этого, къ концу 18-го столѣтія, положеніе было подготовлено къ принятію все нивелирующей, все подавляющей системы управленія, представителями которой и явились сперва республика Якобинцевъ, затѣмъ I-й и III-й Наполеоны.

Наглядную картину состоянія французскаго общества въ періодъ второй имперіи между прочимъ даетъ дышащій правдою журналъ братьевъ Гонкуровъ, — писателей безспорно весьма талантливыхъ, вдумчивыхъ и обладавшихъ необычайною тонкостью артистическаго чутья. Хотя книга эта, вышедшая въ 1888-мъ году, слишкомъ хорошо извѣстна, но мы позволяемъ себѣ напомнить о ея содержаніи выпискою немногихъ строкъ.

Имперія, говорятъ Гонкуры, мало того что убила мысль, искоренила всякое умственное движеніе, потворствуя лишь сплетнямъ, скандальной хроникѣ, личнымъ дрязгамъ, нападкамъ на все возвышенное, чистое, — она сдѣлала больше: она убила здоровую веселость, все искреннее, прямодушное; она развратила общество, поощряя спекуляцію, нечистоплотныя дѣлишки. Въ отношеніи вліянія на литературу Гонкуры замѣчаютъ, что имперія превратила литературное море, недавно еще бурно волновавшееся, въ стоячее болото, которое уже нѣтъ возможности

---

temporaire, passage de la république à l'empire". 1888 г. R. des deux Mondes.

взволновать. Снаружи какъ будто бы ничто не измѣнилось, въ дѣйствительности же сохранилась только маска прозябанія. Общественная атмосфера такова, что въ ней можно задохнуться; осталось лишь внѣшнее подобіе жизни, въ сущности бездушной и безцѣльной. Обыкновенно думаютъ, что такой политическій строй пагубно вліяетъ на одну политическую литературу; но это не вѣрно: критика, изящная словесность, театръ — все сохнетъ, все вымираетъ, на все разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ спертая политическая атмосфера.

Въ салонѣ принцессы Матильды, продолжаютъ Гонкуры, Э. де Жирарденъ между прочимъ доказывалъ, что время имперіи не знаетъ ни добра ни зла, что утрачено понятіе о правѣ, о томъ что честно, что безчестно; существуетъ въ общественной и государственной жизни одно лишь оправданіе всему — это успѣхъ. Скандалъ, сплетни, шантажъ — словомъ самые низменные интересы — вотъ чѣмъ питается журналистика. Каждое трезвое слово, случайно раздавшееся и напомнившее собою объ утраченной общественной совѣсти, вызываетъ противъ себя злобное шипѣніе, и всѣ литературные аферисты, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются его заглушить беззастѣнчивою шумихою фразъ о могуществѣ имперіи и величіи народа.

Очерченная такимъ образомъ Гонкурами, въ существенныхъ своихъ чертахъ, имперія Наполеона III представляется на дѣлѣ ничѣмъ инымъ какъ омертвѣлою глыбою, обнаруживающею признаки жизни не въ молекулярныхъ, а только въ массовыхъ движеніяхъ. Она можетъ раздавить встрѣчаемое на пути, но отнюдь не оплодотворить выдѣленіемъ изъ себя зародышей, которые изъ живого организма выбрасываются вполнѣ естественно, благодаря процессу живымъ ключемъ бьющей жизни.

Значеніе вычеобъясненныхъ условій по отношенію къ политическимъ организмамъ съ менѣе развитою партикуляризаціею жизни.

Таковы свойства, такова неотвратимая будущность всѣхъ вообще обширныхъ политическихъ организмовъ, подавляющихъ мѣстную и частную индивидуальную жизнь при помощи централизаціи, бюрократіи и правительственной опеки. Замѣтимъ еще, что во Франціи, какъ и вообще въ Западной Европѣ, все таки были зародыши мѣстной, партикулярной жизни, которые успѣли въ извѣстной степени уцѣлѣть и пережить невзгоду. Въ Россіи, какъ мы видѣли, такихъ началъ не было, по крайней мѣрѣ не удалось имъ окрѣпнуть и получить развитіе прежде, чѣмъ началось, при вееобщей нивелировкѣ, концентрированіе политической и гражданской жизии, въ видахъ государственнаго единства и величія. Потому еще болѣе безотрадно положеніе Россіи, еще болѣе печальною представляется участь ее ожидающая.

Развитіе грубыхъ инстинктовъ подъ маскою патріотизма.

Елисѣевъ.

Еще въ періодъ послѣдней Турецкой войны (1877 г.) одинъ изъ весьма почтенныхъ нашихъ публицистовъ (Елисѣевъ — умершій въ 1890 или 1891-году) между прочимъ высказывалъ, что мы нашу національную гордость, нашъ такъ называемый патріотизмъ заключили только в ь развитіи внѣшней силы, внѣшняго вліянія, сообразно съ чѣмъ, вознося даже черезъ мѣру нашъ народъ, черезъ мѣру поклоняясь ему, какъ орудію внѣшняго могущества, мы любимъ его, такъ сказать, лишь идеально, нн мало не заботясь о его насущныхъ потребностяхъ и не трудясь хоть сколько нибудь изучить его,

Такого рода патріотизмъ весьма естественно могъ и даже долженъ былъ стать прямымъ источникомъ крайняго обскурантизма и самыхъ грубыхъ инстин-

ктовъ, въ которыхъ еще глубже погрязла масса нашей интелигенціи, съ тѣхъ поръ что были высказаны приведенныя передъ симъ правдивыя, благородныя мысли. Узкій патріотизмъ нашъ мы заключили въ самовозвеличеніе, путемъ порицанія всего чужого; въ признаніи за собою какой-то исключительности, будто бы для другихъ недосягаемой, совершенно при этомъ игнорируя примѣры сосѣднихъ народовъ, изъ исторіи которыхъ могли бы почерпнуть указанія весьма наставительныя.

Бобржинскій.

Такъ, между прочимъ, въ книгѣ Бобржинскаго „очеркъ исторіи Польши“ (переводъ Карѣева 1888-1891 г.) могли бы прочесть: „поляки пали вслѣдствіе того, что считали себя выше законовъ, управляющихъ человѣчествомъ. Имъ казалось, что имъ однимъ позволено существовать безъ того, чего другіе народы добиваются кровавымъ трудомъ. Трудомъ, стойкостью, воодушевленіемъ можно высоко подняться; но только въ предѣлахъ естественныхъ условій, указанныхъ для этого труда..... въ міровомъ строѣ не творились и не будутъ твориться чудеса для насъ однихъ..... мы ведемъ борьбу за существованіе на одинаковыхъ съ другими условіяхъ“. Къ сожалѣнію мимо такихъ сужденій и фактовъ съ пренебреженіемъ проходятъ русскіе патріоты.

Выясненіе сущности истиннаго патріотизма. Маколей, Кольбъ, Берне, Леесингъ.

Въ виду всего этого считаемъ не лишнимъ по возможности ближе опредѣлить сущность патріотизма, заимствуя для сего данныя у людей, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ равнодушіи къ благу и величію своей родины. Основная погрѣшность всей системы Макіавели, говоритъ Маколей („Историческ. и Критическ. очерки“) заключалась въ недостаточно твердомъ установленіи и признаніи великаго принципа — „что общества и законы существуютъ един-

ственно въ видахъ увеличенія благъ, которыми пользуются индивидуумы“ (было уже приведено выше). Между тѣмъ игнорированіе этой истины приводитъ въ политикѣ можетъ быть къ наиболѣе вреднымъ послѣдствіямъ. Въ городахъ и небольшихъ республикахъ древней Греціи благо политическаго цѣлаго дѣйствительно можно было считать почти что тождественнымъ съ благоденствіемъ каждаго изъ членовъ. Побѣда внѣшнимъ врагомъ непосредственно и немедленно влекла за собою рядъ лишеній, иногда полное разореніе, позоръ, даже плѣнъ и рабство для каждой отдѣльной семьи. Выигранная битва, наоборотъ, сумму всѣхъ этихъ золъ обращала на противника, къ явной выгодѣ и пользѣ каждаго изъ гражданъ республики одержавшей верхъ. Понятно что государственные люди Греціи имѣли вполнѣ достаточное основаніе — въ обезпеченіи силы и величія государства видѣть наилучшій путь къ установленію и огражденію народнаго благоденствія. Писатели временъ Римской имперіи, когда подъ властью деспотовъ слились въ одно политическое цѣлое сотни народовъ, продолжали говорить тѣмъ же языкомъ, т. е. безъ всякаго основанія проповѣдывать о долгѣ жертвовать всѣмъ для государства, отъ котораго части его въ сущности ничего полезнаго не получали. Въ той же иллюзіи, невольной или умышленной, пребываетъ и большинство современныхъ намъ патріотовъ.

Подобно этому Кольбъ, во вступленіи къ своей „Исторіи человѣческой культуры“, говоря о способѣ изложенія исторіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ предостерегаетъ противъ увлеченія „патріотизмомъ“: — Человѣкъ, который ради пользы своихъ согражданъ ставитъ свою личную выгоду на второй планъ, безспорно достоинъ уваженія; эгоиста не уважаютъ, даже презираютъ; а къ цѣлымъ народамъ позволительно ли примѣнять иную моральную оцѣнку? Меж-

ду тѣмъ свойство, которое у отдѣльнаго лица называютъ эгоизмомъ, въ примѣненіи къ цѣлому народу получаетъ названіе патріотизма, хотя казалось бы, наоборотъ, вполнѣ естественно ставить человѣчество выше отдѣльной народности. Пусть, впрочемъ, эгоистическіе поступки государствъ красуются подъ именемъ патріотизма и любви къ отечеству; они не послужатъ побѣдителю въ дѣйствительную пользу. Уже Берне высказалъ такое вѣрное сужденіе: „развѣ эгоизмъ цѣлой страны меньшій порокъ, чѣмъ эгоизмъ одного человѣка? неужели справедливость перестаетъ быть добродѣтелью, коль скоро ее примѣняютъ къ цѣлому народу?“ Также и Лессингъ писалъ Глейму: „похвала яраго патріота — самое послѣднее за чѣмъ бы я гнался, она не заставила бы меня забыть, что я долженъ быть гражданиномъ всего міра“. Одинаковая мѣра справедливости нужна для индивидовъ, какъ и для народовъ.

ГЛАВА V.

Примѣненіе вышеустановленныхъ положеній преимущественно къ Россіи.

Особенности Россіи въ отношеніи: патріотизма, мѣстной жизни, централизаціи, бюрократіи, стихійнаго элемента и подавленія личности.

Послѣ всего передъ симъ высказаннаго обратимся въ особенности къ Россіи, постараемся болѣе выяснить положеніе созданное у насъ многолѣтнимъ господствомъ абсолютизма и бюрократіи. Для начала приведемъ сужденія по этому предмету извѣстныхъ своей добросовѣстностью серьезныхъ нашихъ мыслителей, на которыхъ и выше приходилось ссылаться.

К. Д. Кавелинъ несомнѣнно былъ горячій русскій патріотъ, какъ уже случилось замѣтить, даже не разъ впадавшій въ патріотическія заблужденія подъ вліяніемъ самодовольныхъ взглядовъ и національныхъ призываній московскихъ славянофиловъ. Но когда освобождался онъ отъ шумихи фразъ и опирался на одни лишь положительные, твердо установленные факты, то вотъ, между прочимъ, какія мысли высказывалъ онъ въ совершенно интимной перепискѣ, послѣ долгихъ безплодныхъ шатаній въ области народничества. (1)

„Вездѣ на каждомъ шагу видно, что были у насъ (въ Россіи) зародыши и ростки живыхъ мѣстныхъ интересовъ"... „Но весь этотъ міръ (мѣстной жизни), прежде чѣмъ успѣлъ выработаться, окрѣпнуть и принять опредѣленныя формы, завялъ и заглохъ, оттого что на очереди стоялъ вопросъ государственный — политическаго объединенія во что бы ни стало. Вопреки мнѣнію Костомарова, мы думаемъ, что не татарская буря сломила мѣстную жизнь въ древней Руси, а Московская, какъ впослѣдствіи Петербургская. Когда же мы (въ недавнее время) начали искать себѣ новыхъ путей, то оборачиваясь назадъ, съ ужасомъ увидѣли однѣ развалины, одно запустенье. Историческая память у насъ точно отшиблена: сзади пустота и впереди пустота! Мысль наша какъ-то виситъ на воздухѣ; ей въ своихъ исканіяхъ не на что упереться, не за что уцѣпиться. Личное существованіе не имѣетъ у насъ почвы, въ которую оно могло бы пустить корни и врости крѣпко. Такую твердую, крѣпкую почву можетъ дать лицу ближайшая обстановка, историческое преданіе, бытъ и нравы, переходящіе по наслѣдству отъ по-

(1) Переписка 1872—73 годовъ съ племянникомъ Корсаковымъ. Рецензія на диссертацію послѣдняго. (Вѣстн. Европы).

колѣнія къ поколѣнію. Вырванный съ корнемъ изъ этой ближайшей среды, человѣкъ слабъ и безпомощенъ; слоняется посреди другихъ, себѣ подобныхъ какъ тѣнь, не имѣя живыхъ интересовъ, не принимая ни въ чемъ горячаго участія. Общіе интересы, государственная и политическая жизнь только тогда не пустыя фразы, когда подкладкою имъ служитъ развитая, бьющая живымъ ключемъ мѣстная, провинціальная жизнь. Общая политическая жизнь, общіе вопросы, общіе интересы имѣютъ дѣйствительный смыслъ, когда они являются итогами, выводами изъ жизни провинціальной, сводятъ ее къ одному, не даютъ ей чрезмѣрно расползтись, разобщиться, замкнуться въ узкій и эгоистическій партикуляризмъ. Общенародная, какъ общечеловѣческая жизнь есть только освѣжающій элементъ, регуляторъ мѣстной жизни".

„Нѣмцы усердно стирая съ Западныхъ Славянъ слѣды національности, не могли не вызвать реакціи; фактъ былъ слишкомъ ярокъ и нагляденъ; противодѣйствіе ему рождалось невольно и безсознательно. Какъ было имъ не обратиться на самихъ себя, когда вокругъ все было чуждое и вдобавокъ враждебное? Мы, напротивъ, плаваемъ въ своемъ соку, вращаемся въ своемъ русскомъ элементѣ, и потому намъ гораздо труднѣе догадаться въ какомъ мы глубокомъ и пагубномъ заблужденіи, живя одними общими, государственными, политическими, международными интересами, и воображая, что сколько нибудь правильная, благоустроенная, общая государственная и политическая жизнь возможна безъ сильно развитой мѣстной, провинціальной. На этотъ счетъ мы всѣ одинаково горько заблуждаемся".

„Вездѣ (у насъ) кругомъ стоячее болото. Людишки все такая дрянь, что не только чего нибудь очень умнаго, а даже средственнаго ожидать нельзя". „Петербургъ болото въ физическомъ и нравственномъ

смыслѣ. Только ни за что не хотѣлъ бы въ Москву: эта еще хуже". (1)

Какъ видно отчасти разочаровался Кавелинъ и въ отношеніи излюбленнаго имъ крестьянства русскаго. Останавливаясь на нравственной сторонѣ вопроса, которая, по его глубокому убѣжденію, здѣсь какъ и вездѣ, имѣетъ рѣшающее значеніе, К. Д. говоритъ: „въ деревнѣ, (типическомъ, по его мнѣнію, выраженіи великорусской общественности) нравственная сторона дѣла находится въ слишкомъ большомъ пренебреженіи. Всѣ наши соображенія вертятся на сѣвооборотѣ, машинахъ, рабочей силѣ, капиталѣ и т. д., а нравственныя начала замѣняются совершенно противуположными"... „Подъ вліяніемъ необыкновенно низкаго уровня культуры нашего *мужицкаго* царства, глаголъ *объегорить* спрягается у насъ на всѣ лады, всѣ взаимно *объегориваютъ* другъ друга". *Пироговъ.*

Вотъ еще нѣсколько мыслей на тотъ же предметъ, почерпнутыхъ изъ хорошо-извѣстнаго дневника Н. И. Пирогова. (Постараемся говорить преимущественно его собственными словами). „Общество наше сверху до низу вѣками пріучено къ индеферентизму. Когда же правительственная власть толкнула его на путь развитія, то не было приложено достаточно усилій къ трезвому анализу и поддержкѣ тѣхъ стремленій, на внутренній антагонизмъ которыхъ въ борьбѣ со зломъ можно было опереться. Стричь подъ одинъ гребень — извѣстная замашка неразвитыхъ, неопытныхъ и грубыхъ лицъ и обществъ — у насъ къ сожалѣнію получила преобладаніе".

Когда совершилась величайшая изъ реформъ послѣдняго времени — уничтоженіе крѣпостнаго права — отнюдь не слѣдовало упускать изъ виду раз-

(1) Нельзя не замѣтить, что съ того времени, когда были высказаны эти мысли, положеніе еще значительно ухудшилось.

витіе также другихъ сторонъ государственной жизни. „Между тѣмъ у насъ крестьянская реформа явилась изолированно, частію подъ вліяніемъ оригинальнаго представленія о какомъ-то мужицкомъ царствѣ“, пущеннаго въ ходъ нашими слафянофилами-фантазерами, частію вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ“.

„Эмансипированнымъ дали до извѣстной степени самоуправленіе, котораго тогда не имѣли еще и культурные классы, свое вѣче (сходки), даже свои законы относительно собственности, наслѣдія и т. п. — словомъ создали какой то особнякъ, не болѣе ни менѣе какъ изъ 20 мил. душъ, живущій своей отдѣльною, мало понятною для насъ жизнью, имѣющій свое оригинальное міровоззрѣніе, привыкшій дѣйствовать огульно, корпоративно“.

„И правительство ничего не сдѣлало для того, чтобы нарушить однородность и обособленность этой массы (сплошной глыбы) черезъ проникновеніе въ нее, или по крайней мѣрѣ сближеніе съ нею культурныхъ элементовъ; напротивъ, оно какъ бы стремилось оградить неприкосновенность этого отдѣльнаго, пребывающаго въ своей косности міра“.

„Даже когда стало вводиться всесословное земство, съ гласными и присяжными изъ крестьянъ, волость (единица земства) продолжала оставаться не всесословною, а исключительно крестьянскою“. „Притомъ администрація, наложивъ свою тяжелую руку, въ скоромъ времени сильно поколебала главные принципы, вложенные въ земство при его основаніи: всесословное представительство, самоуправленіе и гласность; подъ вліяніемъ чего лучшія интелигентныя силы, мало по малу отстраняясь, наконецъ совсѣмъ удалились отъ земской дѣятельности. Вялость, безразличное отношеніе общества къ земскому дѣлу и бюрократизмъ были слѣдствіемъ измѣнившагося духа и направленія земскихъ учрежденій“. Предос-

тавленное самому себѣ крестьянство никакимъ образомъ не могло послужить элементомъ правильнаго и прочнаго развитія государственной жизни. Крестьянство, какъ бы оно ни было консервативно, есть все таки по существу стихійная сила. Освобожденное отъ вѣкового гнета — оно несомнѣнно могло стать, въ числѣ другихъ факторовъ, опорою порядка; но прочно опираться на одно стихійное начало невозможно.

„Два свойства — индивидуальность и стадность — борятся между собою во всѣхъ человѣческихъ обществахъ. Общества и государства учреждаются на основаніи междоусобной войны индивидуальныхъ и стадныхъ свойствъ людей". У насъ въ Россіи стадныя свойства сильно преобладаютъ. „Индивидуализмъ развитъ относительно въ миніатюрѣ. Наше правительство 40-хъ годовъ погрѣшало тѣмъ, что оставляло почти нетронутыми стадныя свойства, подавляя развитіе личности и свойствъ индивидуальныхъ. Предержащія власти того времени были убѣждены, что одною внѣшнею силою онѣ справятся со стаднымъ звѣрствомъ. Внѣшняя сила и въ самомъ дѣлѣ такъ могущественна, что ей не трудно справиться съ проявленіемъ стадныхъ свойствъ въ массахъ. Но на сцену вышло нѣчто другое неожиданное — это проявленіе неистовѣйшаго изъ стадныхъ свойствъ—звѣрства (нашихъ анархистовъ и, прибавимъ, также патріотовъ — нивелировщиковъ, которыхъ безспорно надо причислить къ рѣшительнѣйшимъ утопистамъ). Шекспиръ, въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ твореній своего генія—Бурѣ -изобразилъ наглядно, въ лицѣ Калибана, звѣрскую натуру человѣка, удерживаемую въ постоянномъ рабствѣ умомъ, и при малѣйшемъ послабленіи всегда готовую войти въ заговоръ противъ своего властелина. Такъ вотъ эти-то Калибаны и не замедлили вступить въ заговоръ противъ состоявшаго подъ долгимъ гнетомъ индивиду-

ализма. Звѣрство не могло быть удержано въ повиновеніи несвободнымъ, стѣсненнымъ умомъ. Вышло противное тому, что должно быть нормою развитія для правительствъ и обществъ: вмѣсто свободы личнаго ума появилась свобода звѣрства". (1) „*Чѣмъ менѣе значеніе особи въ государственномъ строѣ, тѣмъ опаснѣе положеніе государства въ наше время*". „Потому-то наиболѣе важная и насущная наша задача теперь должна состоять въ томъ, чтобы всѣми силами способствовать развитію индивидуализма, угнетеннаго еще очень сильно стадными свойствами. Въ собираніи мелкихъ индивидуализированныхъ группъ въ болѣе крупныя именно и лежитъ вѣрнѣйшій оплотъ противъ современныхъ утопій".

---

(1) Прежде чѣмъ успѣлъ я напечатать эту книгу подспѣли событія въ которыхъ вышеприведенныя слова Н. И. Пирогова нашли прямое и убѣдительное подрвержденіе. Поднявшіяся въ 1902-мъ году волненія между крестьянами являются естественнымъ плодомъ дѣятельности самого правительства. Возбуждающія волненія личности, преслѣдующія однѣ лишь цѣли разрушенія во что бы ни стало, очень удачно приняли за исходную точку пропаганды служеніе будто-бы царю, огражденіе его отъ насилія ослушниковъ: сенаторовъ, министровъ, вообще служащихъ и въ особенности дворянъ землевладѣльцевъ. Царь, говорятъ разрушители, желаетъ отдать крестьянамъ всю землю, но ему не позволяютъ окружающіе преступные слуги. Помогите царю, освободите его отъ насѣвшихъ на него злодѣевъ — и вся земля ваша; ваши и всѣ запасы накопившіеся въ богатыхъ помѣстьяхъ въ то время какъ вы голодали. Разносите эти помѣстья, забирайте запасы, и царь вамъ за это только спасибо скажетъ. Вотъ вамъ книжки, въ которыхъ все это написано; читайте и дѣлайте какъ въ книжкахъ сказано.

Повторяемъ — къ такому проявленію звѣрства новыхъ „Калибановъ", отъ самого освобожденія крѣпостныхъ, вело народъ само правительство, съ послѣдовательностью достойною лучшаго примѣненія. Правительство разбило цѣпь гнета матерьяльнаго, но не осмѣлилось, хоть бы въ малой мѣрѣ, ослабить путы гнета нравственнаго. Для освобожденнаго крестьянства оно создало совсѣмъ изолированный, своеобразный міръ-особнякъ, всячески стараясь оградить его отъ общенія съ необлеченной властью интеллигенціей, со стороны которой болѣе всего опасалось весьма натуральнаго и законнаго

„На Западѣ индивидуализмъ успѣлъ гораздо болѣе чѣмъ у насъ развиться и подавить стадныя свойства народовъ. Бисмаркъ говоритъ, что каждый нѣмецъ непремѣнно хочетъ имѣть своего короля. Богъ у каждаго уже другой. Индивидуализмъ давно раздробилъ тамъ общество на мелк'я группы, соединяющія-ся теперь насущными потребностями существованія. Многое индивидуальное у нихъ передумано, пережито

предъявленія требованій о представленіи ей доли правъ въ жизни государственной. Но по существу присущая культурному классу привилегія мысли, пробужденная къ тому же широкимъ участіемъ его въ работахъ крестьянской реформы, не могла быть подавлена, Подъ наружнымъ покровомъ покорности и апатіи, она продолжала работать и волноваться, выбрасывая отъ времени до времени на поверхность горючія элементы, ферменты броженія въ среду народа. Неразумными, грубыми мѣрами предупрежденія и репрессіи борется съ этими элементами правительство, безплодно истощается въ ударахъ противъ единицъ — „Калибановъ“, не умѣя или не желая понять, что единственное средство остановить враждебное ему хожденіе интеллигенціи въ народъ заключалось бы въ томъ, чтобы самому правительству послать въ народъ свободную интеллигенцію, черезъ широкое общеніе ихъ въ составѣ всесословной мѣстной единицы самоуправленія. „Вѣрьте вашимъ предводителямъ дворянства“, говорилъ Александръ III собранію волостныхъ старшинъ при своей коронаціи. Но могло ли распространиться въ народѣ и повліять на него это одинъ разъ высказанное и громомъ торжествъ заглушенное слово, тогда какъ цѣлыми годами, фактически внушалось крестьянину, что дворянство ничего общаго съ нимъ не имѣетъ, что оно чуждо ему, откуда одинъ шагъ до заключенія, что оно ему и враждебно. Теперь, когда въ виду усилившихся волненій, царь обращается къ народу съ увѣщаніями, чтобы онъ повиновался властямъ, уважалъ права и собственность имущихъ сословій, онъ не имѣетъ способа передать эти увѣщанія иначе, какъ черезъ представителей тѣхъ же высшихъ сословій, отчужденіе отъ которыхъ крестьянина годами проводило правительство. Понятно, что этимъ чужакамъ не вѣритъ народъ, что видитъ въ нихъ только заслонъ истинныхъ желаній монарха. Разрушить это невѣріе едва ли возможно розгами, штыками или пулями. Въ самой силѣ вещей должно бы правительство почерпнуть указаніе, что необходимо, если еще не поздно, вернуться къ тому, съ чего слѣдовало начать въ 1861-мъ году. Способны ли услышать этотъ голосъ истины раболѣпные слуги царя?

и перечувствовано. Несомнѣнно и намъ также не миноватьпроцесса общечеловѣческаго развитія. Откуда бы такая благодать, да еще и благодать ли? Любовь къ отечеству, къ русскому народу и славянскому племени вообще, какъ такія чувства ни высоки, не должны въ этомъ отношеніи туманить нашъ здравый смыслъ". Повторяемъ — „развитіе индивидуальной личности и всѣхъ присущихъ ей свойствъ — вотъ настоящій талисманъ нашъ противъ недуговъ вѣка".

„Напротивъ — уравнять интересы и стремленія, сбить маковыя головки выросшія выше другихъ, пьедесталъ опрокинуть, почву выровнять, обратить все человѣчество въ одного огромнаго человѣка ростомъ до неба — вотъ финалъ современныхъ соціальныхъ утопій, съ ихъ множествомъ оттѣнковъ и варіяцій".

„Наша народная стихія, на которую возлагаютъ столько розовыхъ надеждъ наши доморощенные утописты и славянофилы — крестьянство наше—съ его нищетою, темнотою, непониманіемъ самыхъ основныхъ началъ общества, неуваженіемъ къ чужой собственности, замѣчательною своеобразною чертою — отсутствія бережливости, и многими другими стадными свойствами, — представляетъ собою почву, на которой легче всего поднять стихійныя силы и разжечь хищническіе инстинкты; и на нее-то болѣе всего расчитываютъ и увлеченные, и злонамѣренные и корыстные утописты".

„Всѣ у насъ — и благомыслящіе прогрессисты и вліятельные администраторы, и западники, и славянофилы, и молодежь наша, — всѣ какъ будто помѣшались на какомъ-то обожаніи стихійныхъ силъ. Всѣ какъ будто забыли что на этомъ конькѣ ѣздятъ и современные утописты. Какъ управлять и организовать управленіе если стадныя свойства будутъ находить поддержку со стороны правительства и культурнаго общества? Возможно ли, не способствуя нисколько развитію индивидуализма, а напротивъ устраняя его,

утверждать, что племенныя стадныя свойства вдругъ или незамѣтно перейдутъ въ какую-то интелигентную ассосіяцію? Не утопія ли это своего рода? Между тѣмъ у насъ въ это вѣрятъ". (Стремленія правительства въ этомъ случаѣ непосредственно соприкасаются съ ученіями анархистовъ).

„Мы странны, національно странны, и въ нашей оригинальности, и въ нашемъ подражаніи. Въ оригинальности мы хотимъ перещеголять всѣхъ другихъ, выдумать разомъ что нибудь такое, что другимъ никакъ не могло бы придти на умъ. Въ подражаніи— мы или рабски подражаемъ, или же стараемся попасть, опять таки, разомъ, на самую послѣднюю ступень, — и то чего другіе достигли медленно, переходя съ одной ступени на другую, мы хотимъ одолѣть съ одного маху".

„На западѣ, напримѣръ, идетъ удачно ассосіяція труда и капитала. Мы сейчасъ же такъ соображаемъ: у насъ есть и теперь уже на лицо важный задатокъ — община; она такъ прямо цѣликомъ и заткнетъ за поясъ ассосіяцію. А то ни по чемъ, что пережило на Западѣ общество, что перечувствовало, переиспытало, прежде чѣмъ дошло до ассосіяціи".

„На Западѣ, и то не вездѣ, народился цѣлый классъ людей, ненавидящихъ буржуазію и бюргерство. И намъ это не нужно, нужна ненависть къ буржуазіи, ненависть къ тому чего еще нѣтъ. И быть ему (значитъ) не нужно: мы мужицкое царство".

„На Западѣ есть представительство, и преимущественно изъ средняго класса. Намъ не нужны ни этотъ классъ, ни это представительство. Намъ нужно что-то другое, болѣе радикальное, свое, оригинальное, и даже не конституція. А что-же? Формулы еще нѣтъ; она явится въ послѣдствіи, а теперь надо только разрушить старое. Новое—лучшее народится потомъ само собою. Нужна только земля, да воля, да общины.... Тогда заживемъ на славу".

„При эмансипаціи все вниманіе дѣятелей обращено было на землю.... *Земля и воля* стало у насъ первымъ лозунгомъ. Какая-то мономанія опасеній пролетаріата обуяла насъ. Полагали что стоитъ только обезпечить крестьянство мірскою землею — и будетъ навсегда устранена основная разъѣдающая Европу язва". Мнѣ же сдается, говоритъ Пироговъ, „что чѣмъ болѣе въ правительственныхъ сферахъ будутъ ковырять на всѣ лады земельный вопросъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ становиться растравленнымъ мѣстомъ и привлекательнымъ для хищныхъ насѣкомыхъ"....

„Что бы доктринеры, бюрократы и утописты ни придумывали противъ пролетаріата — этого исконнаго зла человѣческаго общества — все повредитъ только настоящему — это главное; *а для отдаленнаго будущаго ломать и переустраивать неустановившіяся еще порядкомъ настоящія преобразованія — нельпо; да мало что нельпо — преступно*". Эта ломка въ теченіе двадцати лѣтъ, эта невѣрность и шаткость положенія земельныхъ собственниковъ (относилось преимущественно къ Юго-Западному краю) и привели насъ поистинѣ въ безотрадное положеніе".

„Неужели для всѣхъ насъ не настанетъ время, когда мы поймемъ всю скудость нашего здраваго смысла? И къ сожалѣнію этотъ вопросъ слѣдуетъ отнести не къ одному только нашему обществу, къ утопистамъ, къ незрѣлой молодежи"....

Точки въ изданіи... „а и къ нашимъ государственнымъ людямъ, къ правительству, до самаго главы государства"—безъ сомнѣнія должно быть окончаніе.

По поводу прискорбнѣйшаго событія 1-го марта (1881 г.) Пироговъ говоритъ, что мысль убійства созрѣла и осуществилась именно на почвѣ упомянутыхъ отрицательныхъ свойствъ нашего общества: индеферентизма, апатіи и поголовнаго недовольства. „Какъ могла бы шайка злоумышленниковъ причинить столько зла сильному государству, если бы всѣ

классы, всѣ сословія были довольны, на сколько вообще возможно такое довольство". Послѣ каждой попытки къ преступленію въ верхнихъ слояхъ волновались какъ будто изъ одного любопытства, а потомъ смотрѣли на происходящее лишь съ боязнью за себя, чтобы какъ нибудь не быть вовлеченнымъ въ отвѣтственность; или же сѣтовали, и не безъ причины, на стѣснительныя административныя мѣры, аресты, обыски, ссылки и проч. Народъ же, даже послѣ 1-го марта, высказалъ безучастіе близкое къ равнодушію. Это-то недовольство и апатія именно и были на руку крамольникамъ: общество наконецъ не знало уже кого ему болѣе ненавидѣть за произволъ и насиліе — крамолу или администрацію?" „И вотъ дошло до того, что гнусная и нравственно ненавистная честному обществу крамола оказалась нравственно же связанною съ нимъ сѣтью неуловимыхъ впечатлѣній. Дѣло въ томъ что крамола, какъ видно изъ разныхъ судебныхъ изслѣдованій, есть только послѣднее слово соціальной утопіи; а утопія эта имѣетъ столько разныхъ оттѣнковъ, что умѣренный утопистъ составляетъ только незамѣтный переходъ къ простымъ прогрессистамъ".

Такимъ образомъ, заключаетъ Пироговъ, „подавленіе личности государствомъ составляетъ выдающуюся особенность, основную черту нашей государственной жизни. И мы достигли цѣли: личность подавлена, но лишь въ наилучшемъ разумномъ ея значеніи; она подняла голову въ лицѣ новыхъ Калибановъ (какъ враговъ, такъ и угодниковъ правительства — безразлично). Не сдержанная разсудкомъ злая воля выступила на отчаянную борьбу съ тѣмъ же государствомъ, обезсиленнымъ чрезъ устраненіе индивидуализованныхъ элементовъ, умственно и нравственно развитыхъ культурныхъ особей".

а) Коренной недугъ Россіи.

Положительно можно сказать, что не соперничество, не антагонизмъ или зависть другихъ державъ, не обособленность инородцевъ или иновѣрцевъ на окраинахъ, не либеральное слово или печать въ предѣлахъ Россіи должны быть предметомъ заботъ и опасеній нашихъ: все нивелирующее, все подавляющее самодержавіе, уничтожающее въ правящихъ сферахъ, какъ и во всей массѣ управляемыхъ, всякіе слѣды гражданской честности и самостоятельности; православіе, дающее возможность формою прикрыть полное отсутствіе чувства долга, — вотъ величайшіе злѣйшіе враги Россіи, вотъ коренной недугъ, отравляющій и разъѣдающій нашу жизнь.

Выдающееся проявленіе его при Александрѣ III.

Съ наибольшею интенсивностью и шириною зло это проявилось въ царствованіе Александра III, выдающагося представителя чистѣйшаго абсолютизма, который, при цѣльности характера и малоразвитости, не сомнѣваясь, однимъ своимъ словомъ или почеркомъ пера, прямолинейно, съ плеча позволялъ себѣ рѣшать всякіе государственные вопросы, полагая, какъ видно, что одно лишь горячее желаніе Россіи добра (хотя весьма своеобразно понимаемаго) и неуклонное исполненіе имъ того, что считалъ своимъ долгомъ, могутъ въ этомъ отношеніи послужить лучшими руководящими началами, чѣмъ указанія науки, примѣры исторіи, административная опытность и общественное мнѣніе.

Внѣшнія сношенія и внутреннее управленіе.

Обольщенный или введенный въ заблужденіе доступными его пониманію успѣхами въ международныхъ сношеніяхъ, гдѣ твердо высказанное имъ слово нерѣдко достигало желанной цѣли, онъ какъ видно полагалъ возможнымъ столь же прямолинейно распоряжаться и по внутреннему управленію государст-

вомъ. Но условія здѣсь совсѣмъ иныя. Каковъ бы ни былъ исходъ вооруженнаго столкновенія съ стомилліоннымъ народомъ, управляемымъ единою, неограниченною волей, во всякомъ случаѣ, даже удачно оконченная борьба съ подобнымъ колоссомъ, представляетъ собою такое великое бѣдствіе, что изъ одного опасенія его всякій другой народъ готовъ отступить передъ словомъ самодержца, если только уступка эта не угрожаетъ его жизненнымъ интересамъ. Уступокъ же нарушающихъ такіе интересы Александръ III и не требовалъ.

Дѣло внутренняго управленія далеко не такъ просто. „Разовью на Руси просвѣщеніе при помощи церковно-приходскихъ школъ“, „накормлю голодающихъ чрезъ воспрещеніе вывоза хлѣба заграницу“, „заставлю остзейскихъ нѣмцевъ забыть свой языкъ“ или „поляковъ любить Россію“ — все это сказать легко; но отъ слова далеко до исполненія. Жизнь заявляетъ свои требованія, неподдающіяся самодержавной волѣ. Нужны умъ, опытъ и знанія, для того чтобы ихъ услышать, уразумѣть и дать имъ осуществиться, по возможности ничего не насилуя. А гдѣ взять ума, если Богъ имъ не надѣлилъ, знаній которыхъ во время не преподано, и даже опыта при условіяхъ почти полной невозможности пріобрѣтенія его самодержцемъ.

Самодержавіе только прикрываетъ господство окружающей среды. Значеніе послѣдней.

Такимъ образомъ и выходитъ, что Государь русскій не имѣетъ собственнаго критеріума, для оцѣнки явленій жизни и ея требованій, и что самодержцевъ на дѣлѣ оказывается столько, сколько есть лицъ пользующихся его довѣріемъ.

Но въ средѣ этихъ послѣднихъ положительно нѣтъ государственныхъ людей, какъ и вообще не существуетъ нравственнаго начала въ нашихъ правящихъ сферахъ. Иначе не могло и быть, такъ какъ это пря-

мой, неизбѣжный продуктъ самодержавнаго произвола. Когда отъ личнаго усмотрѣнія, отъ единичной воли монарха зависитъ оцѣнка всякаго дѣйствія, признаніе его заслуживающимъ кары или поощренія, то угожденіе этой волѣ, заискиваніе передъ нею, весьма естественно становится руководящимъ принципомъ нравственнаго кодекса. Дѣяніе признается разумнымъ и добрымъ, или безсмысленнымъ и порочнымъ, не по внутреннему его содержанію, не по отношенію его къ религіи и вѣками выработаннымъ основаніямъ этики, а въ зависимости отъ того лишь, что скажутъ о немъ на верху. Разъ — произнесено тамъ надъ кѣмъ либо слово осужденія, — отъ этого человѣка безъ разсужденій отворачивается все; и наоборотъ — какія бы непотребства человѣкъ ни совершилъ, но онъ въ милости, — потому на явныя его мерзости смотрятъ сквозь пальцы; онъ остается прекраснѣйшимъ, милѣйшимъ для всѣхъ.

По дошедшему до насъ преданію, недоброй памяти царь Иванъ Грозный получилъ отъ одного изъ многоумныхъ епископовъ того времени (Вассіана) характерное наставленіе: „если хочешь быть самодержцемъ, не держи совѣтниковъ умнѣе себя“. Отъ этого руководящаго принципа по истинѣ не далеко отошелъ и Государь Александръ III. За весьма немногими, единичными исключеніями, въ его царствованіе для пріобрѣтенія благоволенія нужно было или въ дѣйствительности стоять на невысокомъ уровнѣ монаршаго развитія, или лицемѣрно прикидываться не идущимъ далѣе его узкаго кругозора, въ которомъ, за рубежомъ православія, самодержавія, квасного патріотизма (выражающагося въ неосмысленномъ возвеличеніи всего русскаго) и незадающейся дальними расчетами экономіи, — въ сущности болѣе ничего и не было.

Характеристика верхнихъ слоевъ русскаго общества.

Въ эти узкія рамки и заключило свои идеалы современное русское общество. Столпы государства, министры болѣе всего помышляютъ о томъ, какъ бы проникнуть, предугадать что государю понравится, и согласно съ этимъ направить свои доклады; параллельно идетъ забота какъ бы не обезпокоить, не обременять, не задать вопросовъ, которые заставили бы углубиться до сути дѣла, за предѣлы того, что по давнишней привычкѣ считается за аксіомы, или основы не подлежащія обсужденію. Если бы главою государства было постановлено рѣшеніе, прямо идущее въ разрѣзъ съ убѣжденіемъ докладчика, истинно честный министръ долженъ бы былъ уйти. У насъ патріотизмъ и преданность самодержавію этого не допускаютъ: прежде всего высшій для подданнаго долгъ есть безпрекословное подчиненіе волѣ самодержца; затѣмъ является соображеніе, что если я уйду—посадятъ другого, хуже меня, и такимъ образомъ я не исполню, хотя бы въ минимальной, доступной для меня дозѣ, требованія патріотизма, маскою котораго прикрывается такимъ образомъ чистѣйшее своекорыстіе, упорное желаніе держаться теплыхъ мѣстъ. Принципы эти естественно проникаютъ и глубже отъ высшихъ до послѣднихъ ступеней государственной службы.

Не даромъ еще Софоклъ (по поводу водворенія философа Платона при дворѣ Діонисіевъ) въ одной изъ своихъ трагедій сказалъ: „тотъ кто живетъ у властителя дѣлается рабомъ его, хотя бы и пришелъ къ нему съ вольными убѣжденіями“. Та же исторія повторилась напр. съ Питтомъ Старшимъ (первымъ лордомъ Чатамомъ), который, хотя и остался строго безкорыстнымъ до конца жизни, но не имѣлъ твердости устоять противъ обольщеній двора, и въ угоду послѣднему, только подъ вліяніемъ ласкательствъ

королевскихъ, измѣнилъ основныя свои политическія убѣжденія. Съ великимъ прискорбіемъ приходится наконецъ сказать тоже самое о недавно сошедшемъ у насъ въ могилу, безспорно весьма способномъ, честнѣйшемъ Н. Х. Бунге. Въ одномъ изъ сочувственныхъ ему некрологовъ, называютъ Бунге „искателемъ правды для всѣхъ“. Дѣйствительно, не смотря на свои государственныя занятія, Н. Х. Бунге до конца жизни продолжалъ „исканіе истины“— свои ученные труды, въ которыхъ и видѣлъ по преимуществу „раскрытіе жизненной правды“. Но неустанно отыскивая истину въ теоріи, какъ ученый, Н. Х. едва ли служилъ ей („правдѣ для всѣхъ“) практически, съ тою твердостью и самоотверженіемъ, какихъ можно было ожидать отъ убѣжденнаго государственнаго дѣятеля. Допустимъ, что какъ министръ финансовъ онъ, если не исполнилъ все что желалъ, сдѣлалъ по крайней мѣрѣ все что могъ. Но вѣдь государственная дѣятельность его распространялась не на одно министерство финансовъ. Какъ членъ государственнаго совѣта, тѣмъ болѣе потомъ и какъ предсѣдатель Комитета министровъ, не могъ онъ не знать, не могъ не принимать участіе въ обсужденіи того, что дѣлалось по другимъ министерствамъ. Простительно ли было государственному дѣятелю, практически отыскивающему „правду для всѣхъ“, оставаться безучастнымъ зрителемъ, или хотя бы только снисходительнымъ попустителемъ вопіющей неправды, проходившей черезъ Государственный Совѣтъ или Комитетъ Министровъ. Достаточно вспомнить хоть судебно-административную реформу (законъ 12 Іюля 1889 г.), вообще послѣдовательное стѣсненіе самодѣятельности земства, развращающее воздѣйствіе на прессу, церковно-приходскія школы и многое другое, о чемъ не могла не заходить рѣчь въ названныхъ высшихъ учрежденіяхъ. Разумѣется не могъ Бунге по всѣмъ этимъ вопросамъ провести тѣ

здравые, честные взгляды, которые, какъ неустанный искатель правды, онъ долженъ былъ имѣть и несомнѣнно имѣлъ; но устраниться совсѣмъ отъ борьбы, или ограничиться мягкими, благодушными возраженіями онъ, какъ убѣжденный и честный человѣкъ не имѣлъ права; тѣмъ болѣе что близость къ лицу Государя, особое монаршее благоволѣніе, которымъ онъ постоянно пользовался, давали въ его руки оружіе борьбы, весьма немногимъ достававшееся на долю. Во всякомъ случаѣ опасности, риска вовсе не было, не только для его личнаго положенія, но и для продолженія трудовъ его согласно взглядамъ или убѣжденію. Между тѣмъ въ дѣятельности Бунге мы не видимъ не только результатовъ борьбы, которые выразились бы въ преградахъ распространенію зла, не слышимъ не только объ усиленной, но даже о какой либо борьбѣ на практической почвѣ, со стороны искателя „правды для всѣхъ“. Можно прямо утверждать, что подобной борьбы не было, такъ какъ иначе доходили бы до насъ отголоски ея, какъ напр. о дѣятельности покойнаго В. А. Арцимовича. При всемъ уваженіи къ личности Н. Х. Бунге, нельзя не сказать, что эта мягкость, уступчивость или индифферентность не могутъ не быть поставлены въ пассивъ при оцѣнкѣ его какъ государственнаго человѣка. Но такова уже видно среда, что самые лучшіе люди не могутъ вступить въ нее, не утративъ чего либо изъ своей нравственной чистоты.

И таково по преимуществу было вліяніе царствованія Александра III, не смотря на то, что лично онъ былъ государь нравственный, истинно-благожелательный и горячо любившій Россію. Но что значила его нравственность, хотя бы примѣрная супружеская жизнь царской четы, когда кругомъ себя въ близкихъ, начиная съ членовъ семейства, онъ терпѣлъ полную распущенность, грязный цинизмъ. Мы далеки отъ мысли повторять скабрезныя исторіи,

ходившія въ публикѣ, относительно семейной и частной въ означенный періодъ жизни великихъ князей и княгинь; но ограничиваясь только достовѣрностями достаточно вспомнить хотя бы поводъ къ одновременному увольненію бывшихъ морского министра и начальника главнаго морского штаба и Ходынскую исторію въ Москвѣ, для того чтобы дать крайне невысокую оцѣнку нравственнымъ качествамъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго государя. (1)

Далѣе, вокругъ самодержца, за приближенными стоятъ толпы, массы того что называютъ высшимъ кругомъ или образованнымъ обществомъ. Что же въ свою очередь дѣлаютъ они? Ходятъ въ церьковь, гдѣ выслушиваютъ обращенныя къ лицу Всевѣдущаго и Всеправеднаго безконечныя докучанія о нашихъ житейскихъ корыстныхъ дѣлахъ; кружатся въ непрерывной, безсмысленной суетѣ увеселеній отъ Рождества до Великаго поста; ставятъ для этого копейку ребромъ, а въ остальные десять мѣсяцевъ всѣ небогатыя силы своихъ умишекъ направляютъ къ измышленію способовъ — какъ бы и съ кого бы эту перетраченную копейку сорвать. Наконецъ, чтобы дать себѣ наружное подобіе среды цивилизованной, ощущающей потребность въ пищѣ духовной, придумываютъ поводы для духовозношенія. Прогнали Баттенберга — „вотъ каковы мы русскіе! не взлюбилъ нашъ царь, сказалъ не хочу васъ знать — и понялъ Баттенбергъ, что ему ничего не остается кромѣ отре-

(1) Нельзя по этому поводу не припомнить, что однимъ изъ величайшихъ золъ, уже насѣвшихъ на Россію, и еще болѣе (при самодержавіи) угрожающихъ ей въ будущемъ, является размноженіе царскаго рода, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрастается. Борьба противъ этого зла становится настоятельною. Кое что сдѣлано по этому предмету Александромъ III. Но вопервыхъ сдѣлано недостаточно, во вторыхъ слишкомъ поздно, когда непомѣрная числительность стоящей выше закона семьи успѣла уже достигнуть грозящихъ великою бѣдою размѣровъ.

ченія". Построили черезъ Закаспійскую песочницу желѣзную дорогу, значеніе которой далеко неуспѣло еще опредѣлиться — „вотъ гигантскій нашъ подвигъ! мы истинные піонеры цивилизаціи, Провидѣніемъ намѣченные властители Индіи и Китая". Вслѣдствіе недосмотра, или злоумышленія и упущеній, разбился царскій поѣздъ у станціи Борки — „вотъ чудо, вотъ явленная воочію Божія милость къ намъ, своему избранному народу!" И около полугода наполняются столбцы газетъ шаблонно-однообразными восхваленіями любви и преданности русскаго народа къ царскому дому. „Вотъ наша святыня, наша сила; съ нею одолѣемъ цѣлый свѣтъ; какъ послѣ этого мы не величайшій изъ народовъ!" Стадность, стадность во всемъ. О мысли, объ исканіи истины нѣтъ и помина. Недаромъ въ 1882 году писалъ К. Д. Кавелинъ: „ у насъ пониженіе уровня знаній, пониманія, нравственнаго строя — поразительно; точно у людей голова и сердце поражены и перестали функціонировать" (частная переписка съ Корсаковымъ). Жажда пріобрѣтенія совсѣмъ обуяла насъ. Въ преобладающемъ, все прочее заглушающемъ стремленіи къ наживѣ и карьерѣ сосредоточена вся наша дѣятельность; въ томъ же духѣ развивается и современное юношество, чуть не съ колыбели (такъ по крайней мѣрѣ направлены дѣти людей высшаго круга и получившая военное воспитаніе молодежь).

Хотя руководящая, но въ свою очередь тоже руководимая направленіемъ массы читающихъ, печать наша натурально не можетъ замѣтно возвыситься надъ состояніемъ общаго уровня; тѣмъ болѣе что, рядомъ предостереженій, пріостановокъ, запрещеній, она поставлена въ необходимость постоянныхъ сдѣлокъ со своею совѣстью. При невозможности говорить о господствующемъ въ жизни нашей злѣ, объяснять и обсуживать основные источники неправды, она ловитъ случай дать сочувственный отзывъ о всякомъ

дѣйствіи властей, не лишенномъ въ извѣстной степени добраго начала, или по крайней мѣрѣ не представляющемся явно предосудительнымъ; спѣшитъ привѣтствовать всякое новое назначеніе, изъ котораго, по циркулирующимъ слухамъ, или хотя бы слабо провѣреннымъ даннымъ, можно ожидать сколько нибудь полезныхъ результатовъ. Въ этомъ органы печати вынужденно находятъ способъ заявить передъ публикою, хоть чѣмъ нибудь, что они не остаются безучастными къ явленіямъ текущей общественной жизни; а въ глазахъ властей — что они не заслуживаютъ отнесенія къ числу безусловно фрондирующихъ, или даже, какъ выражаются реакціонеры въ своихъ инсинуаціяхъ, — къ партіи зажигателей. Но на этомъ скользкомъ пути, къ сожалѣнію, многіе доходятъ до уклоненія отъ хорошо извѣстнаго, простого и основного принципа, въ силу котораго, если печать лишена возможности говорить по совѣсти, то обязательнымъ для нея становится по крайней мѣрѣ молчаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вынужденные необходимостью изо дня въ день калѣчить мысль автора подъ угрозою административныхъ каръ, редакціи мало по малу пріобрѣтаютъ привычку калѣчить ее и по своему личному усмотрѣнію, т. е. уже внѣ всякаго внѣшняго давленія, въ одномъ лишь признаніи своего умственнаго превосходства, совершать насиліе надъ духомъ ближняго, — самое тяжкое, самое непростительное изъ всѣхъ насилій.

б) Огрубеніе нравовъ въ погонѣ за призрачнымъ величіемъ государства.

Отсутствіе всякихъ другихъ идеаловъ мы замѣнили однимъ — раболѣпнымъ преклоненіемъ передъ внѣшнимъ могуществомъ государства, и въ поискахъ за этимъ идеаломъ призрачнаго величія, безъ этической оцѣнки избираемыхъ къ тому путей и средствъ, дошли до неимовѣрнаго огрубенія нравовъ.

Рѣшительный въ этомъ направленіи толчокъ данъ былъ польскимъ мятежемъ 1863 года. Оттуда началась реакція противъ либеральныхъ реформъ Александра II. Подъ вліяніемъ внѣзаконныхъ, исключительныхъ, жестокихъ мѣръ, примѣнявшихся тогда въ Литвѣ и Польшѣ, цѣлое поколеніе русскаго общества выросло въ школѣ произвола и насилій. Воспитавшись въ этихъ взглядахъ, оно натурально стало примѣнять ихъ, и до сихъ поръ примѣняетъ съ непрерывно возростающею силою, не только на окраинахъ, но и къ внутренней жизни коренныхъ русскихъ областей, фактическое подтвержденіе чего найдемъ въ приводимыхъ вслѣдъ за симъ слишкомъ убѣдительныхъ данныхъ.

Мы уже имѣли случай упомянуть о различіи этическаго критеріума прилагаемаго къ оцѣнкѣ частной и общественной или государственной дѣятельности. Государственная необходимость, возвеличеніе національности, патріотизмъ — это страшныя слова подъ прикрытіемъ которыхъ совершались и совершаются, не только въ международныхъ отношеніяхъ но и внутри государства, самыя жестокія, грубыя, возмутительныя дѣйствія. У насъ въ Россіи къ упомянутымъ грознымъ терминамъ надо присоединить еще заглушившее истинную христіанскую мораль — православіе. Но если въ преклоненіи передъ этими антихристіанскими началами пребываетъ большинство нашего современнаго, такъ называемаго образованнаго общества, въ особенности почти поголовно воспитавшіеся въ духѣ мрака и насилія военные, — то съ другой стороны нельзя съ отраднымъ чувствомъ не остановиться на совершенно иныхъ сужденіяхъ, которыя даже подъ давленіемъ самыхъ губительныхъ условій окружающаго, еще недавно высказывались лучшими русскими людьми, изъ числа немногихъ у насъ истинно-разумныхъ и благородныхъ мыслителей.

Сужденія по этому предмету честныхъ русскихъ мыслителей. Аксаковы.

Таковы, напримѣръ, сужденія И. С. Аксакова, хотя и принадлежавшаго къ лагерю славянофиловъ-народниковъ, но составившаго понятіе о народной жизни не въ кабинетѣ, а изъ наблюденія ея вблизи, при многочисленныхъ разъѣздахъ по всей европейской Россіи. Близкимъ роднымъ своимъ, въ письмахъ, искренность и прямодушіе которыхъ уже никакъ не могутъ быть заподозрѣны, вотъ что, между прочимъ, высказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, въ мартѣ 1856-го года, по поводу угощеній и торжествъ въ честь Черноморскихъ моряковъ, когда отца его Сергѣя Тимофеевича „коробило отъ этихъ патріотическихъ демонстрацій“: „что за комедію, говоритъ онъ, разыгрываютъ въ Москвѣ! Читать возмутительно. Впрочемъ, возмутительно только по первому впечатлѣнію; все это въ порядкѣ вещей. Бѣда отъ русскаго направленія, которымъ изволитъ проникаться свѣтское общество! Слова — народность, русскій духъ, православіе — производятъ во мнѣ такое же нервное содраганіе, какъ русское спасибо, русскій баринъ и т. п., охотно согласился бы прослыть въ обществѣ западникомъ и протестантомъ.“ Всего замѣчательнѣе и рѣшительнѣе письмо его къ брату Константину въ сентябрѣ 1856 г. „Кромѣ небольшого кружка людей (отдѣльно стоящаго), защитники народности или пустые крикуны, или подлецы и льстецы, или плуты — или понимаютъ ее ложно, или вредятъ дѣлу балаганными представленіями и глупыми похвалами тому, что не заслуживаетъ похвалы, какъ напримѣръ Лебедевъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“. — „Будьте, ради бога, осторожны со словами: народность и православіе; не навязывайте насильственныхъ, неестественныхъ сочувствій къ тому, чему нельзя сочувствовать“. — Что касается православія — я вообще того убѣжденія, что не воскреснетъ ни русскій, ни

славянскій міръ, не обрѣтетъ цѣльности и свободы, пока не совершится внутренней реформы въ самой церкви, пока церковь пребываетъ въ такой мертвенности, которая не есть дѣло случая, а законный плодъ какого нибудь органическаго недостатка.“ Въ октябрѣ 1856 г. — „мы сами поборники народности не знаемъ другихъ орудій для исцѣленія зла, кромѣ указываемыхъ европейскою цивилизаціею.“ „Если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу — ищите таковыхъ въ провинціи между „послѣдователями Бѣлинскаго“ (т. е. западниками). Въ минуту тяжкаго раздумья И. С. высказываетъ, что положеніе “*всякаго* мыслящаго человѣка въ Россіи такъ тяжело, что можетъ быть сравнено съ мученичествомъ, и что при взглядѣ на русскую жизнь весьма естественно приходить къ отрицательности. (1) Точно также обличая тѣхъ, которые, во имя борьбы съ полонизмомъ 1862-63 годовъ проповѣдывали, что „слѣдуетъ не огорчать и смущать, а поддерживать нашъ патріотическій духъ, что порицать теперь Россію есть дѣло не патріотическое“ — И. С. съ ироніею говоритъ: „порицать Россію дѣло не патріотическое, а отлынивать отъ труда, уклоняться отъ дѣла, растлѣвать общественную нравственность ложью, кривдой, насиліемъ — дѣло патріотическое.“ Нашъ тогдашній, да и нынѣшній (2) патріотизмъ несомнѣнно подходитъ къ этому послѣднему типу.

Влад. Соловьевъ.

Считаемъ не лишнимъ привести еще высказанныя по тому же предмету сужденія Владиміра Соловьева въ статьѣ его „Россія и Европа“, заключающей въ

(1) „Наканунѣ реформъ“. Письма И. С. Аксакова съ 1851-го по 1860-ый годъ (изданіе его супруги).

(2) Новые томы сочиненія И. С. Аксакова 1886 г.

себѣ разборъ книги Н. Я. Данилевскаго подъ тѣмъ же названіемъ. („Вѣстн. Европы“ Апрѣль 1888 г.). „Почему Европа такъ не любитъ Россію? Данилевскій думаетъ, что Европа боится насъ, какъ новаго и высшаго культурно-историческаго типа, призваннаго смѣнить дряхлѣющій міръ романо-германской цивилизаціи. Между тѣмъ и книга Данилевскаго и мнѣнія его единомышленниковъ (славянофиловъ) сами наводятъ на другой отвѣтъ: Европа съ враждою и опасеніемъ смотритъ на насъ потому, что при темной и загадочной стихійной мощи русскаго народа, при скудости и несостоятельности нашихъ духовныхъ и культурныхъ силъ, притязанія наши и явны и опредѣленны и велики. Въ Европѣ громче всего раздаются крики нашего націонализма, который хочетъ разрушить Турцію, Австрію, разгромить Германію, забрать Царьградъ, пожалуй Индію. А когда спрашиваютъ насъ — чѣмъ же мы, взамѣнъ разрушеннаго и забраннаго, одаримъ человѣчество, какія духовныя и культурныя начала внесемъ во всемірную исторію, — то приходится или молчать, или говорить безсмысленныя фразы. Но если справедливо горькое признаніе Данилевскаго (т. е. самого великаго народолюбца) что „Россія начинаетъ оказываться больнымъ, разслабленнымъ колоссомъ“, то вмѣсто вопроса — почему насъ Европа не любитъ? — слѣдовало бы заняться другимъ — чѣмъ и почему мы больны? Физически Россія еще довольно крѣпка; но на насъ тяготѣютъ, по выраженію одного стараго писателя, „грѣхи народные и несознанные“. Пока мы нравственно связаны и парализованны всякія наши собственныя стихійныя силы могутъ быть намъ только во вредъ. Самый существенный, даже единственно существенный вопросъ для истиннаго зрячаго патріотизма (русскаго) есть вопросъ не о силѣ и призваніи, а о грѣхахъ Россіи“.

(в) О цивилизующей миссіи Россіи на Востокѣ.

Что же касается повторяемыхъ по привычкѣ шаблонныхъ разсужденій о цивилизующей миссіи Россіи на Востокѣ, то это не болѣе какъ громкія фразы, слова имѣющія весьма мало основанія. Напротивъ, еще глубокомысленный творецъ „Горя отъ ума“, несомнѣнно выдающійся знатокъ Востока, въ совершенно интимныхъ сношеніяхъ высказывалъ: въ Крыму, послѣ Генуэзцевъ и пастырей-Татаръ, явились мы — всеобщіе наслѣдники, а съ нами духъ разрушенія, обычный спутникъ нашъ на Востокѣ и Западѣ. (Письмо Грибоѣдова къ Бегичеву изъ Ѳеодосіи 1825 года).

Къ этому одинъ изъ современныхъ уже намъ писателей прибавляетъ: продуктъ національной нетерпимости — *разрушеніе* совершалось въ послѣдствіи даже безъ этого мотива, а просто *по духу канцелярской и фронтовой одноформенности.* Неуваженіе къ личности, развившееся въ домашнихъ отношеніяхъ, переносилось въ широкихъ размѣрахъ и на вновь пріобрѣтенныя земли и народы; поселялась ненужная вражда, препятствовавшая сліянію.

Однимъ изъ характерныхъ подтвержденій несостоятельности нашей въ насажденіи культуры на окраинахъ служитъ недавнее представленіе Приамурскаго Генералъ-Губернатора (Барона Корфа, незадолго до его кончины) о томъ, что онъ считаетъ нужнымъ пріостановить поселеніе близъ русской границы Китайцевъ и Корейцевъ, такъ какъ *Манджуры, своейпонятливостью, трудолюбіемъ, выносливостью* и *крайнею умѣренностью потребностей, оказываются для русскаго населенія опаснымъ элементомъ.* На совершенно аналогичный фактъ пришлось наткнуться одному изъ оффиціальныхъ лицъ въ Семирѣчьи, гдѣ казаки просили о выселеніи сосѣдей Дунганъ и Таранчей обратно изъ предѣловъ Россіи въ Китай, потому что

тѣ несравненно лучше ихъ работаютъ и что конкуренція имъ не по силамъ. Значитъ намъ въ Россіи нужны только сволочь, отребье. Выводъ безусловно логичный.

д) Преслѣдованіе инородцевъ и иновѣрцевъ.

Особенно рѣзко проявившееся въ приведенныхъ фактахъ огрубеніе нравовъ весьма наглядно выражается также въ отношеніяхъ къ инородцамъ, иновѣрцамъ, сектантамъ, живущимъ какъ на окраинахъ, такъ и въ губерніяхъ центральной Россіи, — отношеніяхъ притомъ не одного правительства, но и большинства нашего общества. Не будемъ говорить о кочующихъ въ степяхъ Западной Сибири Киргизахъ, которые вслѣдствіе отобранія безусловно необходимыхъ имъ земель, въ пользу поселенныхъ по Иртышу, Горькой линіи и въ Семирѣчьи казаковъ, поставлены въ такую отъ послѣднихъ зависимость, подвергаются такой страшной эксплуатаціи, что передъ этимъ блѣднѣютъ самые возмутительные факты обиранья крестьянъ помѣщиками въ бывшей крѣпостной Россіи. (1) Едва ли нужно также вспоминать о лишившихся лучшихъ своихъ земель и нынѣ бѣдствующихъ Башкирахъ; о вымирающихъ туземцахъ Восточной Сибири и Камчатки, обираемыхъ и спаиваемыхъ, при содѣйствіи чиновничества, русскими піонерами-кулаками; о Закавказскихъ духоборахъ, недавно еще благоденствовавшихъ, а нынѣ доведенныхъ до поголовной нищеты; о нарушеніи, уже въ нынѣшнее царствованіе, основныхъ положеній Финляндской конституціи, при отсутствіи всякаго уважительнаго къ тому повода и правдиваго разумнаго толкованія

(1) Указаніе на крайне бѣдственное ихъ положеніе находимъ, между прочимъ, во всеподданѣйшемъ отчетѣ Г. А. Кауфмана (бывшаго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора) за 1867—1881 годы.

историческихъ данныхъ (1); о вторженіи, въ видахъ русификаціи, незрѣлыхъ пріемовъ русской педагогіи въ хорошо обдуманную и послѣдовательно проведенную систему учебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ Краѣ, съ нанесеніемъ тяжкаго удара высшему разсаднику знаній, принесшему уже, въ лицѣ учившихся въ немъ, обильную дань государству, и нынѣ потерпѣвшему перемѣну къ сожалѣнію не въ одномъ лишь названіи.

Утѣсненіе особенно въ Западномъ краѣ католиковъ и евреевъ.

Но позволимъ себѣ остановиться на утѣсненіи иновѣрцевъ въ Западномъ краѣ, отразившемся весьма неблагопріятными послѣдствіями и на положеніи русскихъ въ этомъ краѣ землевладѣльцевъ. Возбранено, какъ извѣстно, лицамъ польскаго происхожденія и католическаго вѣроисповѣданія, пріобрѣтеніе земли въ западныхъ губерніяхъ; ограничены права ихъ по прохожденію многихъ отраслей государственной службы. Нѣмцы, чехи, поляки въ числѣ ихъ даже состоявшіе много лѣтъ въ русскомъ подданствѣ, которымъ легально допущено было водвореніе колоніями на владѣльческихъ земляхъ, подвергались потомъ разнаго рода стѣсненіямъ въ развитіи своего хозяйства и не разъ находились подъ угрозою даже поголовнаго удаленія изъ края; при чемъ сами въ себѣ суровыя законодательныя мѣры, выражались сугубою строгостью отъ неразумнаго толкованія не въ мѣру усердныхъ мѣстныхъ исполнителей. Прямымъ послѣдствіемъ неустойчивости законодательства, и еще болѣе разнорѣчивыхъ толкованій закона въ его примѣненіи, явилась шаткость землепользованія, крайне разорительная, какъ для владѣльца

(1) Къ злостнымъ кривотолкамъ противъ правъ Финляндіи присоединилась къ сожалѣнію и наша Академія наукъ. По крайней мѣрѣ дала имъ санкцію своимъ авторитетомъ, одобривъ тѣ-ія сочиненія какъ Ордина и Еленева.

земли, такъ и для работающаго надъ нею, одинаково лишенныхъ возможности сообразить и предвидѣть — будетъ ли завтра признанно законнымъ то, что сегодня считалось дозволеннымъ и даже поощрялось.

Эта шаткость положенія еще болѣе замѣчается въ средѣ многочисленнаго въ краѣ еврейскаго населенія, закономъ устраненнаго отъ пользованія извѣстными гражданскими правами, и кромѣ того находящагося въ полной зависимости отъ усмотрѣнія администраціи, произволъ которой, санкціонированный верховною властью по отношенію къ высшимъ начальникамъ, естественно по ступенямъ лѣстницы спускается внизъ, до мелкихъ ближайшихъ къ народу чиновъ. Евреямъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ не дозволено ни владѣніе въ краѣ землею, ни арендованіе ея; возбранено открытіе или арендованіе какихъ бы то ни было промышленныхъ заведеній внѣ городовъ и мѣстечекъ. Да и въ районѣ этихъ послѣднихъ, подъ вліяніемъ преходящихъ направленій законодательства, и еще болѣе измѣнчивыхъ взглядовъ администраціи, евреи во всякое время могутъ быть въ концѣ разорены устраненіемъ отъ того рода дѣятельности, въ которую вложенъ ихъ капиталъ, въ которой пріобрѣтенъ долголѣтній навыкъ. По истинѣ, если при такихъ условіяхъ евреи еще могутъ существовать, то это объясняется только замѣчательною живучестью расы, трудолюбіемъ, неослабною предпріимчивостью большинства, крайнею умѣренностью потребностей и бережливостью всѣхъ.

Объясненіе этихъ гоненій политическими соображеніями.

Всѣ вышесказанныя крутыя мѣры, какъ было упомянуто, оправдываютъ государственною необходимостью, стремленіемъ къ упроченію народнаго единства и величія. Но если бы даже случилось, говоритъ Кольбъ („Исторія человѣческой культуры“), что начала свободы и національный интересъ столкнулись между собою, то всегда должны получить признаніе

и быть уважены первыя, какъ начала болѣе общія и болѣе возвышенныя, отъ которыхъ національность получаетъ свое лучшее значеніе, подавленіе которыхъ въ дѣйствительности оказываетъ очень плохую услугу національности. Кромѣ того, обращаясь отъ общихъ, отвлеченныхъ понятій о пользахъ государства къ опредѣленію конкретнаго значенія ихъ, увидимъ, что и здѣсь, какъ, во многомъ другомъ, громкими словами прикрывается бѣдность содержанія, при полномъ игнорированіи законовъ логическаго мышленія.

Отъ нашихъ квасныхъ патріотовъ, хвалителей во что бы ни стало всякаго шага правительства приходится слышать, что въ Россіи господствуетъ полная вѣротерпимость, что гоненій за вѣру у насъ никогда не было, что въ лицѣ католиковъ и другихъ иновѣрцевъ преслѣдуются не религіозныя а политическія ихъ убѣжденія, на почвѣ которыхъ созрѣваютъ или могутъ созрѣть, измѣна, бунтъ и другія государственныя преступленія. Но подобнымъ лукавымъ измышленіемъ искони оправдывалась всякая религіозная нетерпимость: точно такъ же не за вѣру, а въ силу одной лишь государственной необходимости, подвергались въ Англіи пыткамъ и казнямъ Пуритане и Паписты, въ правленіе кроткой „королевы-дѣвственницы“; на той же почвѣ — искорененія крамолы государствомъ — возникъ и совершился адскій замыселъ Варѳоломеевскихъ избіеній.

Ошибочность заключенія отъ общихъ идей къ практической дѣятельности.

Между тѣмъ, едва ли что можетъ быть ошибочнѣе заключенія отъ религіозныхъ вѣрованій человѣка къ его политической неблагонадежности, тѣмъ болѣе къ способности или готовности его совершить государственное преступленіе. Не можемъ не привести весьма здравыхъ по этому предмету сужденій не разъ уже цитированнаго автора. Изъ одинаковыхъ начальныхъ положеній, говоритъ Маколей люди далеко не

всегда, и напротивъ лишь очень рѣдко дѣлаютъ одинаковые выводы; а то что (по религіи) считается обязанностью каждаго, на практикѣ оказывается не обязательнымъ ни для кого, особенно когда исполненіе находится подъ угрозою жестокой кары. Если исповѣдующій принципы истинной (по нашему убѣжденію) религіи не всегда слѣдуетъ имъ въ практикѣ жизни, то какое основаніе предполагать, что дурные принципы, внушенные ученіемъ заблуждающимся, будутъ исповѣдующимъ эти принципы проведены въ жизнь до крайнихъ результатовъ, не смотря на величайшую опасность такого рода дѣйствій (Critical and Historical Essays). Правительство несомненно имѣетъ основаніе и право преслѣдовать направленныя противъ него дѣйствія или явное возбужденіе къ такого рода дѣйствіямъ; но подвергать заранѣе огульной карѣ тѣхъ, изъ среды которыхъ, только по его предположеніямъ, можетъ выйти такое возбужденіе, нельзя не признать дѣломъ произвола, несправедливости и жестокости.

Полная несообразность требованія преданности къ государству со стороны лицъ и классовъ, которыхъ оно подвергаетъ гоненію.

По поводу бывшаго (нынѣ уже несуществующаго) ограниченія въ Англіи евреевъ, относительно пользованія нѣкоторыми политическими правами, Маколей разсуждаетъ такъ: упрекаютъ евреевъ въ недостаткѣ патріотизма, въ томъ, что они своими симпатіями, своими интересами болѣе принадлежатъ единовѣрцамъ, чѣмъ государству. Но что такое чувство патріотизма? Въ здоровомъ состояніи общественнаго организма оно вытекаетъ изъ сознанія каждаго члена, т. е. каждаго индивидуума, что всѣ удобства жизни, всѣ блага какими онъ пользуется, доставляются и обезпечиваются связью, соединяющею его въ одно съ другими индивидами того же организма. Такое сознаніе не можетъ развиться въ лично-

сти, подвергающейся преслѣдованію и угнетенію за то лишь, что по рожденію и религіи она не принадлежитъ къ господствующему большинству или классу. Симпатіи къ иноземному всегда являлись результатомъ недовольства своимъ внутреннимъ. Сдѣлать извѣстному классу людей невыносимымъ существованіе въ предѣлахъ своей родины, и затѣмъ обвинять ихъ въ недостаткѣ патріотизма составляетъ, къ сожалѣнію, обыкновенный пріемъ неискреннихъ, вѣроломныхъ правительствъ. Но это — политика волка относительно ягненка, обвиненіе устья рѣки въ отравленіи ея истоковъ. (Тамъ же).

Развитіе системы національной исключительности въ Россіи, и ея послѣдствія.

И эта политика голоднаго волка практикуется великою славянскою державою по отношенію не только къ живущимъ въ чертѣ государства инородцамъ, но и къ родственнымъ славянскимъ племенамъ, даже къ чисто русскимъ, разъ что они не заявляютъ себя исповѣдующими ученіе православной церкви. Даже въ военной службѣ, безусловно лучшимъ офицерамъ затрудняется доступъ къ невысокимъ должностямъ ротнаго или эскадроннаго командира, т. е. возможность самого умѣреннаго повышенія, только потому что они католики и что число таковыхъ въ части уже достигаетъ установленной на этотъ предметъ нормы. (1) Въ правленіе Привислянскимъ краемъ генерала Гурко, самые лояльные, самые благоразумные представители польскаго общества не разъ выражали мнѣніе, что съ устраненіемъ католиковъ даже отъ иизшихъ ступеней государственной службы (на желѣзныхъ дорогахъ, при разныхъ конторахъ, кан-

(1) Самый фактъ подобнаго установленія нормы является аттестатомъ умственнаго убожества, который выдало себѣ военное управленіе, признавъ такимъ образомъ неспособность свою, или отсутствіе въ себѣ гражданскаго мужества — отдѣлить заблуждающихся отъ благонадежныхъ.

целяріяхъ и проч.) вопросъ о національности, угрожая непомѣрнымъ развитіемъ въ краѣ такъ называемаго образованнаго пролетаріата, становится уже не политическимъ, а соціальнымъ.

Что же касается истинно безвыходнаго положенія евреевъ, то оно въ экономіи государственной жизни Россіи выдвигается еще болѣе грознымъ призракомъ. Полная несостоятельность принимаемыхъ мѣръ заключается здѣсь въ томъ, что правительство само не знаетъ къ чему оно идетъ. Ставя евреямъ разнаго рода преграды къ развитію того или другого рода промышленно-торговыхъ занятій, мы вмѣстѣ съ тѣмъ видимо не предполагаемъ обратить ихъ къ земледѣлію, такъ какъ и на этомъ пути законодательство не менѣе затрудняетъ ихъ дѣятельность (1) Но если ни то, ни другое, тѣмъ болѣе не государственная служба, не либеральныя профессіи, то на роковой, неизбѣжныи вопросъ — къ чему ведемъ мы это злощастное племя ? — представляется единственно логичный отвѣтъ, что обрекли его, если не на вымираніе, то на поголовное выселеніе изъ предѣловъ Россіи. Идея перваго, какъ въ законодательствѣ такъ и въ исполненіи, едва ли могла бы быть доведена до конечнаго исхода. Значитъ остается выселеніе. Но въ такомъ случаѣ опять приходится спросить — куда они могутъ быть направлены ? — Если евреи безусловно опасны въ средѣ христіанскаго общества, то очевидно никакая другая христіанская страна не захочетъ ихъ принять. Рѣшится принять только тотъ, кто расчитываетъ сдѣлать ихъ безвредными. Если же такая попытка представляетъ возможность успѣха, то почему не сдѣлать ее у насъ; почему въ неудачахъ нашихъ по этому дѣлу ссы-

(1) Какъ слышно нынѣ проектируется допущеніе евреевъ къ покупкѣ (хотя и съ разными стѣсненіями) мелкихъ участковъ земли. Но это пока еще только проектъ (1902)

латься на примѣръ странъ наименѣе развитыхъ, почему и здѣсь не идти по пути уравненія правъ и постепенной ассимиляціи, намѣченному наиболѣе образованными, наиболѣе благоустроенными государствами? Къ огражденію русскаго крестьянства отъ еврейской эксплуатаціи, — (которая всегда приводилась какъ не подлежащій оспариванію мотивъ нашей грубости и жестокости, но положительно не въ меньшей мѣрѣ практиковалась мѣстными кулаками, коренными русскими) — единственно разумнымъ и честнымъ путемъ представляется поднятіе самодѣятельности, или самопомощи въ средѣ русскихъ, а не дальнѣйшее ограниченіе правъ, вообще всякія мѣры преслѣдованія угнетеннаго племени. Принявъ за доказанное, что русская національность не въ силахъ самостоятельно бороться съ еврейскою, мы этимъ самымъ признали бы превосходство характера и культуры евреевъ надъ нашими. А что низшія культуры, низшіе организмы одолѣваются и вытѣсняются высшими — это общій, неизмѣнный законъ физическаго и духовнаго міра. Законъ этотъ, и то что великая національность не можетъ развиться на обломкахъ разрушеннаго грубою силою, непризнающею ни справедливости ни любви христіанской — слѣдовало бы чаще вспоминать нашимъ патріотамъ — гонителямъ всякой чужой національности всякаго другого исповѣданія. Послѣ всего совершеннаго нами въ Западномъ Краѣ удивительно еще какъ мало высказывается озлобленія тамъ противъ русскихъ. Положительно можно сказать, что въ данныхъ обстоятельствахъ не только католики, но даже евреи, въ противуположность православнымъ, являются истинными носителями идеи христіанскаго смиренія и покорности судьбѣ.

д) Фактическое подтвержденіе высказанныхъ выше положеній въ неурожаѣ 1891 г. и его послѣдствіяхъ.

Выразительную картину того, до какого нравственнаго упадка и умственнаго убожества дошла Россія представляютъ также сдѣланныя лично нами, по поводу неурожая 1891-го года, замѣтки, которыя потому и приводимъ.

Характеристика бѣдствія по отзывамъ журналовъ.

Начинаемъ съ выписокъ изъ современной означенному событію прессы, вѣрно, по нашему мнѣнію, передающихъ сущность разразившейся надъ Россіей бѣды.

Въ бѣдствіи этомъ, говоритъ одинъ изъ журналовъ, надо видѣть нѣчто большее чѣмъ простой неурожай, даже нѣчто большее чѣмъ временный голодъ: въ немъ обнаружился полный, долго подготовлявшійся упадокъ всего экономическаго благосостоянія народной массы, обнаружилось глубокое и не легко поправимое разстройство всего народнаго земледѣльческаго хозяйства, сказались важные недуги и неустройства во всѣхъ нашихъ общественныхъ порядкахъ.

Раскрылось передъ всѣмъ міромъ то, чего мы быть можетъ не сознавали сами, — что массы нашего крестьянства живутъ изо дня въ день, проѣдаютъ послѣдніе продукты своего труда, не имѣя никакихъ запасовъ на случай нужды, и что онѣ находятся на такой ступени экономическаго быта, съ которой ужъ некуда спуститься ниже: за неурожаемъ прямо настаетъ повальный голодъ милліоновъ людей.

Самая возможность столь страшнаго факта указываетъ на внутренніе недочеты, которые должны всецѣло и надолго сосредоточить на себѣ дѣятельную заботливость правительства... Да не одного правительства, прибавимъ мы: смягчать и замазывать

вглубь — проникнувшія раны только вредно и недостойно; нужно напряженіе всѣхъ силъ народа, чтобы снести тягчайшую ношу. Силы разумѣется нашлись бы, но не оказывается для нихъ точки приложенія. Между тѣмъ и самая могучая сила, брошенная въ пустоту, пропадаетъ безслѣдно. Это даже не сила, а только идея, фикція, духъ не успѣвшій матерьялизоваться.

Отношеніе къ событію правительства и общества.

До смысла совершавшихся передъ нимъ печальныхъ явленій, понятно, не додумался не уразумѣлъ ихъ самодержецъ. Но мало того: до истинной основной причины золъ разъѣдающихъ Россію не доходятъ и его подданные, или доходятъ лишь очень немногіе изъ тысячной и милліонной толпы, — и въ этомъ истинное наше несчастіе, настоящая кара огульнаго ослѣпленія, какъ бы низведенная на насъ злымъ рокомъ, при начертаніи путей народныхъ въ книгѣ судебъ. Что не рѣшается вымолвить послѣдняго слова наша печать, что не осмѣливается она назвать по имени начальную причину бѣдствій — это еще понятно и простительно въ ея положеніи — угрожаемой постоянно висящимъ надъ нею ударомъ цензурной кары; но удивительно и до нельзя прискорбно то, что не услышишь здраваго, открытаго объ этомъ сужденія даже въ частныхъ, интимныхъ разговорахъ съ людьми повидимому и честными и не лишенными способности правильнаго мышленія. Мы какъ будто бы и хорошо обсуживаемъ предметъ, анализируемъ явленіе, разбиваемъ его на составные элементы; послѣдовательно, логично переходимъ отъ посылокъ къ выводамъ и заключеніямъ; но все это до извѣстнаго предѣла: какъ только дошли до необходимости назвать послѣднюю, основную причину, когда уже ни на какомъ промежуточномъ сужденіи остановиться нельзя — тутъ вдругъ непонятное сальтомортале, полный разрывъ сплошности мысли, или упорное гро-

бовое молчаніе, какъ будто-бы подъ запретомъ неодолимыхъ чаръ.

Установленные факты и дѣлаемые изъ нихъ выводы.

По поводу неурожая 1891 года мы констатируемъ факты: 1) положительнаго недостатка въ десяти губерніяхъ хлѣбныхъ продуктовъ, для прокормленія населенія мѣстнымъ зерномъ, не только до будущаго сбора хлѣба, но даже до весны, а въ нѣкоторыхъ и до Рождественскихъ праздниковъ; 2) неимѣнія времени и средствъ для доставки въ эти губерніи достаточнаго количества хлѣба изъ другихъ мѣстностей, гдѣ продуктами безпримѣрно обильнаго урожая завалены склады и платформы желѣзныхъ дорогъ, до опасенія безплодной потери ихъ отъ порчи; 3) неимѣнія на мѣстѣ хозяйственно-административныхъ органовъ, для безпристрастнаго и безошибочнаго опредѣленія истинной потребности даннаго раіона въ пособіи на продовольствіе и обсѣмененіе, равно для правильнаго распредѣленія пособія между обществами и единицами; недовѣряемъ по крайней мѣрѣ чтобы администрація и земство могли это совсѣмъ удовлетворительно исполнить; потому до нельзя уменьшаемъ испрашиваемыя ссуды и медлимъ разрѣшеніемъ ихъ изъ за желанія провѣрить.

Все это мы знаемъ, не подвергаемъ сомнѣнію. Разсуждаемъ далѣе, что если бы истинный недородъ хлѣба и крайняя скудость мѣстныхъ запасовъ опредѣлились раньше, то вѣроятно еще успѣли бы доставить хлѣбъ въ нуждающіеся раіоны по менѣе дорогой цѣнѣ, изъ мѣстъ обильнаго урожая въ Россіи, или даже изъ заграницы. Обвиняемъ въ особенности земство въ его бездѣятельности, апатичности, безучастіи къ общей бѣдѣ, вслѣдствіе чего невозможно отнестись съ довѣріемъ ни къ его свѣденіямъ, ни къ его энергіи и безпристрастію въ дѣлѣ распредѣленія пособій на мѣстѣ. Жалуемся наконецъ на эгоизмъ и безнравственность народа, въ средѣ котораго

всякій, иногда вполнѣ обезпеченный, старается захватить какъ можно болѣе, или захваченное пропиваетъ, уменьшая тѣмъ долю истинно нуждающихся; жалуемся на лѣность и безпечность мужика, отказывающагося отъ предлагаемыхъ работъ и расчитывающаго преимущественно на даровую помощь правительства.

Общественная благотворительность и ея значеніе.

Если и допустить, что до сихъ поръ все вѣрно — факты какъ и разсужденія, — то все же остается вопросъ — что далѣе? Какъ помочь бѣдѣ и, что еще важнѣе, какъ отвратить повтореніе подобнаго въ будущемъ? Все сильнѣе и сильнѣе взываютъ къ общественной благотворительности. Но одинъ изъ журналовъ подсчиталъ, что частною благотворительностью была дана едва ли даже сотая доля того что нужно (полтора милліона, при 150—200 милліонахъ общей потребности); такъ что вліяніе ея можетъ обнаружиться лишь въ минимальной, сотой долѣ необходимой помощи. Стали появляться обращенія къ общественной самодѣятельности въ обширномъ смыслѣ, голоса призывающіе общество сплотиться и въ единодушномъ порывѣ стать дѣятельнымъ факторомъ въ организаціи помощи нуждающимся, подобно тому какъ стали мы – русское общество — въ 1876 году на помощь претерпѣвавшимъ гоненія Балканскимъ Славянамъ. Но не надо забывать, что въ то время народный порывъ былъ поддержанъ благосклоннымъ къ нему отношеніемъ правительства, и что теперь въ расчеты его это, какъ видно, не входитъ. (Предостереженіе „Русскимъ Вѣдомостямъ“, сообщеніе цензурѣ о томъ чтобы не пропускать сенсаціонныхъ извѣстій о голодѣ). Да и трудно ожидать частной иниціативы, самодѣятельности въ средѣ, гдѣ всякое проявленіе этихъ качествъ десятки и болѣе лѣтъ непрерывно подавлялось правительственными мѣрами, къ сожалѣнію даже съ большею, нежели въ чемъ либо

иномъ, послѣдовательностью. Въ конечномъ результатѣ, можно сказать, — общество правительству не вѣритъ, внѣ его сплотиться трудно — вотъ и опускаются руки.

Неосновательность осужденія земства.

Точно также относительно земства: съ самаго введенія земскихъ учрежденій (какъ уже было упомянуто) правительство сдѣлало все чтобы подавить въ нихъ духъ иниціативы, съузить значеніе ихъ до послѣдней возможности, болѣе и болѣе подчинить контролю администраціи. Этимъ разумѣется были отклонены отъ участія въ земской дѣятельности лучшіе люди, которые съ полнымъ увлеченіемъ рванулись было къ ней. Можно ли удивляться если теперь, въ годину тяжкаго испытанія, земство не могло стать въ уровень предъявляемыхъ къ нему требованій? Подавивъ первые проблески самодѣятельности, самопомощи въ земствѣ, какъ частномъ мѣстномъ союзѣ; десятки и сотни лѣтъ подавляя ихъ въ индивидуумѣ — все въ видахъ упроченія и усиленія союза массоваго — союзъ этотъ — государство естественно не могло не вкусить отъ плодовъ своего сѣянія, и, не скрывая отъ себя истины, должно было готовиться къ тому, что въ случаѣ широкой народной бѣды, оно одно обязано все предвидѣть, все заранѣе расчитать и въ самомъ себѣ, въ своихъ органахъ найти средства къ исполненію.

Обязанности государства и его несостоятельность.

Объ этомъ, какъ видно, не думало, или этого не понимало, не готовилось къ этому государство; а когда спохватились — время было уже упущено; да едва ли и была физическая возможность соединившей все въ себѣ массовой силѣ удовлетворить разлившуюся по молекулярнымъ сосудамъ и развѣтвленіямъ жизненную потребность, сознаваемую и уловимую въ полной мѣрѣ только для живущихъ тою же мѣстною жизнью факторовъ. Только позднею осенью надума-

лись образовать комитетъ по сбору и распредѣленію пожертвованій, и подъ этимъ главнымъ еще исполнительный комитетъ. Но все это опять таки изъ профессіональныхъ чиновниковъ, въ Петербургѣ, гдѣ поступленіе въ комитетъ или подкомитетъ является, какъ всегда, преимущественно дѣломъ спекуляціи, карьеризма; а новое усиленіе гигантскаго центральнаго двигателя совершается на счетъ истощенія, или омертвенія подчиненныхъ частей организма, которыя могли бы съ пользою проявить свою дѣятельность на мѣстѣ (1).

О мѣрахъ къ предупрежденію будущихъ бѣдствій.

Это все пока относительно принесшаго намъ тяжкое испытаніе 1891 –1892 года. Положимъ, худо-ли хорошо, мы его переживемъ; но есть ли ручательство что бѣда не повторится еще въ большихъ размѣрахъ? Что мы объ этомъ думаемъ, что въ виду этого дѣлаемъ?

Тяжелыя, въ особенности несчасныя внѣшнія войны не разъ благодѣтельно вліяли на обновленіе нашего внутренняго организма. Нынѣшній неурожай стоитъ любой войны. Нельзя ли ожидать благотворныхъ послѣдствій и отъ него? Вотъ тутъ-то и сказывается необходимость здравою смѣлой мыслью освѣтить и точно опредѣлить начальную, основную причину бѣдствія, дабы прежде всего и главнѣе всего на нее повліять; точно также какъ злокачественныя язвы, разъѣдающія внѣшніе покровы тѣла, можно залѣчить и устранить не иначе какъ очищеніемъ источника ихъ, кроющагося въ крови. Что же говорятъ, что пишутъ у насъ по этому предмету?

Нежеланіе видѣть основную причину зла.

Много пишутъ и говорятъ о томъ какъ полезны могли бы быть нуждающемуся населенію обществен-

---

(1) Минимальная польза этихъ центральныхъ комитетовъ не замедлила фактически обнаружиться.

ныя работы въ широкомъ размѣрѣ. Успѣютъ ли всевозможные комитеты организовать подобныя работы при наступившей бѣдѣ, для своевременной помощи нуждающимся — Богъ вѣсть. Но что успѣхъ могъ бы быть во много разъ значительнѣе если бы о дѣлѣ раньше подумали — это несомнѣнно; и за то что упустили время для организованія этихъ работъ, также какъ для закупки и перевозки хлѣба въ нуждающіяся мѣстности съ Кавказа, Юго-Запада Россіи, изъ заграницы — справедливо осуждаютъ министерство Внутреннихъ дѣлъ (хотя и не въ печати, по причинамъ весьма понятнымъ). Осуждаютъ министерство какъ нѣчто коллективное, составленное изъ маленькихъ бюрократовъ-чиновниковъ, въ которыхъ, по искони составившемуся понятію, будто-бы и кроется главная язва Россіи (кстати эту никому неизвѣстную мелочь и безопасно критиковать). Но лишь немногіе въ осужденіяхъ своихъ доходятъ до личности самого министра; тѣмъ болѣе не доходятъ до того, кто стоитъ надъ министромъ, въ комъ главнѣйшій начальный источникъ зла. Наконецъ, и коснувшись его священной особы, говорятъ о его прямотѣ, честности, искренней любви къ Россіи, и забѣгая впередъ передъ явно напрашивающимся обвиненіемъ, прибавляютъ: но не можетъ же онъ одинъ все сдѣлать, нельзя отъ человѣка требовать того, что ему не дано. — Позвольте однако, господа снисходительные судьи: а зачѣмъ же упорно держитъ онъ исключительно за собою власть, благое примѣненіе которой ему не по силамъ? Выдавая себя за избранника Божьяго, которому священнымъ актомъ помазанія таинственно преподаны и мудрость и твердость и сила, не вправѣ онъ отклонять отъ себя и отвѣтственность, по крайней мѣрѣ въ наибольшей ея долѣ. Зачѣмъ же выбираете, зачѣмъ держите вы министровъ, которые пріятны вамъ преимущественно по своимъ „manières rondes“ и потому

что они мало васъ безпокоятъ? Зачѣмъ поставили себя такъ, что ни министры, ни кто другой не считаютъ себя обязанными и не дерзаютъ высказать передъ вами сущую истину, дать вамъ добрый совѣтъ? (1) „Совѣты не нужны помазаннику Бога: мнѣ Богъ даетъ совѣтъ“, говорите вы; ну такъ примите же на свою совѣсть и вопли милліоновъ голодающихъ, сознайтесь, что въ данномъ случаѣ вы не испросили совѣта у Бога, или не вняли ему, не поняли его. Россіи нельзя еще дать конституціи, Россія не подготовлена къ ней, говорите вы со словъ тѣхъ, кого вамъ угодно слушать. Но если бы и такъ(2). Вѣдь отъ конституціи по образцу западно-европейскихъ до ничѣмъ не сдерживаемаго самовластія цѣлая пропасть. Ну не собирайте пока парламентъ, передъ которымъ отвѣчали бы министры; но сдѣлайте ихъ отвѣтственными передъ общественнымъ мнѣніемъ; дайте этому мнѣнію подобающій просторъ, дайте свободу прессѣ. Свободное слово, сбросившая путы печать укажутъ вамъ годятся ли ваши министры и кѣмъ ихъ замѣнить. Болѣе того, общественное мнѣніе и пресса скажутъ вамъ, что нигдѣ не найдете вы министровъ, способныхъ управлять безпримѣрнымъ въ исторіи колоссомъ, при настоящихъ условіяхъ централизаціи.

---

(1) Одинъ изъ министровъ Александра III, притомъ пользовавшійся наибольшимъ его довѣріемъ, разъ высказался передъ своими приближенными, что послѣ доклада Государю, онъ въ этотъ день уже ни къ какому болѣе серьезному труду неспособенъ; такъ какъ нужно время, чтобы успокоить нервы, доходящія до крайняго напряженія отъ рѣзкихъ, полныхъ неожиданности рѣшеній, приказаній или замѣчаній Государя, на которыя не знаешь что отвѣчать, затрудняясь вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ исполнить. Достаточно одного ожиданія такихъ словъ со стороны монарха, чтобы довести до атрофіи дальнѣйшую послѣ доклада умственную дѣятельность, прибавилъ министръ.

(2) Несостоятельность такой аргументаціи была выяснена выше.

Указаніе частныхъ мѣръ и ихъ недостаточность.

Въ видахъ предупрежденія неурожаевъ и ихъ послѣдствій — голодовокъ — на будущее время, говорятъ (и весьма дѣльно — вздорныя сужденія не будемъ повторять) о необходимости: предоставить народу большую свободу передвиженій (отмѣна паспортовъ), удешевить орудія земледѣльческой культуры (меньшія на нихъ ввозныя пошлины), измѣнить самую систему воздѣлыванія земли, для чего удешевить народу кредитъ, развить въ немъ знанія, предпріимчивость, нравственно перевоспитать его (и это главное); облегчить сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ черезъ постройку малыхъ подъѣздныхъ путей и желѣзныхъ дорогъ. Правда, многое изъ этого — отмѣну паспортовъ, уменьшеніе ввозныхъ пошлинъ на земледѣльческія орудія, постройку подъѣздныхъ путей — можетъ исполнить и нынѣшнее правительство разумно исполнить — опять таки при условіи способности министровъ и надлежащаго надъ ними контроля со стороны общества. Но самое главное и существенное: измѣненіе системы культуры можетъ быть результатомъ только перевоспитанія народа, развитія въ немъ знаній, трудолюбія и предпріимчивости; точно также, какъ дешевый для народа кредитъ находится въ тѣсной связи съ его честностью, бережливостью, уваженіемъ къ закону, — и все это можетъ быть энергично двинуто впередъ только при радикальномъ измѣненіи основныхъ началъ государственнаго устройства, политическаго и религіознаго. Вотъ до этого-то не хотятъ или боятся у насъ договориться. Между тѣмъ безъ этого дѣло не пойдетъ. Дайте просторъ, свободу мысли — и народъ станетъ учиться; отнимите путы непрерывной, неотвязной опеки — и явится предпріимчивость; трудолюбіе, бережливость, порядочность вообще, разовьются коль скоро произволъ замѣнится твердостью закона и обрядовая сторона религіи, неимѣющая у

насъ ничего общаго съ нравственностью, уступитъ мѣсто культу долга, исканію правды и добра. (1)

Фактическія данныя въ подтвержденіе вышесказаннаго.

Прибавимъ, что всѣ эти соображенія вырабатываются отнюдь не теоретически, не умозрительно; они съ полною конкретностью вытекаютъ изъ наблюденія того, что дѣлается у насъ же, въ предѣлахъ русскаго государства, но у народностей и обществъ, воспитавшихся подъ вліяніемъ иныхъ религій, иного строя жизни. Климатъ и почва Финляндіи суровѣе и бѣднѣе чѣмъ въ большинствѣ русскихъ губерній; между тѣмъ, стоитъ лишь перешагнуть границу — и вы немедленно встрѣчаетесь съ явными признаками трудолюбія, бережливости, порядочности, рядомъ съ которыми возмутительно видѣть нашу русскую грязь и неряшество. Подобная же разница, не въ пользу коренной Россіи, замѣчается во всѣхъ мѣстностяхъ населенныхъ Нѣмецкими или Чешскими колонистами, или нашими же русскими сектантами, того-ли, другого-ли толка. Даже Кавказскій горецъ, живущій совсѣмъ рядомъ съ казакомъ, при земельномъ надѣлѣ въ 4 и въ 5 разъ меньше казачьяго, пользуется однако несравненно большимъ благосостояніемъ.

Объясненіе приведенныхъ фактовъ и прямые изъ этого выводы.

Отчего все это — это обидное для русскихъ повсемѣстное превосходство надъ нами иновѣрцевъ и ино-

(1) Въ послѣднее время особенно много говорятъ у насъ о необходимости всеобщаго, даже обязательнаго школьнаго обученія. Первостепенную важность обученія народныхъ массъ разумѣется никто оспаривать не будетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, для соображеній не по разуму усердствующихъ, позволяемъ себѣ поставить вопросъ: много ли будетъ пользы отъ обученія каждаго крестьянина грамотѣ, если грамотность его направится на усиленное чтеніе житія святыхъ, часовника и т. п. нелѣпостей нашей такъ называемой духовной литературы.

родцевъ? Не говоря о Финляндіи, гдѣ многое зависѣло отъ пользованія краемъ относительно большими политическими правами, — иновѣрцы или сектанты внутри Россіи превосходятъ коренныхъ русскихъ нравственнымъ развитіемъ очевидно потому, что у нихъ есть какая нибудь религія, — религія понимаемая въ смыслѣ принципіальныхъ, господствующихъ вѣрованій или убѣжденій, которыми опредѣляются и воззрѣнія человѣка на все окружающее и весь образъ дѣйствій его. Этой-то религіи у насъ, русскихъ нѣтъ, не только въ народѣ, но и въ стоящихъ выше его, болѣе образованныхъ классахъ. Обрядность поглотила все; далѣе, исповѣдуя будто-бы ученіе Христа, мы идемъ на перекоръ ему не только въ своихъ дѣйствіяхъ, но и въ сужденіяхъ, коль скоро они соприкасаются съ житейскими интересами. И эту-то религію, какъ святыню, поддерживаетъ православная церковь, опирающаяся на самодержавіе. Не будетъ въ Россіи выдающихся мыслителей, которые расширили бы нашъ умственный и нравственный кругозоръ; не будетъ учителей, которые приблизили бы народныя массы къ чистымъ источникамъ знанія; не будетъ проповѣдниковъ, которые увлекли бы на путь дѣяній, согласованныхъ съ вѣрою и свѣтомъ разума; не будетъ убѣжденныхъ, самоотверженныхъ фанатиковъ живого дѣла, — не будетъ ничего этого пока не дадите вы свободу мысли, не избавите ее отъ подавляющаго гнета политическаго и религіознаго деспотизма. Для всего этого долженъ въ корнѣ измѣниться государственный строй. И не о выборномъ всероссійскомъ парламентѣ, не о полной реформаціи въ церкви пока идетъ дѣло. Отъ октроированной конституціи трудно ожидать плодотворнаго результата. Повторяемъ — не торопитесь созывать палаты представителей и радикально преобразовывать центральныя управленія; предоставьте народу самому выработать потребныя для него учрежденія: дайте пока свободу

мысли и слова, полную свободу совѣсти внѣ зависимости отъ поповъ и призовите къ широкой дѣятельности мѣстную провинціальную жизнь. (1) Въ волости всесословной, въ земствѣ уѣзда, губерніи, а затѣмъ и группы губерній, сформируются люди, которыхъ возможно будетъ потомъ призвать, въ качествѣ представителей и въ государственныя учрежденія. Въ этомъ спасеніе Россіи и можно сказать единственный къ нему путь. Иначе гибель неизбѣжная: истощеніе, косность и окончательное паденіе государства.

Раскрытые голодомъ недочеты.

Нынѣшній голодъ служитъ особенно внушительнымъ для Россіи предостереженіемъ. Все, казалось, идетъ у насъ ровно, хорошо: внутренняя смута подавлена; во внѣшнихъ сношеніяхъ стоимъ высоко, внушаемъ уваженіе; финансы быстро поправляются, — и вдругъ бѣда, да притомъ такая, изъ которой не видно исхода: раскрылись язвы недуга давно въ насъ назрѣвавшаго; мало по малу ослабѣвавшіе корни хозяйственнаго организма грозятъ окончательнымъ оскуденіемъ. Неурожаи наши прямо, логически вытекаютъ изъ нашего взгляда на земледѣліе, изъ того что мы непривыкли еще смотрѣть на почву какъ на механизмъ, за которымъ надо ухаживать для того, чтобы онъ исполнялъ свое назначеніе — производить хлѣбныя растенія; что народъ нашъ продолжаетъ еще хозяйничать подъ вліяніемъ стараго повѣрья: „не нива родитъ, а небо“; что на неурожаи и другія хозяйственныя невзгоды онъ смотритъ какъ на бѣду случайно на него свалившуюся, или неизвѣстно зачѣмъ посланную капризнымъ Богомъ, съ которою поэтому онъ думаетъ бороться образами и святою

(1) На первенствующее значеніе мѣстной провинціальной дѣятельности настойчиво указываютъ нынѣ многіе мѣстные Комитеты „о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“. (1902).

водою, вмѣсто обращенія къ прямымъ и чистымъ источникамъ помощи — къ труду и знанію. Съ своей стороны правительство, предлагая то одну то другую частную мѣру, не хочетъ уразумѣть, что всякое дѣло надо начинать съ начала, что трудно дать движеніе одному изъ мускуловъ, не освободивъ всей системы, возвратить къ жизни тотъ или другой изъ атрофированныхъ членовъ организма, не устранивъ болѣзненное ненормальное давленіе на источникъ жизни — мозговой нервъ. Заблужденіе это находитъ опору въ раздающихся изъ реакціонной среды призывахъ къ еще большему усиленію изъ центра исходящей регламентаціи, неослабнаго надзора, вящаго устрашенія путемъ всякихъ предупредительныхъ и строго карательныхъ мѣръ; вообще въ громкихъ взываніяхъ къ матерьяльной, грубой силѣ, въ примѣненіи которой дошедшему до крайняго нравственнаго паденія обществу весьма естественно видѣть панацею отъ всѣхъ золъ; тогда какъ стать на ноги, уврачевать застарѣлыя и глубоко проникшія язвы, мы могли бы только рѣшительнымъ обращеніемъ народа къ наиболѣе широкой самодѣятельности и самопомощи. Но это послѣднее съ деспотизмомъ политическимъ и религіознымъ — самодержавіемъ и мракобѣсіемъ въ концѣ отупѣвшей православной церкви — логически несовмѣстимо.

Неужели же въ самомъ дѣлѣ посѣтившее Россію бѣдствіе голода должно быть принято за роковое для насъ предупрежденіе? Неужели по неисповѣдимымъ, но вѣчно праведнымъ законамъ историческаго развитія, оно является для Россіи *началомъ конца!*

Подтвержденіе приведенныхъ выше соображеній, послѣдовавшими за 1891-мъ годомъ недородами хлѣба.

Вотъ что было нами записано по поводу голода 1891-го года. Повторяющіеся съ тѣхъ поръ, чуть не изъ года въ годъ неурожаи, или крупные недороды хлѣбовъ, то въ одной, то въ другой полосѣ Россіи, еще болѣе

выясняютъ очерченную тогда характеристику положенія, окончательно и безусловно убѣждая въ томъ, что единственно-вѣрный путь къ господству надъ климатическими и почвенными условіями заключается въ раціональномъ хозяйствѣ земледѣльца при отношеніи къ почвѣ, какъ къ механизму, за которымъ надо разумно и прилежно ухаживать. Внѣ этого всякія попытки къ предупрежденію земледѣльческихъ недочетовъ, съ ихъ неизбѣжными послѣдствіями окажутся лишь палліативами, и къ таковымъ несомнѣнно надо отнести, какъ предложенія упомянутыхъ выше частныхъ мѣропріятій (съ 1891-го года, мало подвинувшихся къ осуществленію), такъ и другіе по тому же предмету проекты, о которыхъ говорятъ и пишутъ въ послѣднее время.

Отнесеніе къ малоземелью главной причины крестьянской нужды и проектируемыя въ виду этого мѣры. Недостаточность такихъ мѣръ.

Исходнымъ пунктомъ этихъ проектовъ большею частію служитъ признаніе крестьянскаго малоземелья за основное зло, при существованіи котораго немыслимы подъемъ и упроченіе благосостоянія въ массахъ нашихъ земледѣльцевъ. Отправляясь отъ этого начала, предлагаютъ: 1) установленіе всевозможныхъ облегченій въ покупкѣ земли крестьянами, 2) урегулированіе арендованія ими казенныхъ и вообще крупновладѣльческихъ земель, 3) наконецъ, массовыя переселенія изъ малоземельныхъ мѣстностей на свободныя земли европейской и въ особенности азіятской Россіи.

Подробная или всесторонняя оцѣнка этихъ предложеній не входитъ въ предѣлы нашей задачи. Нельзя однако не замѣтить, что поставленіе серьезныхъ ограниченій свободнымъ распоряженіямъ землевладѣльцевъ по отдачѣ въ аренду земель, признанныхъ ихъ полною собственностью, было бы настоящимъ актомъ экспропріаціи, который могъ бы совершить-

ся не иначе какъ въ соотвѣтствіи съ радикальнымъ измѣненіемъ весьма многихъ другихъ основъ государственной и общественной жизни, приближеніе къ которому, слѣдовательно, обусловливается соблюденіемъ самой строгой послѣдовательности правительственныхъ мѣропріятій. Кромѣ того, если признать малоземелье главною и основною причиною недостаточности хлѣбныхъ урожаевъ для прокормленія массы крестьянскаго населенія, то очевидно нельзя не заключить, что и доведенное до предѣла возможности примѣненіе упомянутыхъ выше въ трехъ пунктахъ мѣръ могло бы лишь на относительно немногіе годы отдалить отъ насъ явно надвигающійся и угрожающій страшною бѣдою земледѣльческій кризисъ.

Дѣйствительно, количество свободныхъ для переселенія, годныхъ къ культурѣ земель, все болѣе сокращается, и уже можно предвидѣть, что въ недалекомъ времени водвореніе на пустопорожнихъ участкахъ и воздѣлываніе ихъ потребуетъ труда и затратъ прямо непосильныхъ для ищущихъ переселенія; покупками же или арендованіемъ земель, крестьянское землепользованіе можетъ быть увеличено относительно лишь въ ограниченной степени, такъ какъ и вся площадь крупновладѣльческихъ земель не особенно велика по сравненію съ общимъ количествомъ земель крестьянскихъ. Выше мы имѣли случай высказать, опираясь на сужденія весьма авторитетнаго мыслителя, что расчеты дѣятелей великой реформы 1861-го года, на предотвращеніе въ Россіи пролетаріата, черезъ непремѣнное обезпеченіе крестьянъ земельными надѣлами къ сожалѣнію не оправдались. Между тѣмъ надъ реформою 1861 г. работали лучшіе и способнѣйшіе люди, которые сдѣлали все, что было въ предѣлахъ возможности; но совершенное ими въ силу естественныхъ законовъ развитія не могло не оказаться, и какъ видимъ, ока-

залось недостаточнымъ. Крестьянское населеніе именно подъ вліяніемъ вновь созданныхъ, относительно-благопріятныхъ условій, незамедлило очень возрости отчего предоставленные ему душевые надѣлы иногда вдвое, иногда болѣе чѣмъ вдвое уменьшились. Отсюда съ достовѣрностью можно заключить и о предѣльныхъ выгодахъ предлагаемыхъ нынѣ, упомянутыхъ мѣръ. Положимъ правительство, ставъ на ту точку зрѣнія, что интересы меньшинства безусловно должны приноситься въ жертву потребностямъ массъ, потому не останавливаясь и передъ актами экспропріаціи, опять увеличило бы крестьянскіе надѣлы, (хотя довести ихъ до нормы, установленной въ 1861 году очевидно уже физически невозможно); положимъ, что этому не мало содѣйствовали бы и переселенія; но несомнѣнно подъ вліяніемъ тѣхъ временно улучшившихся экономическихъ условій, населеніе опять быстро возросло бы, и если массы крестьянства нашего остались бы при нынѣ практикуемой системѣ хозяйства, то черезъ 15, много 20 лѣтъ, мы неизбѣжно очутились бы вновь передъ фактомъ такой же, какъ теперь и едва ли не большей степени крестьянскаго малоземелья.

Единственно рациональный путь къ отвращенію земледѣльческихъ невзгодъ въ Россіи.

Въ виду этихъ соображеній, отнюдь не отрицая пользы возможныхъ облегченій въ пріобрѣтеніи и арендованіи крестьянами земель также какъ разумно обставленныхъ переселеній, мы сохраняемъ однако твердое убѣжденіе, что не малоземелье составляетъ главный и основной источникъ несомнѣнно существующей крестьянской нужды, что въ борьбѣ съ нею и все чаще посѣщающими насъ земледѣльческими невзгодами, наиболѣе дѣйствительнымъ, можно сказать единственно раціональнымъ средствомъ представляется коренное измѣненіе прочно установившейся у насъ, и къ сожалѣнію не ослабленной

реформой 1861-го года, системы крестьянскаго хозяйства, основанной на принятомъ у насъ порядкѣ землепользованія.

Замѣна нынѣшняго порядка крестьянскаго землепользованія хуторскимъ хозяйствомъ.

Говоримъ землепользованія потому, что порядокъ этотъ одинаково существуетъ при общинномъ, какъ и подворномъ владѣніи землею, въ средней, восточной, южной и сѣверной, какъ и въ Юго-Западной полосѣ Россіи. Заключается онъ, какъ извѣстно, въ томъ, что каждый крестьянскій дворъ по меньшей мѣрѣ въ трехъ поляхъ имѣетъ свои угодья, которыя попеременно обращаетъ подъ посѣвы озими, ярового и подъ паръ; если же въ надѣлъ селенія входятъ земли различнаго качества, дающія основаніе подраздѣлить ихъ на урожайныя, или по положенію особенно выгодныя, среднія и плохія, то угодья одного двора могутъ оказаться и не въ трехъ, а въ шести или девяти клиньяхъ, независимо покосовъ и общаго выгона. Понятно, что при таковыхъ условіяхъ хозяйство каждаго двора находится въ ближайшей зависимости отъ хозяйства сосѣдей, что измѣнить систему отдѣльный хозяинъ не можетъ внѣ соглашенія всего общества всѣхъ хозяевъ одного селенія. Нельзя притомъ не замѣтить, что въ этомъ отношеніи общинное землевладѣніе едва ли не больше чѣмъ подворное даетъ возможность къ ограниченію зла. Періодическіе передѣлы земель общиннаго владѣнія, хотя несомнѣнно задерживающіе успѣхи культуры, вмѣстѣ съ тѣмъ способны поставить въ извѣстной степени преграды и дробленію участковъ, которые при подворномъ владѣніи естественнымъ путемъ все болѣе разростаются.

Дробленіе это доходитъ до того, что подъ хлѣбопашествомъ одного крестьянскаго двора оказывается, какъ упомянули мы, иногда до 9-ти и болѣе полосъ, которыя, при значительномъ между собою разстояніи

и при ширинѣ лишь нѣсколькихъ десятковъ сажень простираются на нѣсколько верстъ въ длину. (1) При такихъ условіяхъ, кромѣ зависимости отъ сосѣдей, хозяйство и по рутинной, принятой всѣмъ селеніемъ системѣ неизбѣжно встрѣчаетъ весьма существенныя затрудненія: работать одновременно въ шести и болѣе отдаленныхъ одно отъ другого мѣстахъ очевидно не можетъ съ успѣхомъ и самый заботливый хозяинъ; потеря времени, прерывочность труда, отсутствіе надлежащаго удобренія, трудность наблюденія, при этомъ такъ велики, что культура не можетъ не страдать, даже при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу. А когда работа на каждомъ шагу встрѣчается съ помѣхами, то, находя въ нихъ оправданіе, присущая человѣческому организму лѣность натурально вступаетъ въ свои права, и обнаруживаетъ вліяніе свое также тамъ, гдѣ къ проявленію ея уже и нѣтъ поводовъ. Живя бокъ-о-бокъ съ крестьянами не разъ случалось наблюсти, что они выѣзжаютъ на дальнія работы только послѣ ранняго обѣда, въ десятомъ часу, везутъ съ собою продукты для полдника, на который, вмѣстѣ съ необходимымъ послѣ него отдыхомъ, уходитъ не менѣе двухъ часовъ, и возвращаются еще засвѣтло. Такимъ образомъ рабочій день сводится къ шести-семи часамъ времени, и это въ самую жаркую, страдную пору.

Понятно, что крестьянское земледѣльческое хозяйство не можетъ отъ этого не падать: почва лишенная необходимаго за нею ухода, какъ за непрерывно работающимъ механизмомъ, истощается, и не можетъ уже съ достаточною дѣятельностью противустоять даже обыкновеннымъ климатическимъ невзгодамъ;

(1) Весьма курьезный видъ представляютъ собою планы крестьянскихъ земель подворнаго владѣнія въ Юго-западномъ краѣ. Полосы пахотной земли отдѣльнаго хозяйства, при ширинѣ всего 5 саженей тянутся въ длину на двѣ и на три версты.

а истощеніе почвы въ свою очередь вноситъ ухудшеніе въ климатическія условія. Оттого все болѣе частые и болѣе полные недороды: участокъ земли прежде кормилъ семью съ избыткомъ въ теченіе цѣлаго года; теперь та же семья продуктами его въ среднемъ кормится не болѣе полугодія, и все чаще высказываются жалобы на малоземелье.

А въ дѣйствительности, если взглянуть на вещи безъ предубѣжденія, пока еще на всемъ пространствѣ Россіи не много найдется мѣстностей, которыя бы въ строгомъ смыслѣ можно было назвать малоземельными. Мы не будемъ сравнивать нашу культуру съ усовершенствованной культурой западноевропейскихъ странъ, гдѣ во много разъ меньшіе участки земли безъ затрудненій и перерывовъ прокармливаютъ болѣе многочисленныя семьи. Говорятъ обыкновенно, что до такой культуры мы можемъ дойти только черезъ десятки лѣтъ, предварительно поднявъ на много степеней развитіе нашего народа и вѣками привившіяся къ нему бытовыя особенности. Но и не нужно такъ далеко ходить за сравненіями; мы найдемъ ихъ въ самой Россіи, въ хозяйствахъ живущихъ во многихъ мѣстахъ рядомъ съ крестьянами колонистовъ.

Въ Юго-Западномъ краѣ, напримѣръ, первые поставлены въ несомнѣнно лучшія экономическія условія чѣмъ вторые. Крестьяне имѣютъ въ своемъ пользованіи значительно большее по числу душъ количество земли, за которую притомъ колонисты вносятъ не малую арендную плату владѣльцамъ. Между тѣмъ колонисты производятъ эти уплаты исправно, почти всегда безъ задержекъ или недоимокъ, на малоземелье не жалуются и живутъ, по сравненію съ крестьянами, видимо лучше. Одинъ изъ жителей Волынской губерніи, какъ видно, хорошо ознакомленный съ положеніемъ дѣла, проводитъ такую паралель между хозяйствомъ въ этой мѣстности крестьянъ-

малороссовъ и колонистовъ, поляковъ, нѣмцевъ и чеховъ. (1)

„Чьи поля даютъ лучшія урожаи? Колонистовъ. У кого развито травосѣяніе и производство кормовыхъ корнеплодовъ? У крестьянъ его почти нѣтъ, у колонистовъ же оно процвѣтаетъ повсемѣстно. На песчанныхъ земляхъ кто удобряетъ землю посѣвомъ лупина на зеленый навозъ? Крестьяне нигдѣ не дѣлаютъ этого, колонисты очень часто. Въ подгородныхъ мѣстностяхъ кто продаетъ молоко, масло, сметану? Колонисты, между тѣмъ, какъ рядомъ живущіе крестьяне совсѣмъ этимъ не занимаются. На конскихъ переписяхъ какихъ лошадей приводятъ тѣ и другіе? У крестьянъ обыкновенно лошадей больше, но изъ этой измельчавшей породы нельзя выбрать ни одной лошади годной для военной службы, между тѣмъ какъ у колонистовъ лошади крупныя, хорошо сложенныя, такъ что пара такихъ лошадей потянетъ въ возу тяжесть втрое больше противъ крестьянскихъ лошадей.

„Крестьянскій скотъ мелкій, захудалый, послѣ зимней кормежки еле передвигаетъ ноги и болѣетъ отъ недостатка подстилки; для крестьянскихъ дѣтей часто не хватаетъ молока, коровы же колонистовъ даютъ молока по два и по три гарнца.

„У крестьянина хорошо если найдется при хатѣ нѣсколько жалкихъ, обломанныхъ фруктовыхъ деревьевъ, съ которыхъ плоды оборваны всегда безвременно; хмѣля онъ не разводитъ никогда. Уколониста при всякомъ почти дворѣ имѣется садикъ съ отборными фруктами, которые онъ снимаетъ рукой своевременно и продаетъ по хорошей цѣнѣ. За хмѣль тѣ же колонисты выручаютъ большія деньги.

---

(1) Случайно доставленный намъ докладъ, прочитанный 14-го Января 1901-го года въ засѣданіи Совѣта Луцкаго Общества Сельскаго хозяйства.

„Крестьянскія села отъ поры до времени выгораютъ почти цѣликомъ, у колонистовъ это бываетъ гораздо рѣже и пожаръ ограничивается однимъ дворомъ".

Столь неблагопріятные по отношенію къ крестьянскому населенію, факты разумѣется отчасти объясняются рассовыми особенностями, разницею историческихъ условій, способствовавшихъ большему у Нѣмцевъ, Чеховъ и Поляковъ, по сравненію съ нашими крестьянами, развитію трудолюбія, устойчивости въ работѣ и бережливости. Но главная причина плохого состоянія хозяйства у крестьянъ, какъ сказали мы и какъ уже они сами начинаютъ сознавать, заключается въ черезполосности крестьянскихъ угодій, общихъ пастбищахъ и отдаленности полей отъ усадьбъ, — въ неудобствахъ унаслѣдованныхъ отъ крѣпостного права, съ установившеюся при немъ трехпольною системою, какъ было уже замѣчено, не ослабленныхъ великою реформою освобожденія.

На ряду съ крестьянскимъ, хозяйство колонистовъ, пользующихся значительно меньшимъ количествомъ земли на дворъ, процвѣтаетъ въ особенности потому, что всѣ, хотя весьма небольшія, угодья расположены вокругъ жилья, въ разстояніи отъ него какихъ нибудь 15 – 20 минутъ хода во всѣ стороны. Благодаря этому хозяинъ хутора съ самаго ранняго утра, ни минуты не теряя времени, принимается за работу, ту или другую, какая всегда найдется въ полѣ или возлѣ дома, и отъ нея отрывается, самое большее на два-три часа въ теченіе дня, для необходимаго отдыха послѣ ѣды. Такимъ образомъ лѣтній рабочій день продолжается у него не 6 – 7 часовъ, какъ у сосѣда крестьянина, а 10, 12 и даже 14 часовъ. Съ нимъ такъ же прилежно работаетъ и вся семья. Скотъ хуторянина пасется на небольшомъ кускѣ поля, не далеко отъ дома, лишь столько, сколько надо для здоровья; остальное время онъ

находится въ сараѣ, довольствуясь обильно заготовленными для корма клеверомъ, картофелемъ, кормовою свекловицею, морковью и проч. кромѣ домашнихъ помоевъ и всякихъ остатковъ собственной пищи, изъ которой у семьи хозяина ничего не пропадаетъ даромъ. Оттого не только больше молока, но и навозу, который притомъ безъ всякихъ потерь сохраняется для удобренія. Вслѣдствіе близости полей ничего не теряется и при его вывозѣ, притомъ на крѣпкомъ большомъ возу и на сильныхъ хорошо кормленныхъ лошадяхъ. Всякую свободную отъ полевыхъ работъ минуту хуторянинъ и семья его обращаютъ на ухаживаніе за садомъ, огородомъ и хмѣльникомъ, отъ которыхъ получается замѣтный въ хозяйствѣ, а отъ послѣдняго и весьма крупный доходъ. Все это потому, что колонистъ, не закрѣпощенъ рабски за трехпольною системою, съ общими при ней выпасами.

Реформа 1861-го года освободила мужика отъ ферулы помѣщика; но она только положила начало великому дѣлу. Чтобы закончить его осталась еще настоятельная необходимость снять съ русскаго крестьянина путы, выразившіяся въ стадномъ господствѣ толпы надъ индивидуальностью.

И крестьяне, какъ сказали мы (1), начинаютъ это сознавать, наглядным доказательствомъ чего служитъ тотъ фактъ, что подъ вліяніемъ примѣра сосѣднихъ хозяйствъ колонистовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Житомірскаго уѣзда крестьяне, по приговорамъ сельскихъ обществъ, измѣнили способъ пользованія землею такимъ образомъ, что всякій домохозяинъ имѣетъ свой надѣлъ въ одномъ мѣстѣ, и на немъ распоряжается свободно, по усмотрѣнію, перенеся туда и всѣ свои постройки. Совершилось

(1) Заимствуемъ это свѣденіе изъ того же упомянутаго выше доклада.

это, по свидѣтельству мѣстнаго мирового посредника, въ силу 16-ти приговоровъ, почти во всѣхъ селеніяхъ двухъ волостей, гдѣ прежнія большія села должны, слѣдовательно, отойти въ область преданій, и до сихъ поръ продолжаютъ поступать новыя о томъ же ходатайства.

Фактъ многознаменательный. Крестьянинъ, какъ видно, не держится за нынѣшнюю систему землепользованія. Но для повсемѣстнаго развитія истинно великаго дѣла — второго и окончательнаго освобожденія личности крестьянина отъ рабства — необходима, какъ и для перваго, послѣдовательная, настойчивая, энергическая поддержка его добрыхъ стремленій, разумнымъ содѣйствіемъ и цѣлесообразными указаніями властей. Отнюдь не насилуя ничего, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ дать наибольшій просторъ всякой попыткѣ добровольнаго въ означенномъ направленіи начинанія.

f) Краткое перечисленіе нѣкоторыхъ другихъ неудачныхъ мѣропріятій послѣдняго двадцатилѣтія.

Печальное положеніе до котораго дошла Россія къ концу царствованія Александра III, къ сожалѣнію продолжается и понынѣ (1902 г.). Сынъ и наслѣдникъ его до сихъ поръ является преемникомъ дѣйствій отца, и во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ; такъ что все совершившееся въ государственной жизни Россіи за два десятилѣтія, со времени кончины Александра II, не смотря на послѣдовавшую въ 1894-мъ году перемѣну царствованія, одинаково можетъ послужить матеріаломъ для характеристики злощастнаго періода наступившаго для Россіи съ 1881-го года.

О нѣкоторыхъ изъ наименѣе удачныхъ дѣйствій правительства въ теченіе означеннаго періода мы уже имѣли случай упомянуть. Возможная только въ будущемъ правдивая лѣтопись этого времени съ осо-

бенно тяжелымъ чувствомъ остановится на законѣ 12 Іюля 1889-го года, прямомъ продуктѣ самодержавной темноты и преступной угодливости, какъ министровъ, такъ и высшаго законодательнаго учрежденія, не стѣснившихся, по указанію данному необдуманнымъ словомъ властителя, перемѣшать и нестройно сплести въ одно, по существу своему независимыя одна отъ другой функціи судебныя, административныя и земско-хозяйственныя, съ предоставленіемъ преобалдающаго вліянія усмотрѣнію, т. е. произволу чиновничества.

Далѣе можно припомнить рядъ дѣйствій правительства, систематически, съ воцаренія Александра III, направленныхъ къ стѣсненію самостоятельности земства и вообще мѣстныхъ органовъ самоуправленія; рядъ законоположеній, измѣнившихъ судебные уставы 1864-го года въ нѣкоторыхъ основныхъ ихъ началахъ, какъ ограниченіе судебной гласности, принципа несмѣняемости судей и круга дѣйствій суда присяжныхъ; чрезвычайно усилившееся вліяніе клерикальнаго элемента, получившаго, между прочимъ, преобладающее вліяніе на обученіе народныхъ массъ, чрезъ передачу школъ грамотности и церковно-приходскихъ въ руки невѣжественнаго корыстнаго низшаго духовенства; наконецъ, — повторяемъ еще разъ, какъ фактъ наиболѣе выдающійся, — ужасы совершаемые нынѣ въ Финляндіи, истинное значеніе которыхъ не нашелъ нужнымъ разъяснить самодержцу никто изъ стоящихъ у трона такъ наз. столповъ государства, — ужасы, которые между тѣмъ единогласно осуждаются всею цивилизованною Европой, и несомнѣнно до конца вѣковъ останутся неизгладимымъ пятномъ позора на царствованіи Николая II. Все это вмѣстѣ взятое, не говоря о многомъ другомъ, передъ симъ указанномъ, набрасываетъ на самодержавное въ Россіи управленіе послѣдняго

двадцатилѣтія столь густую тѣнь, что изъ сумрака ея трудно было бы выдѣлить что либо хорошее.

g) Приписываемыя правительству послѣдняго двадцатилѣтія полезныя дѣйствія.

Но чтобы избѣжать упрека въ односторонности, считаемъ однако полезнымъ съ нѣкоторою подробностью разсмотрѣть и тѣ дѣйствія или начинанія Александра III, въ которыхъ наши крайніе патріоты-оптимисты видятъ безспорно великое благо, съ избыткомъ будто-бы выкупающее слабыя стороны его управленія, если бы таковыя и можно было найти. Благо это, какъ говорятъ представители означеннаго мнѣнія, заключается особенно въ установленіи преобладающаго внѣшняго вліянія Россіи, и въ упроченіи на твердыхъ началахъ нашихъ финансовъ. Безпристрастный анализъ, полагаемъ, и въ этомъ отношеніи только болѣе выяснитъ отрицательное значеніе послѣдняго двадцатилѣтія въ государственной жизни Россіи.

Практическая оцѣнка внѣшней политики Россіи отъ начала 80-хъ годовъ.

Говоря не въ общихъ, отвлеченныхъ фразахъ, а съ точки зрѣнія практической о вліяніи Россіи въ совѣтахъ Европы, вполнѣ естественно и необходимо поставить тотчасъ вопросъ: въ чемъ именно конкретно выразилось это вліяніе и какую пользу извлекли мы изъ него?

Балканскій полуостровъ.

Балканскій полуостровъ, какъ извѣстно, всегда служилъ какъ бы динамометромъ, на которомъ великія европейскія державы измѣряли свои силы, оцѣнивая ихъ степенью подчиненія политическимъ видамъ каждой — какъ самого правительства султана, такъ и состоявшихъ въ сюзеренной отъ него зависимости христіанскихъ областей. Чего же достигли мы на Балканскомъ полуостровѣ со вступ-

ленія на престолъ Александра III, послѣ неимовѣрныхъ жертвъ, принесенныхъ Россіею въ войну 1877—1878 годовъ?

Выраженное въ рѣзкой формѣ неудовольствіе нашего Государя заставило Князя Александра немедленно и безпрекословно оставить Болгарію. Мы ликовали. Но мѣсто Батенберга занялъ не менѣе непріятный намъ принцъ Кобургскій. Этотъ послѣдній, осыпавшійся въ извѣстныхъ органахъ нашей печати самыми пошлыми оскорбленіями, тѣмъ не менѣе остался правителемъ Болгаріи, да еще много лѣтъ удерживалъ при себѣ безусловно враждебнаго Россіи Стамбулова, и въ концѣ концовъ признанъ нами при помощи пустой ничего незначащей уступки (крещенія наслѣдника въ православную вѣру), будто бы сдѣланной въ угожденіе Россіи, а въ дѣйсввительности только прикрывшей наше отступленіе.

Въ Сербіи до 1900-го года властвовалъ склонный въ пользу Австріи Миланъ, злобно расправлявшійся съ ненаходившими заступничества остатками расположенной къ Россіи партіи. На островѣ Критѣ, правда, удалось водворить, въ качествѣ верховнаго комиссара, Греческаго принца. Но это сдѣлалось видимо лишь въ силу натурально развившихся условій, за явною невозможностью пріискать другое подходящее лицо; притомъ послѣ тяжелыхъ ударовъ нанесенныхъ Греціи въ неравной борьбѣ, отвратить которую мы оказались безсильными; также какъ не имѣли силъ остановить варварское избіеніе болѣе чѣмъ кому либо близкихъ намъ Армянъ. Въ Румыніи не безъ вліянія родственныхъ отношеній между правящими династіями, все болѣе выясняется склонность сближенія съ Германіей. Это же предпочтительное преклоненіе передъ величіемъ Нѣмецкой имперіи выказываетъ и само правительство Султана.

Но это все частности, скажутъ люди желающіе,

вопреки очевидностямъ, вѣрить въ успѣхи политики Александра III; это, такъ сказать, временныя теченія, которыя во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо способны измѣнять направленіе. Мы съ своей стороны утверждаемъ, что здѣсь именно наименьшая роль принадлежитъ случайностямъ, что напротивъ здѣсь съ особенной видимостью примѣняются общіе основные законы народной жизни. Однимъ изъ этихъ законовъ искони опредѣлено, что народныя симпатіи легче всего устанавливаются между странами, имѣющими болѣе или менѣе сходное политическое устройство, и въ особенности что страна вкусившая отъ плода свободныхъ учрежденій не можетъ не избѣгать и не опасаться вліянія государства управляемаго деспотически. Этотъ непреложный принципъ, какъ видно, не былъ признанъ или достаточно усвоенъ русскимъ правительствомъ, самоувѣренно можно сказать легкомысленно принявшимъ на себя устройство положенія освобожденныхъ отъ турецкаго ига славянскихъ народностей. Народности эти съ живѣйшею признательностью приняли даръ свободы изъ рукъ родственной имперіи; но чувство благодарности очевидно не могло перешагнуть за границы, опредѣлившіяся самымъ его источникомъ. Начавшіе самостоятельную жизнь Балканскіе Славяне не могли поступиться хотя бы долею этой самостоятельности въ угоду освободителю. Такая уступка въ сущности была бы принесеніемъ въ жертву того именно, чѣмъ была вызвана благодарность, безъ чего вовсе не было бы къ ней повода, что только и могло стать связующимъ звеномъ между великою славянскою державою и вновь возникшими государствами того же племени. Но чтобы сочувствовать нарождающейся свободѣ другихъ и покровительствовать ей мы должны были сами пріобщиться къ этому же теченію, сознать и ощутить потребность свободныхъ учрежденій въ своемъ отечествѣ; между тѣмъ

подобоное стремленіе большинству русскаго общества остается до сихъ поръ чуждымъ, правительству — прямо враждебнымъ. Понятно что молодыя славянскія владѣнія, едва лишь успѣвшія пріобрѣсти полунезависимость, и впервые ставшіе воспитывать въ себѣ начала народнаго самоуправленія, не могли относиться иначе какъ съ недовѣріемъ и страхомъ къ грозному хотя и родственному колоссу, завѣдомо стоящему на стражѣ иныхъ, прямо противуположныхъ началъ; особенно послѣ сдѣланнаго этимъ колоссомъ весьма неудачнаго опыта самодержавнаго вчужѣ хозяйничанья, чрезъ профессіональныхъ служителей бога войны. А гдѣ недовѣріе и страхъ, тамъ искреннихъ симпатій быть не можетъ. Потому и въ случаѣ вооруженной борьбы между Россіей и конституціонными державами Европы, слѣдуетъ ожидать, что внутреннія симпатіи, да по всей вѣроятности и активное содѣйствіе Балканскихъ Славянъ, весьма естественно будутъ на сторонѣ тѣхъ, отъ кого могутъ они ожидать участія и помощи въ развитіи зачатковъ народной свободы, какъ отъ успѣвшихъ уже твердо стать на той же стезѣ политическаго прогресса.

И такъ превозносимое нашими патріотами господствующее будто бы въ послѣднее двадцатилѣтіе вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, какъ видно, до сихъ поръ не выразилось никакими реальными, фактическими данными, да и не обѣщаетъ ничего подобнаго въ будущемъ.

Дальный Востокъ.

Въ послѣднее время, какъ извѣстно, политическій динамометръ отъ Мраморнаго моря и проливовъ переносится далѣе на Востокъ: возбуждается вопросъ о раздѣлѣ Китая между великими державами Европы, т. е. объ обезпеченіи каждою изъ нихъ въ Срединной имперіи своихъ комерческихъ, а на ряду съ ними и по-

литическихъ интересовъ. (1) Тамъ успѣли мы получить концессію на занятіе, въ 25-ти лѣтнее пользованіе, портовъ Артура и Таліенвана, какъ конечныхъ пунктовъ желѣзной дороги, соединяющей, черезъ Манджурію, нашу великую сибирскую линію съ незамерзающимъ Желтымъ моремъ. Но мы знаемъ также, что этотъ шагъ нашъ не остался безъ соотвѣтствующаго движенія на Востокъ со стороны Германіи и Англіи, изъ которыхъ первая даже предупредила насъ занятіемъ на болѣе продолжительный срокъ и еще болѣе выгодной позиціи — бухты Кіао-Тшау съ близь лежащею территоріею; а вторая немедленно отвѣтила намъ захватомъ порта Вейхай-вей, независимо другихъ, уже ранѣе пріобрѣтенныхъ и вновь подтвержденныхъ правъ, вполнѣ обезпечивающихъ господство британскихъ интересовъ въ бассейнѣ рѣки Янтцекіангъ. И здѣсь, слѣдовательно, незамѣтно чтобы преобладала наша политика: до сихъ поръ по крайней мѣрѣ она только шла по пути другихъ, едва поспѣвая съ ними выравниваться, не смотря на то, что непосредственная близость русскихъ и китайскихъ владѣній у морей Тихаго океана, казалось бы ставила насъ въ исключительно выгодное положеніе, что къ установленію противовѣса англійскому вліянію на Востокѣ столѣтіями были направлены наши дѣйствія въ Средней Азіи съ усиленною энергіею и трудноисчислимыми пожертвованіями, проявившіяся особенно въ послѣднее тридцатилѣтіе, и что въ видахъ освобожденія Россіи отъ воздѣйствія берлинскаго Кабинета, въ угодливости которому не разъ упрекали Александра II, мы поступились независимостью политическихъ отношеній Россіи въ пользу французскаго союза.

Наше движеніе въ глубь Средней Азіи и сближеніе, а затѣмъ и союзъ, съ Франціею представляютъ

---

*) Писано въ 1889-мъ году.

въ государственной жизни Россіи столь крупныя явленія, что на нихъ позволительно нѣсколько болѣе остановиться.

Движеніе въ глубь Средней Азіи.

Присоединеніе голыхъ, безплодныхъ, совсѣмъ непригодныхъ ни для какой культуры степей, между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, само по себѣ представляетъ отнюдь не выгоду для Россіи, а напротивъ явный ущербъ, который можетъ быть вознагражденъ, сѣдовательно и оправданъ, лишь инымъ дѣйствительно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Такимъ пріобрѣтеніемъ руководители нашей политики всегда выставляли приближеніе наше къ границамъ Индіи, угрожая которой, т. е. британскому въ ней владычеству, мы этимъ самымъ создаемъ могущественный оплотъ противъ Англіи, съ давнихъ поръ намъ враждебной повсюду, и особенно въ вопросахъ, касающихся Балканскаго полуострова съ прилегающими къ нему морями и проливами.

По этому предмету характернымъ документомъ является письмо извѣстнаго въ нашихъ Среднеазіатскихъ завоеваніяхъ дѣятеля-Скобелева къ кн. Черкасскому, — письмо гдѣ-то отысканное газетою „Новое Время“ и напечатанное ею въ 1883 г. Съ нѣкоторымъ усиленіемъ Туркестанскихъ войскъ изъ Сибири, говоритъ Скобелевъ, можно образовать корпусъ въ 17—18 тысячъ человѣкъ, который дойдя до Кабула долженъ будетъ остановиться тамъ, возбуждать противъ Англіи всѣхъ недовольныхъ ею въ Индіи, сѣять тамъ смуту и наконецъ произвести пожаръ, который поведетъ къ отдѣленію отъ Великобританіи главной ея колоніи, слѣдовательно, и къ паденію могущества самой метрополіи. Послѣ этого намъ не трудно будетъ утвердиться на проливахъ (Босфорѣ и Дарданелахъ). Вотъ, по Скобелеву, цѣль нашихъ дѣйствій въ Средней Азіи. Иначе говоритъ онъ, „*овчинка не стоитъ выдѣлки*“.

Вопреки признаваемому въ нашемъ военномъ мірѣ великому авторитету Скобелева позволяемъ себѣ думать что въ этомъ отношеніи онъ заблуждался, не говоря уже о томъ, что возбужденіе въ народѣ смуты, когда возбуждающій не имѣетъ въ виду средства потомъ ее успокоить и дать возставшимъ лучшее, чѣмъ до смуты устройство, является безспорно однимъ изъ самыхъ черныхъ дѣлъ, однимъ изъ тяжкихъ политическихъ преступленій, которое, каковы бы ни были его цѣли, достойно заклеймитъ позоромъ судъ исторіи.

Вслѣдъ за Скобелевымъ воинствующіе патріоты наши находили какъ бы фактическое подтвержденіе своихъ взглядовъ въ недавнемъ столкновеніи нашемъ съ Афганцами на рѣкѣ Кушкѣ, гдѣ войска наши дали послѣднимъ рѣшительный и энергичный отпоръ не смотря на присутствіе въ ихъ средѣ англійскихъ агентовъ и вообще на явное къ нимъ благоволеніе Великобританіи. Смотрите, говорили сторонники подобныхъ взглядовъ, мы открыли наконецъ себѣ доступъ къ больному мѣсту англійскаго могущества, и отъ насъ теперь зависитъ во всякое время создать для Англіи величайшія затрудненія въ Индіи; потому соперникъ поспѣшилъ уступить на всѣхъ пунктахъ столкновенія. Сознавая отнынѣ постоянно висящую надъ нею опасность и невозможность безнаказанно обижать Россію, для которой до сихъ поръ, по своему положенію, Англія была недосягаема, она станетъ вообще сговорчивѣе, должна будетъ положить предѣлъ вѣковой своей къ намъ враждебности.

Но допуская, что Англія въ данномъ случаѣ дѣйствительно уступила, намъ по всѣмъ требованіямъ относительно Афганской границы, позволительно спросить — много ли мы отъ этого выиграли. Присоединеніе къ нашимъ владѣніямъ въ этой мѣстности десятковъ даже сотенъ квадратныхъ миль въ экономическомъ отношеніи никакого значенія не

имѣетъ; въ смыслѣ стратегическомъ мы повидимому также изъ этого выгодъ не извлекли. Напротивъ, вслѣдъ за улаженіемъ означеннаго пограничнаго спора, Англія, расположивъ въ свою пользу Афганскаго эмира, сколько извѣстно, начала укрѣплять Гератъ. Да во всякомъ случаѣ, если бы слухъ этотъ и оказался ошибочнымъ въ настоящее время въ послѣдствіи по всей вѣроятности однимъ Гератомъ дѣло не ограничится, а будутъ укрѣплены всѣ доступные проходы черезъ хребетъ Гиндукушъ и его ближайшія отрасли. Такъ или иначе по Сѣверо-Западной границѣ Индіи несомнѣнно будетъ воздвигнута сильная оборонительная линія, для прорыва которой потребовалась бы армія, по численности своей много превышающая то, что могло бы быть довольствуемо средствами мѣстной производительности. Припомнивъ какихъ усилій и жертвъ стоило низложеніе болѣе близкаго къ намъ и внѣ сравненій болѣе доступнаго Текинскаго оазиса, позволительно усомниться, чтобы перешагнуть черезъ Гиндукушъ съ 18-ти тысячнымъ корпусомъ и утвердиться въ Кабулѣ, тѣмъ болѣе воздѣйствовать оттуда на Индію было такъ легко, какъ могло бы казаться, судя по приведенному письму Геокъ-Тепинскаго героя.

Что въ такомъ именно видѣ взаимное положеніе сторонъ представляется англичанамъ — это можно заключить изъ дальнѣйшихъ ихъ дѣйствій со времени Кушкинскаго эпизода, — дѣйствій, показывающихъ что по всѣмъ вопросамъ существенной для нея важности Англія будетъ по прежнему отстаивать свои интересы и, въ выборѣ средствъ вредить намъ, ни мало не отступитъ передъ опасеніемъ движенія Россіи на Индію, не смотря на сдѣланный нами въ этомъ направленіи новый шагъ. Какъ видѣли занятіе нами портовъ Артура и Таліен-вана немедленно вызвало захватъ Англіею Вей-Хай-Вея. Равнымъ образомъ приближеніе наше къ границамъ Индіи не

положило предѣлъ традиціонному соперничеству съ Россіей Англичанъ на Балканской территоріи: ни мало его не умѣрило, напротивъ, какъ будто вызвало новое его проявленіе: румелійская революція была какъ бы отвѣтомъ на такъ называемый успѣхъ нашей политики въ Средней Азіи. Не стѣснилась Англія, въ пику намъ, взять это движеніе Болгаръ подъ свое покровительство и, въ переговорахъ по этому дѣлу, постоянно противодѣйствовать нашимъ видамъ, не смотря на поддержку въ этомъ случаѣ нашей политики другими европейскими державами. Очевидно чего можемъ мы ожидать отъ Англіи при иныхъ обстоятельствахъ. По прежнему готова она и теперь присгать ко всякой непріязненной намъ коалиціи (1). Если по образованіи такъ называемаго тройственнаго союза, Англія не вступила въ него формально, такъ потому лишь, что пока не видѣла въ этомъ надобности и считала болѣе выгоднымъ до времени сохранить за собою свободу дѣйствій, а вовсе не изъ опасенія попытки нашей противъ Индіи. Какъ успѣло уже отчасти выясниться на опытѣ при недавнемъ нѣсколько натянутомъ положеніи на Западѣ (въ 1888-мъ году), мы не сочли полезнымъ воздѣйствовать на Англію какою либо военною демонстраціею отъ вновь проведенной афганской границы; признали, сколько извѣстно, прямо несвоевременнымъ завязывать тамъ дѣло, когда грозитъ опасность на другомъ концѣ имперіи. Значитъ, черезъ присоединеніе къ Россіи обширныхъ областей въ Средней Азіи, мы въ военномъ отношеніи ни мало не усилились; напротивъ, только поставили себя въ необходимость, для охраны вновь присоединенныхъ владѣній, постоянно держать въ нихъ лишнихъ тысячъ двадцать войскъ, которыя съ пользою могли бы быть

(1) Заключеніе уже въ 1902-мъ году Англо-Японскаго союза служитъ новымъ доказательствомъ этого.

употреблены на одномъ изъ европейскихъ театровъ, а на Востокѣ, какъ видно, едва ли въ скоромъ времени будутъ имѣть случай совершить что либо въ смыслѣ активныхъ операцій. Между тѣмъ управленіе краемъ не мало стоитъ Россіи. Сумма дефицитовъ по Туркестану, до 1883-го года составила сто милліоновъ рублей (ревизія Ѳ. К. Гирса); несомнѣнно подобными же результатами заключаются и финансовые смѣты по Закаспійскому краю, независимо военныхъ расходовъ, въ числѣ которыхъ одна Скобелевская экспедиція противъ Геокъ-Тепе выразилась цифрою около 20 ти милліоновъ рублей. И это одни лишь матеріальныя потери: отвлеченіе на окраину столь необходимыхъ для внутренней службы государству умственныхъ и нравственныхъ силъ стоитъ значительно болѣе.

Политическая недальновидность русскаго общества и нѣкоторыхъ органовъ нашей печати почему-то привыкла считать покойнаго Гладстона однимъ изъ немногихъ въ Англіи сторонниковъ или доброжелателей Россіи. Ошибочность этого мнѣнія для насъ очевидна. Гладстонъ ни мало не былъ расположенъ сочувствовать развитію политическаго вліянія Россіи, или хотя бы только равнодушно сносить ея успѣхи на этомъ поприщѣ; не менѣе Биконсфильда или Пальмерстона ревниво оберегалъ онъ интересы своего отечества. Но, какъ патріотъ особенно разумный и не увлекающійся страстью, Гладстонъ лучше другихъ понималъ, что не на пріобрѣтеніи стратегическихъ пунктовъ зиждется благоденствіе и величіе государствъ и что чѣмъ дальше углубится Россія въ Среднюю Азію, тѣмъ болѣе она отойдетъ отъ Европы, тѣмъ труднѣе ей станетъ борьба съ послѣднею, какъ на Западѣ, такъ и на востокѣ. Не даромъ туда же т. е. въ глубь Средней Азіи толкалъ насъ и Бисмаркъ.

Полагаемъ этимъ достаточно исчерпанъ вопросъ

о значеніи нашихъ земельныхъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи.

Франко-русскій союзъ.

Обратимся къ дѣлу освобожденія русской политики отъ Нѣмецкаго вліянія, невыгоды котораго, какъ говорятъ, не разъ нами испытанныя, особенно рельефно выразились въ результатахъ Берлинскаго Конгресса.

Считаемъ излишнимъ подвергать разсмотрѣнію и повѣркѣ взаимные счеты обѣихъ сторонъ, изъ которыхъ каждая не разъ заявляла что именно она не въ мѣру благодѣтельствовала другую, и что эта послѣдняя несомнѣнно состоитъ у нея въ неоплатномъ долгу. Ни та ни другая не желала признать, что подававшій помощь вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовалъ или оберегалъ также свои собственные интересы и что оказаніе фактической поддержки иногда сопровождалось нравственными оскорбленіями, въ значительной мѣрѣ заслонявшими выгоды матерьяльныя. Повторяемъ — сведеніе по этому предмету итоговъ и баланса за періодъ весьма продолжительный, какъ дѣлалось не разъ, со вступленія на престолъ Николая I, или даже со времени большихъ Наполеоновскихъ войнъ, мы считаемъ безцѣльнымъ: мнѣнія на этотъ предметъ могутъ быть различны. Но въ отношеніи ближайшихъ, на глазахъ у насъ совершившихся событій считаемъ себя вправѣ замѣтить, что несоотвѣтствующіе принесеннымъ Россіею жертвамъ и мало удовлетворившіе ее результаты войны 1877 — 1878 годовъ слѣдуетъ приписать, какъ было уже высказано, отнюдь не случайностямъ политическихъ соглашеній или антагонизмовъ между державами, а причинамъ глубже кроющимся въ самой сущности условій народнаго развитія, въ основныхъ законахъ исторіи; что послѣдовавшіе за войною недочеты — начиная съ несоотвѣтствовавшаго желаніямъ нашимъ мирнаго договора — надо объяснить не столько ко-

варствомъ участвовавшихъ въ Берлинскомъ конгрессѣ англійскихъ и нѣмецкихъ дипломатовъ, сколько нашими же собственными ошибками: неудачнымъ опредѣленіемъ самой цѣли войны, невѣрною оцѣнкою обстановки, плохо выработаннымъ планомъ кампаніи и непослѣдовательнымъ, безпорядочнымъ, совсѣмъ неразумнымъ веденіемъ военныхъ операцій.

Такъ или иначе, все это теперь представляется дѣломъ уже оконченнымъ, въ отношеніи котораго необходимо примириться съ совершившимся фактомъ. Становясь на точку зрѣнія практическую, мы, какъ было сказано, интересуемся другимъ вопросомъ — оцѣнкою дальнѣйшихъ ходовъ русской политики послѣ Берлинскаго конгресса, въ неудачномъ исходѣ котораго, справедливо или нѣтъ, у насъ усматриваютъ измѣну и неблагодарность со стороны Германіи.

Этимъ взглядомъ весьма натурально положено было начало нашего сближенія съ Франціею. Еще Александръ II, прежде турецкой войны 1877—1878 годовъ, въ виду возобновлявшагося осложненія отношеній между Франціею и Германіею, проявилъ явное участіе къ первой, не смотря на близкое родство и многолѣтнюю тѣсную дружбу, связывавшія его съ Вильгельмомъ I. Это неоспоримо было актомъ здравой и честной политики въ которомъ только нашла конкретное выраженіе вытекавшая изъ самой природы вещей и предшествовавшихъ событій, такъ сказать уже назрѣвавшая, носившаяся въ воздухѣ идея новыхъ политическихъ комбинацій въ жизни европейскихъ государствъ.

Казалось бы, на этомъ и слѣдовало остановиться. Если Франціи сталъ бы грозить новый разгромъ, то безъ всякихъ предварительныхъ соглашеній или союзовъ, собственный интересъ Россіи, правильно понятый, долженъ былъ подвинуть послѣднюю къ оказанію первой самой энергичной, самой дѣятельной помощи, съ принесеніемъ всевозможныхъ жертвъ,

такъ какъ иначе, за полнымъ истощеніемъ боевой силы Франціи, неизбѣжно долженъ былъ послѣдовать чередъ разгрома Россіи. И наоборотъ — совершенно такую же помощь Россіи безусловно должна была оказать, изъ чувства самосохраненія, Франція, если бы отечеству нашему могло предстоять паденіе въ средѣ европейскихъ державъ до степени величины безвліятельной (quantité négligeab'e).

Повторяемъ—непремѣнная взаимнопомощь въ опасности между Россіею и Франціею была въ настоящемъ случаѣ вполнѣ обезпечена силою вещей, безъ всякихъ формальныхъ актовъ; какъ на оборотъ, изъ многихъ примѣровъ исторіи видимъ, что и скрѣпленные торжественными обѣтами союзы становились бездѣятельными или совсѣмъ распадались, коль скоро вступившія въ соглашеніе правительства усматривали вѣроятность полученія внѣ союза болѣе реальныхъ выгодъ. Россія, несвязанная никакими формальными обязательствами, сохранившая за собою полную свободу дѣйствій, право и возможность бросить двухмилліонную армію на любую чашку вѣсовъ политическаго состязанія, представлялась въ средѣ европейскихъ державъ носителемъ грозной матеріальной силы. Вильгельмъ II по вступленіи своемъ на престолъ, первымъ визитомъ къ Петербургскому двору, такъ сказать санкціонируетъ значеніе этой силы. Но въ полной мѣрѣ утилизировать ее на почвѣ реальныхъ выгодъ можно было не внѣшними союзами, а развитіемъ внутри государства свободнаго умственнаго труда и гражданской честности, — словомъ духовнаго элемента, который бы могъ стать опорою силы матерьяльной. Вмѣсто этого начинаемъ мы заигрыванья съ Франціею, скрѣпленіе, если можно такъ выразиться, невещественныхъ отношеній расчитанными на показъ ходами. Трескучія слова, стадныя завыванія толпы въ Кронштатѣ, Москвѣ, Тулонѣ, Парижѣ, завершаются пріѣздомъ самодержца въ сто-

лицу республики и подписаніемъ предрѣшеннаго уже этимъ пріѣздомъ формальнаго акта. Договоръ, сколько можно судить по всему за нимъ послѣдовавшему, до сихъ поръ едва ли принесъ Россіи что либо существенное въ области внѣшней политики; а самый процессъ заключенія его, при здравомъ, неослѣпленномъ блестками взглядѣ, скорѣе можно счесть обиднымъ для нашего національнаго самолюбія: нашъ государь первый ѣдетъ на поклонъ республикѣ, которая съ своей стороны разрѣшаетъ президенту актъ отвѣтной вѣжливости очевидно только подъ условіемъ приданія въ Петербургѣ конкретной формы, несомнѣнно и безъ того уже успѣвшему окрѣпнуть, сознанію обѣими державами полной солидарности ихъ важнѣйшихъ интересовъ. Полагаемъ, съ увѣренностью можно сказать, что если бы не состоялось въ Парижѣ предварительное соглашеніе о подписаніи союзнаго акта, то правительство республики, такъ или иначе, нашло бы причины не отпустить президента въ Петербургъ. Дѣло явно представляется слѣдовательно въ такомъ видѣ, что не Франція заискивала передъ нами, прося о формальномъ скрѣпленіи соглашенія, а что мы обратились къ ней съ челобитною, что она лишь благосклонно согласилась на отвѣтный поклонъ, предварительно потребовавъ за него реальной уплаты, и что настоятельное требованіе ея было послушно исполнено. Повторяемъ — въ случаѣ серьезной угрозы существеннымъ интересамъ той или другой державы, онѣ и безъ того должны были помогать другъ другу. Содержаніе союзнаго договора во всемъ его объемѣ неизвѣстно. Но онъ, очень можетъ быть, заключаетъ въ себѣ и еще какія либо обязательства, гарантіи взаимопомощи въ случаяхъ не только самозащиты, но и агресивныхъ предпріятій одной изъ державъ, вовсе не обѣщающихъ особыхъ выгодъ другой. Обѣ, слѣдовательно, подписавъ договоръ, только поступились долею независимости своей въ между-

народныхъ отношеніяхъ, безъ явной къ тому необходимости, отчасти для цѣлей можетъ быть гадательныхъ и эфемерныхъ, какими не разъ увлекались и самые даровитые государственные люди во внѣшней политикѣ.

За симъ, хотя сознаемъ что своеобразные взгляды наши могутъ вызвать со стороны многихъ весьма строгую критику, тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ высказать нѣсколько сужденій о возможности косвеннаго вліянія французской дружбы на внутреннее управленіе Россіею, какъ опасаемся, въ смыслѣ далеко для насъ неблагопріятномъ.

Допустимъ — пусть значеніе наше въ международной политикѣ этою дружбою упрочивается, пусть франко-русскій союзъ является силою, съ которою другіе обязаны будутъ считаться, пусть голосъ самодержца, опирающагося на трехмилліонную свою и столь же сильную союзную армію, станетъ рѣшающимъ въ европейскомъ концертѣ. Но кроется ли въ этомъ благо нашего отечества — вопросъ совершенно иной.

Недавнее обновленіе Россіи послѣдовало за Севастопольскимъ погромомъ, Пруссіи — за Іенскимъ пораженіемъ. Вообще народъ не ослѣпленный внѣшнимъ блескомъ болѣе способенъ вдуматься въ задачи своей внутренней жизни и отдаться ихъ выполненію. Къ нашему положенію это особенно примѣнимо. Если бы продолжали мы стоять изолированно, передъ связаннымъ узами свободныхъ учрежденій концертомъ европейскихъ державъ, то мы скорѣе увѣровали бы въ необходимость сближенія съ ними на почвѣ тѣхъ же учрежденій, скорѣе уразумѣли бы, что источникъ нашей изолированности кроется не въ безпричинной непріязни къ намъ, не въ предвзятомъ антагонизмѣ, не въ случайной и внѣшней обстановкѣ, а во внутреннихъ свойствахъ нашей жизни. Чувство самосохраненія можетъ быть заставило бы насъ обратиться

къ внутреннимъ реформамъ, какъ было послѣ несчастной Крымской войны. Если бы и не совсѣмъ изолировано стояли мы, а сложились бы обстоятельства такъ, что намъ пришлось бы вступить въ союзъ съ конституціонными Германіей или Аястріей, то и это представляло бы болѣе данныхъ для поворота нашей внутренней жизни на разумный путь, чѣмъ сближеніе съ Франціей. Слѣдованіе однимъ и тѣмъ же путемъ во внѣшней политикѣ естественно наводитъ на мысль о сближеніи и на почвѣ внутренняго устройства; но на этой почвѣ очевидно легче и вѣроятнѣе сближеніе самодержавнаго правительства съ конституціоннымъ-монархическимъ чѣмъ съ республиканскимъ. Если союзникъ мой Вильгельмъ или Францъ-Іосифъ, естественно было бы сказать русскому царю, можетъ править, пользоваться почетомъ и вліяніемъ, признавая права народа, то отчего не могъ бы такъ же править и я? Во всякомъ случаѣ до такой степени поступаться своей властью для меня легче чѣмъ, подобно другу моему Фору, или Лубэ, рисковать черезъ шесть лѣтъ быть выброшеннымъ изъ дворца на улицу. (1) Стать монархомъ конституціоннымъ для самодержца возможно, чему и были примѣры; обратиться въ президента республики — совершенно немыслимо. Въ союзѣ, какомъ бы ни было, все же было бы желательно видѣть нравственный принципъ; между тѣмъ нельзя не сознаться, что въ союзѣ автократа съ республикой такой принципъ совершенно отсутствуетъ. Основаніе франкорусской дружбы заключается въ стремленіи обезпечить за собою перевѣсъ грубой, матерьяльной силы, и отнюдь ни въ чемъ иномъ. Когда сосѣдъ, обернувшись ко мнѣ

(1) Спѣшимъ оговориться, что мы отнюдь не возражаемъ противъ сближенія Россіи съ Франціей, при тѣхъ условіяхъ, въ какія сложились современныя отношенія европейскихъ государствъ между собою; но не можемъ не сожалѣть, что именно такъ, а не иначе сложились они.

грудью, занесетъ надо мною кулакъ, то ты пырнешь его въ спину — вотъ все что въ сущности союзники другъ отъ друга требуютъ, что обѣщаютъ другъ другу. Самодержецъ, поставившій во главѣ своей внѣшней политики союзъ съ республикою, значитъ уже махнулъ рукою на всѣ принципы: твори у себя что хочешь, только держи наготовѣ кулакъ и выручай въ бѣдѣ, больше мнѣ ничего не нужно. Тѣмъ же обратно отвѣчаетъ и республика союзнику-самодержцу. Положимъ, вмѣшательство одного государства во внутреннія дѣла другого составляетъ принципъ отжившій и теперь уже никѣмъ не одобряется. Но нельзя приравнивать невмѣшательство къ полному политическому индифферентизму. Между тѣмъ Франція расточала эпитеты „мудрѣйшаго изъ государей“, „лучшаго изъ людей“ Александру III, въ то время какъ онъ наносилъ одинъ за другимъ удары великимъ реформамъ своего отца; Франція устроила небывалый тріумфъ Николаю II немедленно вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ родственнымъ благоволѣніемъ прикрылъ попустителя массовыхъ убійствъ на Ходынскомъ полѣ. Это-ли не полное отреченіе отъ всякой нравственной идеи въ политикѣ? Неужели французъ, честно исповѣдующій великіе принципы 1789 года, въ глубинѣ души своей не чувствовалъ протестовъ чего-то стоящаго выше всѣхъ политическихъ расчетовъ, когда, подхваченный волною стаднаго увлеченія, оглашалъ онъ воздухъ неистовыми кликами въ честь самодержца, подъ звуки противоестественнаго сочетанія „марсельезы“ и набожныхъ возгласовъ обращенныхъ къ Богу-хранителю?! Станетъ ли и у насъ на Руси человѣкъ, разумно относящійся къ благу отечества, радоваться овиціямъ ослѣпляющимъ и усыпляющимъ совѣсть того, чья неограниченная власть держитъ подъ гнетомъ тяжелой пагубной ферулы судьбы ста милліоновъ русскихъ?!!

Истинныя причины почитанія Европою личности Александра III.

Послѣ всего сказаннаго о внѣшней политикѣ Россіи за послѣднее двадцатилѣтіе, вполнѣ естественно однако задать вопросъ: чѣмъ же въ такомъ случаѣ вызвано было видимое уваженіе Европы къ Александру III, выразившееся между прочимъ въ расточаемыхъ ему, даже серьезными органами европейской печати, похвалахъ, какъ Государю „Миротворцу“

На это позволимъ себѣ отвѣтить, что по нашему мнѣнію, извѣстная степень почитанія Европою особы опочившаго въ 1894-мъ году царя имѣетъ источникомъ не столько наличность положительныхъ въ немъ качествъ, сколько отсутствіе имѣющихъ серьезное значеніе свойствъ отрицательныхъ. Въ Европѣ знаютъ, что одного слова возведеннаго Россіею въ культъ, ничѣмъ не сдержаннаго царскаго самовластія было бы достаточно для того, чтобы безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, даже внѣ расчетовъ собственнаго интереса, или внушеній здраваго смысла, двинуть на Западъ милліонныя полчища, и тѣмъ произвести страшный, хотя бы и кратковременный переполохъ въ мирномъ теченіи жизни; а зная это, натурально не могутъ не цѣнить самодержца, по всѣмъ даннымъ далеко не желавшаго произнести такое слово. Цѣнятъ слѣдовательно не блага будто бы приносимыя русскимъ самодержавіемъ; радуются лишь отсутствію золъ, которыя могло бы оно излить на европейскую культуру.

Вопросъ объ упроченіи русскихъ финансовъ.

Обратимся теперь ко второму изъ приписываемыхъ Александру III благодѣяній — къ обсужденію финансовыхъ мѣропріятій, при немъ получившихъ начало и до сихъ поръ продолжаемыхъ тѣми же людьми въ томъ же направленіи.

Цифровыя данныя изъ государственныхъ росписей 1898—1899 годовъ.

Прежде всего остановимся на главныхъ цифровыхъ данныхъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ министра финансовъ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1898—1899 годы, — годы совпавшіе съ недавнею денежною реформою.

Роспись на 1898-й годъ оказывается сведенною съ превышеніемъ на 14 слишкомъ милліоновъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами, и въ общемъ безъ дефицита, не смотря на 124 милліона расходовъ чрезвычайныхъ. Точно также по росписи на 1899-й годъ ожидаемые обыкновенные доходы превышаютъ обыкновенные расходы почти на $6^1/_2$ милліоновъ и въ общемъ опять дефицита не предвидится, не смотря на исчисленіе чрезвычайныхъ расходовъ въ суммѣ 109 милліоновъ рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно упомянутымъ докладамъ министра, къ концу 1897-го года количество золота въ государственномъ банкѣ и государственномъ казначействѣ увеличилось противъ 1896-го года на 109 милліоновъ. (1.315 мил. вмѣсто 1.206-ти мил. рублей), не смотря на выпускъ въ обращеніе 118-ти мил. золотой монеты (155 мил. вмѣсто 37-ми мил. бывшихъ въ обращеніи къ концу 1896-го года) и на уменьшеніе въ обращеніи и въ кассахъ госуд. банка и госуд. казначейства суммы кредитныхъ билетовъ на 122 мил. (999 мил. вмѣсто 1.121 мил. бывшихъ къ концу 1896-го года). Къ концу 1898-го года количество золота въ госуд. банкѣ и госуд. казначействѣ правда уменьшилось на 169 мил. рублей (1.146 мил. вмѣсто 1.315), но за то сумма его въ обращеніи увеличилась на 290 мил. (445 мил. вмѣсто 155-ти мил.), а сумма кредитныхъ билетовъ въ обращеніи и кассахъ уменьшилась на 274 мил. рублей (725 мил. вмѣсто 999-ти мил. бывшихъ къ концу 1897-го го-

да). Положеніе повидимому блестящее и такимъ находитъ его самъ министръ финансовъ.

Громадныя превышенія суммы дѣйствительныхъ поступленій надъ расходами. Рескриптъ 24 февр. 1898-го года.

Мы взяли, какъ находящіяся подъ рукою, данныя только за два вышеозначенные года. Но опредѣляемое приведенными цифрами блестящее положеніе было подготовлено финансовыми мѣрами почти что десятка лѣтъ предшествовавшихъ. Какъ извѣстно, исполненіе государственной росписи въ теченіе десяти или болѣе лѣтъ до 1887-го года обыкновенно заканчивалось дефицитами, превышеніемъ, иногда и весьма значительнымъ, суммы расходовъ надъ поступленіемъ доходовъ. Съ появленіемъ во главѣ финансоваго управленія другой личности дѣло получаетъ иной оборотъ: то что не умѣлъ, или по убѣжденіямъ своимъ не находилъ возможнымъ, исполнить министръ-профессоръ, безъ затрудненія совершаетъ министръ-практикъ. Смѣнившій этого послѣдняго новый министръ продолжаетъ дѣло предшественника, и какъ человѣкъ молодой, полный энергіи, если возможно еще болѣе практическій, достигаетъ самыхъ рѣшительныхъ, выдающихся въ томъ же смыслѣ результатовъ.

Изъ вышесказанныхъ приходо-расходныхъ росписей на 1898-й—1899-й годы видно, что весьма крупныя суммы чрезвычайныхъ расходовъ (124 и 109 мил. рублей)—не смотря на относительно-небольшіе избытки доходовъ по исчисленіямъ обыкновенныхъ смѣтъ (14 и 6 $^1/_2$ мил.) и незначительныя поступленія доходовъ чрезвычайныхъ (4 и 3,3 мил.) — не вызвали дефицитовъ и не потребовали займовъ собственно потому, что общій недостатокъ доходовъ по сравненію съ расходами былъ оба раза восполняемъ весьма крупными пособіями изъ свободной наличности Государственнаго Казначейства (106 и 99 мил.

рублей). Это самое имѣло мѣсто и въ предшествовавшіе годы: еще въ управленіе русскими финансами Вышнеградскаго дѣйствительное поступленіе обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ стало очень превышать смѣтное исчисленіе ихъ, и особенно со вступленія въ должность нынѣшняго министра стало превышать въ столь значительной мѣрѣ, что за время управленія его съ 1893-го по 1898-й годъ, общій избытокъ дѣйствительно поступившихъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ произведенными обыкновенными же расходами выразился суммою болѣе 600 мил. рублей, изъ которой и были покрыты всѣ крупные расходы чрезвычайные, какъ свидѣтельствуетъ Высочайшій рескриптъ на имя министра финансовъ, данный 24 февраля 1898-го года.

Дѣйствительное значеніе крупныхъ остатковъ по исполненію Государственной росписи.

Не много однако нужно свѣденій въ финансовой наукѣ и проницательности для того, чтобы оцѣнить истинное значеніе этихъ кажущихся успѣховъ и понять, что въ отношеніи упроченія экономическаго положенія приводимыя въ докладахъ министра цифры представляютъ собою не болѣе какъ миражъ, самообманъ.

Весьма крупные годовые остатки, до 100 и болѣе милліоновъ рублей, по исполненію нашей государственной росписи, обычно-сводимой по смѣтнымъ предположеніямъ лишь съ незначительнымъ избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами, составляютъ такой фактъ, къ которому только полное непониманіе дѣла можетъ относиться съ одобреніемъ, что не разъ и указывалось солидными органами нашей прессы. Тогда какъ при здравой оцѣнкѣ положенія, въ подобныхъ крупныхъ остаткахъ надо усмотрѣть ничто иное какъ результатъ неспособности, или нежеланія съ точностью, сколько нибудь близкою къ дѣйствительности, предвидѣть и опредѣлить раз-

мѣры предстоящихъ въ смѣтномъ году поступленій и расходовъ. Происходитъ ли это отъ недостаточности собираемыхъ для составленія смѣты данныхъ, отъ небрежности или умышленнаго сокрытія истины, во всякомъ случаѣ такія смѣты являются лишь праздною, безполезною и даже вредною игрою въ цифры и выкладки. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ и составлять смѣты, когда онѣ не оправдываются въ размѣрѣ десятой или даже восьмой, седьмой своей части? При такомъ порядкѣ составленія смѣтъ и при возможности декретировать налоги по личнымъ докладамъ министра, или путемъ предоставленія ему широкихъ полномочій, безъ участія законодательнаго учрежденія, – управлять финансами государства не трудно: нужна только извѣстная ловкость, а главное — ни передъ чѣмъ не останавливающаяся смѣлость, какъ у насъ теперь и есть. При составленіи смѣты, требованія расходовъ необходимѣйшихъ, на потребности самыя насущныя, урѣзываются или совсѣмъ устраняются; а поступленія ожидаемыя, какъ говорятъ — въ видахъ вящей осторожности, показываются въ такихъ количествахъ, которыя, какъ тогда уже можно предвидѣть, будутъ значительно превышены дѣйствительностью. Такимъ образомъ является вполнѣ обезпеченнымъ полученіе, къ концу смѣтнаго года, весьма значительнаго остатка, который и можетъ быть обращенъ на любую фантазію, безъ всякаго обсужденія на сколько таковая соотвѣтствуетъ потребностямъ государства, предпочтительно передъ устраненными при составленіи смѣты явно необходимыми расходами.

Слѣдуя этой системѣ, можно пожалуй довести остатокъдо $^1/_4$, $^1/_3$ даже до половины итога всѣхъ ожидаемыхъ поступленій. Предположимъ напримѣръ, что по всѣмъ министерствамъ расходовъ на смѣтный годъ испрашивается 1000 милліоновъ рублей. Министръ финансовъ заявляетъ, что по собраннымъ у

него даннымъ, доходовъ при соблюденіи въ исчисленіи вящей осторожности, можно ожидать въ суммѣ около 700 мил., потому, чтобы не довести до полного разстройства финансы государства, испрашиваетъ установленія новыхъ налоговъ, при сокращеніи требуемыхъ расходовъ на сумму примѣрно 300 мил. рублей. Министръ выражаетъ надежду, что благодаря этимъ мѣрамъ и всевозможной бережливости, смѣтный годъ можно будетъ заключить безъ дефицита. На дѣлѣ оказывается однако, что доходовъ поступаетъ не 700, а 900 мил. (какъ хорошо исчислилъ министръ про себя уже при самомъ составленіи смѣты); да новые налоги, отъ которыхъ, по осторожному исчисленію министерства, ожидалось лишь небольшое прибавленіе къ доходамъ, дали въ дѣйствительности до 100 мил. Оказывается слѣдовательно въ поступленіи 900+100=1000 мил. въ расходѣ 700 мил. и смѣтный годъ, въ которомъ опасались дефицита, заканчивается остаткомъ въ 300 милліон.— полное торжество министра, истиннаго мага и волшебника.

Разумѣется взятыя для примѣра цифры составляютъ шаржъ. Но полагаемъ онъ не мало способствуетъ уясненію дѣла, даже для непосвященныхъ въ тайны финансовой магіи.

Въ сущности вѣдь именно это совершается у насъ по министерству финансовъ, за все управленіе Витте, начавшись еще при Вышнеградскомъ. Съ назначенія Витте (1), какъ сказано въ упомянутомъ рескриптѣ 24-го Февраля, по 1898-ой годъ обыкновенные государственные доходы превысили обыкновенные расходы на сумму за все время болѣе 600 милліон. рублей, и этимъ самымъ путемъ соблюденія экономіи предлагаетъ министру слѣдовать впредь неизмѣнно благосклоненный и „благодарный“ самодержецъ. Но

(1) Осенью 1892-го года.

развѣ остатки эти могъ бы назвать сбереженіемъ или экономіею любой неотуманенный финансовой мудростью человѣкъ? Сколочены эти 600 или болѣе милліоновъ, какъ явно неразумнымъ путемъ устраненія необходимыхъ расходовъ, такъ установленіемъ ряда новыхъ налоговъ, тогда какъ и подъ бременемъ прежнихъ уже изнемогало населеніе. Въ странѣ гдѣ смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ разумно обсуживаются, въ случаѣ заключенія финансоваго года съ остаткомъ въ 100 – 150 милліон. при доходномъ бюджетѣ въ 1000 мил. министру финансовъ за это спасибо не сказали бы. Напротивъ, спросили — почему это не было предвидѣно, и потребовали бы безотговорочнаго уменьшенія налоговъ въ слѣдующемъ году на сумму соотвѣтствующую и полученному уже и предвидимому сбереженію. (1) У насъ остатки составляющіе сотни милліоновъ, въ тишинѣ, безъ разсужденій, зачислялись въ такъ называемую свободную наличность Государственнаго Казначейства.

Свободная наличность Государственнаго Казначейства. Явный вредъ подобныхъ накопленій.

Пора однако спросить — что такое въ сущности представляетъ собою эта свободная наличность. Вѣдь если она заключаетъ въ себѣ нѣчто реальное, т. е. если какими нибудь таинственными путями не получаетъ неизвѣстныхъ намъ назначеній и существуетъ въ дѣйствительности, то это ни что иное какъ непроизводительно лежащій капиталъ, — капиталъ достигшій, какъ въ рескриптѣ 24-го Февраля сказано, болѣе 600 мил. рублей, въ то время какъ на 600 мил. заграничнаго или внутренняго долга мы ежегодно платимъ не менѣе 25 мил. рублей процентовъ.

(1) Такъ было въ Англіи при послѣднемъ министерствѣ Гладстона, когда смѣтный годъ закончился остаткомъ всего въ 2 мил. фунт. стерл.

Отчего же въ такомъ случаѣ не погашается долгъ въ размѣрѣ означенной суммы? Могутъ пожалуй возразить, что такіе остатки никогда не лежали полностью въ сундукахъ казначейства, что они, какъ только опредѣлялись, вслѣдъ за этимъ и расходовались на экстренныя государственныя надобности. Но въ этомъ-то, по нашему мнѣнію, и заключается еще большее зло; какъ уже было упомянуто, министръ отклонившій при составленіи смѣты явно необходимые расходы, затѣмъ въ теченіе года не затрудняясь предоставляетъ средства на исполненіе предположеній внезапно возникшихъ, или по крайней мѣрѣ солидно не обсуженныхъ и не провѣренныхъ, — свободно предоставляетъ потому, что не только имѣетъ въ своемъ распоряженіи неизвѣстные другимъ вѣдомствамъ свободные ресурсы, но уже при составленіи смѣты былъ про себя вполнѣ увѣренъ въ весьма крупныхъ поступленіяхъ, далеко превышающихъ заявленныя Государственному Совѣту исчисленія. Въ результатѣ оказывается, что сокращаются до минимума напримѣръ отпуски на насущную духовную пищу народа — на его образованіе, и тратятся сотни милліоновъ на потребности далеко не безспорной важности. Таковы хотя бы поименованные въ самомъ рескриптѣ 24-го февраля: расходы на сооруженіе великаго Сибирскаго желѣзнаго пути, въ полезности котораго (разумѣется говоря относительно) позволительны сомнѣнія уже въ виду одного того, что непремѣнное желаніе главы государства связать свое имя съ его постройкою стало общеизвѣстнымъ прежде чѣмъ успѣлъ свободно высказаться хотя одинъ членъ Комитета, призваннаго къ обсужденію дѣла; или уплата части долга казны государственному банку въ видахъ завершенія денежной реформы, которая, можетъ быть, именно благодаря этому обстоятельству, исполнена (какъ будетъ подробнѣе выяснено вслѣдъ за симъ) совсѣмъ на-скоро, по докладамъ

министра, безъ надлежащаго ея обсужденія. Наконецъ апогеемъ иллюстрацій къ высказываемымъ здѣсь положеніямъ является связанное съ упомянутымъ рескриптомъ распоряженіе: въ то время когда девять губерній несомнѣнно голодаютъ и когда народъ, несмотря на то, душатъ сборомъ податей, предписывается чрезвычайный изъ того же источника отпускъ девяноста милліоновъ на усиленіе средствъ судостроенія, однимъ почеркомъ пера, по докладу Генералъ-адмирала, только что уличеннаго (какъ уже было упомянуто) въ неправильномъ расходованіи судостроительныхъ суммъ. (1)

Значеніе рескрипта 24-го февраля. Послѣдствія взглядовъ его внушившихъ.

По поводу упомянутаго рескрипта невольно задаешься вопросомъ — какъ только въ средѣ близко стоящихъ къ государю не нашлось разумныхъ совѣтниковъ, которые удержали бы его отъ изданія такого акта, совершенно наглядно обличающаго и отсутствіе государственныхъ познаній у самого монарха, и полное игнорированіе его министромъ основныхъ началъ государственной экономіи, и явное безучастіе, чтобы не сказать попустительство въ финансовыхъ вопросахъ со стороны членовъ Государственнаго Совѣта, также какъ и Государственнаго Контроля. Рескриптъ этотъ по истинѣ представляетъ собою неумолимый обвинительный актъ, который уже ничто не можетъ изъять изъ исторіи царствованія Николая II. Кстати сказать — въ Германіи правительство также настойчиво стремится къ усиленію флота, но какъ труденъ путь его къ намѣченной цѣли, какіе долгіе, серьезные дебаты этому

(1) Ко всѣмъ возраженіямъ противъ единовременнаго ассигнованія означенной крупной суммы надо еще прибавить, что очевидно въ одинъ годъ не могли мы производительно израсходовать 90 мил. на судостроеніе, равно подготовить соотвѣтствующій такому усиленію флота личный составъ служащихъ на немъ.

предшествуютъ. Иначе и быть не можетъ при установившемся, осмысленномъ порядкѣ государственнаго хозяйства: готовыя свободныя деньги въ количествѣ сотенъ милліоновъ не лежатъ въ казначействѣ; ихъ надо добыть путемъ сбереженій по другимъ статьямъ, или новыхъ налоговъ, или займа. Для того, другого или третьяго надо получить согласіе компетентнаго учрежденія, гдѣ дѣло тщательно, всесторонне обсуживается. Безъ сомнѣнія и главѣ государства и министру финансовъ гораздо легче, удобнѣе, когда безъ такихъ дебатовъ, назойливыхъ запросовъ и обязательныхъ объясненій можно обойтись; когда на всякое желаніе монарха, требующее расхода, министръ неизмѣнно отвѣчаетъ: „какъ угодно В. Величеству, деньги всегда готовы“. Но такой порядокъ не только наноситъ явные ущербы въ настоящемъ, давая поводъ къ необузданной расточительности; онъ еще горшею бѣдою отзывается въ послѣдствіи, подтачивая самые устои политическаго и нравственнаго долга во всѣхъ верхнихъ слояхъ государственнаго организма. Глава государства привыкаетъ къ несдержаннымъ тратамъ на всякую свою фантазію: на совсѣмъ неосмысленную, будто-бы патріотическую выставку (въ Нижнемъ-Новгородѣ), на разныя безцѣльныя скитанія за границею и внутри государства, на подарки въ 200 и 300 тысячъ рублей пресмыкающимся слугамъ и т. п., не говоря объ упомянутыхъ выше крупныхъ расходахъ, имѣющихъ все же нѣкоторое подобіе производительности. Министры съ своей стороны убѣждаются, что наилучше разработанные доклады ихъ остаются безъ результата, если не обезпечивается ихъ успѣхъ негласною, при обмѣнѣ услугъ, сдѣлкою съ министромъ финансовъ, потому утверждаются въ мнѣніи, что знаніе, трудъ значенія не имѣютъ и что только ловкостью достигаются намѣченныя цѣли. Болѣе всего этимъ взглядомъ проникается самъ министръ финан-

совъ, становящійся, при извѣстной изворотливости, неограниченнымъ господиномъ положенія. Широкія, ничѣмъ не контролируемыя царскія подачки вносятъ наконецъ развратъ въ среду всего персонала служащихъ, успѣвшихъ или хотя бы только питающихъ надежду такъ или иначе приблизиться къ престолу. Одному дали 200 тыс., другому 300 т. — дали безъ всякихъ справокъ и сравненій съ прежними примѣрами, по одному лишь докладу министра финансовъ, что деньги на это есть, — такъ отъ чего же не могутъ, думаетъ про себя каждый, дать и мнѣ, если съумѣю угодить самому, или одной изъ близкихъ ему особъ, а преимущественно министру-подателю благъ. Зачѣмъ добросовѣстный, истощающій силы трудъ въ служебной или частной дѣятельности, тѣмъ болѣе зачѣмъ распинаться за правду: все это глупости, наивныя бредни; нужно только поддерживать отношенія, умѣть угодить, понравиться, хотя бы до нельзя разстраивая на это свое собственное достояніе— и въ концѣ концовъ все вернется отъ щедротъ царскихъ.

Такова на самомъ дѣлѣ и есть въ настоящее время наша служебная и общественная мораль. Оттого безслѣдно пропускаются всякія темныя дѣлишки лицъ высокопоставленныхъ. Оттого съ неимовѣрною смѣлостью испрашиваютъ министры сотни тысячъ на возведеніе для себя жилищъ (вмѣсто беззастѣнчиво захваченныхъ предмѣстниками) или на перестройку таковыхъ, отдѣлку и меблировку присвоенныхъ имъ чертоговъ. Такимъ образомъ расходуется капиталъ Дворянскаго Банка на необезпеченныя ссуды аристократамъ, имѣющимъ какіе либо ходы къ министру финансовъ. Оттого, можно быть увѣреннымъ, и проходятъ безъ заслуженныхъ порицаній безобразныя смѣты министерства финансовъ въ Департаментѣ Государственной Экономіи и Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.

Безсмѣтное въ дѣйствительности хозяйничанье по Министерству Финансовъ. Неимовѣрный ростъ расходовъ по этому министерству.

По этому предмету, какъ видно, не выяснилъ надлежащимъ образомъ никто изъ засѣдающихъ въ названномъ учрежденіи, что зачисленіе въ наличность государственнаго казначейства, оказывающихся по заключеніи годовой росписи свободными, остатковъ по 100 и по 150 милліоновъ — означаетъ въ сущности веденіе государственнаго хозяйства безъ предварительнаго составленія смѣты, по одному лишь приблизительному исчисленію. По вышесказаннымъ причинамъ также, надо полагать, не было обращено должнаго вниманія на необычайный ростъ расходовъ по министерству финансовъ, достигшихъ по смѣтѣ на 1898-ой годъ суммы болѣе 211 мил. рублей, тогда какъ на народное просвѣщеніе было назначено всего около $26^1/_2$ мил. и на содержаніе нашей громадной арміи, со всѣми ея заведеніями, крѣпостями, сооруженіями, запасами около 289-ти милліоновъ.

Вѣдь это значитъ, что мы содержимъ почти что такую же вторую армію кабатчиковъ, разныхъ надсмотрщиковъ, контролеровъ, надзирателей, податныхъ инспекторовъ — армію, дѣятельность которой представляется по меньшей мѣрѣ не соотвѣтствующею расходу на ея содержаніе; а при здравой оцѣнкѣ и положительно вредною, какъ элементъ вносящій въ экономію народной жизни крайнее усиленіе административной опеки, выражающейся въ надзорѣ и вмѣшательствѣ вновь созданнаго сонма чиновниковъ.

Неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, зависимость отъ произвола администраціи, полагаемъ, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ относительно слабаго у насъ развитія промышленности, первый залогъ котораго заключается въ духѣ предпріимчивости частныхъ лицъ, въ ихъ готовности къ самостоятельному труду на

свой рискъ и страхъ. Ни того, ни другого у насъ, какъ видно, быть не можетъ. Обвиняютъ нашихъ предпринимателей въ нежеланіи ихъ работать иначе какъ въ расчетѣ на большой процентъ, достигающій въ годъ четверти капитала и болѣе. Но стремленіе именно такъ вести дѣло весьма естественно, когда всѣ соображенія и расчеты могутъ оказаться несостоятельными подъ вліяніемъ совершенно неожиданнаго налога, или министерскаго распоряженія идущаго въ разрѣзъ съ насущными потребностями производства, или наконецъ каприза одного изъ низшихъ агентовъ власти, не выходящаго изъ рамокъ предоставленнаго ему широкаго права вмѣшательства. Надо хватать въ этомъ, въ будущемъ году по 25%, спѣшить въ виду того, что на третій годъ пожалуй придется все закрыть или работать въ убытокъ.

На основаніи того, что случалось видѣть вблизи, смѣло заявляемъ: дайте намъ подоходный налогъ; пусть придется платить вдвое, вчетверо больше, лишь бы могли мы сдѣлать свои расчеты на пять, на десять лѣтъ впередъ, не опасаясь ежедневно случайности административнаго произвола, или неимовѣрной шаткости законодательства.

Денежная реформа. Переходъ къ металическому обращенію по докладу министра и обсужденіе въ законодательномъ порядкѣ послѣдующихъ мѣръ.

Переходя къ вопросу объ упроченіи металическаго денежнаго обращенія и устойчивости денежной единицы, нельзя не признать, что предпринятая по этому предмету реформа, какъ было уже упомянуто, совершилась съ неимовѣрною поспѣшностью, безъ обсужденія дѣла въ высшемъ законодательномъ учрежденіи. Прямо по докладу министра, указомъ устанавливается чеканка новой золотой монеты семи съ половиною и пятнадцати рублеваго достоинства, по вѣсу золота и размѣру вполнѣ тождественной съ прежними имперіалами (въ 10 р.) и по-

луимперіалами (въ 5 р); т. е. съ легкимъ сердцемъ совершается актъ девальваціи находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, составляющій въ сущности ни что иное какъ признаніе государственнаго банкротства. Только по воспослѣдованіи этого важнѣйшаго государственнаго акта, вносится министромъ финансовъ въ Государственный Совѣтъ записка о мѣрахъ къ дальнѣйшему урегулированію денежнаго обращенія, которыя мѣры (какъ объяснила всегда хорошо освѣдомленная газета „Новое Время“) должны были заключаться въ установленіи положеній: 1) объ эмисіонной операціи Государственнаго банка 2) о выпускахъ кредитныхъ билетовъ 3) о величинѣ золотого фонда на обезпеченіе ихъ размѣна 4) объ отношеніяхъ государственнаго контроля къ финансовымъ операціямъ Государств. банка и Государственнаго Казначейства.

При обсужденіи означенной записки (все по свѣденіямъ той же газеты) мнѣнія членовъ Государственнаго Совѣта раздѣлились, съ превышеніемъ на сторонѣ большинства только двухъ голосовъ (20 противъ 18-ти). Большинство, въ составѣ котораго оказался и самъ внесшій записку министръ, находило несвоевременнымъ установленіе и даже обсужденіе вышесказанныхъ положеній, говоря, что за утвержденіемъ уже главныхъ основаній реформы денежнаго обращенія, спѣшности въ этомъ не предвидится, а что между тѣмъ опытъ нѣсколькихъ лѣтъ можетъ дать полезныя указанія для наиболѣе цѣлесообразнаго установленія предполагаемыхъ мѣръ. Меньшинство же настаивало на томъ, что именно теперь непремѣнно надлежитъ обсудить и установить всѣ означенныя положенія, какъ заключающія въ себѣ существеннѣйшія и безусловно необходимыя гарантіи правильнаго денежнаго обращенія въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что для основательной разработки сказанныхъ положеній имѣется вполнѣ достаточный матерьялъ

въ примѣрѣ другихъ государствъ, — примѣрѣ, къ которому нашъ собственный опытъ нѣсколькихъ лѣтъ едва ли можетъ прибавить какія либо полезныя данныя. Ловкій, находчивый министръ хорошо понялъ, что при такомъ направленіи мнѣній въ Государственномъ Совѣтѣ, внесенный имъ проектъ постановленій очевидно пройти не можетъ, потому поспѣшилъ взять свою записку назадъ; при чемъ, опираясь на большинство, тутъ-же испросилъ себѣ право: о принятіи частныхъ по денежному обращенію мѣръ, которыя оказались бы настоятельными или полезными, представлять личными его—министра докладами всякій разъ особо на Высочайшее Государя Императора разрѣшеніе, — въ теченіе всего времени, предоставленнаго ему-министру для переработки взятаго назадъ проекта.

Предоставленіе дальнѣйшаго развитія дѣла лично министру финансовъ.

Такимъ образомъ министръ финансовъ, въ теченіе неопредѣленнаго, и можетъ быть весьма долгаго срока, до утвержденія подлежащихъ переработкѣ положеній по означенному предмету, оказывается единственнымъ и полнымъ хозяиномъ дѣла: прикрываясь санкціею верховной власти, онъ можетъ декретировать всякую по денежному обращенію мѣру, безконтрольно, если онъ лично, по своему соображенію, можетъ быть и ошибочному, признаетъ ее полезною.

Правомъ этимъ министръ и не замедлилъ воспользоваться: уже безъ всякой попытки предварительнаго обсужденія дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, послѣдовалъ указъ относительно размѣра золотого фонда, служащаго обезпеченіемъ находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ. Какъ извѣстно, при выпускѣ этихъ послѣднихъ въ обращеніе до суммы 600 мил. рублей, золотое обезпеченіе опредѣлено въ

половинномъ размѣрѣ т. е. въ 300 милліоновъ; при дальнѣйшихъ выпускахъ — рубль за рубль.

Отсутствіе гарантій въ устойчивости какъ установленной валюты, такъ и обезпечивающаго обращеніе фонда.

Обезпеченіе это нельзя не признать весьма солиднымъ и значительно превышающимъ опредѣлившееся практикою прежнихъ порядковъ. Тѣмъ не менѣе привѣтствовать эту мѣру нельзя, именно потому что она составляетъ продуктъ единоличнаго усмотрѣнія. До поры до времени все обстоитъ благополучно. Золота у насъ много, сумма его въ государственномъ банкѣ и государственномъ казначействѣ значительно больше чѣмъ сумма кредитокъ въ обращеніи; казначейства безпрепятственно выдаютъ, (въ началѣ почти что навязывали) за сторублевый билетъ десять золотыхъ десятирублевыхъ монетъ; —все это потому что до сихъ поръ обстоятельства складываются для насъ благопріятно. Но стоитъ имъ пошатнуться — и какая въ этомъ случаѣ гарантія, чтобы тотъ самый министръ, подобнымъ же частнымъ докладомъ не испросилъ Высочайшее повелѣніе на новые неограниченные выпуски кредитныхъ билетовъ, на уменьшеніе размѣннаго фонда до одной четверти суммы ихъ въ обращеніи, наконецъ на чеканку золотыхъ монетъ такого же какъ нынѣ размѣра и приблизительно такого же вѣса, но съ уменьшеніемъ на половину количества содержащагося въ нихъ драгоцѣннаго метала, или съ обозначеніемъ номинальной стоимости ихъ въ 20 руб. вмѣсто 10-ти. Повторяемъ — все это представляется дѣломъ усмотрѣнія, личныхъ соображеній министра; т. е. въ сущности произвола его, необходимымъ, дѣйствительнымъ противовѣсомъ которому именно и должны были явиться точно выраженныя, въ законодательномъ порядкѣ установленныя положенія о размѣрѣ и способахъ выпуска и погашенія кредитныхъ билетовъ, съ отнесеніемъ этихъ

операцій исключительно и всецѣло къ функціямъ эмиссіоннаго банка. — Эмиссіоннаго не по названію лишь, а въ строгомъ смыслѣ такого термина; притомъ съ подчиненіемъ означенныхъ операцій, равно повѣрки золотого фонда и отношеній государственнаго банка къ государственному казначейству, непосредственно ближайшему контролю учрежденія стоящаго внѣ всякой зависимости отъ министерства финансовъ. Непремѣнное изданіе такихъ положеній, безъ малѣйшаго промедленія, только и могло представить существенную, основную, прямо сказать — единственную и безусловно необходимую гарантію устойчивости нашего денежнаго обращенія въ будущемъ. Уклоненіе Государственнаго Совѣта отъ установленія теперь-же сказанной гарантіи должно быть истолковано не иначе какъ въ смыслѣ заявленія объ отсутствіи какой либо солидарности между законодательною дѣятельностью и декретируемыми по частнымъ докладамъ министра финансовъ мѣрами, т. е. сложенія съ себя Государственнымъ Совѣтомъ всякой за эти мѣры отвѣтственности. Принявъ такое рѣшеніе мы значитъ въ сущности объявили во всеобщее свѣденіе, что устанавливаемъ нынѣ валюту бумажнаго рубя въ $^1/_{15}$ долю золотого имперіала; но ничѣмъ не стѣсняясь и ничьего мнѣнія не спрашивая, можемъ установить ее въ $^1/_{20}$, $^1/_{25}$ долю того же имперіала, какъ только найдемъ это удобнымъ. Такой образъ дѣйствій не только констатируетъ государственное банкротство въ настоящемъ, но и предуказываетъ возможность повторенія того же въ недалекомъ будущемъ. Объ упроченіи русскихъ финансовъ, слѣдовательно мѣрами принятыми съ 1887-го года — не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ не лишено вѣроятности, что еще живущему поколѣнію пожалуй суждено увидѣть новое паденіе кредитнаго рубля, новое повтореніе недавно пережитой Россіею неурядицы денежныхъ расчетовъ.

Въ добавокъ ко всему передъ этимъ объясненному, нельзя еще разъ не высказать, что кромѣ прямого, непосредственнаго вреда подобнымъ порядкомъ издаваемыхъ распоряженій для того собственно дѣла, которое составляетъ предметъ ихъ, они угрожаютъ еще пагубными вліяніями на общія воззрѣнія главы государства. Другое, третье такое скороспѣлое рѣшеніе — и самодержецъ начинаетъ вѣрить въ пользу, пожалуй даже въ необходимость, личной его иниціативы въ государственныхъ дѣлахъ, привыкаетъ къ мысли, что искренняго съ его стороны желанія блага государству достаточно для осуществленія ожидаемаго блага на дѣлѣ. Примѣръ такого, весьма натуральнаго для человѣка самообольщенія представляетъ царствованіе Александра III, ограниченнаго умомъ, малообразованнаго, но несомнѣнно любившаго Россію. Въ началѣ царствованія, какъ было слышно, и онъ не разъ проявлялъ извѣстную скромность, отсутствіе самоувѣренности; но шагъ, другой въ противоположномъ направленіи — и ничѣмъ не сдержанные инстинкты самовластія получаютъ все большее развитіе: въ принятіи самыхъ серьезныхъ жизненныхъ мѣръ онъ устраняетъ участіе государственныхъ учрежденій, или давленіемъ своимъ вліяетъ на ихъ мнѣнія. Такъ измѣняется весьма неразумно рядъ продиктованныхъ государственною мудростью положеній, состоявшихся въ царствованіе Александра II; а въ неурожайный 1891-й годъ, какъ было слышно, даже вопреки мнѣнію министра финансовъ (Вышнеградскаго) властелинъ самовольно закрываетъ границу для вывоза русскаго хлѣба, — мѣра оказавшаяся совсѣмъ безполезной въ моментъ ея изданія и явнымъ вредомъ отозвавшаяся въ послѣдующіе годы. Есть вполнѣ достаточное основаніе убѣдиться, что въ томъ же направленіи успѣли развиться автокра-

тическіе инстинкты Николая II. Между тѣмъ, какъ уже было прежде выяснено, несомнѣнно величайшая осторожность и сдержанность необходимы при постановленіи даже коллегіальными учрежденіями рѣшеній, разъ что они распространяются на организмы столь обширные и заключающіе въ себѣ элементы столь разнообразные какъ наше отечество.

Оправданіе сказаннаго выше финансовыми росписями на 1900-й, 1901-й и 1902-й годы.

Высказанныя передъ симъ соображенія еще болѣе выясняются и подтверждаются разсмотрѣніемъ государственныхъ финансовыхъ росписей на 1900, 1901 и 1902-й годы, къ чему теперь и обращаемся (1).

По росписи на 1900-й годъ обыкновенные доходы на 29 милліоновъ руб. превышаютъ обыкновенные расходы (1.593 мил. — 1.564 мил.). Чрезвычайные же расходы, въ 193 мил. покрываются отчасти этимъ превышеніемъ и чрезвычайными поступленіями 3 мил. рублей, но преимущественно (до 161 мил. руб.) изъ свободной наличности Государственнаго Казначейства.

По росписи на 1901-й годъ обыкновенные доходы превышаютъ обыкновенные расходы уже на $73^1/_2$ мил. (1.730—$1.656^1/_2$ мил.), а для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ 132 мил. при чрезвычайномъ поступленіи всего $1^1/_2$ мил. опять служитъ ресурсомъ та же свободная наличность въ суммѣ 57 мил. руб.

По росписи на 1902-й годъ обыкновенные доходы исчисляются въ 1.800,8 мил. обыкновенные расходы въ 1.775,9 мил. рублей. Превышеніе въ 24,9 мил. и ожидаемое чрезвычайное поступленіе въ 1,8 мил. обращаются на покрытіе предвидимыхъ чрезвычайныхъ расходовъ. А такъ какъ послѣдніе исчисляются

(1) Добавка эта сдѣлана уже въ 1903-мъ году.

въ 170,6 мил. то недостающіе около 144 мил. по обыкновенію покрываются изъ свободной наличности Государственнаго Казначейства. (Такъ значится по росписи, хотя, какъ увидимъ, свободная наличность этой суммы не достигаетъ, и вообще представляется гадательною).

Расходы собственно по министерству финансовъ возросли по росписямъ: 1900-го года до 281½ мил. 1901-го года до 306-ти мил. 1902-го года до 335-ти мил. рублей. Эти данныя, какъ видно, ни мало не колеблятъ, а напротивъ еще въ большей мѣрѣ подкрѣпляютъ выводы сдѣланные на основаніи двухъ предшествующихъ росписей. Расходы по министерству финансовъ на 1897-й годъ исчислены были въ суммѣ 204 мил. рублей; значитъ въ пять лѣтъ возросли на 131 мил. Такой громадный ростъ министръ объясняетъ преимущественно введеніемъ казенной продажи питей. Но какъ бы ни были велики выгоды, извлекаемыя правительствомъ изъ этой монополіи, во всякомъ случаѣ расходъ по смѣтѣ министерства финансовъ, уже превысившій расходную смѣту военнаго министерства на 12½ мил. (335 - 322½ мил.) въ сущности представляетъ собою издержку преимущественно взиманія доходовъ, т. е. расходъ непроизводительный, громадная сумма котораго доходитъ почти до 1/5 части всего расходнаго бюджета государства.

О золотомъ запасѣ и прочности золотой валюты.

Точно также разсмотрѣніемъ заключающихся въ трехъ послѣднихъ росписяхъ свѣдѣній о золотомъ запасѣ, и о количествѣ золота и кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, еще болѣе подкрѣпляются сомнѣнія наши относительно прочности или устойчивости монетной валюты въ Россіи.

Какъ выше сказано,

Къ концу	Было золота въ милліонахъ рублей: *) въ государственномъ банкѣ и государственномъ казначействѣ:	въ обращеніи:	всего:	Тоже кредитныхъ билетовъ въ кассахъ и обращеніи:
1896 года	1.206	37	1.243	1.121
1897 „	1.315	155	1 470	999
1898 „	1.146	445	1.591	725
А по тремъ послѣднимъ росписямъ показано:				
1899 года	927	639	1 566	630
1900 „	807,8	684 5	1.492	630
1901 „	830,1	694,9	1.525	630

Какъ видно, общее количество золота въ Россіи, согласно всеподданнѣйшимъ докладамъ министра финансовъ, за два года (1899-й—1900-й) уменьшилось на сумму около 100 мил. рублей (1591—1492). Не будемъ подвергать сомнѣнію приведенныя въ первой графѣ цифры о количествѣ золота въ кассахъ государственнаго банка и государственнаго казначейства; допустимъ что въ министерскихъ докладахъ онѣ показаны совершенно правдиво и на основаніи точной повѣрки. Но къ приведеннымъ въ означенныхъ докладахъ цифрамъ золота въ обращеніи нельзя не отнестись весьма критически, такъ какъ совершенно неизвѣстно помощью какихъ пріемовъ онѣ получены, и въ докладахъ объ этомъ ни однимъ словомъ не упомянуто. Министерство можетъ съ достовѣрностью сказать на какую именно сумму было имъ выпущено въ обращеніе золота; но сколько его осталось въ обращеніи — этого, полагаемъ, оно не знаетъ и знать не можетъ. Потому и считаемъ болѣе правильнымъ за основаніе соображеній нашихъ

*) Вездѣ беремъ круглыя цифры. Части милліоновъ, за малыми исключеніями, отбрасываемъ.

принять только цифры первой графы, показывающія количество золота собственно въ кассахъ государственнаго банка и государственнаго казначейства.

Количество это достигло наибольшей цифры (1315 мил. р.), какъ видно, къ концу 1897-го года; затѣмъ въ 1898-мъ году оно уменьшилось на 169 мил. (до 1.146-ти); въ 1899-мъ году на 219 мил. (до 927-ми): и въ 1900-мъ еще на 120 мил. (до 807-ми мил.). Всего за три года уменьшился золотой запасъ на 508 мил. (807 вмѣсто 1315-ти мил.) Хотя въ 1901-мъ году золотой запасъ увеличился на 22,3 мил. (830,1 - 807,8 мил.) — результатъ по видимому благопріятный, но это только повидимому: на самомъ же дѣлѣ въ 1901-мъ году былъ заключенъ, при посредствѣ дома Ротшильдовъ, золотой заемъ въ 424 милфранковъ, предназначенный на выдачу ссудъ обществамъ желѣзн. дорогъ. Изъ займа этого, за вычетомъ гербоваго сбора и платежа по купону, поступленіе опредѣляется въ 148,9 мил. рублей, изъ которыхъ, по условіямъ реализаціи, поступленіе 21,7 мил. ліоновъ отсрочено до февраля 1902-го г. Значитъ въ 1901-мъ году получено 127,2 мил. очевидно золотомъ. Между тѣмъ составлявшія назначеніе этого займа ссуды желѣзнымъ дорогамъ, какъ строющимся внутри Россіи, безъ сомнѣнія могли быть произведены и въ кредитныхъ билетахъ. Слѣдовательно, если не вся сумма 127,2 мил. золотомъ, то по крайней мѣрѣ часть ея, могла поступить на подкрѣпленіе нашего золотого фонда, который безъ этого подкрѣпленія не увеличился бы на 22 мил. а напротивъ уменьшился бы, хотя и неизвѣстно на какую сумму, можетъ быть даже до 100 мил. (1).

---

(1) Въ самомъ докладѣ министра вскользь упоминается, что увеличеніе золотого запаса зависѣло отчасти отъ совершенныхъ въ 1901-мъ году кредитныхъ операцій; но упоминается только вскользь.

Въ виду такого паденія цифры золотого запаса, въ три года (897-й—900-й) болѣе чѣмъ на 58 %, естественно возбуждается вопросъ о прочности нашей золотой валюты при настоящихъ условіяхъ. До сихъ поръ золотой запасъ нашъ съ избыткомъ покрываетъ возможныя потребности размѣна кредитныхъ билетовъ: на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія, при количествѣ кредитныхъ билетовъ (какъ къ концу 1899-го, 1900-го и 1901-го годовъ) 630 мил. рублей, служащій обезпеченіемъ размѣна ихъ золотой фондъ выражается цифрою всего 330 милліоновъ; а мы имѣемъ въ Госуд. банкѣ и Госуд. Казначействѣ на 500 мил. болѣе (830 мил.) Но что будетъ дальше? Министръ финансовъ не видитъ повода къ опасеніямъ, такъ какъ отливъ золота изъ Россіи за послѣдніе годы приписываетъ исключительно причинамъ временнымъ или случайнымъ: стѣсненное положеніе обще-мірового денежнаго рынка, постройка Восточно-Китайской желѣзной дороги и судовъ военнаго флота заграницею, персидскій заемъ, военныя дѣйствія въ Китаѣ и проч. Съ минованіемъ такихъ причинъ, говоритъ министръ, отливъ золота изъ Россіи долженъ остановиться. Но гдѣ гарантіи, чтобы эти и имъ подобныя обстоятельства, отойдя въ область прошедшаго, не замѣнились другими, которыя вызовутъ можетъ быть еще болѣе широкій отливъ золота. Ни малѣйшаго намека на возможныя противъ такой случайности гарантіи въ министерскихъ докладахъ не находимъ. Если же отливъ золота изъ Россіи приблизительно въ той же пропорціи (до 13 % въ годъ) продолжался бы, то очевидно не далеко время, когда золотой нашъ запасъ не представитъ достаточнаго обезпеченія въ размѣнѣ даже существующей нынѣ суммы кредитныхъ билетовъ (630 мил. руб.) Между тѣмъ съ уходомъ золота, и уменьшеніемъ вслѣдствіе того количества знаковъ обмѣна въ странѣ, естественно возникнетъ пот-

ребность восполнить эту убыль знаковъ обмѣна; отсюда — при неимѣніи въ виду другихъ средствъ, — мысль прибѣгнуть вновь къ увеличенію суммы кредитныхъ билетовъ въ обращеніи.

Полная возможность, слѣдовательно, (едва ли не правильнѣе будетъ сказать — вѣроятность), какъ было уже указано, — новаго выпуска бумажныхъ денегъ, новаго паденія кредитнаго рубля, новой девальваціи, новаго государственнаго банкротства. (1)

На угрожающую въ этомъ отношеніи опасность уже обращено вниманіе нѣкоторыхъ серьезныхъ нашихъ журналовъ. Такъ, газета „Русскія Вѣдомости“ (№№ 18-ый, 31-ый 1901-го г.) между прочимъ говоритъ: несомнѣнно убыль нашего золота находится главнѣйшимъ образомъ въ связи съ условіями финансоваго характера. Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ, можетъ быть даже не исчерпываемыхъ расходами по системѣ государственнаго кредита, значительныя суммы русскаго золота отправлялись въ 1900-мъ году за предѣлы Россіи. Этимъ еще разъ выдвигается важный вопросъ объ организаціи эмиссіоннаго дѣла, далеко не прочно у насъ установленнаго. Правда, нашъ государственный банкъ теперь не выпускаетъ кредитныхъ билетовъ для нуждъ государственнаго казначейства, придерживаясь пока основному принципу эмиссіонной операціи — выпускать билеты исключительно для потребностей торговаго оборота. Но казна, безъ малѣйшихъ стѣсненій, пользуется для цѣлей своего хозяйства золотомъ, которое, въ качествѣ хранящагося въ банкѣ размѣн-

(1) Что кредитъ нашъ заграницею начинаетъ уже и теперь клониться къ упадку видно между прочимъ изъ того факта, что для поддержанія курса 4% государственной ренты и предупрежденія ея возврата въ Россію, министръ финансовъ въ началѣ 1901 года долженъ былъ прибѣгнуть къ освобожденію отъ уплаты купоннаго налога иностранныхъ держателей означенной ренты.

наго фонда, должно бы исключительно служить покрытіемъ выпускаемыхъ въ обращеніе билетовъ.

Такимъ образомъ, нужды государственнаго хозяйства вліяютъ на размѣры золотой наличности, слѣдовательно и на прочность валюты. Повторяемъ — благодаря большому накопленію у насъ золота въ предшествующіе годы — валюта наша до сихъ поръ колебаній не обнаруживаетъ. Но въ видахъ предупрежденія таковыхъ въ будущемъ представляется настоятельно и безотложно необходимымъ, какъ уже было нами высказано, твердое, въ законодательномъ порядкѣ, установленіе эмиссіонныхъ функцій государственнаго банка; притомъ совершенно точное разграниченіе функцій этого банка и государственнаго казначейства, съ поставленіемъ обоихъ подъ фактическій контроль вполнѣ независимаго отъ Министра финансовъ учрежденія. Только этимъ раціональнымъ путемъ можетъ быть предупреждено произвольное во всякое время вторженіе казначейства въ кассы банка, и нарушеніе во имя будто-бы насущныхъ потребностей государственнаго хозяйства, установленной на основаніи опыта пропорціи между величиною резервнаго фонда и суммою выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ.

Порядокъ составленія финансовыхъ смѣтъ и опредѣленіе свободной наличности Государственнаго Казначейства.

Относительно порядка составленія финансовыхъ смѣтъ (государственныхъ росписей), также какъ исполненія ихъ, въ послѣдніе годы министерство продолжаетъ идти по намѣченному имъ пути. Весьма крупное превышеніе доходовъ надъ расходами не только оказывается по исполненію росписи, но допускается и при самомъ ея составленіи (напр. въ росписи на 1901-й годъ $73^1/_2$ мил. р.). А свободная наличность Государственнаго Казначейства, по прежнему весьма большими суммами, участвуетъ въ балансированіи

годового приходо-расхода. Какъ видѣли по росписи на 1900-й годъ изъ этой наличности введено въ приходъ 161 мил. рублей, по росписи на 1901-ый годъ около 57-ми мил. по росписи на 1902-й годъ около 144-хъ мил. рублей.

Критическій взглядъ на дѣйствія министерства финансовъ въ этомъ направленіи, какъ видно, начинаетъ высказываться въ средѣ лицъ болѣе или менѣе вліятельныхъ. Такъ надо думать потому, что во всеподданѣйшемъ докладѣ о росписи на 1901-ый годъ Министръ счелъ нужнымъ представить подробное объясненіе — какъ слѣдуетъ смотрѣть на свободную наличность Государственнаго Казначейства и почему необходимы (исключительно въ Россіи) весьма крупные остатки по исполненію росписей.

„По недостаточному ли знакомству съ дѣломъ, или по нѣкоторой предвзятости мнѣній, говоритъ онъ, иногда ставится вопросъ: что это за неистощимая наличность средствъ, которая въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ покрываетъ значительные расходы, и все таки остается свободною ?“ Отвѣчая на это, министръ объясняетъ какими пріемами счетоводства выводится свободная въ Государственномъ Казначействѣ наличность. — Объясненіе поистинѣ настолько наивное, что оно скорѣе приличествовало бы элементарному учебнику, чѣмъ всеподданѣйшему докладу. Кто же изъ серьезныхъ людей не знаетъ какими формальными бухгалтерскими пріемами опредѣляются изъ года въ годъ остатки или недочеты приходовъ сравнительно съ расходами? А что такое представляютъ въ самомъ существѣ своемъ бюджетные остатки, изъ которыхъ образовывались сотни милліоновъ въ свободной наличности Государственнаго Казначейства, и вслѣдствіе чего такіе остатки получались у насъ въ поразительно крупныхъ размѣрахъ

— это было уже передъ симъ выяснено, и, полагаю, достаточно вразумительно.

Необходимость, исключительно для Россіи, крупныхъ остатковъ по исполненію государственныхъ росписей Министръ мотивируетъ: большою задолженностью государства и преимущественно по займамъ помѣщеннымъ внѣ Россіи; обширностью имперіи, при крайнемъ разнообразіи условій, въ которыхъ находятся отдаленныя одна отъ другой части ея, посѣщаемыя, какъ видимъ на опытѣ, изъ года въ годъ, то одна то другая, случайными народными бѣдствіями; потребностью располагать всегда готовыми денежными средствами, въ видахъ поддержанія значенія Россіи въ международныхъ совѣтахъ, при всякомъ обостреніи политическихъ отношеній; наконецъ невыгодностью заключенія займовъ въ то именно время, когда въ нихъ встрѣчается настоятельная и неотложная необходимость.

Ни одинъ изъ приведенныхъ мотивовъ нельзя признать достаточно серьезнымъ и уважительнымъ. Задолженность Россіи дѣйствительно очень велика (согласно Росписи на 1902-ой годъ, процентовъ по государственному долгу исчислено 286 мил. рублей). Но при правильномъ веденіи государственнаго хозяйства и хорошо извѣстномъ обиліи экономическихъ ресурсовъ имперіи, полагаемъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо затрудненіи въ новомъ займѣ, или о предложеніи намъ ссуды, когда въ ней встрѣтится надобность, на условіяхъ замѣтно обременительныхъ. Для Россіи, какъ и всякаго другого государства, безспорно можетъ внезапно явиться потребность сдѣлать расходъ, непокрываемый предвидѣнными по росписи доходами; но — повторяю опять, при достаточно правильномъ веденіи государственнаго хозяйства — такой экстренный расходъ внѣ всякаго сравненія выгоднѣе покрыть займомъ, хотя бы на условіяхъ нѣсколько болѣе обремени-

тельныхъ противъ нормально-установившихся, чѣмъ въ ожиданіи неблагопріятной случайности, которая можетъ быть никогда и не наступитъ, постоянно десятками лѣтъ, держать въ кассахъ казначейства денежный запасъ, неприносящій процентовъ, и достигающій размѣрами своими едва не десятой части доходовъ государства по бюджетнымъ исчисленіямъ.

Передъ расходами на устраненіе или облегченіе внутренняго народнаго бѣдствія, безъ сомнѣнія, никогда останавливаться не слѣдуетъ; на покрытіе ихъ государство безусловно обязано какимъ бы ни было способомъ пріобрѣтать средства неотлагательно. Но нельзя не провести разницы между расходами вызываемыми народнымъ бѣдствіемъ и внезапными требованіями кредитовъ на выполненіе предположеній недостаточно обсуженныхъ, мотивированныхъ полезностью весьма сомнительною, нерѣдко эфемерною, какъ по внутреннему управленію, такъ еще болѣе по внѣшней политикѣ, каковы напримѣръ усиленіе военнаго флота на сумму 90 мил. рублей, разные Китайскіе или Персидскіе займы. Если бы подобныя потребности остались и совсѣмъ неудовлетворенными, то въ большинствѣ случаевъ отъ этого ни мало не пострадалъ бы, а скорѣе выигралъ бы народъ.

Ко всему этому прибавимъ, что если и согласиться съ мнѣніемъ Г-на Витте, о необходимости для государства держать въ постоянной готовности запасный капиталъ, на случай покрытія экстренныхъ надобностей, то капиталъ этотъ слѣдовало бы ограничить размѣрами несравненно болѣе умѣренными, скажемъ — „maximum“ — до 100 милліон. рублей. Такого запаса, съ устраненіемъ плановъ болѣе или менѣе фантастичныхъ, было бы съ избыткомъ достаточно. Между тѣмъ въ настоящее время, въ государственномъ банкѣ и государственномъ казначействѣ, мы имѣемъ золота на 830 мил. рублей, изъ

которыхъ, согласно положенію основанному на опытѣ, уже 330 мил. служатъ достаточнымъ обезпеченіемъ размѣна кредитныхъ билетовъ; 500 мил. рублей составляютъ слѣдовательно чистый избытокъ. Подъ обезпеченіе этого избытка, во всякое время и безъ малѣйшихъ опасеній, могъ бы быть произведенъ расходъ въ 100 и болѣе мил. рублей, на покрытіе внезапно возникшихъ экстренныхъ потребностей, которыя при составленіи смѣты дѣйствительно нельзя было предвидѣть. Лишь бы удовлетворялись такимъ путемъ потребности въ строгомъ смыслѣ насущныя и неотложныя, а израсходованное подъ обезпеченіе означеннаго золотого избытка непремѣнно и въ скорѣйшемъ времени, по возможности въ слѣдующемъ же смѣтномъ году, пополнялось бы, если не путемъ экономіи, то займомъ. За симъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ обязательно должны составляться раціонально, на выработанныхъ финансовой наукою общихъ началахъ, безъ всякаго отступленія отъ принциповъ и пріемовъ, принятыхъ на этотъ предметъ къ руководству во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

Явно умышленное запутываніе министромъ финансовъ смѣтныхъ исчисленій.

Руководствоваться такимъ примѣромъ министръ нашъ видимо не желаетъ. Даже упомянутыя выше азбучныя правила вывода свободной наличности включены въ докладъ о росписи на 1901 годъ, какъ будто-бы, нарочно затѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ докладѣ (на 1902-й годъ) наглядным образомъ показать, что собственно для нашего министра финансовъ они ни мало не обязательны. Одинъ изъ основныхъ пріемовъ правильнаго вывода свободной наличности, какъ извѣстно, заключается въ томъ, чтобы наличность эта, или свободный остатокъ, опредѣлялись по предварительной, въ надлежащемъ порядкѣ, повѣркѣ контролемъ произведенныхъ въ теченіе года расходовъ,

также какъ и дѣйствительно поступившихъ доходовъ. Функціи же Государственнаго Контроля, составляющія такимъ образомъ существенное условіе правильности вывода, только по заключеніи счетовъ истекшаго года могутъ въ полной мѣрѣ выразить свое вліяніе; а результаты исчисленій Контроля и министерства иногда далеко между собою не сходятся,

Что разница здѣсь можетъ дойти до весьма крупной цифры лучше всего подтверждается собственными докладами министра финансовъ о росписяхъ на 1901-й и 1902-й годы. Вотъ подлинныя слова его: въ 1-мъ докладѣ — свободная наличность государственнаго казначейства *„опредѣляется къ 1-му января 1901-го года въ суммѣ не менѣе 123 мил. рублей“*; во 2-мъ докладѣ — *„свободная наличность Государственнаго Казначейства на 1-ое января 1901-го года, опредѣлена по отчету Государственнаго Контроля въ 104,9 мил. рублей“*. (Разница 18,1 мил. руб.)

Принявъ эту послѣднюю цифру за основаніе исчисленій въ докладѣ на 1902-й годъ, министръ откуда только можетъ натаскиваетъ къ ней добавки: причисляетъ напр. милліоны полученные отъ реализаціи когда-то (въ 1897 году) выпущенныхъ рентъ и остававшихся частію не реализованными. Но вѣдь выпускъ ренты, вообще какихъ бы то ни было государственныхъ процентныхъ бумагъ, въ сущности составляетъ заемъ, продуктъ котораго, въ наличныхъ ли деньгахъ, или въ остаткѣ нереализованныхъ бумагъ, долженъ былъ своевременно войти въ исчисленія на тотъ годъ, когда заемъ былъ сдѣланъ, и увеличить собою общую ли сумму поступленія доходовъ чрезвычайныхъ, или хотя бы сумму излюбленной министромъ наличности государственнаго казначейства. Если же нереализированная часть выпущенныхъ бумагъ своевременно не была введена въ исчисленіе, то она должна быть показана новымъ займомъ на

тотъ годъ въ которомъ реализируется. Точно также прибавляетъ министръ, къ свободной на 1901-й годъ наличности, 63 мил. рублей, на которые дѣйствительное поступленіе обыкновенныхъ доходовъ за одиннадцать мѣсяцевъ 1901-го года превысило предположенія росписи, — прибавляетъ совершенно неправильно, въ нарушеніе приведеннаго выше основного правила, за отступленіемъ отъ котораго въ означенной цифрѣ превышенія, не провѣренной и не подлежавшей до истеченія года провѣркѣ контролемъ, можетъ оказаться, какъ только что было выяснено примѣромъ, значительный недоборъ. Всѣми этими натяжками цифра свободной наличности на 1891-й годъ доводится до 221-го мил. рублей. За производствомъ же изъ нихъ расходовъ чрезвычайныхъ: 56,9 мил. рублей, которые были предвидѣны по росписи на 1901-й годъ и 50 мил. которые предвидѣны не были, сумма свободной наличности къ концу 1901 -го года опрядѣляется цифрою 114,6 мил. руб. А такъ какъ, согласно приведеннымъ выше цифровымъ даннымъ, чрезвычайныхъ на 1902-й годъ расходовъ, непокрываемыхъ чрезвычайными доходами и превышеніемъ обыкновенныхъ поступленій надъ обыкновенными расходами, оказывается 143,9 мил. то ненедостающая въ свободной наличности на производство этого расхода сумма 29,3 мил. очевидно можетъ быть покрыта только займомъ, который, какъ видѣли, и былъ въ 1901-мъ году заключенъ въ количествѣ 424 мил. франковъ, дающихъ Государственному Казначейству чистыхъ 148,9 мил. рублей, и изъ нихъ 127,2 мил. поступившихъ уже въ 1901-мъ году.

Такимъ образомъ, чрезвычайные на 1902-й годъ расходы, въ части своей, составляющей 29,3 мил. рублей, по докладу самого министра къ росписи на 1902-й годъ удовлетворяются только при помощи займа. Это ясно до очевидности. Такъ бы, казалось, и слѣдовало выразить въ докладѣ. Было бы просто

и для всѣхъ понятно. (1) Но министру никакъ не хочется сознаться, что его роспись на 1902-й годъ сведена съ дефицитомъ. Потому онъ опять прибѣгаетъ къ ухищреніямъ. Свободная къ концу 1901-го года наличность, говоритъ онъ, должна бы была опредѣлиться въ суммѣ 114,6 мил. рублей; но къ ней слѣдуетъ еще присоединить 127,2 мил. поступившіе въ 1901-мъ году отъ реализаціи 4%-й консолидированной ренты (т. е. займа), вслѣдствіе чего свободная наличность составитъ сумму 241,8 мил. рублей; а за исключеніемъ изъ нихъ приведенной выше части чрезвычайныхъ расходовъ 143,9 мил. останется въ распоряженіи Государственнаго казначейства свободныхъ около 98-ми мил. и 21,7 мил. имѣющихъ поступить отъ нереализованной еще части упомянутаго займа. И опять, какъ ни въ чемъ не бывало, оказывается къ концу 1902-года, въ предвидѣніи, свободная наличность государственнаго казначейства около 120 мил. которыми министръ финансовъ будетъ по прежнему свободно распоряжаться, для удовлетворенія дѣйствительно ли настоятельныхъ, или

---

(1) По докладу М-ра о росписи на 1903-й г. оказывается что эти 29,3 мил. рубл. могли бы быть покрыты и безъ обращенія къ займу, благодаря опять-таки поступленію доходовъ въ суммѣ большей противъ предположенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ приведеннаго въ томъ же докладѣ подсчета свободной наличности и чрезвычайныхъ въ 1902-мъ году расходовъ, свободная наличность на 1-е янв. 1903-го г. опредѣляется въ суммѣ 50,7 мил. р. чрезвычайные же на 1903-й г. расходы — въ суммѣ 172,2 мил. р. Такимъ образомъ по смѣтѣ на 1903-й годъ оказывается дефицитъ уже въ 121,5 мил. руб. который покрывается (съ остаткомъ 27 мил. р.) только выручкою отъ Парижскаго займа 1901-го г. въ суммѣ 148,5 мил. руб. — На всю эту сумму, слѣдовательно, мы съ 1901-го года безъ надобности платимъ проценты. Замѣтимъ еще что Государственнымъ контролемъ свободная наличность къ 1-му января 1903-го г. опредѣляется въ суммѣ всего 33 мил. рублей (Журналъ Общ. Собр. Госуд. Совѣта 30-го Дек. 1902-го г.)

фантазіями вызванныхъ потребностей, безъ внесенія объ этомъ докладовъ въ Госуд. Совѣтъ.

Задавшись цѣлью во что бы ни стало оправдать правильность своихъ воззрѣній, министръ, по выводѣ означенныхъ выше цифръ, говоритъ: заключеніе вышесказаннаго займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрытія въ 1901-мъ году непредусмотрѣнныхъ расходовъ, такъ какъ и за покрытіемъ ихъ оставалось свободныхъ 114,6 мил. рублей; а исключительно предусмотрительнымъ желаніемъ имѣть свободныя средства на предстоящее сооруженіе большихъ линій желѣзныхъ дорогъ, на что однако къ означеннымъ 114,6 мил. надо добавить только 29,4 мил. Остальные изъ сдѣланнаго въ 149 мил. займа 97,8 мил. равно имѣющіе изъ него же поступить въ 1902-мъ году 21,7 мил. остаются свободными. (1)

Для всякаго, неотуманеннаго хитросплетеніями доклада, совершенно ясно однако, что этимъ министръ только болѣе выдаетъ себя: для покрытія ожидаемыхъ въ 1902-мъ году расходовъ, говоритъ онъ, нуженъ заемъ въ 29 мил. руб. мы же въ виду этого дѣлаемъ его еще въ 1901-мъ году, въ суммѣ 149 мил. руб. т. е. начинаемъ уже съ 1901-го года платить проценты на лишнихъ 120 мил. которые, какъ предполагается, до 1903-го года будутъ непроизводительно лежать у насъ въ кассахъ, только за тѣмъ, чтобы въ распоряженіи русскими финансами ничто нраву министра не препятствовало.

Очевидно точность и добросовѣстность въ дѣлѣ ве-

(1) И тѣмъ не менѣе, не смотря на то что эти 120 мил. должны къ концу 1902-го года остаться свободными, за покрытіемъ всѣхъ предвидимыхъ росписью обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ, мы въ началѣ 1902-го г. дѣлаемъ новый заемъ 182 мил. рублей, въ размѣрѣ капитализаціи опредѣленнаго отъ Китая военнаго вознагражденія,—дѣлаемъ, какъ надо полагать опять затѣмъ, чтобы подкрѣпить нашъ золотой фондъ, и тѣмъ прикрыть неизбѣжное, уже предвидимое его уменьшеніе.

денія счетовъ требовали, чтобы вся сумма 148,9 мил. рублей, ожидавшаяся отъ займа, была показана приходомъ по росписи на 1902-й годъ, въ рубрикѣ чрезвычайныхъ поступленій. При исполненіи этого, сумма означенныхъ поступленій (148,9 мил.+1,8 мил.), съ добавкою превышенія обыкновенныхъ поступленій надъ обыкновенными расходами 24,9 мил., даже съ нѣкоторымъ избыткомъ покрыла бы сумму предположенныхъ на 1902-й годъ чрезвычайныхъ расходовъ (170,6 мил.), и прибѣгать къ гадательному исчисленію свободной на 1902-й годъ наличности не было бы надобности. Таковая своевременно опредѣлилась бы по повѣркѣ отчетности Государственнымъ Контролемъ.

Все это по истинѣ представляется цифровыми фокусами, съ очевидностью раскрываемыми даже не посвященными въ тайны финансовой мудрости, изъ одного разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ докладовъ Министра Финансовъ о ежегодныхъ приходорасходныхъ государственныхъ росписяхъ. Пріемъ его весьма обычный и не разъ практиковавшійся запутавшимися въ дѣлахъ финансистами. Но до крайности безотрадно то, что Госуд. Совѣтъ, безъ достаточнаго вниманія, пропускаетъ подобныя ухищренія и не считаетъ себя обязаннымъ разоблачить истинное значеніе ихъ передъ самодержцемъ. По поводу финансовой росписи на 1903-й годъ, въ Журн. Общ. Собр. Гос. Совѣта 30 Дек. 1902-го года, правда указывается на трудное экономическое положеніе государства, на необходимость сокращенія расходовъ; но Госуд. Совѣтъ не опровергаетъ, напротивъ даже подчеркиваетъ, заявленіе министра финансовъ о томъ, что „въ благополучное царствованіе Императора Николая II Государственныя росписи неизмѣнно сводятся безъ дефицитовъ“, причемъ явно избѣгаетъ Совѣтъ отмѣтить, что такое заключеніе относится только къ обыкновеннымъ приходо-расходамъ; а что расходы

чрезвычайные, напротивъ стали требовать займовъ; что безъ займовъ этихъ, какъ видно, уже не оказалось бы нынѣ остатковъ свободной наличности и не была бы устранена естественная убыль золотого запаса.

Неправильное толкованіе Министромъ зависимости между состояніемъ финансовъ и экономическою обезпеченностью народа.

Въ заключеніе чрезмѣрно можетъ быть длинной замѣтки о финансахъ, еще нѣсколько словъ.

Какъ хорошо извѣстно, въ печати не разъ высказывалось, что удовлетворительное состояніе государственныхъ финансовъ, выражающееся въ благополучномъ сведеніи по таковымъ годовыхъ приходо-расходовъ, не всегда совпадаетъ съ прогрессивнымъ движеніемъ хозяйства народнаго, т. е. съ улучшеніемъ экономическаго положенія массъ. Въ докладѣ своемъ, на 1902-ой годъ, министръ счелъ нужнымъ и на это отвѣтить.

Въ докладахъ за предшествующіе годы, говоритъ онъ, мною не разъ заявлялось, что между государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ всегда существуетъ извѣстное взаимно-отношеніе, и что первое не можетъ процвѣтать, когда второе клонится къ упадку. Подтверждая вѣрность такого общаго принципа, особенно по примѣненію къ Россіи тѣмъ, что бюджетъ нашъ построенъ преимущественно на системѣ косвеннаго обложенія, и притомъ предметовъ не безусловно необходимыхъ, которыхъ слѣдовательно народъ могъ бы и не покупать, если бы уменьшались далеко не обильныя его средства,—Министръ оправдываетъ свое утвержденіе еще и цифровымъ данными о ростѣ потребленія такихъ предметови, какъ чай, сахаръ, керосинъ и т. п. на душу населенія въ періодъ 1893-го—1900-го годовъ.

Существованіе связи между государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ составляетъ, такъ сказать,

азбучную истину, которую никто не думалъ оспаривать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и то, что вліяніе второго на первое (какъ и обратно) обнаруживается не вдругъ, а подобно всему въ народной жизни, лишь по прошествіи извѣстнаго времени, болѣе или менѣе продолжительнаго. Такимъ образомъ, народное благосостояніе можетъ падать, а финансы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ еще какъ будто бы процвѣтать, и на оборотъ — самая ошибочная, зловредная финансовая политика можетъ не вдругъ отразиться на хозяйствѣ народномъ, и тѣмъ болѣе не вдругъ въ немъ обнаружиться. Что же касается приводимыхъ министромъ цифръ объ увеличеніи въ народѣ потребленія такихъ предметовъ какъ чай, сахаръ, керосинъ и т. п., то въ этомъ опять нельзя видѣть симптомъ безусловно благопріятный. Во первыхъ, увеличенное потребленіе означенныхъ предметовъ могло быть въ нѣкоторой степени вызвано необычайнымъ въ послѣдніе годы подъемомъ фабрично-заводскихъ производствъ, ненормально развившихся подъ вліяніемъ искусственно-поощрительныхъ мѣропріятій. Во вторыхъ, потребленіемъ чая, сахара въ ежедневной пищѣ, особенно въ питаніи слабыхъ и дѣтей, крестьянинъ настоятельно вынужденъ замѣнять молоко, количество котораго въ домашнемъ обиходѣ народныхъ массъ несомнѣнно очень уменьшилось въ послѣднее время. Точно такъ же и керосинъ усиленно сожигается потому, что имъ, даже въ самыхъ бѣдныхъ крестьянскихъ хатахъ, пришлось замѣнить лучину, которой, при нынѣшней дороговизнѣ лѣса, крестьянину, въ очень многихъ мѣстностяхъ, положительно неоткуда взять. И сапоги то онъ носитъ зачастую потому, что о добываніи лыка на лапти теперь нельзя и думать. Кромѣ того слѣдуетъ принять во вниманіе громадное, господствующее значеніе привычки въ жизни обществъ, какъ и отдѣльныхъ личностей: то что недавно до-

пускалось лишь въ видѣ роскоши, черезъ нѣсколько лѣтъ становится предметомъ необходимости, отъ потребленія котораго не откажется бѣднякъ даже и въ томъ случаѣ, если бы для этого нужно было лишить себя не одного куска хлѣба насущнаго: много разъ недоѣстъ крестьянка, много ночей продрогнетъ она въ нетопленной хатѣ для того, чтобы не отстать отъ другихъ въ праздничномъ нарядѣ, необходимою принадлежностью котораго, даже въ очень бѣдныхъ мѣстностяхъ, являются нынѣ полуботинки съ подковками и красивая юбка по крайней мѣрѣ изъ бумажной ткани. Приведенныя министромъ цифры, какъ видно, ровно ничего не доказываютъ. А что на крестьянское хозяйство настойчиво надвигается неизбѣжная, страшная бѣда — это было нами выяснено въ другомъ мѣстѣ.

КОНЕЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ

о вытекающихъ изъ установленныхъ выше положеній обязанностяхъ личности по отношенію къ государству.

Ограниченіе заключеній только предѣлами русскаго государства.

Предъ начертаніемъ заключительныхъ строкъ къ предпринятому нами посильному труду, считаемъ необходимымъ еще разъ напомнить, что мы отнюдь не предполагали и не имѣемъ претензіи представить систематическій сводъ обязанностей отдѣльнаго лица въ отношеніи союзовъ общественнаго и государственнаго. Повторяемъ опять, что столь широко поставленная задача была бы намъ не по силамъ, и что положенный на нее трудъ, не внеся ничего но-

ваго въ прежде высказанныя сужденія людей болѣе компетентныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли имѣлъ бы и практическое значеніе. Задавшись именно этою послѣднею — практическою цѣлью, мы намѣрены въ короткихъ словахъ дать конечные выводы объ отношеніяхъ лица къ государству только въ Россіи, и при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ страна эта нынѣ находится.

Обращеніе къ настоящему положенію Россіи и къ заслугамъ русской прессы.

Вслѣдъ за изложеніемъ нѣсколькихъ общихъ соображеній о жизни государствъ, объ источникахъ ея поступательнаго движенія и застоя, процвѣтанія и упадка, нами представлена была (въ главѣ V) довольно наглядная картина существующаго въ Россіи положенія государственной, общественной и частной дѣятельности.

Картина самая мрачная, несомнѣнно безотрадная, но вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣемъ утверждать, и совершенно правдивая, — изображеніе не только опирающееся на достовѣрныя, частію офиціальныя фактическія данныя, но и подкрѣпленное сужденіями извѣстныхъ своею добросовѣстностью серьезныхъ мыслителей. Не можемъ по этому поводу не отдать справедливости нашей многострадальной прессѣ, въ средѣ которой, не смотря на цензурный гнетъ, на обильно расточаемыя министерскія кары, все же удержались отважные органы, имѣвшіе гражданское мужество указывать и выяснять слабыя стороны существующихъ порядковъ въ жизни общества и дѣйствій правительства, въ сферѣ какъ законодательной такъ и административной. Въ печати русской не разъ высказывались и до сихъ поръ высказываются весьма здравыя сужденія о ненормальномъ положеніи земства, все болѣе и болѣе стѣсняемаго въ самыхъ существенныхъ своихъ функціяхъ и, какъ видѣли, почти что парализованнаго въ отправленіи ихъ; о

господствѣ бюрократіи, — всесильной при развившейся до крайнихъ предѣловъ централизаціи; о все болѣе расширяющейся области усмотрѣнія, до полнаго упадка законопочитанія, какъ въ средѣ управляющихъ, такъ и управляемыхъ; о подавленіи свободнаго слова и, подъ вліяніемъ всего этого, о приниженномъ положеніи личности, совсѣмъ теряющей способность иниціативы и самодѣятельности; вмѣстѣ съ тѣмъ о паденіи общественной нравственности, до совершеннаго игнорированія внушеній долга, до полнаго отсутствія какихъ либо гражданскихъ и религіозныхъ убѣжденій.

Все это излагалось въ русской прессѣ болѣе или менѣе талантливо, съ постановкою хорошо обоснованныхъ посылокъ, логичностью и послѣдовательностью заключеній о безусловной, настоятельной необходимости борьбы со зломъ централизаціи, бюрократіи и проч. Но все, какъ было выражено, особенно въ приведенныхъ выше замѣткахъ по поводу неурожая 1891-го г., — все только до извѣстнаго предѣла, или черты, за которую сужденія русской печати, по причинамъ весьма понятнымъ, переступать не дерзали: послѣднее слово не произносилось, конечный выводъ никѣмъ не былъ сдѣланъ. Между тѣмъ, это слово, этотъ выводъ, такъ сказать, самъ собою напрашивается: онъ такъ натурально и логически вытекаетъ изъ совокупности приводимыхъ данныхъ и ихъ взаимной зависимости, что въ правильности его, казалось бы, не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Повтореніе сущности данныхъ прежде на этотъ предметъ указаній.

Считаемъ не лишнимъ въ немногихъ словахъ повторить прежде объ этомъ сказанное.

Зло централизаціи и подавленіе мѣстной жизни, какъ было выяснено, наиболѣе свойственно деспотическому или самодержавному управленію; естественный продуктъ и спутникъ централизаціи — господ-

ство бюрократіи, впервые систематически организованное и примѣненное къ жизни еще по мысли геніальнаго деспота — императора Діоклетіана, присвоиваетъ твердо поставленной власти, исключающей всякую самостоятельность гражданъ въ имперіи, какъ бы роль провидѣнія. (Кольбъ — „исторія человѣч. культуры“). Между тѣмъ силы государства, конечно, не могутъ развиваться, если будетъ подавлена личная свобода, а съ нею и личная иниціатива. Прочный государственный строй опирается не столько на матерьяльную силу, сколько на нравственное сознаніе долга т. е. на осмысленно выработанныя твердыя убѣжденія. Безъ свободы высшее человѣческое развитіе не мыслимо; рабство не можетъ воспитать твердыхъ въ убѣжденіи, нравственно-стойкихъ гражданъ. Государственная дѣятельность требуетъ людей, привыкшихъ общее ставить выше своего частнаго, личнаго, умѣющихъ дѣйствовать сообща, другъ-друга знающихъ и другъ-другу довѣряющихъ.

Если же общественная жизнь въ государствѣ стѣснена, если подданные не могутъ свободно обмѣниваться мыслями и знаніями, свободно сходиться другъ съ другомъ, заключать союзы для совмѣстной дѣятельности, — они невольно замыкаются въ рамки узкаго эгоизма, пріучаются чуждаться другъ-друга, дѣлаются неспособными ко всякой сколько нибудь энергичной и плодотворной общественной дѣятельности, (Проф. Коркуновъ „Русское Госуд. Право“.) Въ настоящее время нѣтъ для Россіи вопроса болѣе настоятельно, болѣе неотложно—требующаго реформы, какъ вопросъ объ обезпеченіи за обществомъ правъ гражданской свободы. Великій актъ освобожденія крестьянъ былъ лишь первымъ къ этому шагомъ. Но человѣку мало — не быть только вещью. Чтобъ устранить безправное его положеніе надо обезпечить ему возможность нестѣсненнаго выраженія своихъ мнѣній, безпрепятственнаго исповѣданія сво-

ихъ вѣрованій, свободнаго общенія съ другими людьми (Тамъ-же). Нужно слѣдовательно совершенно обратное тому, что теперь происходитъ въ Россіи, что является прямымъ и неизбѣжнымъ развитіемъ идеи самодержавія по самой ея сущности.

Вся система учрежденій Петра Великаго имѣла главнѣе всего въ виду обезпеченіе законности въ управленіи. Къ этому направлялись желанія и его преемниковъ, особенно Екатерины II, Александра I и Александра II. Но проведеніе принципа законности послѣдовательно, до конечныхъ его проявленій въ жизни требуетъ прежде всего непремѣннаго правомъ гражданъ ограниченія власти предержащей, до самаго верховнаго ея представителя, что совершенно съ самодержавіемъ несовмѣстимо. Потому и благородныя стремленія лучшихъ русскихъ государей остались далекими отъ цѣли. Напротивъ, послѣдніе остатки уваженія къ закону въ Россіи утрачиваются подъ вліяніемъ безпрестанныхъ къ нему, по усмотрѣнію лицъ начальствующихъ, разъясненій и дополненій, затемняющихъ и нерѣдко извращающихъ его смыслъ. Такъ, съ одной стороны существуетъ въ Россіи законъ, по которому „никто не можетъ быть лишенъ правъ состоянія, или ограниченъ въ сихъ правахъ, иначе какъ по суду за преступленіе“; но вмѣстѣ съ тѣмъ органамъ администраціи предоставлено фактически отнимать эти права черезъ ссылку, неблагонадежныхъ по ихъ усмотрѣнію лицъ, въ отдаленныя мѣста европейской и азіятской Россіи, чрезъ арестъ и отдачу такихъ лицъ подъ надзоръ полиціи, съ крайними ограниченіями свободы, доходящими почти до полнаго безправія. Эта дискреціонная власть подчиненныхъ органовъ опять таки нужна для поддержанія во всей силѣ принципа ничѣмъ неограниченной власти монарха.

Матерьяльное благосостояніе лицъ, а затѣмъ и обществъ, повсюду достигается преимущественно

приложеніемъ труда и знанія. Въ странахъ деспотически управляемыхъ эти два фактора полезной, производительной дѣятельности имѣютъ лишь второстепенное, минимальное значеніе. Въ Россіи усиленный трудъ, съ приложеніемъ твердыхъ практическихъ знаній, доставляетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и лишь малую долю того, что достается ловкости и угодливости отъ благоволѣнія власти. Отсюда основное положеніе русскаго нравственнаго кодекса: „нѣтъ надобности учиться и работать; больше всего развивай въ себѣ умѣнье понравиться, составить и поддержать связи; — этимъ пріобрѣтается все.“

Истинная религія, заключающаяся въ неустанномъ исканіи правды и открытомъ служеніи ей, какъ было выяснено, въ Россіи совершенно отсутствуетъ. Церковь требуетъ исполненія обрядовъ, показной благотворительности, покорнаго почитанія властей съ ежечасною молитвою за царя; а главнѣе всего — признанія догматовъ безъ разсужденія, которое всѣми мѣрами стремится стѣснить и задушить.

Проникающая въ общество, несогласная съ этими взглядами и требованіями мысль, правдивое слово, обличающее умственную косность, прикрытый лицемѣріемъ развратъ, лживость и фарисейство, — большею частью безпощадно преслѣдуется. Въ побѣдномъ рука объ руку шествіи къ подавленію правды и знанія, самодержавіе и православіе не только дѣйствуютъ солидарно, но и проявляютъ сознаніе того, что въ этой солидарности, въ неизмѣнной взаимной поддержкѣ заключается самый надежный оплотъ ихъ всемогущества. Такъ, уже императоръ Николай II, въ слабости своей, снизойдя до гласнаго воздаянія хвалы генернла-губернатору, осуждаемому всею мыслящею Россіею и недавно еще, изъ однихъ побужденій тщеславія, подготовившему или по крайней мѣрѣ допустившему массовыя убійства, — императоръ призналъ умѣстнымъ въ то же время оповѣ-

стить всѣхъ вѣрноподданныхъ, что онъ вмѣстѣ съ этимъ сановникомъ преклоняетъ колѣна передъ Московскою святынею, колыбелью самодержавія и вѣрною хранительницею вселенской правды православія. (Московскіе рескрипты 9-го Апрѣля 1900-го года).

Долгъ борьбы общества противъ двухъ основныхъ началъ русской государственности. Трудноисполнимость его.

Противъ этихъ двухъ, неразрывно между собою связанныхъ, тлетворныхъ началъ русской государственности, — неустанная посильная борьба очевидно и составляетъ священный долгъ всякаго мыслящаго, всякаго честнаго человѣка въ Россіи.

Нельзя однако не признать, что долгъ этотъ — одинъ изъ самыхъ трудновыполнимыхъ. Анархисты, крамольники, мечтавшіе совершить переворотъ путемъ цареубійства, не только не служили означенному дѣлу, а напротивъ отдаляли отъ него. Философія исторіи строго осуждаетъ казнь Людовика XVI или Карла I не столько съ точки зрѣнія несправедливости и жестокости самого дѣянія, сколько со стороны полной его нецѣлесообразности. „Единственно что могло сдѣлать Карла опаснымъ, говоритъ о послѣднемъ Маколей, — это его насильственная смерть“... „подданные стали почитать память о немъ въ такой же мѣрѣ какъ ненавидѣли его особу, и потомство дало оцѣнку характеру его личности не столько по его дѣйствіямъ, сколько въ виду его страдальческой кончины“. (Hallam's constitutional history). Казнь Карла I имѣла прямымъ послѣдствіемъ возведеніе на престолъ его сына, при небывалыхъ взрывахъ народнаго восторга; казнь Людовика XVI не воспрепятствовала, а напротивъ содѣйствовала, возвращенію Бурбоновъ, съ проявленіемъ во всей силѣ ихъ реакціонной политики. Тоже самое неизмѣнно повторялось въ отношеніи конечныхъ результатовъ всякаго политическаго насилія. Дворцовыя революціи

XVIII столѣтія въ Россіи вели за собою только перемѣну личности — не системы. Вообще можно сказать — ни одинъ насильственный переворотъ въ государствѣ не достигалъ цѣли, которая замышлявшими его имѣлась въ виду. Солидныя, прочныя эволюціи въ жизни народовъ никогда не совершались внезапными вспышками увлеченія, такъ же скоро потухающими, какъ и возбуждаемыми. Если великіе геологическіе перевороты, которые прежде приписывались внезапнымъ взрывамъ или потрясеніямъ нынче объясняются преимущественно постепенными, вѣковыми раствореніями и отложеніями, — то еще въ большей мѣрѣ законъ этотъ примѣняется къ эволюціямъ совершающимся въ несказанно-сложной средѣ человѣческихъ обществъ: здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо только путемъ прилежной, непрерывной, кропотливой работы достигается накопленіе, съ послѣдовательнымъ наслоеніемъ, знаній и здравыхъ нравственныхъ началъ. Даже то, въ чемъ признавали исключительно творчество индивидуальнаго генія, по болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказывается продуктомъ многолѣтняго труда, какъ его лично, такъ и десятковъ поколѣній, своею неустанною, преемственною дѣятельностью, иногда въ теченіе вѣковъ подготовлявшихъ почву переворота, въ которомъ геній нашелъ конкретное свое выраженіе. Потому, повторяемъ, только медленнымъ, послѣдовательнымъ, колективнымъ трудомъ могутъ совершаться благотворныя измѣненія въ жизни народовъ, находящія выраженіе въ ихъ государственномъ устройствѣ; только продолжительная, неуклонная, по намѣченному пути направленная индивидуальная работа, совмѣщаемая и въ цѣлесообразной дѣятельности частныхъ союзовъ, можетъ утвердить и обезпечить на твердыхъ основаніяхъ общественное благоустройство, а съ нимъ и благосостояніе политическаго цѣлаго. Только тотъ переворотъ, въ которомъ находитъ кон-

кретное выраженіе годами накопленное народное сознаніе можно считать прочнымъ и плодотворнымъ. Твердыя основы и гарантіи англійской конституціи, какъ было объяснено, заключаются не въ декретированныхъ, подъ вліяніемъ измѣнчивыхъ теченій, формальныхъ законахъ, а въ уваженіи къ праву личности, вѣками внѣдрившемся въ сознаніи всѣхъ слоевъ общества отъ высшихъ до самыхъ низменныхъ.

Развитію такого сознанія ни мало не способствуютъ, говоримъ мы, предпринимаемыя политическими утопистами насильственныя дѣйствія. Дѣйствія эти преслѣдуются и не могутъ не подвергаться карѣ со стороны представительницы порядка — власти предержащей; такъ какъ установленный признаннымъ правительствомъ порядокъ, каковъ бы онъ ни былъ, все же обезпечиваетъ общество отъ всевозможныхъ вредныхъ, даже гибельныхъ случайностей въ большей мѣрѣ, чѣмъ насильственныя, крупныя перемѣны, единично и скрытно замышляемыя мелкими союзами, несоображающими—да и не имѣющими данныхъ для соображенія — какими послѣдствіями исполненіе ихъ замысла можетъ отразиться на всѣхъ многообразныхъ развѣтвленіяхъ обширнаго политическаго организма.

Столь рѣшительное призваніе къ порядку и непротивленію властямъ можетъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ и нелогичнымъ со стороны человѣка, убѣжденно признающаго долгомъ всѣхъ и каждаго неустанную борьбу противъ деспотизма власти и формализма церкви. Но именно въ предвидѣніи такого возраженія мы въ самомъ началѣ и высказались о крайней трудноисполнимости означеннаго долга.

Нанести одинъ смѣлый ударъ; быстро, единовременно исполнить хотя бы сопряженное съ большою опасностью дѣло — несравненно легче, чѣмъ годами настойчиво надъ нимъ трудиться, среди естествен-

ныхъ препятствій и всесторонне подставляемыхъ преградъ, въ предвидѣніи лишь отдаленнаго и можетъ быть не вѣрнаго успѣха. Вбѣжать въ пороховой погребъ съ зажженнымъ фитилемъ, столкнуть въ обрывъ шипящую, кружащуюся бомбу, внезапно поразить кинжаломъ тирана — на это и другое подобное рѣшались многіе; но посвятить годы и десятки лѣтъ на служеніе одной идеѣ, трудиться надъ развитіемъ и примѣненіемъ ея въ тиши, не ожидая ни наградъ ни славы — это составляетъ удѣлъ воистину избранныхъ, скромные труды которыхъ лишь единицами заносятся на страницы исторіи. Если не всецѣло къ столь высокому, героическому дѣлу, то къ подобному ему осмѣливаемся мы призывать честныхъ гражданъ земли русской, которые еще сохраняютъ вѣру въ будущность отечества, которымъ дороги возможныя для него благоденствіе и слава.

Сущность задачи и способы ея рѣшенія.

Великимъ подвигомъ ихъ должно быть ничто иное, какъ неуклонное служеніе правдѣ, ежечасное исповѣданіе ея въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, среди омута соблазновъ, лишеній и опасностей.

Правда Божья прежде всего выражается въ знаніи. Каждый долженъ всю жизнь неустанно работать не только надъ пріобрѣтеніемъ, наибольшимъ расширеніемъ круга своихъ знаній, но и надъ распространеніемъ ихъ среди окружающихъ, до послѣднихъ слоевъ общества. Учиться, учиться долженъ каждый даже до старости, на сколько хватаетъ его силъ и насколько доступно по его бытовымъ условіямъ. Но это еще не все. Великій Бэконъ обладалъ весьма обширными свѣденіями, что не помѣшало ему быть нравственно пре реннѣйшимъ человѣкомъ, даже среди въ конецъ развращеннаго круга современниковъ. Вопреки мнѣнію Бокля, отводящаго лишь второстепенную роль нравственнымъ началомъ, мы признаемъ, что желающій честно служить своему

отечеству долженъ не только пріобрѣтать знанія, но еще и неуклонно исповѣдывать то что признаетъ за истину: съ почитаніемъ преклоняться передъ творящими правду и добро, и напротивъ клеймить позоромъ попирающихъ то и другое, или по крайней мѣрѣ, не скрывая своихъ мнѣній, явно устраняться отъ идущихъ имъ наперекоръ, избѣгать всякаго общенія съ послѣдними, какою бы силою, какимъ бы формальнымъ авторитетомъ они не обладали.

Такими гонителями истиннаго знанія, такими первоисточниками попиранія священнѣйшихъ человѣческихъ правъ, заключающихся въ умственной и нравственной свободѣ личности, представляются въ Россіи, какъ было достаточно выяснено, самодержавная власть и ея вѣрная пособница господствующая православная церковь.

Открытая противъ нихъ борьба личности очевидно немыслима; дѣйствіе путемъ тайныхъ заговоровъ, въ видахъ насильственнаго переворота, какъ только что сказано, цѣли не достигаетъ; остается одно — борьба пассивная, но послѣдовательная, настойчивая неуклонная. Усиленно работать надъ пріобрѣтеніемъ и распространеніемъ знаній, изыскивать способы къ полезнѣйшему практическому примѣненію ихъ, и дѣлать все это въ тиши, настойчиво въ мѣрѣ возможности устраняясь отъ всего, что только имѣетъ характеръ повелѣванія, господства — вотъ скромная задача, которую ставимъ мы ищущимъ въ Россіи честной дѣятельности, т. е. посильной борьбы съ основными источниками зла и неправды. Задача, повторяемъ, очень не легкая, требующая много разума, устойчивости, самообладанія.

Образъ дѣйствій въ условіяхъ частнаго быта.

Если бы частный человѣкъ, задавшійся мыслью вышеобъясненной борьбы, рѣшился въ виду ея даже совсѣмъ устраниться отъ всякой общественной тѣмъ болѣе служебной дѣятельности, то и тогда едва ли

онъ имѣлъ бы данныя расчитывать, чтобы скромный трудъ его могъ быть совершаемъ спокойно, безъ помѣхъ, задержекъ и разныхъ поводовъ къ раздраженію. При осложнившемся въ высшей степени строеніи нынѣшнихъ политическихъ организмовъ, всѣ функціи даже совсѣмъ частной дѣятельности весьма между собою солидарны: а вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшимъ образомъ соприкасаются и переплетаются со многимъ, въ охранѣ, направленіи, или регулированіи чего правящая власть признаетъ прямую свою обязанность; такъ что изолировать себя отъ соотношеній съ этою властью и отъ ея вмѣшательства для частнаго лица оказывается дѣломъ безусловно не мыслимымъ. Съ одной стороны ближайшіе къ обывателю агенты власти, при желаніи легко находятъ поводы задерживать, тормозить, обезцѣнивать частный трудъ, съ другой — сулятъ весьма серьезныя выгоды для умѣвшихъ снискать ихъ расположеніе и покровительство; проявляютъ притомъ первое и второе въ формахъ показывающихъ, что очень многое, если не все, зависитъ отъ ихъ усмотрѣнія; въ виду всего этого, чтобы противустоять ближайшему давленію, угрозамъ или соблазнамъ, частное лицо должно обладать не малою дозою стойкости и выдающейся силою убѣжденія. Вооружась таковыми, скромный дѣятель совершаетъ истинно геройскій подвигъ: онъ или безмолвно склоняетъ голову передъ неодолимымъ, и продолжаетъ идти разъ намѣченнымъ тернистымъ путемъ, покорно перенося всякія помѣхи, уколы самолюбію, матерьяльныя потери; или вступаетъ въ трудное состязаніе, которое оканчивается почти всегда не въ его пользу. Но на это, повторяемъ, идутъ лишь весьма не многіе; къ сожалѣнію не одинъ даже изъ выдающихся частныхъ дѣятелей кончалъ тѣмъ что вступалъ въ сдѣлку съ представителемъ власти, пріобрѣталъ милостивое вниманіе, а съ нимъ и матерьяльные выгоды. Призывая къ

объясненному подвигу не единицы а массы, мы далеко не дѣлаемъ себѣ иллюзій, хорошо знаемъ, что призывъ этотъ едва ли скоро въ нихъ проникнетъ.

Образъ дѣйствій состоящихъ на службѣ.

Все сказанное до сихъ поръ относилось исключительно къ дѣятельности частной, стоящей внѣ сферы службы государственной и даже общественной. Къ этой службѣ, въ многоразличныхъ формахъ ея, привлечены однако тысячи людей живущихъ своимъ трудомъ, находящихся очевидно еще въ большей противъ частныхъ дѣятелей зависимости отъ власти правящей,— людей уже безусловно обязанныхъ исполнять ея требованія и указанія. Является, слѣдовательно, весьма важный вопросъ - должны ли изъ этой массы трудящихся тѣ, которые рѣшаются посвятить себя честной борьбѣ съ основнымъ разъѣдающимъ зломъ — должны ли они уклониться отъ службы не только въ арміи, флотѣ, администраціи, судѣ, но также по учебной части, земству, при телеграфахъ, почтахъ, дорожныхъ сообщеніяхъ, правительственныхъ сооруженіяхъ и проч. — уклониться собственно потому, что профессіи эти оплачиваются непосредственно изъ государственной или общественной казны, и что поступающіе на службу принимаютъ на себя передъ правительствомъ извѣстныя, формально скрѣпленныя обязательства? Вопросъ трудный къ разрѣшенію и, надо сознаться, весьма щекотливый.

Съ одной стороны всѣмъ честнымъ людямъ совсѣмъ уклониться отъ службы, какъ государственной такъ и общественной, значило бы повергнуть страну въ полную анархію, дойти до хаоса, въ самой мысли о которомъ заключается уже и безусловное ея осужденіе. Съ другой стороны — къ чему приложили бы свой трудъ, способности, знанія тысячи людей, которые состоятъ нынѣ на службѣ, и въ этой дѣятельности находятъ источники своего существованія? Устраниться, совсѣмъ оставить ее очевидно они не

могутъ, по соображеніямъ какъ разумно понимаемаго долга, такъ и своей собственной пользы.

Но служба правительству, предполагая покорное и точное исполненіе поставленныхъ имъ внѣшнихъ условій, не значитъ еще чтобы служащій обязывался внушеніямъ и взглядамъ правительства всецѣло подчинить свою личность, подчинить, такъ сказать, свое внутреннее существо. Требовать перваго имѣетъ несомнѣнное право принимающій другого на службу. Требованіе второго, напротивъ, есть прямое, вопіющее насиліе надъ разумомъ и совѣстью человѣка, надъ тѣмъ что составляетъ самую сущность его личности, надъ священнѣйшимъ изъ его правъ, Богомъ дарованною ему нравственной свободой. Отстаивать это право съ неизмѣнною твердостію безъ малѣйшихъ колебаній, обязанъ всякій уважающій себя человѣкъ, одинаково — состоитъ или не состоитъ онъ на службѣ. Состоящій на службѣ съ полною добросовѣстностью слѣдуетъ указаніямъ власти въ томъ, что касается его практической, конкретной дѣятельности; но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ за собою право обсуживать эти указанія и вообще дѣйствія правящихъ; съ точки зрѣнія своего личнаго, ни отъ кого не зависящаго убѣжденія давать имъ оцѣнку, одобрять или порицать ихъ, и выражать эти сужденія свои въ той мѣрѣ, въ какой осязательно не налагается на нихъ положительный запретъ.

Въ видѣ иллюстраціи того, что и состоящій на службѣ имѣетъ возможность сохранить за собою извѣстную дозу нравственной свободы, позволяемъ себѣ привести нѣсколько строкъ, изъ не такъ давно появившейся въ печати кореспонденціи одного изъ извѣстныхъ русскихъ дипломатовъ — „Pozzo di Borgo“, — который даже въ политикѣ умѣлъ подчинять свои дѣйствія требованіямъ совѣсти и нравственныхъ идеаловъ. Не ставя своею задачею „угадываніе тайныхъ мыслей и намѣреній своего госпо-

дина", „предоставленіе своего таланта всецѣло къ его услугамъ", онъ „имѣлъ свои собственныя идеи, свои убѣжденія, и добивался усвоенія ихъ другими". Dans les choses, ou les ordres sont positifs j'obéis; dans celles, ou mon jugement est libre, j'agis selon ma conscience et mes faibles lumières", — писалъ онъ Несельроду. Эти честныя, полныя смысла и правды слова могутъ быть приняты въ качествѣ нравственнаго кодекса всякимъ состоящимъ на службѣ абсолютной монархіи: тамъ гдѣ есть точныя положительныя указанія надо покорно ихъ исполнять, или уходить; гдѣ ихъ нѣтъ — дѣйствовать согласно убѣжденію, направляемому свободнымъ разсудкомъ, и въ особенности не забѣгать впередъ на встрѣчу невысказаннымъ, а лишь угадываемымъ тайнымъ помысламъ своего господина. Именно это забѣганіе впередъ, это угадываніе тайныхъ мыслей, въ особенности желаній начальства и составляетъ до крайности развитое, основное зло всякой правительственной службы.

Чтобы сколь возможно низвести вопросъ на практическую почву, скажемъ такъ: поступая на службу, я несомнѣнно долженъ изучить, примѣнить и въ мѣрѣ способности передать подчиненнымъ всю технику избранной мною спеціальности, заключающуюся въ законахъ, регламентахъ, уставахъ, положеніяхъ и проч. Но идти далѣе, направлять работу мысли на то чтобы сдѣлать больше — нѣтъ ни основанія, ни уважительной причины. Располагающій властью можетъ приказать мнѣ дѣлать именно такъ а не иначе — я исполняю. Но спрашивать и приводить въ извѣстность почему я такъ дѣлаю, отчего не измышляю самъ чего либо въ томъ же духѣ, въ какой мѣрѣ сочувствую взглядамъ и видамъ правящихъ, одобряю или порицаю ихъ — значило бы вторгаться въ область моихъ личныхъ мыслей, чувствъ и желаній — моего внутренняго существа, на что положи-

тельныя требованія или указанія распространяться отнюдь не должны и не могутъ.

Абсолютная государственная власть нарушаетъ этотъ принципъ. Пользуясь содѣйствіемъ всегда послушной своей прислужницы — церкви, правительство, въ формѣ принудительнаго привлеченія служащихъ къ ежегодной исповѣди и требованія присяги, не только отъ добровольно, но и отъ обязательно поступающихъ на службу, — налагаетъ руку на совѣсть человѣка, т. е. совершаетъ, какъ было выяснено, самое грубое, самое жестокое насиліе. Но прибѣгая къ такому пріему обезпеченія за собою какъ бы чтенія въ мысляхъ подчиненныхъ, правящая власть не можетъ не признать, что клятва данная подъ угрозою лишенія весьма существенныхъ гражданскихъ правъ равносильна показанію исторгнутому истязаніями пытки; что слѣдовательно и нарушеніе вызваннаго насиліемъ слова, хотя бы скрѣпленнаго клятвою, строгому осужденію не подлежитъ. Согласно евангельскому ученію, свободно, осмысленно сказанныя д а или нѣ т ъ для честнаго человѣка должны имѣть большее значеніе, чѣмъ всѣ формальности церковныхъ таинствъ и клятвъ, возбраняемыхъ тою же евангельскою заповѣдью.

Къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ присущей человѣку слабости, состоящіе на службѣ, или ищущіе ея, не ограничиваются утратою своей нравственной свободы; даже неизбѣжнымъ подчиненіемъ волѣ власть имѣющихъ, вмѣстѣ съ внѣшними дѣйствіями, и части своего внутренняго существа; они, какъ было упомянуто, сами стремятся читать въ мысляхъ начальства, угадывать желанія правящихъ, и въ исполненіи забѣгать впередъ. Въ этомъ именно заключается одинъ изъ великихъ недуговъ современнаго русскаго общества. Хотя бы самодержецъ положительныхъ приказаній не отдавалъ и даже косвенно не выражалъ своихъ желаній, — мы въ рабскомъ

усердіи стараемся ихъ предугадать и предупредить своими дѣйствіями. А такъ какъ въ самой идеѣ самодержавія и подчиненной ему православной церкви кроется начало произвола и неправды, то и воспріятіе этой идеи частями раболѣпствующаго организма не можетъ конкретно выразиться иначе, какъ въ самоуниженіи, искательствѣ, своекорыстіи, лицемѣріи, всякаго рода лжи, косности, мракобѣсіи и насиліи — во всѣхъ этихъ естественныхъ проявленіяхъ духа тьмы, заклейменныхъ его печатью. И пусть не заблуждаются тѣ, которые въ оправданіе свое говорятъ, что они не принимали прямого, активнаго участія въ злостныхъ дѣйствіяхъ власти и ея агентовъ. Правда, скажетъ имъ грозный судья, вы не сдѣлали движенія, можетъ быть и не произнесли слова въ поощреніе совершителямъ нравственныхъ убійствъ, гасителямъ свѣта, душителямъ разума и воли; но вы и не отвернулись отъ нихъ съ должною видимостью, не осудили ихъ хотя бы строгимъ взглядомъ; напротивъ —искали съ ними встрѣчи, прямо смотрѣли имъ въ глаза; болѣе того — своими привѣтливыми улыбками указывали имъ путь въ тайники тѣхъ святилищъ, гдѣ ютились послѣдніе остатки попираемаго ими человѣческаго достоинства. Пусть серьезно подумаютъ объ этомъ тѣ, которые жадно ищутъ лицезрѣнія высшихъ представителей власти, и на разныхъ церемоніяхъ, парадахъ, празднествахъ низко кланяются имъ, съ подобострастнымъ выраженіемъ преданности. Можетъ быть яркая краска стыда покростъ лица тѣхъ, совѣсть которыхъ еще не совсѣмъ утонула въ грязи!...

Возражая намъ, могутъ еще сказать, что присутствованіе на разныхъ церемоніяхъ обязательно, по крайней мѣрѣ для высшихъ чиновъ служебной іерархіи. Позволяемъ себѣ думать, что это не совсѣмъ такъ: заявившій свою способность, добросовѣстно потрудившійся надъ докладомъ начальникъ управле-

нія имѣетъ полную возможность, при добромъ желаніи, уклониться на другой день отъ появленія на царскомъ выходѣ, или молебствіи, чему, хотя въ видѣ рѣдкаго исключенія, и представляло примѣръ поведеніе немногихъ честныхъ государственныхъ дѣятелей. Есть наконецъ церемоніи и пиршества, объ участіи въ которыхъ не отдается положительныхъ приказаній и куда тѣмъ не менѣе стремятся толпами ищущіе благоволѣнія власти,—большіе и малые.

Оправданія слабости утилитарными цѣлями.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что это залезаніе впередъ, эта жажда лицезрѣнія высокихъ особъ и необходимаго при этомъ отвѣшиванія имъ поклоновъ составляетъ распространенную слабость не однихъ служащихъ, а всего русскаго общества,—слабость, которой не разъ отдавали дань даже выдающіеся труженики мысли, люди повидимому честныхъ убѣжденій, оправдывавшіе свое заискиваніе только утилитарными цѣлями, видами на пріобрѣтеніе такимъ путемъ существенныхъ матерьяльныхъ благъ не для себя лично, а для общества, для того или другого признаваемаго несомнѣнно полезнымъ учрежденія. Спеціалистъ, примѣнившій пріобрѣтенныя многолѣтнимъ трудомъ обширныя научныя познанія къ практической дѣятельности, обращается въ концѣ концовъ къ покровительству представителя высшей бюрократіи, въ видахъ поддержанія своего дѣла, черезъ назначеніе правительственной субсидіи. Выдающаяся труженица, много и осмысленно поработавшая въ дѣлѣ народнаго обученія, встрѣтивъ хорошо извѣстныя преграды къ развитію самостоятельнаго труда своего, ищетъ представленія высокимъ лицамъ отъ которыхъ (какъ оказалось ошибочно) ожидаетъ участія и помощи. Почти ни одно изъ ученыхъ, благотворительныхъ и другихъ обществъ не обходится безъ избранія въ предсѣдатели, покровители, или безъ поднесенія почетнаго титула, одной изъ Высо-

чайшихъ особъ, какъ будто бы безъ этого не могла развиваться полезная дѣятельность учрежденія. Что собственно даетъ ему поставленное во главѣ устава имя того или другого Высочества? Нѣсколько сотень, скажемъ — тысячъ рублей, пожертвованныхъ этимъ Высочествомъ и его приближенными, или выпрошенныхъ при его содѣйствіи у правительства. Но развѣ этимъ выкупается стѣсненіе свободы преній подъ давленіемъ присутствія высокой особы, а главное — духъ лицемѣрія, выражающійся въ знакахъ почитанія и восхваленія титулованныхъ лицъ, ничѣмъ того не заслужившихъ, — духъ такъ или иначе кладущій печать неправды на самый характеръ дѣла. И никому изъ участниковъ или членовъ подобныхъ обществъ не приходитъ въ голову, или недостаетъ смѣлости заявить, что такое принесеніе въ жертву утилитарнымъ цѣлямъ чистоты средствъ есть ничто иное, какъ недостойное слѣдованіе по стопамъ заслуженно осужденнаго исторіей, нѣкогда всесильнаго монашествующаго ордена. Но, какъ видно, раскрытіе исторической истины для насъ руководящаго этическаго значенія не имѣетъ. Искать встрѣчи съ высокимъ лицомъ, чтобы привѣтствовать его льстивымъ словомъ, поклономъ, улыбкою, стало общею для русскихъ привычкою, иногда даже внѣ всякихъ опредѣленныхъ цѣлей, прямо какъ бы потребностью натуры.

И какимъ образомъ могъ бы самодержецъ уразумѣть неправоту своихъ дѣйствій, когда отвсюду слышитъ онъ только одобреніе, восхваленіе его благихъ намѣреній и мудрости; когда ни одно слово смѣло высказанной правды не достигаетъ его слуха; когда, хотя бы случайно раздавшійся вопль скорби и страданія, какъ отъ Ходынскихъ самоизбіеній, или изъ пораженныхъ голодомъ мѣстностей, безслѣдно теряется подъ впечатлѣніемъ кликовъ восторга, которыми, при всякомъ появленіи высокой особы, оглаша-

ютъ воздухъ народныя массы, увлекающія своимъ неосмысленнымъ стаднымъ порывомъ и представителей такъ называемой интеллигентной среды.

Конечный выводъ о нравственныхъ обязанностяхъ русскаго.

Тѣ, въ которыхъ сохранилась еще Богомъ вложенная искра совѣсти, сознанія долга и нравственной свободы, пусть найдутъ въ себѣ гражданское мужество уклониться хотя бы отъ этихъ стадныхъ движеній; пусть начнутъ хотя бы только съ этого скромнаго протеста. Внѣ тѣснаго круга, явственно очерченнаго формальными служебными и полицейскими требованіями, свободно и настойчиво выражайте трудомъ мысли выработанные взгляды, ваши задушевныя, честныя убѣжденія. Многіе изъ уѣздныхъ Комитетовъ о сельско-хозяйственной промышленности недавно еще положили начало такому роду дѣйствій, подали примѣръ, который несомнѣнно сохранится въ исторіи и найдетъ вполнѣ заслуженное воздаяніе въ оцѣнкѣ добросовѣстныхъ лѣтописцевъ. Не остановимся наконецъ на этомъ, пойдемъ далѣе. Вамъ запрещаютъ свободно говорить въ собраніяхъ, выражать мысли ваши въ печати; но самый крайній деспотизмъ не можетъ лишить васъ права молчанія. Васъ могутъ силою притянуть къ участію въ разныхъ церковныхъ или другихъ церемоніяхъ и торжествахъ; но не ходите добровольно на безсмысленныя собранія, гдѣ раболѣпствующая толпа гнетъ спину и кривляется передъ иконами, или передъ глазами деспота и его приближенныхъ. Вы лишены возможности открыто выступить обличителями неправды не только передъ нимъ, но и передъ всякими приспѣшниками деспотизма, особенно передъ близкими царю, лишь за немногими исключеніями всецѣло погрязшими въ порокѣ; но пусть ваше отсутствіе въ средѣ ихъ, ваше молчаніе, вашъ неизмѣнно строгій взглядъ, послужатъ уликою ихъ грязныхъ,

корыстныхъ, неразумныхъ дѣяній. Учитесь, примѣняйте свои познанія сколь возможно болѣе въ тишинѣ, въ дали отъ соблазновъ величія и офиціальности; можете наконецъ нести правительственную службу, работать даже при самомъ деспотѣ; но твердо держите въ памяти, что первый и священный долгъ вашъ есть служеніе не ему, а великой правдѣ Божіей, въ сознаніи вашемъ пребывающей; остерегайтесь измѣнить ей не только словомъ, но хотя бы однимъ выраженіемъ лица, движеніемъ глазъ. (1) Прибавимъ, что очерченная здѣсь программа отнюдь не представляетъ собою продуктъ однихъ лишь теоретическихъ, безпочвенныхъ измышленій. Напротивъ, близкая намъ, хорошо констатированная дѣйствительность удостовѣряетъ въ несомнѣнной возможности исполненія. То что совершается въ послѣдніе годы на одной изъ окраинъ государства можетъ послужить въ этомъ отношеніи наглядным, полезнымъ и внушительнымъ примѣромъ: Финляндцы въ мѣрѣ возможности не уклоняются отъ службы въ подчиненныхъ административныхъ, судебныхъ учрежденіяхъ своего отечества; при открытіи, закрытіи сейма вотируется даже выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ. Но государь Россіи и его правительство не могутъ питать на этотъ предметъ никакихъ иллюзій. Всѣмъ образомъ дѣйствій своихъ — легальнымъ, серьезнымъ и сдержаннымъ — Финляндцы даютъ понять, что это выраженіе чувствъ есть не болѣе какъ вынужденная давленіемъ формальность; что они только по необходимости подчиняются этому

(1) Кто напримѣръ изъ честныхъ, разумныхъ людей могъ отнестись иначе какъ съ негодованіемъ къ извѣстнымъ Московскимъ рескриптамъ 9-го марта 1900 г. — иначе какъ чувствомъ сожалѣнія и горечи встрѣтить подписавшаго ихъ. Выраженіемъ именно этого чувства и должна сопровождаться всякая встрѣча съ нимъ; серьезнымъ нѣмымъ выраженіемъ скорби и сожалѣнія, — отнюдь не глубокими поклонами и не подобострастными улыбками.

давленію, но что истинной преданности народъ не можетъ имѣть къ правительству незаслуженно и безпричинно лишившему его правъ, около ста лѣтъ назадъ за нимъ признанныхъ, или по крайней мѣрѣ десятки лѣтъ практически примѣнявшихся въ народной жизни безпрепятственно.

Точно также жители коренной Россіи своимъ образомъ дѣйствій должны показать, что они не могутъ питать довѣрія, тѣмъ болѣе преданности къ правительству, попирающему не формальными актами утвержденныя, а еще болѣе священныя, самимъ Богомъ дарованныя человѣку права — свободы слова, мысли и вѣрованія.

Первоисточниками гоненія этихъ правъ, повторяемъ и будемъ безъ конца повторять, являются самодержавная власть и всегда готовая къ услугамъ ея церковь. Рѣшительное состязаніе съ ними борьба общества, такъ сказать, на жизнь и смерть, разумѣется не можетъ обойтись послѣднему безъ чувствительныхъ жертвъ и лишеній. Не одинъ частный труженикъ долженъ готовиться къ тому, что отказъ отъ угожденія властямъ нанесетъ серьезные ущербы его дѣлу; не одинъ честно-служащій увидитъ свое усердіе, знанія, способности затоптанными въ грязь; не одно благотворительное или ученое общество, съ утратою покровительства высокихъ особъ, встрѣтитъ значительно большія затрудненія въ проведеніи своихъ ходатайствъ или защитѣ своихъ привилегій. Но всѣ эти трудности, испытанія, утраты могутъ ли идти въ сравненіе, хотя бы въ слабой степени стать на ряду съ охватившимъ Россію зломъ, источникомъ всякой неправды, разврата и насилія, — зломъ, господство котораго несомнѣнно на многіе вѣка обезпечила бы существующая система.

Окружающая среда, семейныя условія, воспитаніе, традиціи, — все это опирающееся на заблужденія народныхъ массъ — создали для русскаго самодер-

жавія такой оплотъ, одолѣть который не легко, но по нашему мнѣнію и не представляется невозможнымъ. Шумнымъ, стаднымъ овацiямъ невѣжественной толпы противупоставьте ежечасное осужденіе со стороны интеллигентныхъ единицъ, негодованіемъ отмѣчающихъ всякую неправду, если бы она исходила даже съ высоты трона. Болѣе всего, повторяемъ опять, не расчитывайте на возможный успѣхъ какого бы ни было внезапнаго, насильственнаго переворота: помните, что вы имѣете врага отнюдь не въ лицѣ самодержца, — не въ Александрѣ, Николаѣ, готовыхъ въ будущемъ Михаилѣ или Владиміровичахъ, — а въ идеѣ самодержавія. Кинжалъ, ядъ, револьверъ или динамитъ противъ идеи одинаково безсильны. Съ нею можно бороться только ея же оружіемъ: когда внесете вы лучъ здравыхъ понятій въ среду народныхъ массъ, когда свѣтильникъ истины затеплится и въ убогомъ жильѣ простолюдина, тогда, укрывшаяся за стѣною предразсудковъ, идея деспотизма должна будетъ капитулировать и покорно сложитъ передъ вами оружіе. Тихо, спокойно ведите борьбу, шагъ за шагомъ, но твердо и настойчиво подвигайтесь къ намѣченной цѣли. Слава громкихъ подвиговъ — не вашъ удѣлъ; но за вами судъ исторіи, справедливая оцѣнка потомствомъ вашей скромной, честной дѣятельности.

Мильтонъ, въ одной изъ поэмъ своихъ, обличая ошибку бойцовъ, которые въ увлеченіи боемъ упустили изъ виду самую цѣль его, — выразилъ это стихомъ:

„Oh, ye mistook!“..... „Without the rod reversed,
And backward mutters of dissevering power,
We cannot free the lady that sits here,
Bound in strong fetters, fixed and motionless“.

Позволяя себѣ, хотя въ весьма несовершенномъ

переводѣ, передать вдохновенныя слова передового поборника народныхъ правъ, скажемъ и мы:

То заблужденіе!.... Пока не обратите
Вы остріе жезла на снятье злобной силы,
Намъ плѣнницы не развязать оковъ,
Подъ властью чаръ томимой безъ движенья.

Не гонитесь за нанесеніемъ удара мечомъ волшебнику-тирану и его приспѣшникамъ: для снятія цѣпей съ многострадальной плѣнницы-свободы прежде всего надо разсѣять чары, которыми съ давнихъ поръ прикованъ отуманенный народный разумъ къ очагу заблужденій. Въ этомъ — святое призваніе, благородная задача современной Россіи.

Окончено въ іюнѣ 1900 г.
(Дополненія до 1903 г.)

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

страница	строка:		Напечатано:	Слѣдуетъ читать
45	19	сверху	яблоки	яблони
69	5	„	съ	къ
192	29	„	приводитъ	приводить
279	23	„	тер-аетъ	терзаетъ
332	10	„	созоювъ	союзовъ
416	19	„	поступаться	поступиться

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ОГЛАВЛЕНІЕ

Страница.

Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія 3
Вступленіе 11

Часть I. Общія и Основныя Начала.

Глава I. Что мы знаемъ. Предѣлы знанія намъ доступнаго. . 18
Глава II. Какимъ путемъ и въ какомъ порядкѣ формируются понятія, обобщенія, сужденія 24
Глава III. Нормальное міровоззрѣніе человѣка достигшаго зрѣлости.
A. Способы или методы пріобрѣтенія знаній. Намѣченный кругъ изслѣдованій . . . . . , 48
B. Внѣшній міръ. Основныя идеи. Предѣлы обобщеній. 56
C. Значеніе человѣка въ системѣ мірозданія.
1. Неизмѣнный законъ. Воля. Нравственныя начала. Внутренніе и внѣшніе мотивы. 87
2. Анализъ явленій вызываемыхъ внѣшними мотивами. Ученіе матерьялистовъ и противуположное ему признаніе духовнаго элемента источникомъ и сущностью жизни. Разныя категоріи духовной дѣятельности. 109
3. Анализъ нѣкоторыхъ изъ этихъ категорій. Простые рефлексы. Автоматизмъ, инстинкты, безсознательная мозговая работа, гипнотизмъ. . . 133
4. Наслѣдственность душевныхъ качествъ. Прирожденныя идеи 184
D. Представленіе о верховномъ существѣ 190

Часть II. (практическая) Приложеніе Общихъ Началъ

Общій планъ второй части. 205
Отдѣлъ I. Объ отношеніяхъ человѣка къ верховному существу. 207
Отдѣлъ II. Объ отношеніяхъ человѣка къ средѣ въ которой онъ живетъ. 233
Глава I. Союзъ Государственный. Его совершенствованіе, преуспѣяніе и вліянія разлагающія 234
Глава II. Гарантіи противъ разлагающихъ элементовъ и противодѣйствіе этимъ гарантіямъ: народное представительство и его критики 246
a) Предъявленіе къ народному представительству идеальныхъ требованій и устраненіе сравненій . . . 249

b) Указаніе слабыхъ сторонъ его не въ существѣ, а въ формѣ. 257
c) Неправильныя ссылки на историческія данныя . . 267
Глава III. Послѣднее убѣжище противниковъ народнаго представительства въ исключительномъ Государственномъ устройствѣ Россіи. Русская самобытность и элементы ея опредѣляющіе 282
a) Православіе. 284
b) Самодержавіе 285
c) Вліяніе этихъ элементовъ на жизнь и будущность государства. 301
d) Община. 305
e) Конечный выводъ о значеніи вышесказанныхъ элементовъ. 307
Глава IV. Несостоятельность абсолютизма выясняемая на основаніи общихъ соображеній о внутренней жизни государствъ. 312
a) Въ абсолютизмѣ главный источникъ централизаціи и вытекающихъ изъ нея золъ. 313
в) Отступленіе: замѣтки о государственномъ соціализмѣ 327
c) Вліяніе абсолютизма и централизаціи на народную нравственность. 336
Глава V. Примѣненіе вышеустановленныхъ положеній въ особенности къ Россіи. Сужденія выдающихся мыслителей. 343
a) Коренной недугъ Россіи и періодъ выдающагося проявленія его. 355
б) Огрубеніе нравовъ въ погонѣ за величіемъ государства. 363
в) Наша цивилизующая миссія на Востокѣ. 368
д) Преслѣдованіе инородцевъ и иновѣрцевъ. 369
e) Иллюстрація положенія Россіи неурожаемъ 1891-го г. 377
f) Перечисленіе другихъ мѣропріятій въ послѣднее двадцатилѣтіе. Мѣры безусловно вредныя. . . . 399
g) Приписываемыя правительству полезныя дѣйствія. Внѣшняя политика Россіи. 401
Наши финансы. 418
Конечное заключеніе — объ обязанностяхъ личности по отношенію къ государству (въ примѣненіи этого только къ Россіи). 454